СЬЮ БЕРК
Первоклассная фантастика, умная и увлекательная.
АДРИАН ЧАЙКОВСКИ
СЕМИОЗИС
FANZON

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Финалист премий «Локус», «Китчис», «Хьюго», премии Артура Ч. Кларка и Мемориальной премии Джона В. Кэмпбелла.

Вынужденные высадиться на планету, про которую они ничего не знают, люди полагаются только на собственные ограниченные ресурсы. Планета покрыта пышной растительностью, а на деревьях растут вызывающие привыкание плоды. Корни странной флоры сплетаются в руинах древней инопланетной цивилизации. Но чтобы выжить, колонистам придется вступить в симбиоз с разумным растительным видом, цели которого неизвестны.

«Сочетает в себе мир “Аватара”, инопланетное чудо “Прибытия” и человечность Маргарет Этвуд. Важнейшее произведение для нашего времени». – — Стивен Бакстер

«Это один из лучших романов, близкий по тематике к произведениям Урсулы К. Ле Гуин: научная фантастика в ее самом захватывающем и самом человечном виде». – Thrillist

«Увлекательный мир». – The Verge

«Роман, заставляющий читателя пересмотреть представления о сознании. Он великолепно написан, нет ни единой унции лишнего жира. Теперь находится в моей стопке книг, которые нужно перечитать». – Таде Томпсон

«Завораживающее размышление о влиянии биохимии на человечество». – Locus

«Роман раскрывает старую и традиционную научно-фантастическую идею первого контакта с новаторской стороны». – The Christian Science Monitor

«Автор строит исключительный мир, а ее умение сочетать тонкости колонизации с ботаникой и теориями мутуализма и хищничества просто поразительно». – Booklist

«Свежий и увлекательный взгляд на вопрос освоения планет». – The Bibliosanctum

«Наполненный вопросами о природе интеллекта и о том, как мы к нему относимся, а также о месте человечества во Вселенной, роман становится провокационным». – Fantasy Literature

«Интеллектуальная, захватывающая и в конечном итоге оптимистичная книга, задающая большие вопросы и дающая на них достойные ответы». – Эмма Ньюман

«Это первоклассная фантастика, умная и увлекательная, и я дорожил каждым мигом, проведенным наедине с ней». – Адриан Чайковски

«Автор сочетает науку и приключения с увлекательными

персонажами, описывая отчаянные попытки человеческой колонии влиться в экосистему чужого мира». – Дэвид Брин

«Роман о первом контакте, подобного которому вы еще не читали. Именно для таких историй и была придумана научная фантастика». – Джеймс Патрик Келли

«Берк создала один из самых увлекательных инопланетных видов, которых видели читатели научной фантастики в этом десятилетии». – Дэвид Николс

«Захватывающая история о колонизации и инопланетной биологии». – Грегори Фрост

«Фантастический дебют в своем жанре. Этот роман не потеряет свою актуальность еще многие годы». – Профессор Дэниел Чамовиц, директор Центра биологических наук о растениях Манна при Тель-Авивском университете

Сбежав от многочисленных войн, экологической катастрофы и диктатуры коррумпированных правительств, группа землян пытается обосноваться на новой планете Мир. Годы анабиоза не прошли даром: люди ослаблены, их мало, а непознанный Мир полон опасностей. Но бояться стоит не только стихий, хищников и голода – здесь обитают разумные существа, под нужды которых колонисты должны подстроиться, чтобы выжить. И новое человечество становится симбионтом для уникального вида растений – радужного бамбука, который готов помочь им. Но так ли безопасно такое сотрудничество? Ведь разумный бамбук – доминантный и агрессивный вид.

- Сью Берк
  -
  - Октаво год 1 – поколение 1
  - Сильвия год 34 – поколение 2
  - Хиггинс и бамбук год 63 – поколение 3
    - Хиггинс
    - Бамбук
    - Хиггинс
    - Бамбук
    - Хиггинс
    - Бамбук
    - Хиггинс
    - Бамбук
    - Хиггинс
    - Бамбук
  - Татьяна год 106 – поколение 4
  - Най год 106 – поколение 6
  - Люсиль и стивленд год 107 – поколение 7

        - Люсиль
        - Стивленд
        - Люсиль
        - Стивленд
    - Бартоломью год 107 – поколение 5
    - Об авторе

Сью Берк
Семиозис

Я благодарна Грегори Фросту: его письменный экзерсис о стене особого рода породил этот роман. Также спасибо моей золовке Кэтлин Дейли Берк, одолжившей мне своего вымышленного зверя из детства, фиппокота. А еще спасибо тем многим, кто помогал мне замечаниями и подсказками. Вариант первой главы был ранее опубликован в журнале LC-39.

Sue Burke
SEMIOSIS
Copyright © 2018 by Sue Burke
Опубликовано с разрешения автора и его литературных агентов: Литературное агентство Дональда Маасса (США) при содействии Агентства Александра Корженевского (Россия)
© Т. Черезова, перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Октаво год 1 – поколение 1

Преисполненные благодарности за эту возможность создать новое общество в абсолютной гармонии с природой, мы заключаем этот договор, обещая друг другу взаимное доверие и поддержку. Нас ждут лишения, опасности и, возможно, полный провал, но мы будем стремиться к тому, чтобы применять житейскую мудрость в стремлении к радости, любви, красоте, сообществу и жизни.

Из Конституции «Мирного Содружества», написанной на Земле в 2065 г.

Война началась задолго до нашего появления, потому что война была для них образом жизни. Не успели мы понять, что происходит, как эта война унесла первые жертвы – вечером, который казался тихим. Но и тогда мы понимали, что нам вполне может грозить опасность.

Моя жена Паула покачала головой и вышла из радиобудки на площади нашей деревушки.

– Опять слишком много помех. Попытаюсь еще раз, но, если они не ответят, начнем поиски.

Час назад три женщины ушли собирать плоды. Они не вернулись, не отвечали на вызовы – а солнце уже опустилось почти к верхушкам деревьев.

Вокруг нас крошечные древесные ящерки завели свои вечерние перезвоны и уханье. Девятилапые крабы бесшумно охотились на ящерок. Ветерок был горьковато-сладким, – возможно, что-то расцвело. Мне следовало бы знать, что именно, но я не знал.

Мы с Ури чинили поливальный насос, но я понимал, что все его мысли были об одной из тех женщин, Нинии. Он только недавно начал с ней жить – и сейчас щурился на шедшую по полю тропу, по которой она ушла. А потом его вернуло в реальность: ветер обернул его длинную светлую бороду вокруг ручки насоса. Он опустился на колени, чтобы ее распутать. Я снял с пояса нож, поглаживая свою короткую бородку. Он поднял палец. Он был

славянином, а настоящий славянин бороду никогда не обрезает.

Паула вернулась к работе, устроившись поблизости за грубо сколоченным столом: она пыталась разобраться с метеоданными. Широкополая соломенная шляпа удерживала ее рыжие волосы и защищала кожу от солнца. Она глубоко вздохнула и размяла затекшую спину. Нам всем приходилось сражаться с более сильной гравитацией. Наконец она снова зашла в радиобудку.

Все бросили свои дела и стали слушать. Стенами будки стали панели от посадочного модуля, а крышу сложили из древесной коры, так что слышно было хорошо.

– Алло!.. Ниния? Зия? Кэрри?

Помехи.

– Алло!.. Это Паула. Вы меня слышите?

Помехи.

– Ниния, Зия, Кэрри! Вы на связи? Алло! – Чуть выждав, она вышла на площадь. – Может, опять батарейки сдохли. Идемте их искать.

Стараясь говорить спокойно, она попросила Рамону принести аптечку, а Мерла – взять радио с микрофоном и слушать свистки. Еще нам понадобятся люди на трое носилок и кто-то с оружием – стандартная рабочая процедура. Ури взял винтовку.

Мы двинулись на запад по ровному луговому склону к белой полоске лиан и деревьев в километре от поселка, стараясь идти как можно быстрее. Часть рассыпанных по небу низких облаков уже окрасились в розовый цвет. Из-за более высокой гравитации атмосфера становилась разреженной на довольно малой высоте, так что облака всегда висели низко. Мы прошли через длинное поле, которое засеяли местной травой, похожей на земную дикую пшеницу, – ее зеленые ростки уже поднялись почти до щиколотки. В воздухе пахло влажной землей, и шипастые, похожие на гусениц создания, размером с палец, ползали по ее поверхности, заглатывая крупные комки почвы и выдавая темные испражнения, напоминавшие хороший навоз. Эти гусеницы могли оказаться какими-то личинками. У нас был только один способ это выяснить – подождать.

Однако меня тревожил сам факт наличия пшеницы. Эта пшеница была очень похожа на земную траву, а где трава, там и травоядные – возможно, животные вроде газелей, лосей или слонов. Пока мы видели только мелких животных, объедающих побеги, и хищников, похожих на земляных крабов с трехсторонней симметрией, но находили и куски от панцирей от крупных крабов и больших наземных кораллов с каменными панцирями и жгучими щупальцами. Никто из нас никуда не ходил босиком.

Ури с Мерлом шли первыми, указывая на кочки с сухой травой или яркие кусты кораллов, где что-нибудь могло прятаться и выскочить. Ящерки при нашем приближении стремительно разбегались. При большей силе тяжести предметы падали быстрее и животные быстрее двигались. Мы, люди, были медлительными и невежественными – все еще чужаками. Я увидел нору и направил в нее луч фонарика. Что-то внутри гавкнуло, и мы вздрогнули.

– Просто птица, – сказал Мерл.

Нелетающие животные, формой напоминающие птиц с колючими перьями, шмыгали по окрестностям днем и ночью, и, хотя среди них встречались довольно крупные, опасными они не казались. Мы пошли дальше.

Мерл на ходу возился с настройками радио, делая перерывы, когда Паула свистела. В этом более плотном воздухе звуки разносились далеко – но ответом были только певучие переклички красноглазых летучих мышей, проносящихся над нами.

Мы успели вспотеть и запыхаться, когда наконец добрались до западного края луга, где переплетенный лианами подрост образовал стену шириной в километр, а длиной в несколько километров. Стройные деревья с серой корой, напоминающие осины, достигали высоты двухэтажного дома, а их листья увядали из-за нехватки воды: сухой сезон или засуха – Паула точно сказать не могла. Их опутывали белоснежные лианы – коленчатые, словно бамбук, но усеянные шипами. Они сплетались так плотно, что за ними почти ничего не было видно. Еще одни заросли снежных лиан поднимались на восточной стороне луга сразу за нашим поселком. Я был слишком занят поисками зерновых и не особо присматривался к этим зарослям, но успел выяснить, что лианы паразитировали на деревьях.

А еще эти лианы спасли нас от голода. Вскоре после нашего приземления в восточных зарослях быстро поспели оранжевые плоды, похожие на прозрачную хурму, и такие же недавно появились на западных лианах. Плоды оказались безопасными, содержали много витамина С, а вкусом напоминали канталупу.

Женщины у этих лиан побывали. Слева мы видели спелые плоды, а справа лианы были полностью обобраны. Мы повернули направо – на север. Впереди текла река, пересекавшая и западные, и восточные заросли и наш луг. Нам предстояли долгие поиски, но солнце уже заливало все золотым светом, так что каждый взгляд напоминал нам, что время уже позднее. Нам нельзя было останавливаться, чтобы перевести дух.

Ури направил свою энергию вовне. Он подкрался к высокому

кусту с синими листьями, словно за ним ждала засада. Театрально замерев, он метнулся за него, громко пересказывая ход военной игры, в которой он участвовал в русской армии.

– Мы видим впереди лазеры и знаем, куда целиться!

Он внезапно замолчал.

Я перешел на бег еще до того, как мы услышали его вой.

Все три женщины лежали за кустом, а корзины со снежными плодами стояли рядом с ними. Ури проорал имя Нинии, словно ее можно было разбудить. Упав рядом с ней на колени, он попытался нащупать пульс у нее на шее, и его крик захлебнулся. Я взял Зию за запястье. Ее рука была холодной и вялой. Кэрри сонно смотрела перед собой, а на ее глазу устроилась пара ящерок. Я судорожно сглотнул и отвернулся.

Тем не менее мы ожидали чего-то значительно более страшного. Я старался приготовиться к растерзанным трупам, возможно полусъеденным или обезображенным коралловыми ожогами – признакам нападения и хищничества в борьбе за выживание. Казалось, женщины просто заснули.

Это была мирная смерть. Неправильная.

Мы озирались, испуганные и молчаливые. Что-то убило их – непонятно, как и почему.

– Давайте заберем их домой, – проговорила Паула негромким, но ровным голосом.

Мы начали раскладывать носилки.

* * *

Мы оплакивали их той ночью на площади нашей деревеньки, и огонь горел в очаге из глины и камня, который сложила Зия. Некоторые негромко переговаривались, устроившись на скамейках в углу под навесом из солнечных батарей. Из тех пятидесяти человек, что покинули Землю, сейчас остался только тридцать один. Ури, высокий и тощий, словно пугало, стоял, глядя на поля, где разнообразные светлячки мигали, словно звезды под яркими ореолами. Этим насекомым было нужно, чтобы их видели, – по причинам, известным только им самим.

Хедике, который на Земле был профессиональным музыкантом, заиграл на флейте серенаду, но мелодия не перекрывала жужжание, стрекот и лай ночных тварей – гораздо более пугающие, чем какие-либо земные шумы, потому что мы не могли связать большую часть этих звуков с какими-то созданиями. Что-то очень далеко проревело песню из трех басовых нот с повышением тональности и получило в ответ

далекий рев с противоположного направления. Над головой сияли звезды без созвездий и легенд. Небольшая звезда на востоке – это наше Солнце.

Паула прошлась между нами, заглядывая в лица, чтобы определить, кто нуждается в помощи, а кто способен сам ее предложить. Брайен разговаривал с Джилл, когда его бас внезапно прогудел: «Их что-то убило!» Паула подошла к нему и мягко говорила что-то, пока он не успокоился.

Однако мы все думали именно так. Я ушел в лабораторию. Рамона с Граном молча проводили вскрытие под тихий гул хроматографов и компьютеров. Мертвые женщины лежали в углу, накрытые простынями. Я отвел взгляд и взял с полки кулера фляжку. В ней был открытый мной сок, бродивший в каких-то корнях. Анализ показал, что он не токсичнее дешевого земного вина, а вкус у него был кислый и масляный.

Сока было немного, но его хватило для тех, кто горевал сильнее всего. Ури поднял чашку из серой глины со словами: «За Кэрри, Зию и Нинию, которые уже не увидят будущего Мирного Содружества». Он осушил чашку, словно стопку водки, и швырнул в очаг. Она раскололась. Чашку сделала Зия. Другого гончара у нас не было.

Я поцеловал Паулу на прощанье и минуту разминал ей плечи. Она не ляжет спать, пока все не получат утешение, а потом, как наш метеоролог, подготовит прогноз – и только потом уснет. Я устал, а встать мне предстояло до рассвета, меньше чем через пять часов коротких суток Мира. Мне как ботанику колонии для работы нужен был дневной свет.

* * *

Паула легла в постель – и еще спала, когда меня разбудил будильник. Я поспешно его выключил, надеясь, что не разбудил ее, но она повернулась и тесно прижалась ко мне.

– Мне снились дети, – сказала она.

Мы много говорили о детях. Они будут расти при местном притяжении, поэтому окажутся ниже ростом, адаптируются к среде, будут принадлежать Миру. Только Миру. Ее Ирландия и моя Мексика ничего для них не будут значить. Я обнял ее крепче.

– Мир станет домом.

Я лежал неподвижно, зная, что она обычно резко просыпается, но не менее быстро засыпает. В темноте я плохо видел хижину, которая теперь была нашим домом.

Мы не рассчитывали на рай. Мы ожидали, что будут

трудности, опасности и, возможно, крах. Мы надеялись построить новое общество в гармонии с природой, но с момента нашего прибытия уже девятнадцать человек погибли из-за несчастных случаев и болезней, в том числе и те трое, которые умерли накануне по непонятной причине.

Когда ее дыхание стало ровным, я выскользнул из постели. Холодный воздух шлепнул меня по голому телу. Я тихо оделся и вышел на улицу. Наша площадь была размером с небольшое футбольное поле, и по двум ее сторонам мы собрали домики из дерева, кусков посадочных модулей, камней, глины, парашютов и древесной коры. На третьей стороне располагалась лаборатория, под которую отвели специальный посадочный модуль.

Четвертая сторона площади оставалась открытой и смотрела на поля, где росла единственная осина, обернутая снежной лианой. Ветки лианы свисали, словно ветви плакучей ивы. Зия решила, что это похоже на живую скульптуру, назвала ее Снеговиком и поливала. В предрассветных сумерках он походил на призрака, стоящего на страже у нашего поселка. Над ним яркой звездой сиял Свет – коричневый карлик, вращавшийся вокруг Солнца, а наш Мир занимал их точку Лагранжа. Свет был достаточно ярким, чтобы его было видно даже днем.

Я прошел мимо углей у Зии в очаге. По соседству был загон, где жила пара пушистых зеленых травоядных размером с обычную кошку, они подскочили к решетке, чтобы посмотреть на меня. Мерл был специалистом-животноводом, и они стали его экспериментом по одомашниванию. Венди назвала их фиппокотами в честь придуманного ею в детстве зверька с розовым носом и загнутым хвостом, хотя мне казалось, что они больше походили не на кошек, а на кроликов. Со временем мы создадим четкую таксономию представителей местной биологии. Мы все решили, что самого важного назовем в честь Стивленда Барра – первого нашего погибшего. Я намеревался дать имя пшенице.

Гран вышел из лаборатории, дошел до Снеговика, сорвал плод и отправился обратно. Похоже, он работал всю ночь – что не удивительно. За педантичность его прозвали Граммом.

Я прибавил шаг, чтобы догнать его.

– Завтрак? – спросил я.

Даже при этом слабом свете было видно, как у Грана покраснели глаза.

– Те плоды, которые вчера ели женщины, оказались ядовитыми. Плоды Снеговика – нет. Кажется. Раньше не были. Буду проверять.

– Я помогу.

В лаборатории Рамона сгорбилась у компьютера, ее нежное лицо осунулось. На столе неподвижно лежал фиппокот. На боку у него был длинный разрез, красная кровь ярко выделялась на зеленом мехе. Я поспешно отвел взгляд. Древесный сок – пожалуйста, но не кровь. Хорошо хоть мертвых женщин уже унесли.

– Я скормил Флаффи западный плод, чтобы посмотреть симптомы, – сказал Гран. – Он просто заснул. Паралич. Он не страдал. Хоть это хорошо.

– Что это за яд?

– Проверяем, – ответила Рамона.

– Вы кожуру тоже проверили? – спросил я. – Не только сок? Надо проверить мякоть, кожуру, всё.

– Мы просто измельчили плод целиком, – сказал Гран. – Даже мелкие семечки.

– Могу приготовить образец от Снеговика. Отдохните.

Вместо отдыха Гран стал осматривать мертвого фиппокота. Я сосредоточил взгляд на плоде, а когда образец был готов, Рамона уже успела получить результат.

– Тут новый алкалоид. В том плоде, который ты проверял две недели назад, Октаво, его не было. Вот оба списка. – К ее голосу с мощным лондонским акцентом постепенно возвращалась присущая ей бодрость. – Есть мелкие отличия, но вот это – значительное.

Мы все знали, что алкалоиды часто бывают лекарственными или даже токсичными. Я передал ей образец и отправился за новыми плодами к восточным зарослям в слабых лучах рассвета и в окружении утреннего щебета и жужжания. Я обдумывал то, как могут различаться эти плоды.

– У Снеговика этого алкалоида не было, – сообщила она, когда я вернулся. Она переключилась на другой экран. – Посмотри на структуру. Немного похожа на стрихнин, да?

– Надо проверить количество сахара и органелл.

Я потянулся за микроскопом.

Работая максимально быстро, уже через час, когда солнце взошло и осветило комнату, мы разобрались в случившемся. Я понял, что это я во всем виноват – и мне пришлось прекратить работу, опасаясь уронить и сломать какой-нибудь важный прибор. Паула пришла как раз в тот момент, когда я пытался все объяснить.

– Плоды не просто созревают, – говорил я. – Они могут созреть и измениться со сменой времени года. Они могут стать более подходящими для определенного вида животных, которые станут эффективнее распространять их семена – а для других

животных станут ядовитыми. Или, может быть, западные лианы и восточные – это разные виды. А может, почва разная.

– Может быть, – отозвался Гран. – Мы еще мало знаем.

Рамона кивнула. Они оба смертельно устали – и не поняли.

– Я ошибся, когда сказал, что плоды безопасны, – и это их убило, – не сдавался я. – Возможно, изменения в метаболизме азота вызвали избыток алкалоидов. Или это могло стать реакцией на паразитов или патогены. Или это фотоингибирование. А может, было нетипично сухо. Могли как-то измениться деревья, на которых они паразитируют.

Паула взяла меня за руку.

– Давай выйдем и поговорим.

В теплом солнечном свете она ласково посмотрела на меня:

– Это всегда удар, но мы же знали, что что-то может идти не так.

– Я их убил.

– Мы уже ели западные плоды, и все было в порядке. Ты не виноват.

– Мы устроили поля по моим рекомендациям. Там тоже может что-то пойти не так. И еще много людей могут погибнуть.

– Мы просто не станем есть западные плоды, пока не разберемся.

– Но что мы будем есть?

– Что-нибудь найдем. Я уверена, что ты делаешь все возможное.

Она взяла меня за обе руки и поцеловала.

* * *

Помимо поиска съедобных растений в мои обязанности входило описание и классификация растительности Мира.

На первый взгляд она была похожа на земную: деревья, лианы, травы и кустарники. Однако кустарники с синеватыми листьями, похожими на крылья бабочек, оказались какими-то сухопутными кораллами, трехсторонним симбионтом фотосинтезирующих водорослей и крошечных животных с каменными скелетами, в которых были заперты крылатые ящерки. Другие виды наземных кораллов ловили и пожирали мелких животных, и в какой-то момент кустовой коралл обнаружил, что содержать пленных выгоднее, чем охотиться.

Более внимательный взгляд говорил, что небо, хоть и синее, но тоже не земное. Зеленые ленты с пузырьками водорода плыли по воздуху и запутывались в верхушках деревьев – или, возможно,

намеренно за них зацеплялись. Другие парящие растения напоминали воздушные шары с иглами кактуса.

У некоторых деревьев кора была из ацетилцеллюлозного пластика, отслаивающегося листами с бритвенно острой кромкой. Возможно, со временем мы сможем получать из нее вискозу или лак. Я постепенно находил плоды, семена, корневища, стебли и цветки, которые могли бы оказаться съедобными – что было весьма важно. Кроме того, как ботаник колонии я должен был разработать какую-то таксономию. Любой факт поможет нам в поисках своего места в этой экологии.

* * *

Незадолго до отлета с Земли мы репетировали прибытие. Мы якобы не знали, где оказались, но уже через несколько минут после того, как нас высадили из грузовиков на грунтовую дорогу в лесу, мы обо всем догадались.

Я заметил величественные белые сосны с длинными голубовато-зелеными иголками, американские лиственницы с шишками и осинообразные тополя, чьи плоские листья трещали на горячем ветру.

– Это север Соединенных Штатов, восточнее Миссисипи, – сказал я. – Будь это Канада, деревья были бы здоровее.

Мерл прислушался к крикам и песням птиц.

– Точно. Граклы и каролинские гаички. – Он пожал плечами. – Это не значит, что мы в Каролине. Они сильно сместились из-за жары.

Паула посмотрела на облака.

– Грозовые тучи. Надо озаботиться укрытием.

Постепенно мы определились точнее и поняли, что это Висконсин, еще до того, как наткнулись на пару индианок-меномини, собиравших лозу для корзин. Совет племени поддерживал наш проект и разрешил нам провести два месяца в лесу их резервации, пытаясь выживать, так что женщины извинялись за то, что нарушили наше уединение. Однако перед уходом они посоветовали нам мазать кожу золой с жиром, чтобы отгонять тучи комаров – этот совет пришелся очень кстати.

В остальном выживание трудностей не представляло: мы уже знали об окружающей среде очень многое. Олени, например, были съедобны. Эта репетиция только усилила нашу решимость: мы наблюдали катастрофическое состояние леса, несмотря на заботу меномини. Глобальное потепление превращало лес в прерию. Вокруг нас деревья умирали от жары, жажды и болезней,

обрушивая всю экологию. Флора и фауна не просто мигрировали на север. Катастрофа шла одновременно слишком быстро и слишком медленно. На юго-западе Висконсина обожаемые Альдо Леопольдом «Песчаные округа» превращались в песчаные дюны, а многие виды животных прерии вымирали. Леса на северо-востоке Висконсина еще не успели превратиться в прерию, чтобы их принять, так что к тому времени, как леса наконец станут степью, не останется тех видов, которые смогут там поселиться.

Я познакомился с Ури в лесу меномини. Тогда его английский был еще хуже. Для нас обоих английский был вторым языком, однако колонии предстояло стать строго одноязычной. Мы были намерены избежать споров о языке, которые так отравляли значительную часть Земли.

– Конечно, я вызвался в армию, – сказал он. – Работал за еду. Как сейчас, но еда хуже.

Мы стояли по колено в болоте, собирая пыльцу рогоза, которую можно было использовать вместо муки для оладий. На самом деле все восемнадцатилетние в России обязаны были служить в армии. Он был снайпером.

Он наклонял верхушку рогоза и стучал по ней, а я держал ниже миску, чтобы ловить падающую желтую пыльцу.

– Винтовка не древность. Запас, чтобы применить, если хайтек забьют. И очень забавно. Мой отряд давал представления как цирк, даже с конями, и тогда я решил войти в этот проект, когда служба кончится. Видел слишком много мать-Россию в поездках и шоу. Ее насилуют. Невыносимо оставаться и смотреть.

Это можно было сказать про любой район Земли: экологическая катастрофа, которую нам всем хотелось бы исправить, – но можно было только попытаться начать жизнь заново где-то в другом месте.

– Интересно, останутся ли на Земле люди в тот момент, когда мы окажемся на Мире, – сказала Вера как-то вечером после ужина, когда мы занимались тем множеством дел, которые требовались для выживания.

Выживать оказалось труднее, чем мы ожидали, – но и радостнее.

– Жители этой планеты не достойны того, чтобы выжить, – заявил Брайен, мастеря рыболовные крючки из проволоки.

– Главное – мы можем учиться, – сказал Мерл. – Просто надо стараться. Неужели это так сложно?

Там всем не было и тридцати – и нас выбрали за умения и характер. Мерл, светловолосый техасец, получил минимум баллов тревожности и высокий результат по добродушию. Я был ответственный и собранный. Мы все были рады хоть какой-то

надежде на будущее.

* * *

Мы очнулись, замерзшие и слабые, с атрофированными мышцами, сердцами и пищеварительной системой после 158 лет спячки в крошечном космическом корабле. Компьютер вывел нас на орбиту, отправил сообщение на Землю, после чего ввел нам лекарства внутривенно.

Спустя два часа я сидел в тесной каюте, пытаясь понемногу пить изотоник, когда наш астроном, Вера, влетела туда из модуля управления: ее курчавые черные волосы плыли за ней черным облаком.

– Мы не у той звезды!

Меня захлестнули тошнота и отчаяние.

Паула кормила с ложечки Брайена, у которого не было сил есть, – и вроде бы осталась спокойной, но рука у нее задрожала.

– Компьютер мог выбрать другую, если она лучше подходила, – сказала она.

– Так и есть! – подтвердила Вера. – Лучше. Масса кислорода и воды. И масса жизненных форм. Она живая и ждет нас. Мы дома!

Мы оказались у звезды HIP 30815f вместо HIP 30756, у планеты с далеко эволюционировавшей экологией и, как я сразу отметил, изобилием хлорофилла. Уровень углекислого газа был чуть выше земного, но не превышал опасных показателей. С Земли обе звезды были мелкими песчинками в созвездии Близнецов рядом с лодыжкой Кастора. Как и было запланировано, мы назвали планету Мир, поскольку прибыли, чтобы жить в мире.

Стивленд Барр не очнулся – он умер много лет назад из-за сбоя системы гибернации. Кришна Нарашима умерла на борту от пневмонии. У Хедике отказали почки, но он поправлялся благодаря выращенным клетками мозгового вещества.

Пробуждение было всего лишь началом. Два из шести посадочных модулей разбились. При первом крушении Террел сломал ключицу, а Розмари Ваукау раздавило грудную клетку. Второе, катастрофическое, убило двенадцать пассажиров и уничтожило незаменимое оборудование, включая пищевой синтезатор, – слишком тяжелый и объемный, чтобы брать в полет запасной.

Сила тяжести, на одну пятую больше земной, порождала ошибки. Когда я выходил из нашего посадочного модуля, у меня закружилась голова и я упал, к счастью, всего лишь вывихнув лодыжку, хотя во время спячки наши кости теряли кальций,

становясь ломкими. Груди женщин и мошонки мужчин весили больше и ныли, сердца работали с повышенной нагрузкой.

У нас была сыпь от местного сумаха, вспухшие следы от укусов жукоящериц и диарея, пока мы не сумели искусственно стимулировать новые пищеварительные ферменты и наша кишечная флора не адаптировалась. Какой-то местный грибок вызывал заболевание гиалиновых мембран, коллапс легких. Это убило Луиджи Дини, второго ботаника, до того, как Рамона нашла фунгицид. Венди повредила ногу, ремонтируя трактор, в рану попала инфекция, и медикам пришлось ампутировать ей стопу. Будучи неизменно стойкой, она переименовала себя в Венди Полстопы.

И вот теперь Кэрри, Ниния и Зия умерли, отравившись плодами. У нас все еще оставалось достаточно народа, чтобы заселить планету: мы могли воспользоваться привезенным с собой запасом замороженных яйцеклеток и сперматозоидов. Генетический материал нам был не особенно нужен – но нужны были рабочие руки.

* * *

Сейчас, через месяц после прилета, необходимо было разобраться с тем, что происходит со снежными лианами. Я прошелся вдоль восточных зарослей позади строений нашей деревни. Игольчатые лианы сплетались между осинами, словно костяная колючая проволока. Я искал проход: прогалину от упавшего ствола или звериную тропу. Я убеждал себя, что не боюсь какой-то лианы, – только не я, я же ботаник! Я миновал один из сортиров – и спугнул фиппокота. Он умчался в заросли. Я нашел его узенькую тропку, встал на колени и рывком пробрался внутрь. Внутри я оказался как в клетке.

Узловатые белые корни лиан и серые корни деревьев покрывали землю – твердые, как камни у меня под ладонями и коленями. Лианы выгибались над проходом, касаясь моей головы. Воздух в зарослях был неподвижен и пах истощенной почвой. Я пополз медленно: пригнулся, чтобы не наколоться на шип, и перенес вес на колено, которое уже ныло от узла на корне. Шип скользнул по моим волосам – и впился в кожу головы. Он дернулся назад, поднимая меня на ноющие колени. Я потянулся к шипу, нащупал его – и его острый край вспорол мне пальцы. Шип в голове снова дернулся. Я с трудом сумел захватить его и попытался выдернуть. Колючки рвали мне скальп, мокрые от крови пальцы скользили. Наконец я стиснул зубы и потянул.

Я резко развернулся, проверяя, что впилось так сильно: белый шип в форме рыболовного крючка был измазан кровью. Он свисал с усика, закручивавшегося спиралью. Острый шипик, вот и все, такой же, как шипы на Земле, выросший на усике вроде тех, которые поднимали вьющуюся фасоль в саду у моей матери. Это – природные инструменты лианы. Их движения естественны и на Земле, и на Мире. Ничего личного – и ничего пугающего. Растения не нападают на ботаников. Я потянул за усик, проверяя его прочность. На него вполне можно было бы повесить мое мачете.

Вокруг меня расстилались лианы и деревья, на которых они паразитируют, – и больше ничего. Тихо и пусто: ни мха, ни папоротника, ни травы, ни конкурирующих растений. Лианы их уничтожили.

Я уже сомневался в том, что смогу выполнять эту работу. На Земле диплом ботаника позволил мне получить работу на промышленной ферме, где я наблюдал за генномодифицированной пшеницей. Четыре года я просматривал спутниковые снимки в околоинфракрасном диапазоне, выискивая темные пятна, признаки корневой пузырчатки, из-за которой растения вяли и из-за которой началась война, когда я был мальчишкой. Временами вокруг нас была только война: моя семья бежала, пытаясь скрыться от летающих камер – дронов, имитирующих птиц или насекомых. Дроны призывали более крупные вооруженные самолеты-роботы. Если они нас и не убили бы, мы все равно могли умереть от голода. Мы были просто фермерами, а не чьими-то врагами, но если бы выжили, то могли бы вступить во вражескую армию, так что мы должны были умереть.

Сейчас моим долгом было исследовать планету и помогать выживать людям – и я вновь испугался. Может, на другой планете – той, куда мы исходно направлялись, – нам было бы лучше. Здесь я стоял на коленях в зарослях растения, которое совершенно не походило на послушную одомашненную пшеницу.

Вот только я – единственный ботаник колонии. У меня важные задачи, и я должен их решать, несмотря на свои страхи.

Краем глаза я заметил какое-то движение. Я увидел мох: зеленое пятно в изгибе толстого корня. Он снова пошевелился. Это оказался фиппокот. Я стал высматривать новые изгибы. Из них получались идеальные домики для фиппокотов. Земля была усыпана экскрементами фиппокотов – черными изюминами, постепенно растворяющимися в песчаной почве. Возможно, это был симбиоз, когда две жизненные формы помогают друг другу: снежные лианы предоставляли жилище, а фиппокоты –

удобрение, как бромелии и муравьи на Земле. Однако это не объясняло, почему западные лианы внезапно стали давать плоды, способные убить фиппокота.

Мне нужны были образцы. С помощью перочинного ножа и пластиковых пакетов для образцов, которые я тщательно вычищал, чтобы многократно использовать, я набрал кусочки лианы, осины, плодов, почвы, экскрементов фиппокотов, опавших листьев и коры, а потом очень осторожно выполз обратно на солнце.

Я взял образцы у Снеговика и у западных зарослей, которые поранили меня, как и восточная лиана. Я провел анализ образцов, и результаты прояснили кое-что – но не самое важное. Восточные заросли и Снеговик генетически были идентичны. Видимо, Снеговик был дочкой от побега или подземного корня. Западные заросли были тем же видом, но другой особью. Я не мог объяснить, почему они стали ядовитыми. Я не мог утверждать, что восточные плоды останутся безопасными. Я так ничего и не выяснил.

* * *

Ближе к вечеру мы похоронили Нинию, Кэрри и Зию там же, где и остальных, – на южном краю поселка, на участке рядом с восточными зарослями, где землю покрывал ковер цветущего дерна, словно в саду. Мы со слезами сняли слой ароматных желтых цветов, выкопали три ямы и опустили туда тела. Все бросили по горсти земли, а потом мы закопали могилы и вернули дерн на место. Хедике начал петь. Джилл лила воду на могилы, дрожащим голосом читая стихотворение про реки и океаны. Каждый поделился самым хорошим воспоминанием об этих женщинах.

Зия вырезала мемориальные доски с именами и числом дней с момента высадки. На этот раз Мерл положил на могилы простые камни.

– Без имен и дат, – проговорил он, стряхивая с рук землю.

– Нам нужен Мирный календарь, – сказала Вера. – И Мирные часы. – Она указала на Свет в западной части небосвода. – Он садится за три часа до Солнца, а восходит на три часа раньше него. Так можно измерять время.

Она указала на еще одно похожее на звезду светило, спутник размером с астероид, который мы назвали Чандрой.

– Ее орбита почти такая же, как у оборота Мира. Для определения времени она не подходит, может, только для времен

года. А вот Галилей, – тут она указала на светило на северо-востоке, – подходит идеально. Он движется в обратную сторону, с запада на восток, так что его легко заметить. Он обращается два с половиной раза за сутки.

Паула прищурилась, глядя на небо.

– Спасибо. Это…

– Теперь он у нас есть, – перебила ее Вера, – наш собственный мир. Наши собственные часы, наше собственное небо, наше собственное время. Ради этого мы сюда и летели.

С этим напоминанием о наших надеждах мы вернулись к своим повседневным обязанностям по выживанию. Мирные сутки длились примерно двадцать земных часов, а год на Мире составлял примерно 490 земных дней. Год казался огромным отрезком времени.

* * *

У нас с зоологами выдалась напряженная неделя. Появилась стайка ящерок с крыльями мотыльков, они летели красиво, словно косяк рыбешек, а мы пораженно наблюдали, пока они все вместе не спланировали к нам и не принялись кусаться. Зола с жиром снова оказалась полезной, а потом эти мотыльки внезапно исчезли.

Группы охотников находили полусъеденных птиц и фиппокотов – и, как им казалось, видели убегающих гигантских птиц, но больше их встревожили розовые слизни длиной двадцать сантиметров, подъедающие тушки. Слизни нападали на все подряд и при контакте растворяли живую плоть. Гран вскрыл одного.

– Одна только слизь. Никакой дифференциации тканей. Если разрезать на двадцать частей, получишь двадцать слизней.

Мерл обнаружил источник ревущего клича из трех нот.

– Похоже, я нашел нам большого кузена наших приятелей-фиппокотов.

Он вернулся перед самым ужином и сидел за столом, рассказывая довольно спокойно, но рубашка у него была пропитана потом. Он гладил устроившегося у него на коленях фиппокота, словно желая убедиться в его покорности. Все знали, что он не склонен к неуместной тревоге, и потому слушали внимательно.

– Если надо описать одним словом, то сказал бы «кенгуру», но это не совсем то. Гигантский кенгуру, если использовать два слова: намного выше меня, и, судя по их гнездам, они способны

сшибать деревья. Кажется, они вегетарианцы, как этот наш добрый друг, – возможно, питаются корнями… и хотелось бы верить, что когти у них для рытья, но размером они с мачете. Я видел стаю примерно из десяти особей, но не стал приближаться. И никому не рекомендовал бы приближаться.

Большинство колонистов в основном интересовались животными. Мерла расспрашивали о его ежедневных находках гораздо больше, чем меня. Я старался не обращать на это внимания, хоть и понимал, что растения с их ядами и другими соединениями не менее опасны, чем животные, а раз растений намного больше, чем животных, то они важнее.

– Эти растения совершенно не похожи на земные, – попытался я объяснить как-то вечером. – У них какие-то непонятные клетки. На Земле у всех семян один или два зародышевых листка, а здесь их три, пять или восемь.

– И РНК, – добавил Гран, – а не ДНК. Здесь ДНК есть только у нас.

– Но выглядят-то они так же, – проговорила Вера.

– Нет, – возразила Венди Полстопы. – То есть – парящие кактусы? Синие? А вот шипы у них как на Земле.

– Да, – подхватил я, – шипы. Им надо защищаться, как кактусам на Земле, и они отращивают шипы. Растения, которым нужно извлекать воду из почвы, отращивают корни.

– Не как Земля, – сказал Ури. – Нет червей. Вместо них губки.

– Но делают они то же самое! – запротестовала Вера.

– На самом деле мы не знаем, что они делают, – сказал я.

– Но мы же знаем, что делают растения! – удивилась она. – Они растут. Они полезны – или нет. А большего нам знать и не надо.

Я понимал, что нам надо знать гораздо больше, и жалел, что Луиджи Дини не выжил и мне не с кем сотрудничать и все обсуждать.

* * *

Марсианская катастрофа уже показала, что переносить земную экологию на другую планету не получится. Зерновые не растут без особых симбионтов-грибков, которые помогают корням получать питательные вещества, а эти грибки не могут существовать без определенных бактерий-сапрофитов, которые переместить не получалось. Каждая жизненная форма требовала собственной ниши, создававшейся миллиарды лет. А вот марсианские окаменелости и органические вещества

межзвездных комет показывали, что строительные материалы жизни не ограничиваются одной только Землей. Белки, аминокислоты и углеводы существовали повсюду. Теория панспермии была в какой-то степени верной.

Я в первый же наш день на Мире нашел траву, похожую на пшеницу, а имея немного растительной ткани, гормонов из бутонов и хитина, мы быстро получили искусственные зерна для посева. Но будут ли они расти? Теория – это одно, а сельское хозяйство – другое.

Однако за несколько дней до гибели женщин от ядовитых плодов Рамона и Кэрри увидели первые ростки и кричали и визжали так, что все вышли посмотреть. Они кружились по краю поля, и волосы и юбки у них развевались, и они хватали всех за руки, пока вся колония – все тридцать четыре человека – не присоединилась к их неспешному танцу, посвященному первому намеку на то, что мы сможем выжить.

* * *

Восточных плодов оставалось много – и, что тревожило, они стали питательнее: еще одна тайна, которую мне следовало бы раскрыть, но не получалось. Западные плоды гнили на лианах. Ури трудился на поле, словно пытаясь вывести горе через ладони, а слезы – через поливочную воду из ключа между нашими полями и западными лианами. Мы посадили вторую культуру, похожие на ямс клубни, – и я молился, чтобы они остались съедобными.

– В будущем нам придется вырубить западные заросли, чтобы расширить поля, – сказал Ури Пауле как-то утром после завтрака.

Мы оба услышали напряженность в его голосе.

– Не думаю, что это в ближайшее время понадобится, – отозвалась Паула преувеличенно равнодушно. Мы смотрели, как фиппокоты у себя в загоне играют в перетягивание куска коры. – Не стоит браться за необязательные дела, пока не станет понятно, что и как влияет на экологию. Мы здесь чужаки.

– Но это обязательно! Лиана нам опасна.

– Ты все еще не успокоился из-за смерти Нинии? – спросила она, подаваясь назад, чтобы посмотреть ему в лицо.

Ури отвел взгляд.

– Я хочу мира. Мы все хотим мира.

Я промолчал. Даже если он был прав (в чем я сомневался), нам вряд ли удалось бы уничтожить такие огромные заросли.

Паула наклонилась над загоном фиппокотов и свесила туда стебель местного латука. Латук был моей последней находкой.

Помимо питательных веществ в листьях содержались фолиевая кислота и рибофлавин, но стебли оказались слишком жесткими. Наш скудный завтрак сегодня состоял из латука, орехов, плодов снежной лианы и кусочка жареного фиппокота.

Один из фиппокотов подскакал ближе, выпрашивая стебель. Паула потрясла им – и животное сделало сальто в воздухе. Мерл обнаружил, что они удивительно хорошо дрессируются. Она бросила стебель к его лапам.

– Октаво, – спросила она, – ты сможешь приготовить семена латука?

– Конечно.

– Ури, – продолжила она, – ты найдешь для него участок? У нас хватит воды?

– Я наполню твою тарелку мирным латуком, – пообещал он, скалясь в широкой улыбке.

Паула в ответ мило улыбнулась, но я знал, что порой его выходки ее бесят.

Ури повернулся ко мне:

– Сначала идем смотреть на сорняки в пшенице. У одного иголки, как у крапивы, так что, даже если он на что-то годится, не хочу об этом слышать. Колючки застревают в автопропольщиках, а потом застревают во мне, когда я их чищу, а у меня кожи на все это не хватит.

Ури показал мне крапиву, выросшую рядом. Я натянул перчатки, чтобы изучить это растение. Листья у него были покрыты иголочками, похожими на стеклянные трубочки.

– Ну, вообще-то такие иголки могут оказаться полезными, – сказал я.

Я поднял голову. Он меня не слушал.

– То поле! – воскликнул он, указывая на вершину холма. – Пшеница полегла.

Он побежал по тропе. Я бросился за ним. С одного края поля почти до другого пшеница полегла – все росточки, хотя накануне они доходили мне до середины икры. Моя пшеница. Лежит.

Ури добежал до поля раньше меня. Он встал на колени, присмотрелся, зарылся в землю.

– Корневая гниль!

Я побежал быстрее. Корневая гниль убивает. Упав на колени рядом с Ури, я раздвинул стебли. Темная гниль ползла вверх по стеблям. Я копнул влажную почву. Корни расползлись в коричневую слизь.

– Это же наш хлеб! – взвыл Ури. – Почему?

Я закрыл глаза и вспомнил ответ из учебника – чтобы не взвыть следом за ним.

– Заражение, слишком много влаги, нехватка питательных веществ. Может быть много причин. – Я выпрямился, пытаясь увидеть закономерность. От слишком быстрого движения у меня закружилась голова, но как только зрение пришло в норму, я увидел причину. – На первый взгляд, зараза пришла с водой. Видно, что гниль распространяется вниз по склону.

– Остановить можно? Если остановить воду?

Я мог только пожать плечами.

Он связался с Венди, дежурившей у насосов. Я руками выкопал несколько растений и побежал к лаборатории, вспоминая Зерновую войну, увядающие поля на нашей семейной ферме. Там был вирус. Здесь – корневая гниль. Вирус был искусственно создан. Здесь была естественная причина. Но оба заболевания были смертоносными.

К тому моменту, как я получил результаты, Ури с Венди Полстопы уже направили роботов копать канаву прямо через поле, чтобы поливочная вода не могла сочиться вниз по склону. Яд в почве убил растения. Он разъел клеточные мембраны, так что клетки лопались, словно мыльные пузыри. Мы с Рамоной пытались найти средство, которое нейтрализовало бы яд или не давало корешкам его поглощать.

Джилл вернулась с обхода полей. В ее темных глазах стыла тревога. Она брала с собой датчик с зондом, определяющим яд, чтобы проверить, распространяется ли он. Пока он был только на одном участке, но если мы начнем полив или пойдет дождь, то он точно распространится.

Мы не прекращали работу и после заката. Обсуждали, не могли ли обработка почвы или полив вызвать какой-то дисбаланс. Мы тревожились, что завезли болезнь с Земли, несмотря на все наши усилия по обеззараживанию.

На этот раз я лег в постель позже Паулы. Я лежал, не прикасаясь к ней, но так близко, что ощущал тепло ее тела. Она мерно дышала. Сладковато-горький аромат воздуха и уханье ящериц не давали ощущения дома, но и Земля уже давно перестала ощущаться домом.

* * *

Я познакомился с Паулой, когда пошел смотреть пьесу ее отца, доктора Грегори Шэнли, посвященную тому, как неправильные приоритеты вызвали в 2023 году катастрофическую астму, – многие называли пьесу изменнической из-за критики не только правительств, но и «зеленых». Я пошел на нее потому, что

это был благотворительный сбор на «Новую Землю» (как тогда она называлась) – проект, финансировавшийся частными лицами и нацеленный на отправку колонистов на далекую планету. Она дежурила за одним из столов в театральном фойе – и, конечно же, я знал, кто эта миниатюрная молодая женщина. Ее отец с детства готовил ее к тому, чтобы возглавить эту колонию, что многие критиковали чуть ли не больше, чем сам проект.

На видео она всегда казалась серьезной, может, даже тихоней – но, когда я подошел к столу, она смеялась и разговаривала с окружающими, а увидев меня, протянула руку:

– Рада, что вы смогли сегодня прийти. Я Паула Шэнли.

– Октаво Пастор.

Она обвела рукой окружающих.

– Мы говорили… я говорила… что понимаю: мы можем потерпеть неудачу и можем погибнуть, но все равно это стоит сделать.

– Скажи это родным Гольца, – буркнул кто-то.

Эрно Гольц хотел стать добровольцем, но его семья добилась превентивного тюремного заключения, чтобы он не смог покинуть Землю.

На самом деле Грегори и Паула были персонами нон-грата уже в нескольких странах.

– Некоторым трудно понять, – сказала она. – Мы – будущее человечества, и у нас есть наш долг.

– А я могу стать добровольцем? – спросил я.

Она заглянула мне в глаза, проверяя, серьезно ли я говорю. А потом она кивнула и потянулась за какими-то бумажками. Я думал, что, возможно, смогу помогать в какой-нибудь научной комиссии, но чем больше я узнавал об этом проекте, тем больше мне хотелось отдать ему всего себя.

Поначалу меня привлекло то, как Паула внимательна к другим, потом – ее стальная решимость и ее жертвенность и борьба.

– Люди и другие разумные существа привносят во вселенную способность делать выбор, шагнуть за рамки борьбы за выживание и стать зрением, слухом, разумом и сердцем вселенной, – говорила она. – Выживание – всего лишь первый шаг.

Я любил ее, но не осмеливался выразить свои чувства. Она сама подошла ко мне. Не знаю, что она во мне нашла: я был совершенно не похож на нее и всегда благоговел перед ней – но я был невероятно счастлив. Я надеялся, что счастье станет нашим даром новому миру.

Наша новая цивилизация будет основана на лучшем, что

было на Земле. Мы будем уважать любую жизнь, придерживаться справедливости, проявлять сострадание, стремиться к радости и красоте. Мы привезли компьютерные программы для наших детей, в которых не было места для таких земных абсурдов, как деньги, религия и война. Было мнение, что мы испортим экзоэкологию, но мы намеревались в нее встроиться, развить ее – и позаботиться о том, чтобы судьба человечества не зависела от единственной погибающей планеты.

Не все добровольцы смогли отправиться с нами. Надо было принять Мирную конституцию, которую мы составляли, обсуждали и исправляли перед отлетом. Надо было иметь хорошую наследственность, сильное тело без искусственных частей, здоровый разум и полезные умения, включая и изящные искусства, – поэтому к нам присоединились Хедике и Стивленд Барр, музыканты-вундеркинды. В итоге с Земли улетели пятьдесят добровольцев – кто-то со слезами, кто-то с улыбкой.

Мы высадились на берегу озера около реки, безумно радуясь тому, что видим деревья и слышим птичий щебет. Остальные пять посадочных модулей должны были прибыть – или попытаться это сделать – на следующий день. Как член первопроходческого отряда, я прошел по воде вверх по течению, мимо широкой странной полосы, которую нам предстояло назвать восточной снежной лианой, мимо того, что я сначала принял за медлительных зеленых рыб, маскирующихся под растения, но вскоре понял, что это свободно плавающие растения. Заросли на востоке и западе будут нас защищать. Леса на севере и юге предстояло разведать. Мы нашли себе дом.

* * *

Жаркая и сухая погода нас обокрала. Листья, по которым можно было бы обнаружить съедобные коренья, увяли и опали с уснувших растений. Семена диких злаковых осыпались и улетели на ветру. Лающие нелетучие птицы собрали орехи раньше, чем мы их успели обнаружить, а гигантские птицы стали представлять угрозу для охотников, но Ури их отпугнул, по крайней мере временно, выстрелами из винтовки. Красные семенные коробочки, наполненные водородом, плыли в воздухе, готовые воспламениться от малейшей искры, а сухая древесина стремительно сгорала. Я не смог предсказать проблему с плодами, мне не удалось спасти пшеницу, я не находил пищи – но никто меня не винил. Кроме меня самого. Мы все знали, что нас ждут неожиданные опасности и неудачи, но никто – даже

Паула – не догадывался, как сильно мне хочется обеспечить нам выживание.

* * *

На рассвете я ушел из поселка на пустой желудок. Со мной был радиоопределитель координат, настроенный на спутник, – все, что осталось от корабля, который нас сюда доставил.

Я задержался у маленького кладбища, с удивлением заметив, что желтые цветы над могилами трех женщин превратились в шарики высохших лепестков – умерли, не дав семян. Я встал на колени, чтобы осмотреть растения, и зарылся пальцами в землю. Дерн у меня в руках рассыпался. Наверное, мы недостаточно аккуратно возвращали его на место.

Погрузившиеся в дерн пальцы наткнулись на нечто плотное, полное жизни. Белый росток, похожий на бамбук, толщиной с мой большой палец, поднимался из земли. Я нашел еще один, и еще – и еще несколько. Снежные лианы вырастали из могил трех женщин. Лианы выпустили корни, чтобы питаться мертвыми женщинами вместо осин, извлекать пищу из плоти, воду из крови. Одна лиана их убила, а вторая кормилась ими, словно это – земная война, где трупы оставляют воронам и диким псам. Я вытащил мачете и, не задумываясь, разрубил бесцветные побеги, взрыл землю ногами, чтобы найти все до одного, и рассек их на кусочки.

Закончив, запыхавшись в плотном воздухе, я посмотрел на невозмутимую стену восточных зарослей и почувствовал себя дураком. Это не земная война, а дарвиновское выживание. Жизненный цикл всегда утилизирует мертвых, а я просто осквернил могилы. Я смотрел на комья земли, мертвые цветы и белые лианы, истекающие соком. Я постарался как можно аккуратнее разровнять землю на могилах и ушел.

Солнце поднялось выше деревьев. Мы знали, что Мир на миллиард лет старше Земли. На Земле растения отделились от животных меньше миллиарда лет назад. Наверное, у Мира была более долгая эволюция.

Растения вокруг меня таили массу секретов, которых мне никогда не узнать.

В тот вечер мы съели наш скудный ужин почти молча. Ури сообщил, что часть ямса отравлена – видимо, водой с пшеничных полей, – несмотря на засуху.

Позже, в постели, Паула вдруг проснулась.

– Могут начаться дожди, – сказала она.

– Скоро?

– Обильные дожди. У этой планеты наблюдаются сезоны гроз. Возникают ураганы, но они крупные и низкие и движутся медленнее, чем на Земле.

– Что мы можем сделать, чтобы к ним подготовиться?

– Мало что, совсем мало что.

Спустя долгое время мы оба снова заснули. Мне снились детство и голод. Утром я проснулся в ожидании выстрелов – и вспомнил, что я далеко от войны и могу не бояться хотя бы солдат, если не голода.

* * *

Перед тем как идти на ежедневные поиски пищи, я вместе с Ури осмотрел поля. Раннее утреннее солнце отбрасывало длинные тени. Мы осмотрели канаву и пшеницу ниже ее. Спасти удалось меньше трети растений – и сейчас они увядали из-за нехватки воды. Мы не останавливались. Я смотрел на сыпучую отравленную почву у нас под ногами.

– Может, если поливать понемногу…

Ури схватил меня за руку настолько резко, что я споткнулся.

– Смотри.

На западном краю полей, на вершине склона, побеги снежной лианы, похожие на белые копья, поднялись уже сантиметров на десять. Песчаная почва все еще удерживалась на ростках. Накануне вечером поле было пустым, я сам это видел. Одного взгляда хватило, чтобы я понял природу яда.

– Это лианы, – сказал я. Ури уставился на ростки выпученными глазами. – Поле отравили снежные лианы. Это аллелопатия. Растение убивает конкурентов, чтобы расчистить себе место. Если мы исследуем их, то увидим, что они полны яда.

Так и оказалось. Снежная лиана выпустила корни на глубину больше метра, обнаружила наше орошаемое поле, выделила яд и захватила поле себе. На поле с ямсом тоже оказались ростки.

– Растения пытаются распространяться. Это естественно, – объяснил я в лаборатории Ури и Пауле.

Тем не менее мне было неспокойно. Снежные лианы отправили корни на расстоянии больше полукилометра, чтобы напасть на поле, игнорируя другие плодородные участки.

– Я говорю: уничтожить ее, – процедил Ури сквозь зубы. – Она убила Нинию. Она убьет все наши посадки.

Паула строго посмотрела на него. Я озвучил очевидное.

– Их трудно будет уничтожить. Заросли занимают несколько

гектаров – и неизвестно, какая у них защита.

– Мы остановили Наполеона, мы остановили Гитлера, мы можем остановить растение-убийцу. Мы выдержим осаду.

Тут Ури поймал взгляд Паулы и улыбнулся, словно это была шутка.

– Мы не на войне, – медленно проговорила Паула с ответной улыбкой. – Это просто лианы и деревья.

Ури отдал честь:

– Я – солдат-дровосек.

Улыбка Паулы чуть поблекла.

Если мы намерены что-то выращивать, лианы необходимо остановить, но для этого нам требовалось нечто гармонирующее с окружающей средой.

– Природа уравновешивает, – сказал я. – Что-то должно служить природным ограничителем снежных лиан. Надо это выяснить – и позволить окружающей среде самой о себе позаботиться. Ури, пошли.

Паула посмотрела на меня с благодарностью.

* * *

Два участка зарослей, восточный и западный, разделял широкий луг, на котором мы поселились, и с обоих краев они ограничивались лесом. Руководствуясь системой геонавигации и вооружившись мачете, мы с Ури ломились через лес в северном направлении, потея в перчатках и толстых рубашках – защите от колючек, жукоящериц, шипастых нелетающих птиц и стрекал кораллов. Каждый удар мачете пускал сок со своим особым запахом.

Ури с силой ударил по ядовитому сумаховому папоротнику.

– Надо найти что-то вроде бомбы, – сказал он.

– Надо найти нечто еще более мощное, но не оружие. Нечто природное.

Он приостановился.

– Думаешь, найдем?

– Верь природе. То, что контролирует снежную лиану, должно быть как минимум не менее сильным, чем она.

Первый найденный нами участок снежной лианы стоял в лесу, словно остров диаметром два метра: облако белых плетей вокруг кроны осины. Они выгибались над нашими головами, словно тянущиеся в лес щупальца. Одно из них обернулось вокруг пальмы, заваливая ее, а второе стиснуло материнскую почку. Пальма умирала.

– Вот работа для солдата-дровосека, – сказал я.

Он картинно поприветствовал лиану:

– Встретимся в бою.

Спутниковая съемка показала еще одну заросль: большую и расщепленную по центру, словно глаз ящерицы. В миниатюре она походила на заросли вокруг нашего луга.

На одной стороне прореха в зарослях вела, словно дверь, на луг внутри них. Над входом лианы выгибались навстречу друг другу и сцеплялись. Шипы вонзались в другие лианы, сок капал на землю. Один из отростков зажимал излохмаченный кусок другой лианы в спиральной хватке.

Ури воззрился на него:

– Растение очень странное.

Я понял с первого взгляда:

– Два растения, восточное и западное.

– Два солдата, – поправил он меня и расхохотался, довольный своей шуткой.

Я засмеяться не смог.

Внутри обнаружились кустики травы, завалившиеся и подгнившие, как пшеница у нас на поле. Я ботинком отодвинул склизкие останки, открыв гниющий росток осины, принадлежавший какой-то из сторон.

– Возможно, это и есть главная мишень корневой гнили.

Он всмотрелся в росток, а потом обвел взглядом заросли по обе стороны от нас и медленно улыбнулся.

– Жизнь снова понятная. Мы на поле боя, сражение ведут два комнатных растения.

В какой-то мере он был прав. На Земле растения всегда борются друг с другом. Часто бой бывает смертным.

– Да, это битва, – сказал я, – но за выживание. Это не просто солдаты. И учти, насколько велик наш луг – какая идет борьба за выживание.

Я осматривался в поисках какого-то признака силы, противодействующей снежным лианам, но ничего не увидел.

Вонь привлекла наше внимание к комку зеленого дерна – на самом деле раздувшемуся трупику фиппокота. На лианах одной из сторон висели спелые плоды.

– Могу спорить, что они ядовитые, – сказал я.

– Зачем убивать котика? Ты сказал, они удобряют землю в зарослях.

– Трупы могут дать больше удобрения. Или можно прекратить поступление навоза противнику.

– Растения не настолько умные.

– Они приспосабливаются, – сказал я. – Эволюционируют.

В университете мы шутили, что растения проявляют жестокость в отношении насекомых, заставляя переносить пыльцу или семена, но насекомые мелкие. На Мире снежные лианы были громадными. Рядом с ними люди и фиппокоты оказались насекомыми, объектами жестокого обращения. Я толкнул мертвого фиппокота носком ботинка. Он был чем-то закреплен на почве. Я ткнул в трупик острием мачете, задержав дыхание от вони. Толстый корень высунулся из его живота и зарылся в землю. Что-то приподнимало кусок меха.

Я вскрыл беднягу. Внутри проросло семя снежной лианы. Мне вспомнились могилы тех трех женщин. Западная лиана использовала их, как фиппокотов, чтобы перенести свои семена, а трупы послужили удобрением. Я срубил росток, поднимающийся из фиппокота. Я узнал все, что требовалось. Понял, что мы такое.

Я огляделся, ища Ури. Держа мачете, как саблю, он подошел к одной из стен зарослей и медленно двигался вдоль нее. Он подбрасывал ногами опавшие листья и гниющую траву. Разлетались листья и прутья… и, возможно, кости. Под подстилкой корни снежной лианы лежали, словно ползущие змеи, вытягиваясь и обвиваясь друг вокруг друга.

– Бред! – крикнул он. – Бред! Нас убивают воюющие комнатные растения.

В разлетающихся листьях я увидел, как взрывается наш дом в Веракрусе во время Зерновой войны, как разлетается кровельный материал. Моя семья бежала через поля в заболоченный лес, а вокруг жужжали дроны-разведчики. Мать попыталась прикрыть мне глаза и велела быть храбрым, но я увидел в лесу человеческие кости с отваливающимся зловонным мясом – и заорал. И тут моя мать упала, и пузырящаяся кровь потекла у нее из груди и изо рта. Нам пришлось бросить ее с другими мертвецами, а мне пришлось быть храбрым.

Ури служил в армии, но я побывал на войне. Солдаты одерживают победы, а мирное население просто выживает, если хватает удачи и хитрости. Этого может оказаться достаточно, но мирные жители могут возненавидеть обе стороны – как это сделал я. Я улетел с Земли, чтобы сбежать от них всех, от всех сторон всех войн.

– Можно уходить, – сказал я. – Нам можно уходить.

Люди, начавшие Зерновую войну – обе стороны в той войне, – были жадными и жестокими. А лианы были просто лианами.

Он указал на меня концом своего мачете.

– Восточная лиана уже наш союзник, так? Она будет нам служить.

– Только если мы станем хорошими большими фиппокотами

и будем делать то, что ей надо.

Ури запрыгал, как кот.

– Значит, фиппокоты победят.

– Только если победит наша лиана.

* * *

Я настоял на том, чтобы раскопать могилы Кэрри, Нинии и Зии. Там обнаружилась масса воюющих корней, переплетающихся внутри тел. Семена западной лианы проросли, стебли и корни вырывались из их животов. Однако корни восточных зарослей приняли ответные меры, удушая ростки. Восточная лиана победила. Я признался, что атаковал ростки западной лианы.

Ури обнял меня за плечи:

– Ты помог убить убийцу Нинии… и Кэрри с Зией. Ты сделал хорошее дело.

Больше того: я принял решение относительно неприкосновенности могилы – нечто за рамками борьбы за выживание. Я принес на Мир разум и сердце.

* * *

После скудного ужина на деревенской площади – из плодов снежной лианы, но без ямса, без хлеба и с минимальной порцией сублимированного микопротеина, привезенного с Земли, – мы созвали совет Содружества по вопросу снежных лиан. Я рассказал, как лианы сражаются друг с другом, отравляя другие растения и используя животных для удобрения, распространения семян – и, возможно, еще для чего-то.

– Возможно, мы могли бы пересадить восточную лиану для охраны наших полей, но…

Меня перебила Венди Полстопы:

– Идеально.

Другие дружно кивнули.

– Но нам надо стать ее фиппокотами, – сказал я. – Это мы будем работать на нее, а не наоборот. Она поможет нам только потому, что это будет на пользу ей самой. Мы дадим ей пищу и воду – наши сортиры, орошение и кладбище – и поможем продвигаться, как будто мы колония фиппокотов.

– Ну и отлично, – широко улыбнулась Венди. – Мы ведь хотели встроиться в экосистему. Мы перестанем быть чужаками – и всего через два месяца! Это даже лучше, чем я думала.

Однако быстрый успех вряд ли достижим. Мы наверняка чего-то не учитываем.

– Мерл, – попросила Паула, – расскажи нам про фиппокотов. Какие они, что нам надо делать?

Он встал и разгладил бороду.

– Начнем с того, что они – травоядные. Мимикрируют и стоят не на вершине пищевой цепи. И недавно я обнаружил, что они не только прыгают, но и скользят.

Он продолжил рассказ. Я пытался понять, чего мы не заметили. Экология подстраивается, но два месяца – это очень быстро, особенно для растений. Разум сделал человека как вид чрезвычайно хорошо адаптирующимся. Наверное, мы в считаные дни смогли бы научиться полностью имитировать фиппокотов, пусть и придется внести много изменений. Мы уже выполняли многие их функции – с точки зрения снежных лиан.

Мерл тем временем говорил:

– Кажется, я видел, как они друг друга обучают. Они очень быстро учатся.

Снежные лианы тоже быстро обучились. Они поняли, что мы похожи на фиппокотов, и использовали нас так же, как их, давая нам полезные или ядовитые плоды. Но западная лиана атаковала наши поля. Она заметила, чем мы отличаемся от фиппокотов, что мы – фермеры, и разработала план, потребовавший от нее заметных усилий. Оригинальные, творческие идеи и упорство – это признаки разумности, подлинной разумности, проницательности. Она взвесила возможные способы действий, а потом выбрала один из них.

Снежные лианы способны мыслить и планировать, и западная лиана приняла очень агрессивное решение. Она решила убивать нас всеми доступными ей способами и разработала тактику действий. Мы – мирное население на территории военного диктатора. Мы действительно на поле боя.

И мы в страшной опасности.

Я прервал Мерла:

– Фиппокоты занимаются растениеводством?

Он посмотрел на меня как на сумасшедшего, а потом пожал плечами:

– Ну нет. Я такого не видел. Даже не закапывают семена, как белки. Хотя, может, и будут – осенью.

– Снежная лиана напала на наши посадки. Она знает, что мы – не фиппокоты. Это как Зерновая война на Земле. Контроль над источником пищи – это один из способов победить.

– Ну, знаешь! – возмутился Брайен. – Она напала на наше поле, потому что ей там хорошо было бы расти.

– Ей пришлось преодолеть слишком большое расстояние, больше половины километра, и при этом она прошла мимо более удобных мест – например, мимо родника. Она проанализировала нас – и приняла решение. Тогда другая снежная лиана решила стать нашим союзником. Они для этого достаточно сообразительны. Они способны думать.

– Раньше ты такого не говорил, – заметила Вера.

– Я только сейчас это понял.

– Растения не могут думать!

Паула постучала по столу:

– Вспомним правило: мы оказываем поддержку и слушаем, а не устраиваем дебаты. Мы здесь, чтобы решить проблему, а не чтобы победить.

Я бросил на нее благодарный взгляд, но она в этот момент предупреждающе смотрела на кого-то другого. Я набрал побольше воздуха.

– У них есть клетки, которые я не могу идентифицировать. На Земле растения могут считать. Они могут видеть, могут двигаться, могут выделять инсектициды при контакте с нежелательным насекомым.

– Это может быть инстинктивной реакцией, – предположил Мерл. – Любое животное решает, что делать в отношении своей территории.

– Ну, знаете! – снова вмешался Брайен – и тут поймал взгляд Паулы. – Я хотел сказать: сразу принять такое трудно.

– Знаю, – согласился я, изо всех сил стараясь держать себя в руках. – Я хочу, чтобы мы осознали, что выбираем чью-то сторону в войне, которая больше нас, – и что одна из сторон становится нам более решительным врагом.

– Враг. Растительный враг! – проворчал он.

Минуту все молчали. Рядом со Снеговиком начала жужжать пара крабов.

– Люди воюют, потому что они развращены. – Вера посмотрела на Паулу и продолжила уже мягче: – Это – экосистема, и потому тут все взаимосвязано.

Она – астроном и потому видит вселенную как звезды и планеты с четкими и предсказуемыми орбитами, где все подчиняется математике. Конечно, и остальная природа должна быть такой же.

– Эти растения агрессивны, – сказал Ури. – Тут Октаво прав. Нам надо стараться выжить так же упорно.

Гран кивнул.

– Октаво нашел способ врасти в здешнюю природу, какой бы суровой она ни была. План рискованный, так что он правильно

делает, заставляя нас осознать риски. Но план разумный, и мне он нравится.

Я огляделся. Мы все носили одинаковую прочную одежду, говорили на одном языке, питали одни и те же надежды. Мы всё обсудили еще на Земле и пришли к согласию. Мы будем жить в гармонии с природой, а природа всегда находится в состоянии гармонии, как детали старинного часового механизма. Я знал, что лиана убила нас намеренно, с заранее обдуманным злым умыслом, но остальным трудно было в это поверить.

– Если растения такие умные, то где их города? – вопросил Брайен.

– Это – старая планета, но для нас она новая, – ответил Мерл. – Мы не прожили здесь и двух месяцев, так что узнавать надо еще очень многое. Мы можем стоять прямо в центре города – и этого не видеть. Тем не менее нам надо побыстрее принять решение, потому что времени у нас мало. Фиппокоты сумели ужиться с лианами, а они довольно сообразительные по меркам животных. Значит, и мы сможем.

– Я впервые по-настоящему почувствовала, что я дома, – сказала Венди. – Мы нашли то, что хотели. Мы оставили Землю позади, так ведь? Мир будем мирным, если мы будем мирными.

– Правильно! – поддержала ее Вера. – Мы оставили позади провальные парадигмы типа войны.

Видимо, я использовал неверную парадигму.

– Вы правы: это эволюционный процесс, и нам надо в него встроиться. Но я не знаю, что снежная лиана – любая из этих двух – будет делать дальше. Нам надо и дальше делать то, чего они хотят. Они могут перехитрить нас – или использовать и отбросить. Возможно, восточная лиана даже не станет за нас сражаться.

Я вспомнил земное сельское хозяйство. Продукты – это деньги и власть, и на Земле было легко разглядеть врага. Он запускал руку тебе в карман или наставлял на тебя пистолет.

Паула сказала:

– Думаю, мы все сознаем, что наше решение может иметь непредвиденные последствия. Однако это будет нашим общим решением – с пониманием того, что никаких гарантий нет.

– Если это не сработает, – подхватила Рамона, – твоей вины в этом не будет, Октаво. Думаю, нам стоит постараться какое-то время быть другом восточной лиане.

– Или так, или перемещать колонию, – сказала Вера. – И мы наверняка будем голодать, а снежные лианы могут встречаться по всему Миру. Будем реалистами.

Они понятия не имели, на что соглашаются, но если им

хочется думать, что они живут в гармонии с природой, то, может, им так будет спокойнее. Война – удел человечества, но не только его, и мы ничего нового на эту планету не привнесли. Мы оказались в состоянии войны, и только я понимал, что это означает. Но, возможно, достаточно будет и того, что один человек знает, что делать.

Ури по-прежнему выступал за то, чтобы уничтожить западные заросли, но голосование решило иначе: двадцать четыре против семи. Я проголосовал против, опасаясь, что в отсутствие врага в виде западных зарослей, восточным мы окажемся не нужны.

* * *

Я сделал, что мог. Я пересадил снежные лианы и осины с восточных зарослей на западный край наших полей в качестве щита. Они прижились – и атаковали. Мы сделали новые посадки съедобных культур – и они росли без помех.

Каждый день я брал мачете и выходил на дальний край нашего щита из лиан и рубил западные лианы, тянущиеся к нему. Иногда я обнаруживал, что воюющие лианы сплелись друг с другом в драке, толкая и разрывая. Одним ударом лезвия я спасал нашего белого рыцаря. А под землей, как я понимал, битва велась еще более яростно.

Как-то ближе к вечеру Ури пошел со мной, сняв рубашку из-за жары. Повязанный на лоб платок не давал поту стекать на глаза.

– Кто бы мог подумать, что фермерство окажется таким бурным?

Он обрубил лиану и бросил в кучу хвороста, приготовленного для сжигания. Он шел, вороша палкой подрост, выискивая прячущиеся змеями лианы. Для него это была всего лишь прополка сада.

Вокруг нас под синим небом и маленьким ярким солнцем ухали ящерки. Скоро мы снимем первый урожай – мы планировали пир.

Мы говорили, что ожидаем трудности, а не рай, но на самом деле нам хотелось и того и другого. Мы считали, что придем с миром – и найдем удобную нишу в чужой экологии. А вместо этого мы нашли поле боя. Восточная лиана превратила нас в покорных наемников, всего лишь в умных крупных фиппокотов, которые помогают ей одержать очередную победу. Мы хотели начать жизнь с начала, вдали от Земли и от всех ее ошибок. Этого не случилось, но это осознавал я один – и ни с кем не делился

своим разочарованием. Когда-нибудь, возможно, я объясню своим детям, что нам пришлось идти на компромисс, чтобы выжить.

Ури продолжал рубить. Нас ждали новые сражения – и я надеялся, что мы будем к ним готовы.

Сильвия год 34 – поколение 2

Ничто здесь содержащееся не будет считаться нарушением личной свободы верования, права на высказывание и справедливость, свободу и мирное достижение личных целей, находящихся в гармонии с благополучием и интересами Содружества в целом.

Из Конституции Мирного содружества

Пока крышу не снесло, мне нужно было ее проверить, просто необходимо – и пусть кто угодно говорит, что не надо бы, и пусть подниматься наверх небезопасно. Лето – это ураганы, а я мечтала спроектировать прекрасное здание, мощное, словно ураган, но не получила ни красоты, ни мощи, потому что мне не разрешали. И тут этот ураган! Это была первая гроза лета, и метеорологи сказали, что такой сильной, похоже, еще не бывало. Дождь уже стегал по домику, когда мы с Джулианом поднялись на третий этаж. Мы открыли люк чердака, и я встала ему на плечи, чтобы посмотреть на крышу изнутри.

Она качалась, словно лодка на волнах. В нескольких местах сорвало черепицу, и туда захлестывал дождь, наполняя чердак запахом промокшего дерева, а ветер тянул балки и фронтоны, напрягая все соединения. А если бы я переплела стойки и стропила, словно тростник? И тут в углу кусок дерева треснул, словно взрывающийся водородный кактус.

– Свет! – крикнула я Джулиану и тут же просигналила жестом, потому что он меня из-за ветра не слышал.

Он протянул мне факел, и пламя заколебалось на ветру, а в воздухе запахло горящей смолой. Тут порыв ветра шлепнул по крыше, и она снова качнулась.

Вот где проблема: в северо-западном углу полетел импровизированный крепеж. Я спроектировала крышу так, чтобы она крепилась к стенам шлицевыми соединениями и поперечинами, как рекомендовал учебник по архитектуре, но ни у кого не нашлось времени на сложные работы. Никому не хотелось тратить время на детскую мечту. Они использовали столбы и бревна, даже не распилив их на правильный брус. Ну и получили, что хотели.

Выдержит ли здание ураган? Я задумывала сдвоенные балки, угловые стяжки и дополнительные связки. Мне сказали, что это излишества, – и здание получилось ненадежным, тесным и неуклюжим.

– Сильвия! – крикнул Джулиан и добавил еще что-то, что я уже не расслышала.

Его рыжие волосы в свете факела горели, словно огонь, а глаза сопереживали мне – тому, что я чувствую из-за крыши, моей бедненькой крыши.

Я начала спускаться – и в конце лестницы обнаружилась Вера. Видимо, она вскарабкалась наверх, чтобы проверить, как мы, – но с чего бы? Она стала новым модератором Мира, так что, конечно, здание должно было ее волновать, но мы могли бы все ей пересказать. Свет факела падал на ее лицо, морщинистое, словно древесная кора. Седые волосы отступали залысинами, как у мужчины, вставные зубы были оскалены.

– Джулиан! – голос у нее был, как у несмазанного механизма. – Зачем ты привел сюда Сильвию?

– Моя идея, – проорала я, чтобы быть услышанной через ураган.

Джулиан шел за мной, пытаясь быть вежливым. Но Вера проигнорировала меня и жестом потребовала, чтобы мы следовали за ней.

Мы поплелись по лестнице. Ветер рвал дом, словно фипполев, когтящий корни, и от сотрясения стен трескалась штукатурка. Вера спускалась по одной ступеньке за шаг, опираясь на трость. Было бы неуважением ее обгонять – а дети обязаны почитать родителей. Мы слышали это с самого рождения, так что можно ли было не послушаться?

Она орала на него всю дорогу вниз, а когда мы пришли в переполненный темный погреб, я затушила факел и сделала еще одну попытку.

– Мне нужно было осмотреть крышу.

Я даже намека на неуважительность в своем голосе не допустила.

– Джулиан мог подняться сам и тебе пересказать, – проворчала она, опускаясь на скамью.

– Но не он ее проектировал. Он бы не знал, на что обращать внимание.

Она махнула тростью.

– Это было слишком опасно.

– Не тревожься, – пробормотал он.

Он был еще подростком, как и я, но бородка у него росла рыжая, как волосы. Он унаследовал это от матери, Паулы, а

угловатое лицо – от отца, Октаво, а улыбка у него была такая широкая, что глаза щурились. Он похлопал меня по руке. Она возмущенно посмотрела на его руку.

И все равно я клянусь, что мне хотелось хорошо к ней относиться, и я подумала, что, может, она так злится потому, что ураган ее испугал. Она была модератором всего месяц, была избрана после смерти Паулы. Мне хотелось надеяться, что Вера окажется не хуже нее. Паула последний год была слишком больна, чтобы исполнять все обязанности модератора, и я надеялась, что Мир снова станет спокойным и организованным. Выживали мы год за годом, и выживание было главным, но красота полезна для души. В нескольких земных учебниках так говорилось, а Земля ведь не могла быть только плохой.

Моя мать, Венди Полстопы, сидела с Октаво. Его седые волосы и борода в тусклом свете масляных ламп казались яркими. Я направилась к ним зигзагами, потому что все двадцать восемь жителей домика и их имущество переполняли помещение: все их одежды, постели, инструменты, медицинское оборудование и роботы. Домов было еще три – и там, наверное, тоже были проблемы из-за такой сильной непогоды, и погреба были набиты людьми, но погреба-то были прочными. Все понимали, насколько это важно.

Мама улыбнулась мне так, словно я отправлялась пройтись и набрать дружественных плодов, и улыбка у нее была такой же широкой, как у Джулиана, но уголки ее рта проваливались в челюсти. Когда-то лицо у нее было гладким и полным, как у меня, – я видела снимки, – но она оказалась не приспособленной для нашей силы тяжести. Гравитация стянула вниз ее лицо, а ее груди, колени, руки – вся ее плоть – оплыли. По словам родителей, на Земле я была бы легкой как перышко.

– Проект был хороший, – сказала мама.

– Это было мое первое настоящее здание.

– Не твоя вина, – заметил Октаво, но при этом он на меня не смотрел.

Маме понадобилось пойти в центр даров, и я помогла ей встать и идти. Макушкой я доставала ей только до плеча: сила тяжести Мира сделала нас, детей, низенькими, сильными и быстрыми, как местные животные. Родители стали инвалидами после множества падений и тяжелых нагрузок, сколько бы медики ни обновляли им кости и суставы.

– Тут пока неплохо, – заявила она из центра даров, который здесь был просто большими ведрами, а не настоящим сортиром.

Пока они не завоняли, но мы застрянем в погребе дня на два, не имея возможности одарить дружественное растение, так что

они будут полны. Она проковыляла наружу и снова оперлась на мое плечо.

– Знаешь, почему Вера орет на Джулиана? – прошептала она, обнимая меня за плечи. – Октаво мне сказал. Джулиан бесплоден.

Бесплоден? Я так удивилась, что ничего не сказала. Мама покачала головой и погладила меня по щеке: она знала, что мне нравится Джулиан.

Бесплодие стало проклятием Мира, как тихо говорили родители, а население – проблемой Мира. Половина родителей уже умерли, и у них было всего двадцать четыре выживших ребенка, а половина запаса сперматозоидов и яйцеклеток с Земли погибли из-за отключения заморозки во время одного из ураганов. Мы, дети, пока произвели на свет всего тринадцать внуков, а я – ни одного. Мне уже исполнилось восемнадцать земных лет, четырнадцать мирных, я была фертильна, и многие родители считали, что мне пора исполнить мой долг. Мама всегда говорила, что время у меня есть, но другие родители выражали нетерпение. Я видела, как матери любят своих детей, и не имела желания что-то полюбить так сильно, потому что порой дети умирали, даже еще не родившись. А что, если мой ребенок умрет?

Тем вечером мы приготовили обычный ураганный ужин: сложное рагу из фиппокотов, с ароматным луком и картофелем, но я съела мало. Я присматривала за малышом Николетты, пока та кормила своего отца. Позже Рамона пожелала играть в го, а разве можно отказать родителю, особенно такому властному? Так что мы играли, и я выиграла – может, потому что зрение у меня было лучше. В конце концов крышу унесло. Дерево жутко трещало, пока не раздался удар. Дом тряхнуло от уменьшившегося давления, а потом дождь стал слышнее стучать по чердачному полу. Никто ничего не сказал. Без напора на крышу здание, похоже, стало меньше скрипеть. Я сидела на своей койке с листком бумаги, проектируя временную крышу, а Джулиан сел рядом со мной и обнял меня за плечи. Я закрыла глаза и привалилась к нему, надеясь, что Вера нас видит. Как бы мне хотелось оказаться на Земле!

В раннем детстве я считала, что Мир находится где-то на Земле, потому что названия множества вещей были теми же, что и в образовательным программах. Однако существовали и заметные различия, так что позже я решила, что существуют какие-то сложные Земно-Мирные разграничения относительно животных, растений и продуктов. Я боялась, что Земля и все ее высокие хрупкие люди с именами из нескольких частей могут оказаться просто на другом берегу озера – и тогда они смогут его

переплыть, потому что они уже превратили Землю в живой ад. Так всегда говорили родители.

Однако потом я поняла, что Земля находится далеко, что она – это просто компьютерная библиотека текстов, музыки и фильмов о сложных историях и местах, которых мне никогда не посетить, а со временем я стала реже их видеть, потому что компьютеры выходили из строя. Кроме нас, разумной жизни на Мире не было – только снежные лианы и кое-какие хитрые хищники. Это разочаровало родителей, да и меня тоже, когда я поняла, что единственными новыми людьми, с которыми мне можно будет познакомиться, – это только новые детишки. Мне мечталось о чужаках.

Тексты по архитектуре, когда у меня был к ним доступ, показывали прекрасные и вдохновляющие строения, совершенно недостижимые, потому что у нас не было предварительно напряженного бетона или конструкционной стали – да и вообще почти не было железа, потому что спутник не нашел никаких рудных месторождений. У нас были только кирпичи и дерево, но я пыталась выяснить, что именно достижимо и можно использовать, и вот теперь мое первое здание распадалось прямо вокруг меня, потому что люди, не изучавшие архитектуру, решили, что им лучше знать.

Вера тревожилась на протяжении всего урагана, собирала команды для подтирания протечек и приготовления еды. Хуже всего было по ночам. Свет гасили рано, потому что родителям хотелось спать, но спали они плохо, просыпаясь при каждом шуме, каждом раскате грома, снова и снова плелись в центр даров и храпели громче ревущего ветра, а потом свет рано зажигался после того, как они прекращали изображать то, что считалось сном. Мне не давали заснуть, так что я стала вести себя как они – рассеянно, раздражительно и забывчиво, хронически не высыпаясь: дни и ночи казались слишком короткими родителям, которые появились на свет на Земле. Мне хотелось оказаться где-нибудь подальше.

Как только ураган унялся, – через два дня после того, как сорвало крышу, – я выскользнула из сырого и провонявшего погреба – наконец-то! – вместе с еще несколькими детьми. Я пошла к озеру с Джулианом, и высоким худым Алешей (они оба были охотниками), и с Даниэлем – он рыбачил, и ему было почти тридцать лет. Мы хотели проверить, в каком состоянии лодки и что вынесло на берег. Дождь все еще был сильным, а тучи – низкими и темными. Мы кутались в пончо из пухового ацетата, а вот ноги у нас промокли. Повсюду были лужи и ручейки. Все, мимо чего мы проходили, было повреждено: здания,

оросительные каналы, обработанные поля – а когда выглянет солнце, все будет выглядеть еще хуже. Даже в зарослях снежной лианы упало несколько осин, хотя сами заросли остались крепкими на зависть.

Река, протекавшая через дружественные заросли, разлилась. Озеро разлилось тоже: между линией деревьев и водой оставалась только узкая полоска песка. Волны с белыми барашками стали грязно-коричневыми из-за смытой в воду почвы. Дождь стучал по поверхности воды и делал ее тусклой, как тучи. Лодки мы вытащили за линию деревьев и крепко привязали.

Даниэль, вечно беспокойный, проверил лодки.

– Выглядят хорошо, – сказал он с облегчением.

Я проверила плетеные верши, сложенные под лодками. Они тоже выглядели нормально.

Я вышла на берег ради прутьев. Я была корзинщицей. После ураганов на берег выбрасывало свежий тростник и лианы, принесенные разлившимися реками. Как правило, попадались и мертвые озерные натаны – плавучие растения, которые при сушке давали шелковистые мягкие волокна. А еще я надеялась, что тут будет плавать хоть одно стропило от крыши – тогда можно было бы хоть спасти гвозди. Джулиан с Алешей нашли раненого фиппольва. Я отвернулась, когда они вытащили свои ножи и оборвали его плач. Мяса будет много – жесткого и совсем не такого вкусного, как у оленей и крабов, но еды будет в достатке.

Я заметила странные пятна красок в ковре веток, вынесенных на берег. Подойдя ближе, я увидела радужные кусочки стеблей и прутьев. Однако в этой циновке могла ехать голодная ящерица или что-то похуже, и потому я пошевелила куски палкой. Радуги в палец шириной на прутьях перемежались черными ободками, они были потерты и поцарапаны, но все еще оставались красивыми, и я могла бы сплести из них нечто необычное. Я собрала их как можно больше и запихнула в мешок. Хотелось надеяться, что дальше по берегу можно будет набрать еще таких же.

По пути я увидела на песке нечто розовое – возможно, обломок розового кварца, – так что я приостановилась проверить. Симпатичный камень – это тоже красиво. Присмотревшись, я увидела с ним и блестящий желтый металл. Может, мне попался обломок одного из посадочных модулей, разбившихся тридцать четыре года назад. Я выкопала его из влажного песка и позволила дождю отмыть находку. Это оказался стеклянный шар, сплошной и тяжелый, размером с кулак младенца и ограненный. Поверхность была стерта, но в местах сколов оказалась прозрачной. Шар был обернут спиральной золотой лентой.

Золото было побито, но я все равно разглядела гравированную надпись на алфавите, которого не было ни в одном учебнике истории: просто линии и треугольники. Я повертела его в руках, пытаясь понять, что это. Деталь механизма? Я знала, как выглядит большинство деталей, хоть и не была техником. Некоторые линзы немного были похожи на эту штуку – но линзы маленькие. Украшение? У нас украшений было мало, а таких не было вообще, потому что золото слишком полезно, чтобы вот так его тратить. Кусок руды? Вообще невозможно. Может, нечто природное? Еще более невероятно. Это было не похоже ни на что мне известное.

В конце концов я сообразила: все, что я знаю, это либо природное, либо сделанное людьми. Возможно, я не могу опознать этот шар потому, что он ни то, ни другое. Может, его сделало иное разумное существо. Тот, кто умеет писать, работать с металлом и стеклом – и создавать из них нечто прекрасное. Этот шар лежал на дне озера или был принесен рекой… или его оставил какой-то путешественник. Кто-то еще живет на Мире. Может, мы сможем их найти.

Джулиан с Алешей уже привязали убитого фиппольва к ветке и теперь поднимали его; это был крупный самец, способный разрывать снежные лианы передними когтями, похожими на мачете. Они шатались под его весом. Дождь усилился. Я подбежала к ним и протянула шар. Рука у меня дрожала.

– По-моему, он не наш, – сказала я. – Смотрите: по-моему, это инопланетное, то есть наоборот, мирное, это мы инопланетяне, тут надпись, я его нашла, совсем другое письмо, красивый, правда, он был вон там в песке, и это не люди.

Я поняла, что свалила все в кучу.

Джулиан уложил ветку себе на плечо и обхватил обеими ладонями мою руку, чтобы она не тряслась. Он смотрел на шар – как мне показалось, очень долго, – а потом улыбнулся еще шире, чем обычно. Даниэль подбежал посмотреть, что нас так заинтересовало, и мы все начали говорить одновременно.

– Это золото, смотрите. И стекло.

– Мы такого не делаем.

– Что это? Дай подержать.

– Какая красота!

Алеша взвыл по-львиному.

– Что-то… кто-то это сделал, – выпалила я. – Мы не одни. Ни здесь, на Мире, ни во Вселенной.

Мы несколько мгновений смотрели на шар.

– Тут есть разумная жизнь кроме нас, – сказала я. – Где-то поблизости.

– Поблизости, – повторил Алеша, щурясь.

Он не всегда быстро соображал.

– Насколько он старый? – спросил Джулиан.

– Износ должен что-то показать, – отозвался Даниэль. Он взял шар и медленно покрутил его в руках. – Не особо старый. То есть ему не тысячи лет.

– Значит, они еще живы, – сказала я.

Даниэль вернул его мне, и я на мгновение удивилась, почувствовав, что он мокрый: я совсем забыла, что мы стоим под дождем. Я вымокла, дождь лил на шар у меня в руке, и по нашим лицам стекала вода, но меня это не волновало. Мы на Мире не одни!

– Для чего он? – спросил Алеша.

– Может, это приглашение, – предположила я. – Нам надо их найти.

Джулиан улыбнулся:

– Скоро.

Когда мы вернулись в поселок, они с Алешей понесли льва на разделку, Даниэль отправился докладываться рыбакам, а я пошла прямо домой, где должна была находиться Вера. Как только я открыла дверь, меня окатила волна вони. Я понимала, что мне не следует спускаться в подвал и все заливать текущей с меня водой, так что надо попросить кого-то, чтобы ее позвали наверх.

Она поднялась по лестнице, тяжело дыша, обеспокоенная.

– Есть проблемы? Мы остались без лодок?

– Нет, они в порядке, но…

– Без полей?

– Ну, их затопило, и ущерб есть, и у зданий тоже, но…

Она тряхнула головой, закрыла глаза и вздохнула:

– Тяжело. Так тяжело!

– Я вот что нашла. – Я протянула ей шар. Может, это поднимет ей настроение. Она открыла глаза и недоуменно на него уставилась. – По-моему, его сделали какие-то другие разумные, – сказала я. – Он был у озера.

Сзади к ней подошел Террел. Он был родитель и металлург, так что я добавила:

– Вокруг него золото. Надо искать тех, кто его сделал.

Он был высокий и иссохший, словно осина с паразитом, так что, когда он потеснил Веру, ей пришлось задирать голову, чтобы обменяться с ним взглядом. Им было интересно, так что я вытащила несколько радужных прутьев.

– И вот это я тоже нашла.

Они замерли от удивления, но Вера сказала:

– Не до того сейчас. Дел слишком много. – Она взяла у меня

шар. – Я внесу это в повестку дня следующего собрания.

Но следующее собрание Содружества будет только через четыре дня. Четыре!

Тем не менее люди узнали про шар и захотели на него посмотреть уже вечером, когда мы ужинали в темном погребе.

Рамона сказала:

– Похож на елочную игрушку.

Она запела какую-то рождественскую песню, но Брайен – еще один родитель – пожаловался, что Рождество – это кошмар.

– Спорят о прошлом, – фыркнула Розмари, ребенок чуть старше меня.

А Брайен это услышал и отругал ее за неуважение к родителям. Я читала про Рождество, и мне запомнилось слово «легкомыслие», и легкомыслие казалось интересным. И маловероятным на Мире.

Прежде всего – выживание. Требовалось многое отремонтировать и заново посадить, но это требовалось всегда.

– Неужели это действительно лучше, чем Земля? – как-то прошептала Николетта, когда мы были еще маленькими, а родителей рядом не было.

Сейчас она работала на месте моей матери, выбирая детали от отказавших радиоустановок для ремонта медицинского томографа, а если оставались лишние детали – то на обслуживание пропольщиков. Машины выполняли элементарные работы, чтобы у нас оставалось время ухаживать за больными родителями, или готовиться к очередному урагану, или заготавливать какие-то продукты на зиму.

Николетта родила уже троих детей, и двое выжили. В детстве мы закручивали ее вьющиеся волосы в локоны. Сейчас у нее не было времени на возню с волосами. И порой она плакала без всякой причины.

Даниэль рыбачил, но во время сильной засухи в озере не осталось кислорода, и вся рыба сдохла. Мой брат пытался обогатить почву на полях и жаловался, что снежные лианы забирают питательные вещества, едва он успевает их вносить, однако снежные лианы кормили всех при неурожае или когда посевы выбивало дождем.

Порой Октаво устремлял взгляд в никуда и ворчал:

– Параметры. Здесь фиппокоты. Ури, пошли на прополку.

Ури умер десять лет назад. Октаво был болен и должен был вскоре тоже умереть. Мне будет его не хватать: он всегда был со мной терпелив.

Я сидела на площади и плела основу под временную крышу, когда ко мне прихромал Октаво и попросил образец радужного

бамбука – так он его назвал.

– Для собрания, – пояснил он и зашелся лающим кашлем. – Нечто требует объяснения.

Он знал растения лучше всех, и мне стало интересно, что именно требуется объяснить.

Вот только в день собрания к вечеру пришли грозы, и ни одно здание не могло вместить всех жителей сразу, хоть нас и было всего шестьдесят два человека. На моем доме крыша с черепицей из пластиковой коры держалась почти без протечек, так что кое-кто меня с этим поздравил – но не Вера. Она все еще доказывала, что она – модератор, и переназначала нам комнаты, потому что много помещений были повреждены во время сильного урагана, хоть мы уже и сами переселились без ее помощи, и никто не жаловался.

Я ушла в чулан – мою новую комнату, – где была только койка и коробка, вмещавшая все мое имущество. Я была так зла, что чуть не плакала. Мне уже тогда следовало знать то, что я поняла позже, – что мы все равно не проголосовали бы за поиски изготовителей того стекла. Родители проголосовали бы против, а дети – так, как проголосовали их родители, и даже внуки последовали бы за родителями своих родителей. Дети самостоятельно не мыслили. Мы делали то, что нам говорили, потому что нас убедили: на самом деле мы недостаточно хорошо понимаем, что к чему, и не можем сами принимать решения. Именно это нам постоянно повторяли – и разве мы могли с этим спорить? Нам полагалось радоваться тому, что мы точно такие же, как родители, а совместная гармоничная деятельность ставилась выше самостоятельного мышления. Мы все еще считались детьми, хотя большинству из нас было от двадцати до тридцати.

А что будет, когда все родители умрут?

Октаво подошел поговорить со мной на следующий день, когда я работала в углу площади рядом со Снеговиком – большой старой снежной лианой. Я плела корзину для сбора речных личинок: широкую открытую корзину с мягко закрепленными боковыми прутьями. Ей полагалось быть мягкой и гибкой, потому что личинки легко лопаются. Я думала про собрание, которое нам следовало бы созвать. Почему Веру не интересует нечто столь значимое, как соседство с другим разумным видом, и ей так важна такая мелочь, как кто будет спать на восходной стороне дома?

Работая, я слышала ее смех. Она сидела с еще несколькими родителями в дальней части площади, они чистили трилобитов, что было вонючим занятием, и потому они устроились как можно

дальше от домов и обеденного места. Слов я не слышала, только смех. Она всегда усердно трудилась, и родителям и кое-кому из детей нравилось ее руководство, и мне по-прежнему хотелось хорошо к ней относиться, но мне не давали покоя сомнения.

Тяжело дыша, Октаво устроился на скамье. Я вытащила немного мотков кои и закрепила ребра сначала с одной стороны кольца, а потом с другой. У Октаво была непереносимость некоторых грибных спор, так что ему уже три раза выращивали новые легкие, но с каждым разом они работали все хуже. Та же проблема убивала и моего отца, Мерла, но стая наземных орлов добралась до него первой. Наши охотники потом выследили эту стаю – последнюю, которая нас донимала, – и мы украсили папину могилу букетом шипастых орлиных перьев.

– Сейчас хорошо бы пошла кола, – сказал наконец Октаво. Кола была каким-то земным напитком. – Знаешь, плоды снежной лианы очень похожи на тот стеклянный шар: когда они незрелые, то их поверхность такая же граненая.

Я оторвалась от работы.

– А это важно?

Он вытащил прут радужного бамбука, который я ему передала.

– Мир на миллиард лет старше Земли. У него было больше времени на эволюцию.

Я закончила переплетать ряд и хотела уже начать следующий, но передумала и взяла кои позеленее, чтобы корзинка получилась полосатой.

– Нам надо найти тот народ, который сделал такой шар.

– Это может быть непросто, девочка. Разумов два. Шар понятен, а вот бамбук… Он относится к семейству снежной лианы. Мы отправили фиппольвов пастись на западной лиане, и восточная ликовала. Наша надежная госпожа…

Он снова замолчал, чтобы отдышаться, и посмотрел вдаль. Я продолжала плетение, не понимая, с чего он снова начал сетовать на снежные лианы.

– Этот бамбук, – сказал он, – несет на себе изображение радуги, а не преломляет свет, как поверхность пузыря. Радугу создают хромопласты. Растения способны видеть. Они тянутся к свету и наблюдают за углом его падения, чтобы определять время года. Они распознают цвета. Это растение создало цвета на своей коре, чтобы что-то продемонстрировать. Это сигнал… что это растение разумно. Оно способно интерпретировать зрительный спектр и управлять своими реакциями.

– Так оно хочет нас привлечь? То есть – привлечь разумные существа?

– Нет. Сигнал опасности. Как шипы. Кто знает, о чем может думать растение? Я… сомневаюсь, что они испытывают нежные чувства к животным. Мы… удобны.

– Но стеклянный шар красив. Ты говоришь – это плод, но тогда его должно давать дружественное растение, иначе стекловары не стали бы делать такую красивую его копию. Может, его дает радужный бамбук, раз он похож на плод снежной лианы. Надо его найти.

Октаво все так же смотрел на дальнюю часть площади. Вера начала вставать. Он повернулся ко мне:

– Снежные лианы не особенно умны – меньше, чем даже волк. Да, ты ведь не видела волков или даже собак… А вот этот радужный бамбук… Животных можно предсказать, а растения – нет. Они никогда не мыслят так, как это делаем мы. Он может быть недружественным.

– Если снежная лиана способна решить кормить нас плодами, тогда радужный бамбук тоже мог бы дать нам плоды. Нам всегда нужна еда, а более умное растение смогло бы понять, как много мы можем для него делать в обмен на еду.

– Вот именно: растениям всегда что-то нужно. – Он посмотрел на Веру: она шла к нам. – А вот эта бечева кои… Скажи, ты заметила разницу в волокнах разного цвета?

Я нахмурилась. Почему он об этом спрашивает? Но чтобы быть вежливой, я взяла образцы всех цветов и помяла их.

– Нет. Думаю, более зеленые просто моложе.

Вера подошла к нам и остановилась.

Октаво посмотрел на нее.

– Мы обсуждали кои. У них может быть много способов применения, как у льна… По-моему, мы слишком сосредоточились на источниках пищи.

– Нам постоянно нужна пища, – отозвалась она.

Они какое-то время молчали, и раз это не выглядело так, будто я их не прервала, то сказала:

– Я все думаю про стекло и радужный бамбук. Когда мы сможем их обсудить на собрании?

– Не скоро, – ответила она. – Мы все еще не справились с последствиями урагана.

Я постаралась не показать своего разочарования, но она все равно смотрела не на меня, а на мою корзину. Полоска хорошо смотрелась.

– Это – естественная вариация волокон кои, – пробормотала я.

– Рационально, – бросила она и заковыляла прочь.

– Мы никогда не будем это обсуждать! – возмутилась я. –

Паула была не такая.

Октаво никогда не ругался, когда мы, дети, жаловались.

– У Паулы была… подготовка. – Он посмотрел на ветку. – Не наша планета, не наша ниша.

– У разумных существ ниши нет.

Я где-то это вычитала.

Октаво покачал головой. Ему растения никогда не нравились, хоть он и был ботаником, и спорить с ним было бесполезно.

Он велел мне помочь ему подняться и ушел в лабораторию.

Я продолжала плести корзину, пытаясь вообразить растения, которые были бы такими же умными, как мы. Какие бы отношения они с нами установили? Наверное, не такие, какие обычно бывают у растений с жукоящерицами или фиппокотами. А из радужного бамбука я смогу сделать красивые вещи. Зачем же ждать? Я взяла несколько запасенных прутьев, размочила их, и когда закончила корзину для личинок, то взяла один прут, сделала две петли, а потом пропустила конец в эти петли. Красочный браслет – целая минута потрачена на украшение. Я сделала семь штук и положила их на солнце сохнуть вместе с корзиной.

Я отдала воду для вымачивания Снеговику, убрала все свои вещи, помогла устроить навес для ростков латука и отнесла корзину Розмари с Даниэлем. Я вернулась к браслетам, надела один из них, а остальные отдала Джулиану, Алеше, маме, Николетте, Синтии и Энее.

Вера увидела их за вечерней трапезой на площади: суп из птицы-боксера и тюльпанный салат. Продуктов было немного из-за грозы, но мы в достаточно хорошем настроении сидели по обе стороны выставленных в длинную линию столов. Вечер выдался неплохой, хотя родители кутались: они вечно мерзли, когда нам было жарко. Летучие мыши пикировали и пели, а воздушные кактусы на веревках не позволяли им красть еду. Внуки, беременные и больные ели вволю. Мне досталось много салата, миска супа и кусочек мяса. Джулиан получил только бульон из птиц, которых он добыл. Внуки были настроены похихикать.

Тут Вера хмуро посмотрела на браслеты.

– Этому здесь не место, – заявила она. – Мы не можем тратить время зря.

– О, ты, наверное, захочешь срезать резьбу с моей трости! – сказала мама. – Не все обязательно должно быть только полезным, так ведь?

Это вызвало новые бесконечные споры из-за цветника: мнение высказывали только родители, детям полагалось слушать и учиться. Террел считал, что нам надо искать металлы, а не

красивые цветочки.

Брайен устроил спектакль, вставая, чтобы высказаться, несмотря на одеревеневшие суставы, как будто мы у него в долгу из-за его хронического бурсита и обвисшей кожи со шрамами от удаленных раковых опухолей. Он пожелал потребовать деторождения «в гармонии с благополучием и интересами Содружества в целом», как говорится в Конституции. Родители любили цитировать Конституцию и опасались, что если мы не будем ей следовать, то нас будет ждать катастрофа, но ведь в Конституции говорилось и о красоте, и о равенстве. Родители цитировали только то, что им хотелось.

– Я считаю, что мы достаточно это обсудили, – сказала Вера. – Браслеты надо выбросить. Сейчас не время для раздоров.

– Ох, ну это же просто браслет! – возразила мама.

– Проблема в том, что он символизирует. Это Мир. Сообщество с согласием, взаимным доверием и поддержкой, – заявила Вера, цитируя Конституцию. – Браслет – это нарушение доверия. Давайте будем практичными. Символы важны. Браслеты символизируют решение, которое мы сейчас не готовы принять. У нас слишком много дел по восстановлению после урагана.

Мне следовало бы не сдаваться, следовало бы заговорить, но слишком много людей смотрели на меня, бездетную, проектировщика разрушившейся крыши и неуважительную гражданку – так, наверное, они думали, – а нас, детей, постоянно подозревали в лености и жадности. Я сняла браслет. Остальные тоже. Алеша и Николетта при этом поморщились, а Джулиан свой бросил и растоптал. Террел их сжег.

Той ночью, когда я плакала у себя в кровати, Джулиан вошел ко мне и, ничего не говоря, просто обнимал, пока я не перестала плакать. А потом мы впервые любили друг друга. Я уже занималась любовью с другими парнями, чтобы родители считали, будто я стараюсь забеременеть, но я делала это только чтобы удовлетворить других, а не порадоваться самой.

Джулиану хотелось порадовать меня, а мне хотелось радоваться с ним, а потом я его обнимала, понимая, что мне хотелось бы, чтобы он всегда был счастлив. Родители сочли бы все это пустой тратой времени из-за его бесплодия, но той ночью у нас была любовь, настоящая любовь. Она была бесполезно прекрасной, как и браслеты. И это стало началом бунта.

На следующий день я поискала радужный бамбук в сарае – а он исчез. На берегу, наверное, можно было найти еще, но мне некогда было идти на озеро. Джулиан поискал его во время охоты и в конце концов нашел прутик, даже красивее, чем прежние.

– Он с Громовой реки, у водопада, – сказал он. Никто не

поднимался по течению выше водопада, но карты, сделанные на основе снимков метеорологического спутника, показывали длинный каньон, уходящий вверх через горы и ведущий к широкому плато. – И я нашел еще вот что. – Он протянул мне кусочки красного, зеленого и желтого стекла. – Это может быть обсидиан или агат, но, по-моему, нет. Что будем делать?

Я долго думала, прежде чем ответить. Можно было продолжать жить как обычно: работать с восхода Света до заката солнца: сажать, полоть, строить, собирать урожай, охотиться, заниматься собирательством, готовить, убираться, ткать, шить, ухаживать за животными, следить за оборудованием, ремонтировать механизмы, смотреть, как компьютеры сбоят, а роботы останавливаются, разбирать погибшие механизмы на запчасти, помогать родителям дойти до клиники и вернуться домой, перестраивать энергосистему на работу от ветра и ручных воротов…

Можно было смотреть, как сменяются времена года: весны с разливами и вездесущими гнездами ящериц; лета с ураганами, срывающими крыши, валящими деревья и злаки на полях; осени с засухами и пожарами; зимы с заморозками и туманами. Нашими праздниками были урожаи, рождения, похороны, солнцестояния и равноденствия, но праздник сводился просто к чуть более обильной еде. На Земле люди ходили на бои, карнавалы, в музеи и университеты, а я, если повезет, ходила на озеро. На Земле были протесты, революции, геноциды, пиратство и войны, а меня наказывали за сплетенные браслеты.

– Я знаю, чего не хочу делать, – призналась я так грустно, что он меня обнял.

Но мы продолжали это делать. А какой у нас был выбор? Искать тех стекловаров в одиночку? Это стало бы нарушением взаимной поддержки.

И потом, у мамы был рак из-за облучения во время космического полета, и ей становилось все хуже, пока она совсем не слегла. Этот же рак успел убить многих родителей. Я старалась проводить с ней как можно больше времени в ее маленькой комнатке, и все думала, будет ли мне ее не хватать так же сильно, как папы, и однажды я задала вопрос, который мне не давал покоя:

– А как на самом деле было на Земле? На самом деле, честно?

В книгах говорилось много чего, обычно плохое, но я понимала, что там сказано не все.

У мамы болели кости, болел живот – и она была рада любой возможности отвлечься, так она всегда говорила. Она поджала серые губы и ненадолго задумалась.

– Напряженно. И сложно. Если по правде, то нам было не особо плохо: мы были богаты, по крайней мере в сравнении с остальным миром. Другие умирали от голода, а мы смогли набрать достаточно денег, чтобы отправиться к звездам.

Богаты? Она была богатой? Мне никто не рассказывал!

– А если бы вы не улетели, мама?

– Нам всем жилось бы легче. И вам, наверное. О, все любят рассказывать всякие истории, правда: про загрязнение и болезни, начало конца человечества, но богачи-то вполне себе. Только бедняки друг друга убивали. Или пытались не умереть – не от одного, так от другого. Это было так трагично!

– Но тогда почему вы улетели? Разве вы не вынуждены были?

– Нет. Мы вызвались добровольно – и хотели все устроить как лучше. На Земле человечество совершило ужасные ошибки, ошибки фатальные для целых стран, многих миллионов людей. Ах, это был просто стыд и позор: бедняки получали так мало помощи в решении проблем, которые создавали не они! Тебе не понять – но нам хотелось сделать новую попытку. Заново начать Землю. И на этот раз сделать все правильно, без несправедливости, когда кто-то был богат, а кто-то беден. Ты даже себе не представляешь! По-моему, мы положили хорошее начало. И я рада, что мы это сделали. Да, трудности есть, но мы этого и ожидали. Мы словно вернулись в Эдем.

Я слышала про Эдем – мифический рай, но в библиотеке не оказалось книги, где об этом подробно рассказывалось бы. Если верить родителям, я все равно ничего не поняла бы… но трудности – это не рай, это я знала. Каково было бы оказаться настолько богатым, чтобы получить любую книгу, какую только захочешь – и иметь время ее прочитать?

– И при всех ее проблемах Земля была такая скучная! – мама улыбнулась. – На Мире оказалось захватывающе интересно.

Я думала об этом, пока плакала на ее похоронах. На Земле мне жилось бы легче. Мы похоронили ее рядом с дружественными снежными лианами у западного поля, рядом с Паулой. И мы похоронили маму в лохмотьях, потому что закапывать хорошую одежду было непозволительно. Октаво понуро и устало смотрел на лианы.

– С рождения до смерти, – пробормотал он, – мы им принадлежим.

Октаво не любил снежные лианы, так что мог неправильно оценить и радужный бамбук, и стекловаров. Я как-то утром высказала все это Джулиану. Он готовил отравленные стрелы для охоты. Мы были далеко от остальных, так что к нам не мог случайно подойти какой-нибудь внук, и можно было говорить все,

что думаешь.

– Надо пойти вверх по Громовой реке и посмотреть, что там, – сказала я.

– Вверх по Громовой реке, – повторил он, не отрываясь от работы. На нем были перчатки и защитные очки, и он макал стрелы в спорынью и раскладывал на решетке сушиться на солнце. – Я подготовленный разведчик. Я могу это сделать.

– Мы оба. Нам обоим надо пойти.

Он колебался. Вера такого ни за что не одобрит.

– Я пойду без тебя, – пригрозила я.

Чуть погодя он сказал:

– Одной ходить не следует.

Голос у него был такой, каким он говорил: «Почитай родителей». Мы начали строить планы, пока он оборачивал стрелы листьями коровяка. Будут ли нам рады стекловары и бамбук? Почему стекловары сами к нам не пришли?

Выживание потом, любопытство сначала. Лучше не жить, чем жить вот так.

Так что, когда Верин прогноз погоды сказал, что новые ураганы не зарождаются, мы улизнули, захватив еды, одеяло, гамак, веревку, зажигалку, охотничьи ножи и одежду. Вся моя одежда поместилась в один рюкзак, а ведь на Земле у людей – богатых людей, какой была бы я, – имелись целые гардеробные с одеждой.

Мы ушли с вопросами, а вернулись с ответами на вопросы, которые даже не думали задавать, с мыслями, которые нам не полагалось иметь. Я была близка к тому, чтобы не возвращаться вообще, но понимала, что вернуться нужно, – и мы вернулись, почти через шестьдесят дней, с походными палками в радужную полоску, радужными браслетами и радужными диадемами. Мы отощали, одежда у нас превратилась в лохмотья, а рюкзаки были набиты знаками иной цивилизации и кусочками бамбуковых плодов – высохшими и сморщенными, но все равно необычайно вкусными. Мы вошли в деревню – скопище нелепых лачуг – и спроектированный мной дом оказался ужасно неуклюжим и все еще стоял под временной черепицей из коры. Поля шли вверх по склонам холмов, иссохшие, снежные лианы высились тюремными стенами, а в небе кипели дождевые облака.

Синтия заметила нас и закричала. Нас тут же окружили, затискали в объятиях, окропили слезами и засыпали приветствиями. Все задавали вопросы одновременно.

И тут приковыляла Вера.

– Вы ушли, когда вы были нам нужны! – проскрипела она.

– Мы нашли город, – сказала я.

– Вы проявили невероятную безответственность. Прежде всего ты, Сильвия. Мы много дней вас искали.

– Но они благополучно вернулись, – заступилась за нас Рамона, – вот что важно.

Вера продолжила выволочку. Малыш Энеи подошел с криком «Жуу» и поднял ручки, чтобы Джулиан поднял его. Я подхватила Хиггинса, сына Николетты, и он ерзал от возбуждения. Октаво хромал к нам, высматривая Джулиана.

Алеша повторял, пока его не услышали:

– Что за город? Что за город?

– Сегодня придет очередной ураган, – сказала Вера, – а здания не готовы, и животных надо собрать!

– Прекрасный город, – ответила я. – Со сверкающими стеклянными крышами и садами радужного бамбука.

Подошел Октаво. Ветер трепал его длинную бороду.

– Город?

Он не улыбался. Он не был рад увидеть собственного сына.

– Выше по Громовой реке, па.

– Это неважно! – заявила Вера.

– Стекловары? – спросил Октаво.

– Их там нет, – ответил Джулиан. – Не знаю, что с ними стало.

– Я принесла немного плодов, – сказала я.

Я погладила Хиггинса по голове. Хотелось надеяться, что Джулиан от нашего плана не отступит.

– И мы принесли образцы почвы, – добавил Джулиан. – Выглядит плодородной.

– Идет ураган! – снова повторила Вера.

Однако не особо сильный ураган – и мы наконец собрались в погребе. Все, кому удалось втиснуться в дом с нами. Гремел гром, и Вера пыталась убедить всех начать готовить рагу, но мы со всем уважением ее проигнорировали.

Считать ли ложью умалчивание кое-чего? Мы с Джулианом хотели оставить некоторые детали до заседания совета Содружества, а кое-что я вообще не хотела рассказывать.

– Мы шли двадцать дней, – сказала я.

– Он должен быть не так близко, – возразил Брайен.

Нам и показалось, что он не так близко.

* * *

В день своего ухода мы вышли к одному из берегов водопада Громовой реки и быстро преодолели осыпь и скальные карнизы, а

потом заблудились, пытаясь отыскать путь в обход зарослей снежной лианы. В первую ночь мы жались друг к другу в гамаке, накрытом противожучиной сеткой, и я несколько часов не могла заснуть от лая норных сов, потому что он звучал так по-человечески, что я уверилась, будто это голоса преследующих нас людей. Светляки с жужжанием летали вокруг нас, так что у меня голова закружилась. Когда я проснулась, то оказалось, что в складку сетки заполз слизняк и разделился, так что вокруг ползали мелкие розовые тварюшки, пытающиеся до нас добраться и растворить себе на обед кусочек плоти.

Когда тем утром мы подошли к реке, то оказались в туманном заболоченном лесу, где на земле копошились склизкие твари, гигантские слизни – некоторые ярко-розовые и лиловые, а некоторые просто комки прозрачной слизи, а часть имитировала стволы и лианы, – и нам пришлось надеть на палки наконечники копий, чтобы защититься, но среди них попадались и такие быстрые, что нас жалили. Вокруг нас вились мотыльки с пятнами в виде громадных отпечатков пальцев, и каждый пытался нас укусить. Мы завернулись в дождевики и надели по две пары носков, и намазали лица грязью, и все равно лишились кусочков плоти.

За водопадом с его туманами и слизнями идти стало легче.

* * *

– Выше водопада, – рассказывала я собравшимся в погребе, – каньон похож на развалины громадного греческого храма.

Все видели картинку с Акрополем в учебнике истории – место рождения демократии. На самом деле каньон был глубоким и узким, с арками деревьев над головой и больше напоминал храм, но изображения храмов были только в текстах по архитектуре.

– Там скалы как колонны, – говорила я, – и осины вырастают рядом с ними свободными и высокими. Никаких снежных лиан. На берегах реки – луга, полные цветов.

* * *

Я не стала упоминать, что через скалы приходилось перелезать или надо было их обходить, что дорога все время шла в гору, а часть цветов оказалась маленькими кусачими кораллами с росными капельками пищеварительных ферментов на зубках.

Единственной пищей, которую нам удавалось находить, были дикий лук и трилобиты размером в ладонь, выуживаемые из реки. Лук и трилобиты на завтрак, обед и ужин. Один раз нас загнали между берегом и скалой три земляных орла, они барабанили своими воздушными мешками, плясали и щелкали на нас своими большими клювами, они были размером с человека, вонючие, с шипастыми перьями, и настолько походили на кору и сухие сорняки, что без труда к нам подобрались. Мы разложили цепочку костров, чтобы их остановить, но они собрались ждать, пока у нас не кончится топливо, так что мы наловили трилобитов и швырялись ими в орлов, пока те не наелись и не ушли.

Мы оставили долину и карабкались через туманный лес мимо последнего водопада – вверх через лианы, мхи и комки пульсирующей слизи, – и наконец преодолели очередные валуны и оказались в лесу. Именно тогда мы увидели первый радужный бамбук. Небольшая купа выросла прямо у края скалы, выше многих деревьев со стволами, толщиной в бедро человека. Бамбук рос прямо и гордо, совсем не так, как змеящиеся снежные лианы. Живые радуги. На высоте наших голов висели плоды, розовые и просвечивающие, яркие в солнечном свете.

Мы с Джулианом переглянулись. Нельзя есть что-то непроверенное.

– Они выглядят точно так же, как то стеклянное украшение, только они больше, – сказала я.

– Снежные лианы могут убивать, если захотят.

– Но бамбук еще с нами не встречался, так что у него мнения быть пока не должно.

Плод легко отделился от плодоножки. Внутри тенями виднелось три семечка. От него пахло свежей пшеницей и корицей. Я откусила кусочек: на язык попал сладкий маслянистый сок. Джулиан наблюдал.

– Если он меня убьет, – заявила я, – я умру счастливой.

Но пока больше есть я не стала. Я погладила гладкий вощеный ствол и представила его себе в виде дверных рам, или стропил, или расщепленный и сплетенный в настенные циновки. Небольшой ствол, распиленный на кольца, стал бы красивыми браслетами.

Мы немного полюбовались растениями, а потом пошли по верху скал к водопаду, надеясь увидеть чужаков за каждым камнем. Мы смотрели вниз на каньон – зеленый и длинный, резко уходящий вниз между скалами. Ближе к водопаду вид стал лучше, а в самом красивом месте мы обнаружили скамью, вырубленную в камне и покрытую лишайником. Сначала мы решили, что она естественная, но прямо за ней оказались

вырезаны слова – теми же буквами, которые были на стеклянном шаре. Здесь побывали стекловары! Мы радостно закричали и обнялись.

Мы посидели на скамье, пытаясь угадать, какими могут быть стекловары. Сиденье было низким и широким. Стекловары находились где-то выше по течению – так что мы направились туда. Земля стала ровной, а река – шире и медленней. Вдоль нее шла тропа, вымощенная каменными плитами, которые кое-где приподнимали корни. Мы двигались в правильном направлении – и ускорили шаг. В реке оказались еще куски стекла всех цветов радуги. За следующим поворотом – скоро – мы их найдем.

Ближе к вечеру мы увидели четыре здания с круглыми стеклянными крышами, сверкающими среди бамбуковой рощи. Я побежала к ближайшему. Крыша у него состояла из цветных стеклянных блоков, уложенных радугами, а стены были сложены из коричневатых кирпичей, а фундамент был из камней с лентами сверкающего серого и белого. Но уже на бегу я поняла, что здания превратились в руины: стены потрескались и завалились, крыша обрушилась.

Стекловаров здесь не было. Не было уже давно.

Входя в ближайшее здание, я плакала. Пол покрывала грязь и опавшая листва. Стены внутри были выложены глазурованной плиткой, составлявшей переплетающиеся узоры из красных и зеленых линий. Я видела глазурованную плитку в компьютерных текстах. Я постаралась вытереть слезы и смотреть внимательнее. Комната была примерно пять метров в поперечнике. Стеклянные блоки с крыши валялись на полу, наполовину засыпанные, но сверкающие.

– Поразительно, – прошептал Джулиан.

У здания было семь невысоких эркеров, каждый из которых венчался полукуполом, и один из них остался цел. Стеклянную крышу снаружи облепили грязь и кораллы.

Кто-то когда-то стоял под этим сводом и смотрел на проникающий сквозь него солнечный свет – кто-то с глазами как у меня. Этот кто-то наслаждался красками, строил здания, как и я, мыслил, как я, мог делать то, о чем я только мечтала. Кто-то устроил скамью, низкую и широкую, вдоль стены. Я села на нее и разрыдалась. Джулиан сел рядом со мной.

Стекловары бросили эти здания еще до того, как наши родители прилетели на Мир. Мы проделали такой путь, чтобы найти одни только развалины, – но где-то должны быть другие стекловары! Я вытерла лицо и встала. Я прошлась по упавшим кирпичам, камням и стеклу, пытаясь понять, как все это было построено. Примерно на уровне моих глаз кирпичи шли чуть

скошенно примерно полметра, а потом сменялись стеклом, а выгиб куполов был параболическим, а не круговым. Одна из апсид, видимо, служила входом, и, если бы он остался цел, мне пришлось бы пригибаться. Я была выше стекловаров.

– Иди сюда! – позвал Джулиан.

Я услышала шорох. Он был уже в следующем здании. Он сдвинул ногами с пола грязь и листья. Пол оказался покрыт мозаикой в виде цветов и растений, среди них была и роща радужного бамбука. Мы убрали еще немного грязи. На бамбуке были цветы и плоды, а за одним из плодов тянулась тонкая желтая рука с пальцами. Мы поспешно расчистили дальше, но остальные плитки оказались разбитыми и разбросанными.

Здания окружали бамбук и сорняки. Я сорвала еще один плод, и он оказался еще вкуснее. Фиппокоты выглядывали из норы между корнями бамбука. Дорожка шла дальше, прямо в лес. Еще руины? Или следующее здание окажется обитаемым? Мы пошли дальше.

Еще через два часа, перед самым заходом Света, искусанные мотыльками, мы увидели город на отвесном берегу над рекой – громадный город. Сверкающие крыши и бамбук возвышались над глазурованной городской стеной выше нашего роста. Но растрескавшаяся стена и расколотые крыши сказали нам, что, пройдя в ворота, мы обнаружим только фиппокотов, летучих мышей и ящериц. У меня уже закончились слезы.

Той ночью мы закрепили гамак на двух стволах бамбука и спали под куполом, который частично сохранился. Мотыльки наконец от нас отстали. Ветер вздыхал на улицах, бамбук тянулся вверх, а его цветы источали похожий на пряности аромат, от которого мне уходить никогда не захочется.

Однако спустя двадцать дней мы все-таки ушли из города.

* * *

В ту ночь, когда мы вернулись в деревню, в погребе, с воющим снаружи ураганом, Джулиан рассказывал собравшимся:

– Когда мы попали в город, это было невероятно. Ничто на Земле не могло бы с ним сравниться!

Брайен хмыкнул. Он протиснулся поближе.

Я вытащила из рюкзака радугу стеклянных плиток.

– Крыши здания – это купола из стеклянных кирпичей. Они сверкают, словно драгоценные камни, а в городе может жить тысяча человек.

– А как же стекловары? – спросила Энея.

Краем глаза я наблюдала за Верой. Она сидела у дальней стены с Террелом.

– Они исчезли уже давно, – ответил Джулиан. – Часть зданий нуждается в ремонте, но они оставили после себя много всего – много полезного.

Он вытащил массивную стальную кружку с надписью из тех же линий и треугольников, которые мы видели по всему городу. В нескольких домах мы нашли остатки мебели и куски ткани. Что-то раньше явно было техникой – например, металлические коробки, полные окислившихся проводов, или бронзовые корпуса вокруг линз; масса мебели за долгие годы сгнила, но кое-какая керамическая посуда в здании кухни так и стояла в аккуратных стопках.

Вера с Террелом перешептывались, и она крутила кусок ткани с такой силой, что материя расползлась.

– Большинство домов пригодны для жилья, – подхватила я. – Можно вселиться хоть завтра после небольшой уборки.

Это было лишь небольшим преувеличением. Часть зданий рассыпались, и центральная башня рухнула почти целиком, потому что сгнили деревянные балки. За городской чертой мы нашли круглые печи из камня и кирпича – с меня ростом – для выплавки стекла или обработки металла.

Я добавила:

– И снежных лиан там нет. – Я не видела, слушает ли нас Октаво. – Масса радужного бамбука. Вкусные плоды – и их столько, что нам все не съесть. Вот немного.

Октаво подался вперед посмотреть, как я выкладываю сушеные образцы: сморщенные лиловатые кусочки, сохранившие сладкий коричный запах, манящий. Меня отчаянно тянуло съесть хоть один, но если я намерена получить большее, то нельзя показывать, насколько мне этого хочется.

Брайен схватил кусок:

– Потом проанализирую.

Октаво посмотрел на него, потом – на остатки плодов, но не сдвинулся с места.

* * *

Если честно, то бамбук выглядел таким больным, что я перепугалась. Однако вскоре Джулиан нашел большую водопроводную трубу, которая шла с холмов в город: в нескольких местах она сломалась, так что бамбук, наверное, просто хотел пить, а дары он получал только от фиппокотов.

Повсюду росли мелкие кораллы.

Мы с Джулианом решили, что стены, видимо, должны были защищать город от оленьих крабов и слизней, а вот земляные орлы, скорее всего, могли через них перепрыгивать. Я внимательно смотрела, но так и не нашла признаков нападения или пожара, так что мы не смогли понять, что заставило стекловаров уйти. Все указывало на то, что они уходили без спешки. Может, они даже собирались вернуться.

За стенами я обнаружила старую рощу бамбука, окружающую камни с расписанными керамическими плитками-портретами, – кладбище. Покопавшись под одним из камней, я нашла кости – коричневые, как почва. Когда я пыталась их вытащить, они трескались и крошились, но несколько целых я нашла. Вернув почву на место, я оторвала от камня плитку с портретом. Я принесу в деревню одного из стекловаров.

Мы многое узнали, в том числе и еще одну вещь. Бамбук был очень дружественным. Плоды появились прямо у того дома, где мы поселились. А потом один из стволов, к которому мы привязывали наши гамаки, дал росток. На каждом новом листке шли разноцветные полоски: эти маленькие радуги из листьев, а не на коре, показывали, что он за нами наблюдал и признал нас разумными существами, как и он сам. Он передал нам послание, сказал «добро пожаловать», потому что хотел, чтобы мы остались.

* * *

Мы не стали говорить об этом в деревне. Октаво не рад будет узнать, что этот бамбук действительно такой сообразительный, как он думал.

– Вот стекловар, – сказала я в полутемном погребе в деревне.

Снаружи гремела и хлестала гроза. Я вытащила из рюкзака кладбищенскую плитку.

На ней был изображен некто на четырех тонких ногах, поддерживающих тело с нависающим горбом. Странно согнутые руки-прутики и булавовидная голова с желтовато-коричневой кожей росли из плеч. На голове по бокам были большие серые глаза и вертикальный рот. Я видела немало других изображений и представляла себе строение их тела. Эта плитка оказалась самым хорошим мелким изображением стекловара. Внизу шла надпись: пять линейных отметин и три треугольника – возможно, имя этого существа.

– На нем одежда, – добавила я.

Красная кружевная безрукавная туника доходила до конца

его торса. Я видела кружево в компьютерных текстах.

Портрет пошел по рукам.

– Почти богомол, – сказал Октаво.

Мужчина или женщина? Мы этого не знали.

– Там хорошая охота, – сказал Джулиан. – У стекловаров были фермы, и там по-прежнему растут одичавшие тюльпаны и картофель.

Он придерживался нашего плана. А Вера сделала то, чего я и ожидала.

– Вы сбежали, и, что бы вы ни нашли, вам за это придется отвечать. – Она встала на ноги, размахивая руками с обвисшей кожей, так и не выпустив из пальцев разорванную тряпицу. – Вы действовали, не заботясь о благополучии и интересах Содружества в целом. Через четыре дня состоится собрание для судебных слушаний. А сейчас пора спать.

Внуки заскулили.

– Завтра я вам еще что-нибудь расскажу, – шепотом пообещала я им.

* * *

Конечно, рассказывать было что. Что-то из того, о чем мы умолчали, было не особо важным – вроде того, насколько тяжело нам далась обратная дорога. Мотыльки мешали нам меньше, а вот пульсирующей слизи стало больше. Прошли дожди, и река стала более полноводной, так что исчезли песчаные отмели, по которым было легко идти. Мы смотрели на плавник, застрявший в ветвях деревьев у нас над головами, и боялись, что сильная гроза может вызвать паводок. Обувь у нас сносилась, рюкзаки были нагружены артефактами, а вонючие земляные орлы запомнили нас как источник трилобитов и требовали кормежки.

Самым печальным было то, что закончились плоды бамбука. Мы растягивали их, сколько могли, но маленькие порции были ничем не лучше их полного отсутствия. Я уставала, у меня болела голова, я была голодная – и Джулиан чувствовал себя ничуть не лучше.

– Новую порцию можно получить, только вернувшись в город, – сказала я как-то вечером, ложась в гамак. – Но не сейчас. Одни мы там не выживем – вернее, недолго. Нам надо переселить туда всю деревню, всех. Нам надо там жить.

– Родители эту дорогу не осилят.

– А они вообще захотят идти? Не думаю.

Я замолчала, пытаясь представить себе жизнь без них. Могут

ли они представить себе тот город, сияющий в лесу у реки? Город большой, на самом-то деле… слишком большой.

Они про него знали. Они всегда про него знали. Они лгали нам всю жизнь.

Я лежала молча, не в силах это осознать, а он гладил меня под одеялом.

– Как бы мне хотелось, чтобы они смогли увидеть этот город, – сказал он. – Тогда они пошли бы.

– Они видели спутниковые снимки, – проговорила я наконец.

Спутник тщательно обследовал ближайшую местность на предмет ресурсов. Пока мы шли вверх по каньону, Джулиан рассказал мне про разлом, в результате которого возник водопад на Громовой реке у нашей деревни, и о гранитных горах, окружавших плато, на котором стоял город стекловаров. Спутник наверняка запечатлел достаточно деталей: все крупные водопады долины и реку, змеящуюся через лес на плато. Крыши города должны были привлечь внимание любого наблюдателя, но мы пользовались только метеорологическими картами, а карт геосъемки не видели.

Джулиан быстро сообразил.

– Они знали! Мама, Вера…

– Видели его каждый день на погодных картах.

– Знали. И скрыли. Почему было нам не сказать? Почему?

– Надо у них спросить. Но сделать это так, чтобы людям захотелось переселиться в город.

Я убедила его не бросать Вере вызов сразу же, хотя сначала нам хотелось это сделать, как только мы вернемся в деревню. Мы обсудим ее антиобщественное поведение на совете Содружества. Я знала, что его соберут, – и не ошиблась.

* * *

В деревне на следующий день после урагана мы начали отвечать на вопросы еще до того, как вышли из погреба. Джулиан отправился на охоту, а я вышла на площадь, чтобы сплести пару корзин для просеивания пшеницы, и масса народу нашли себе дела на площади.

– А там есть фиппокоты? – спросил маленький Хиггинс.

– Да, и они играют и катаются, как и здесь.

– А земля там хорошая? – поинтересовался один из фермеров.

– Ну, деревья там крупнее.

– А какой там климат?

– Это надо спрашивать у Веры: у нее ведь данные по погоде.

Но нам показалось, что там более прохладно и влажно. Поля не надо будет поливать. И мы знаем, что ураганы разбиваются о горы, так что нам больше не придется их опасаться.

– Там были земляные орлы?

– Возможно, но город окружен стеной.

– А что стало со стекловарами?

– Может, эпидемия, а может, они переехали жить в другое место.

– Сколько там плодов бамбука?

– Изобилие.

Мне сказали, что в наше отсутствие окончательно сломался томограф, что отец Николетты умер от космического рака, что открыли новый вид ящериц, крошечных и ослепительно-желтых, опыляющих цветы тюльпана.

Я заправила основу, заканчивая первую корзину, отмерила и нарезала тростник для второй.

– Наверное, радужный бамбук хочет того же, что и снежная лиана, – сказала я. – Даров и небольшой помощи.

– Там красиво?

– Ты даже себе не представляешь.

Рамона прихромала к нам, опираясь на две палки и кутаясь в шаль. Было странно видеть ее не в клинике, где она работала, – и сначала я решила, что она пришла послушать про город, но вид у нее был слишком печальный. Возможно, еще один родитель умер, и она пришла кому-то сообщить. Но она подошла ко мне.

– Сильвия, мне так жаль, – сказала она.

Она привалилась к моему рабочему столу и взяла меня за руку. Ее руки были холодные и дрожали из-за болезни Паркинсона. Мои родители уже умерли, тогда о чем она так жалеет?

– Джулиан погиб. Он сделал ошибку с отравленной стрелой.

Она что-то еще объясняла, но я ее не слушала. Джулиан умер. Джулиан!

Не может быть.

Рамона обняла меня. Она была тощая и тряслась.

– Мне так жаль. Знаю, что вы были близки.

Я попыталась заговорить – и обнаружила, что не дышу. Я заставила себя сделать глубокий вдох.

– Что случилось?

– Он погиб. Джулиан погиб на охоте.

– Как?

Даже на этом коротком слове голос у меня задрожал.

Она снова все объяснила – и я заставила себя слушать. По ее словам, это был просто несчастный случай на охоте в лесу у

озера. Он накладывал на тетиву отравленную стрелу, а она соскользнула. Вот только она лгала. Я это понимала: еще один лживый родитель. Он никогда не сделал бы такой ошибки. Он был отличным охотником – беззвучным, словно лесная сова.

Они лгали про Землю, лгали про город – а теперь лгали про то, как умер Джулиан.

Он умер. Они его убили.

Все говорили мне, как им жаль, обнимали меня и плакали. Я вспоминала, как мы с ним карабкались по долине к той первой бамбуковой роще, вместе, надеясь, что из-за очередного камня выскочит стекловар. Я вспоминала долгую дорогу домой после того, как мы оба столько узнали. Я спала с ним, ела с ним, говорила с ним – рассчитывала, что мы всю мою жизнь будем вместе.

Теперь жизнь изменилась и никогда не станет прежней.

Мы устроили похороны тем же вечером. Октаво ни с кем не желал разговаривать и к могиле не пошел. К своему собственному сыну! Не пошел, потому что знал: это не несчастный случай. Однако он не собирался что-то делать с теми, кто его убил. А может, не мог ничего сделать.

Я шла за телом Джулиана, когда его несли к могиле, и думала: не хочу, не желаю умирать здесь, не хочу вести тяжелую уродливую жизнь под диктовку лживых родителей-убийц, чтобы в итоге меня в лохмотьях пронесли по унылым полям и оставили на съедение жадной тупой снежной лиане. Вера произнесла короткую безликую прощальную речь. Я ничего не стала говорить. Наверное, не смогла бы. Да и потом детям разрешалось только хвалить умерших.

Поздно ночью у себя в комнате я съела сушеный плод бамбука, сладкий и пряный, но почувствовала себя только хуже, зная, что масса таких же ждут меня, хотят, чтобы я пришла: сады, украшенные плодами, в городе, сверкающем под солнцем, – а Джулиан больше никогда его со мной не увидит. Он был бесплоден, и потому им можно было пожертвовать. Он стал предостережением: подобные преступления совершались на Земле – и родители оставили Землю для того, чтобы убежать от этого, но все равно остались землянами. А я продолжу и без Джулиана. Должна.

На следующий день я была тиха и через день тоже. Порой я делала вид, будто он по-прежнему со мной, а порой представляла себе, что я вернулась с ним в город или что я в городе в будущем, мы все отправились туда жить – и я ищу те места, где мы побывали вместе. Хуже всего было ночью, одной – пытаться засыпать в одном уродливом здании, с теми людьми, которые его

убили. Я обдумывала, как вернуться в город, что мне необходимо сделать – и о том, почему они убили Джулиана, чтобы я молчала, но я молчать не буду. Я заставлю их говорить.

Брайен сказал всем, что проанализировал сушеные плоды, а когда его спросили о результатах, он вздохнул. Сказал, что объяснит все на совете.

Тем вечером я вышла на площадь, когда там расставляли скамьи, а Синтия подошла ко мне и спросила про город.

– Он большой и красочный, – сказала я.

– Тогда почему его нет на спутниковых снимках?

Она часто занималась собирательством и для этого полагалась на карты.

– Хороший вопрос.

Она нахмурилась, намотала прядь волос на палец и задумалась под завывания летучих мышей у нас над головами.

Вера вышла из какого-то дома с одним из родителей, которого вынесли на совет на койке. Она призвала всех к порядку, и мы все уселись.

– Длинное совещание будет не по силам некоторым из нас, так что давайте начинать. Сильвия нарушила договор Содружества, и нам надо решить, как она будет наказана.

– И что я сделала? – поинтересовалась я.

Она бросила на меня хмурый взгляд, потому что я заговорила на совете вызывающим тоном. Алеша сжал кулак и подмигнул.

– Ты убежала, – сказал Террел.

Октаво тихо проговорил:

– Мы убежали с Земли.

На его слова никто не обратил внимания.

Я не стала тратить время зря.

– Город виден с неба.

– Совет рассматривает не это! – отрезал Террел.

– Ложь – это так же плохо, как и побег, – сказала я. – Долгие годы лжи хуже одного побега. Спутник видит город. Нам об этом не говорили.

– Ты можешь это доказать?

– Надо, чтобы кто-то проверил коды данных со спутника, – ответила я. – Вот и доказательство.

Николетта встала:

– Я проверю.

Я посмотрела на Октаво. Он смотрел вдаль, беззвучно шевеля губами.

– Совет рассматривает не это, – сказала Вера. – Ты…

– Что еще вы знаете про город? – спросила я.

– Никакого города нет, – сказал Террел.

– Дело в радужных плодах, – сказал Брайен. – Я их проанализировал. Алкалоид. Знаете, что алкалоиды делают с людьми? Кокаин, никотин, стрихнин. Они вызывают зависимость. Влияют на мышление. Мескалин. Люди принимали мескалин и считали, что видели Бога.

А кокаин и никотин погубили Землю. Ему даже не нужно было это произносить вслух. Розмари и Даниэль сидели рядом, держась за руки. Второй рукой она прикрывала рот, а он нервно озирался.

– Эфедрин – тоже алкалоид, – сказал Блас, медик, – он стал вторым ребенком, подавшим голос, но вид у него был виноватый, и он смотрел в землю. – Он поддерживает дыхание.

– Город там, – заявила я. – У бамбука есть плоды.

Морщины у Веры стали глубже.

– Это возмутительно. Ты нарушила договор, а теперь выдвигаешь ложные обвинения. Перед тем как продолжить, надо со всем разобраться. Но чтобы больше никаких разговоров об этом не было до следующего совета. Это сеет рознь, а нам надо направлять все силы на созидательную деятельность. И я хочу, чтобы все принесенное Сильвией и Джулианом было проанализировано.

– Я могу это сделать, – прохрипел Октаво.

Брайен не скрыл своего разочарования. Я была раздосадована, но скрыла это. Родителей мне не убедить, но я знала, что некоторые дети уже со мной согласны. По дороге домой меня несколько раз мягко похлопали по плечу.

– Я все это должным образом проанализирую, – пообещал Октаво, зайдя ко мне в комнату. Он задыхался и хрипел. Я очень в этом сомневалась: он ведь знал, что Джулиана убили, а сам ничего не стал делать. Я смотрела на плоды, умирая от желания вгрызться в них, почувствовать, как высушенная мякоть во рту становится живой, сладкой и сытной. – Еще плоды, – сказал он. – Отлично.

– У меня есть кости стекловара.

Я наблюдала за его реакцией.

– Кости… очень хорошо.

Но он не был ни рад, ни удивлен.

– Вы знали про город.

Он не желал встречаться со мной взглядом.

– Я могу это проанализировать, – сказал он и ушел, шаркая ногами.

Лжец. Но мне показалось, что ему не нравится лгать. И есть все-таки надежда, что он не станет лгать и дальше.

На следующее утро, холодное и дождливое, сломались

метановые биореакторы в силовых установках автопропольщиков. Николетта была слишком занята их ремонтом чтобы смотреть на спутниковые карты: посевы были на первом месте. Меня отправили чинить крышу на центре даров, и там со мной встретилась Синтия.

– Нам даже нельзя об этом говорить! – пожаловалась она.

– Ну и не говори, – ответила я. – Не говори ни о чем.

Тем вечером мы, семеро детей, ужинали молча. Внуки решили, что это такая игра, и тоже к нам присоединились. Хиггинс попытался заткнуть Веру, когда та заговорила о погоде и новых проблемах с медицинским оборудованием, которые означали новую работу для Николетты и отсрочку для анализов Октаво, потому что оборудования не хватало для исследования окружающего мира и лечения прободной язвы у Анселя, чего-то у Террела, и чего-то еще у кого-то еще, и боли в суставах у симулянта-Брайена. При каждой ее фразе Хиггинс качал головой: нет-нет-нет! К нему присоединились другие внуки. Стоило Вере открыть рот – и полдюжины головок начинали трястись.

К следующему утру в Брайена кончилось терпение.

– У тебя зависимость от этих плодов, так ведь? Отвечай мне!

Вместо ответа я сняла с себя одежду, потому что родители терпеть не могли наготу по какой-то земной причине. Он удалился со всей возможной для него скоростью.

Этот протест стал популярным. Хиггинс с друзьями разделись донага и пытались снимать одежду с других.

Днем Вера, глядя мне в глаза и демонстративно игнорируя мое тело, приказала сделать клетку для водородных семян, близких к созреванию, так что я отправилась в сарай за травянистым эспарто. Хромая, подошел Октаво.

– Плоды нормальные, – сказал он.

– Брайен солгал? А ты – ты будешь лгать?

– Лжи хватало, но важно не это. Все сложно. Можем начать с плодов.

Мне хотелось начать со лжи, но он в конце концов до нее дойдет – или я его заставлю дойти.

Он пошел со мной в сарай.

– В них много витамина Е, который со временем может снять нашу проблему с фертильностью. Мы пока не нашли хорошего источника этого витамина. И еще кое-какие жирорастворимые витамины, например ниацин.

Он спотыкался, и я заставила его опереться на мое плечо: пусть он и лжец, но ненавидеть его у меня все-таки не получалось. Кажется, его не смутила моя нагота: он продолжал свою несвязную речь.

– Но витамины вполне естественны, как и пиридоксин, и их алкалоиды. О да, алкалоиды… как и снежная лиана. Нам из-за этого пришлось изменить понятие алкалоидов, знаешь ли. – Он заглянул мне в лицо. – Это – допущение земной науки. Мы… всегда считали, что они остатки азотного метаболизма, отлагающиеся в листьях, или плодах, или цветах, чтобы отбрасываться с ними. Полезны, конечно…

Он очень тяжело дышал. Ему нужна была передышка. Я предложила найти скамейку, но он сказал, что не хочет отвлекать меня от работы, так что мы медленно-медленно шли, и он продолжал свой сбивчивый монолог, а я ждала.

– Алкалоиды – это часть природы, хотя здесь они не так распространены. Что кажется логичным, поскольку у растений было больше времени, чтобы эволюционировать. Однодольные на Земле редко их вырабатывают. По-видимому… у них более эффективный метаболизм. Хотя алкалоиды отпугивают хищников. Никотин – сильный инсектицид. Растения создают всяческие токсины…

Он уставился на деревья и кусты, словно видел их впервые. Я приказала себе быть терпеливой – по крайней мере еще какое-то время.

– С сильными ядами проблема в том, что кривая обучения круче продолжительности жизни. Хищники не выживают, чтобы научиться, как это происходит с алкалоидами… Главный отталкивающий фактор – это сам вкус. Если у чего-то вкус не отталкивающий, то обычно… концентрация недостаточна, чтобы беспокоиться по этому поводу. И в этом случае появляется зависимость, что не удивительно. Алкалоиды часто ее вызывают, такие как кофеин, но вред – это вопрос другой. Растению нужно вызвать у вас зависимость, но без повреждений. Очень мудрый выбор, зависимость… Говоришь, плоды невероятно вкусные? Брайен слишком возбудим. И не только в этом вопросе… – Он огляделся. – Я тоже возбудим. Я его обучал – и, наверное, научил его и этому. Моя вина, во всем моя вина… снова. И я за это заплатил.

– Джулиан, – сказала я.

Он не ответил, но лицо у него было печальное.

Мы подошли к сараю. Я открыла его и достала связку травы.

– Что? – сказал он. – Эспарто? Нет, дай посмотреть… – Он перехватил у меня связку, прищурился на срезы стеблей, достал ручную лупу. Он рассмотрел их, а потом отбросил траву, словно она могла его укусить. – Не те… не те прожилки. Откуда она у тебя?

– Я уже довольно давно собрала ее на южном лугу.

Но, возможно, это был другой пучок. Этот казался немного меньше.

– Рицин. Тут рицин. – Он наклонился и стал тереть пальцы глиной. – Вымой руки. Это не эспарто, это плаун запутанный, lycopodium ensatus. Сухой он выглядит так же, но… ты бы его не перепутала, когда собирала. Экзотоксины… в нем много того, который называется рицином. К тому моменту, как ты все это сплела, у тебя бы с рук вся кожа слезла. – Он поднял связку своей палкой. – Это надо сжечь. Внуки, знаешь ли. Они могут пострадать.

– Как он сюда попал?

Но я и так знала. Я не поняла намека с Джулианом, так что мне требовался еще один урок.

Он нес связку на кончике своей палки и, хромая, шел к очагу у металлургической мастерской.

– Рядом он не растет. Ему требуется засоленная почва. Брайен…

– Это сделал Брайен?

Логично.

– Его пугает радужный бамбук. Я научил его… бояться растений, но плод был ядовитым… плод бамбука. После снежной лианы мы решили, что бамбук будет еще хуже. Пойми. Тогда этот плод был ядовитым. А теперь…

– Ты ходил в тот город?

Лжи было даже больше, чем я думала.

– Я – нет. Ури, Брайен и Джилл. Мы были взволнованы… Город. Брайен решил, что людей убил… радужный бамбук. Он пошел в наступление… захватил систему подачи воды… Но…

Он дышал с огромным трудом и выглядел плохо – гораздо хуже, чем обычно.

– Город был построен в подражание бамбуку, – сказала я. – Это видно любому. Послушай, тебе надо сесть и передохнуть. Я возьму ядовитую траву. Давай, садись на это бревно.

Я помогла ему сесть, подхватила с земли какую-то палку, подцепила траву и отнесла к очагу. Я высекла искру – и она вспыхнула, словно факел. Они знали про город, все родители знали, но они испугались бамбука. Настолько испугались, что убили Джулиана, чтобы мы точно туда не вернулись. Я вернулась к бревну, и Октаво попытался встать.

– О, мы все знали… – проговорил он. – Единственный город, найденный спутником…

– Единственный город? Нет, не надо вставать, я посижу с тобой.

Наверное, стоило бы позвать медика, но мне необходимо

было услышать то, что он говорит: правду о лжи, обо всей их лжи, наконец-то.

– Не все верят, что растения заметно разумны, но… но мы их боялись. Стекловары по какой-то причине исчезли… Снежные лианы были одомашнены. Они менее разумны. Бамбук… очень разумен. – Мне хотелось что-то сказать, но, судя по его виду, он очень боялся – и чего? – Хочешь вести достойную жизнь? Он хочет тебя содержать… Вы станете рабами в красивой клетке.

– Достойная жизнь – это то, чего я хочу. Вы должны были нам рассказать.

– Сейчас я тоже так считаю. Ложь, ложь – и Джулиан умер потому, что надо лгать и дальше. – Я не могла понять, он испуган – или печалится. – Но ты… не поверишь правде, дитя. Отравлена ложью. Мы и вы. Ядовитый плод.

– Я знаю правду. Бамбук разумен. Он думает – и хочет, чтобы мы там жили. Он будет нам помогать.

Что-то в его лице было неправильное.

– Но я ему не доверяю. Растения не альтруисты… Мы ему нужны для чего-то.

Он едва мог говорить.

– А люди альтруисты? Тогда почему растения – нет?

– Не все люди. Именно поэтому мы улетели с Земли.

Его правое веко закрылось. Правый уголок рта обвис. Я взяла его за правую руку – она оказалась вялой.

– Тебе нужен медик.

– Нет. Просто отдых. Мне нужен отдых. Я болен, Сильвия. Я долго не проживу. Нет смысла тянуть.

Я встала и со всех ног бросилась к клинике. Медики пришли с носилками и с первого взгляда определили, что у него инсульт. Я прошла за ними к клинике. Вера заявилась – и, даже не взглянув на него, начала на меня орать.

– Ты напала на Октаво! Ты зашла слишком далеко! Слишком далеко!

Она махала своей тростью, но я не испугалась. Она не имеет права управлять Миром.

– У него инсульт. Я тут ни при чем. Я ни на кого не нападала. Вы давно знали про город, и я могу это доказать.

Я вышла на улицу. Она больше не заслуживала уважения. Николетта может проверить материалы спутниковой съемки: чем бы она ни занималась, это не так важно, как доказательство того, что Вера лжет.

Я нашла Николетту за холмами – она регулировала электронную загородку у фиппольвов, которые уничтожали для нас недружественную снежную лиану. Я издалека увидела, что

она не стала одеваться.

– Нет, – сказала она. – Я не могу проверять спутниковые материалы.

Она на меня не смотрела.

– Это же просто, – сказала я. – Скопировать код фотофайла. Родители там побывали, оказывается. Брайен, Джилл и Ури. Мы можем доказать, что они знали.

– И что потом?

Больше она ничего говорить не стала. Фиппольвы уныло на нас смотрели. Электронные ошейники заставляли их оставаться по ту сторону изгороди, но они способны были убить любого из нас одним ударом – если им представится такая возможность. Я оставила ее в покое, но с вершины холма оглянулась на нее. Издалека определить было трудно, но, кажется, она плакала. Что они сделали с Николеттой?

По дороге домой я свернула на юг и прошла через поле готового зацвести эспарто рядом с западными снежными лианами. Я внимательно на него посмотрела. Когда эспарто высохнет, волнистые края листьев станут плоскими и будут напоминать ядовитую траву.

Что-то с силой ударило меня по спине – и я ничком рухнула в эспарто. Может, это был орел. Может, они вернулись. Я попыталась встать и бежать, не тратя времени на то, чтобы оглянуться, но меня снова ударили по спине, и, снова падая лицом о землю, я успела увидеть человеческие ноги. Кто-то встал коленями мне на плечи и вжал лицо в траву. Я заорала, но дышать было больно, и трава и земля заглушили звук. Кто это делает? Ноги были вроде бы мужские. Я попыталась снова посмотреть, но кто-то еще схватил меня за ноги и вздернул их вверх и в стороны, а мужские бедра ударили меня по ногам: он засунул в меня свой пенис. Я попыталась сбросить колени, прижавшие мои плечи, попыталась встать… Я пыталась и пыталась. Я хотела это прекратить, остановить его, вырваться. Он делал мне больно, втискиваясь и выходя, сухой и рвущий, и слишком широко раздвинутым ногам было больно. Я лягалась и хватала руками, но ничего не могла поймать. Мне хотелось сделать им больно, еще больнее, не думая, только боль и ярость – и у меня ничего не получалось.

Он вышел до конца и бросил меня. Трава оцарапала мои колени. Они еще раз ударили меня по спине. Я охнула. У меня болели ребра, плечи, пах, колени. Шелестя ногами по эспарто, они убежали. Я села, как только смогла, но они уже скрылись из вида, а у меня кружилась голова и я не смогла их поймать. Спустя какое-то время я увидела, что рядом со мной на траве лежат

рубашка и брюки: мне оставили послание.

Лицо болело. Я дотронулась до него. Грязь и что-то влажное. Еще не посмотрев на пальцы, я поняла, что это кровь. Я знала, почему на меня напали. Я слишком ценная, чтобы меня убивать, потому что я могу рожать детей, но они хотят, чтобы я прекратила сопротивляться, прекратила заставлять родителей сказать правду, прекратила считать, будто у детей есть право жить, как им хочется, – жить лучше.

Родители. Они заставили замолчать Джулиана. Они сделали мне так больно, как только могли. Я знала, чего они хотят, и я знала, чего я хочу, – и что бы они со мной ни делали, это ничего не меняло. Не считая того, на что я готова пойти. Ересь, бунт и война, наконец.

Свет уже был близ вершин деревьев. Я оделась. По пути в деревню я остановилась у оросительной канавы и вымыла все два, три раза. Я дрожала, хотя холодно не было, – и думать я могла только о насилии.

Дети и внуки уже оделись. Или сделали это, когда увидели меня, в ссадинах и царапинах. Они шепотом сказали мне, группа детей на площади, что случилось с Эпи, и Бласом, и Беком, маленьким сыном Леона и верным спутником Хиггинса, и с Николеттой, матерью Хиггинса, – об угрозах и избиениях. Им сказали, что я опасна. Вспомните, что случилось с Джулианом. Им велели не слушать меня, но они больше не желали повиноваться. Я рассказала им, что случилось со мной, – и они были готовы ответить, но как? Даже я не знала.

Алеша увидел меня и что-то промямлил, виновато одергивая на себе рубашку.

– Ури ходил в Радужный город, – сказала я, не дожидаясь, когда он что-то скажет внятно. – Твой отец знал. Они все знают – родители. И не хотят, чтобы мы туда шли.

Он недоуменно сморщился.

– Они боятся радужного бамбука. И меня боятся. Ночуй со мной, – попросила я. Он уставился на меня с открытым ртом. – С охотничьим ножом, – добавила я.

Он моргнул и кивнул. Неважно, понял ли он причину.

Я пошла навестить Октаво. Блас сказал, что ему лучше, – но выглядел он не лучше. Одну сторону лица у него перекосило, говорил он хрипло. Из уголка его рта текла слюна.

– Девочка, ты пострадала.

– Вера организует нападения. Ты это знаешь. Вспомни Джулиана. Ее надо остановить.

Он погладил здоровой рукой лицо, словно пытаясь отследить границу между здоровой и отказавшей частью:

– Мы ожидали рай. Найти рай. Знаешь, что мы нашли?

– Лучшее место для жизни. Вы не захотели туда идти, а я хочу. Мы хотим.

– Те кости, что ты нашла – в них ДНК. Мир использует РНК. Вот… почему… город единственный. Удивительно. Не с Мира. Другие искали рай.

Я не сразу поняла.

– Стекловары были чужаками? Как мы? – Я не знала, что думать, и мне было не до того. – Нам надо остановить Веру. Ты сможешь нам помочь?

– Паула сделала себя руководителем. Вера не училась, но никто не учился…

– Ты сможешь нам помочь?

– Помочь в чем?

– Уйти в Радужный город.

И освободиться от родителей.

– Бамбук еще умнее… Вы будете делать то, что он захочет.

– Бамбук не так плох. Ты его даже не видел.

– Плох, плох. Заставит вас остаться.

– Он просил меня остаться. Ему нужна вода, нужны дары, нужны мы. Стекловарам бамбук очень нравился: по городу это заметно. Хуже, чем здесь, быть не может.

Он вроде бы смотрел на меня, но я не была в этом уверена.

– Помоги нам, – попросила я. – Скажи правду. Больше ничего от тебя не нужно.

– Сказать правду… – Он неуверенно кивнул. – Да… правду.

– Спасибо.

– Ваше будущее, не мое.

Вид у него был несчастный. Я поцеловала его в здоровую щеку.

Блас сказал мне, что он поправится, – что инсульт не настолько обширный. Он похлопотал над моими царапинами и притворился, что поверил, когда я сказала, что больше ничего не болит. Я старалась об этом не думать, но не могла прекратить – и думала не только о себе.

– Это неправильно, – сказал он. – Что будем делать?

– Увидишь, – ответила я.

Вот только я все еще не знала точно, что именно сделаю. Как отреагируют родители, когда Октаво заговорит? А дети? Мы, дети, уважали Октаво, а некоторым он нравился. Но родители попытаются нас прижать. Снова.

Когда я уходила из клиники, Октаво дремал. Я прошла к себе домой через крошечное скопление уродливых хижин, служивших нам домом. Растения нас подкупали, но они нас не били и на нас

не нападали. Алеша ждал меня в моей комнате и ночью крепко обнимал каждый раз, когда я просыпалась, дрожа: мне снилось, что я на поле с эспарто.

Утром мы узнали, что Октаво умер. В это время с ним была Вера. Многие дети усомнились в ее словах, и, когда я шепотом рассказала им про город, про плоды, про то, что Октаво сказал и что собирался сказать, они поняли, что произошло на самом деле. Родители знали про город и инопланетян и боялись – так боялись, что готовы снова убивать. Кто станет следующим? Их надо остановить – и я могу это сделать. Я приготовилась.

Октаво хоронили тем же вечером. Мы шли со скоростью самого медлительного из родителей: они ковыляли со своими палками и костылями через поля, сверкающие светляками. Эти поля, эти жалкие пятна зелени, были их единственной надеждой и единственным достижением. Слышны были только рыдания, и я тоже плакала: по Октаво, по тому, как все плохо. На меня напали. Джулиана и Октаво убили. Если я ничего не предприму, все станет только хуже.

Октаво опустили в могилу рядом со снежными лианами, которые он ненавидел.

– Он больше других хотел Миру успеха, – сказала Вера. – Он искал съедобные растения, помог нам понять свое место в нашем новом доме и то, как жить здесь в мире. Он дарил нам взаимное доверие и поддержку, чтобы мы могли жить новой общиной и создать новое общество.

Она цитировала конституцию – слова, в которые не верила. Я приготовилась.

Она повернулась поднять лопату, лежавшую у могилы, даже не думая, что кто-то еще заговорит – и уж тем более не я.

– Октаво был лжецом, как и остальные родители, – сказала я.

Она повернулась:

– Как ты смеешь!

– Вы все знаете, что город существует – всегда это знали.

Она подняла лопату, словно оружие, оскалив зубы. Она стояла в нескольких метрах от меня. Я бросилась к ней, доставая из-под рубашки нож с отравленным лезвием.

Морщины на ее лице собрались волнами. Она заорала:

– Назад!

Она не заслуживала повиновения. Я отпихнула лопату. Она упала.

– Остановите ее! – завопила Вера. – Она не смеет!

Но я видела только все то, что уже случилось, – и все то, что я могу прекратить. Я подняла нож – и опустила его. Лезвие отвратительно проехалось по ее ребрам, и она завыла, словно

летучая мышь, пока я не повернула нож и обеими руками не пропихнула лезвие в нее, а потом столкнула ее в могилу. Я набрала в легкие воздуха.

Это было еще не все.

Когда я повернулась, Алеша и Блас пытались скрутить Росса, Вериного сына. Брайен уже валялся на земле и орал, а Николетта стояла над ним, держа его палку, словно дубинку. Родители верещали, что я нарушаю то и это, а Николетта и Синтия кричали им, что я права. Маленькие внуки визжали, а Хиггинс стоял впереди них, грозя родителям кулаками.

Вера всхлипнула и затихла. Джулиан тоже так умирал? Я не могла смотреть в могилу. Новый Мир начинался неправильно – и мне надо было что-то предпринять. Я вскинула руки – на одной была Верина кровь. Голоса детей призывали к тишине.

– Они все знали, что там есть город, – еще раз повторила я, – и они боялись. Со стекловарами что-то случилось – и они обвинили в этом радужный бамбук.

Брайен начал что-то говорить.

– Тихо! – шикнула на него Николетта.

Я продолжила:

– Но родители лгали не поэтому. У них была мечта. Они хотели создать новое общество, улучшенную версию Земли. Они считали, что создадут ее через лишения, и чем больше было лишений, тем сильнее была их уверенность в том, что здесь у них новая Земля.

– Это так! – выкрикнул Брайен.

– Но это не работает, – возмутилась Николетта. – Она не лучше.

– Они получили свое новое общество, – сказала я. – Это мы. Мы можем делать собственный выбор. Мы, дети. Октаво спросил меня, хочу ли я достойную жизнь. Хочу. Есть место, где жить лучше, чем здесь. Пора выбрать нового модератора.

Я обвела всех взглядом. Все молчали и смотрели на меня.

– Кто хочет, чтобы на Мире было что-то кроме бесконечных лишений? – спросила я. – Кто не боится перемен? Голосуйте за меня. Я стану модератором, и мы больше не будем просто выживать. Родителям нужна была новая Земля. Нам нужен Мир. Время родителей вышло. Голосуйте.

За меня подняли руки: Алеша, Розмари, Даниэль, Леон, Николетта, Синтия, Энея, Меллона, Виктор, Эпи, Блас, Рави, Кармия и Хрок. И Хиггинс, и многие внуки. И один родитель – Рамона. Я не просила поднимать руки тех, кто был против меня.

Так что это был бунт. Я стала модератором, несмотря на меньшинство голосов – и несмотря на то, что в мои восемнадцать

мне было на семь лет меньше, чем требовала конституция. Но к тому моменту, когда мы все переместились в Радужный город, мне уже исполнилось столько, сколько нужно, и у нас с Алешей было двое здоровых ребятишек. Сын Веры, Росс, скорее всего, был одним из тех, кто тогда на меня напал, но когда он увидел Радужный город, то захотел там остаться и приложил больше всех трудов, чтобы его подготовить. К тому моменту, когда мы навсегда ушли из деревни, в живых оставалось только четверо родителей.

Я не хотела их бросать, хотя в те последние дни их полуслепые глаза смотрели на меня как на убийцу. Мы даже предлагали их нести! Когда я в последний раз уходила из поселка, восходящее солнце было ярко-красным. Когда оно садилось, мы разбили лагерь над водопадом. Летучие мыши пикировали и завывали, и я снова услышала, как умирает Вера. Земля закончилась.

Хиггинс и бамбук год 63 – поколение 3

Мы понимаем, что должны постоянно делать выбор, и что наш выбор влечет за собой последствия, и что нам не гарантированы здоровье, счастье или даже жизнь.

Из Конституции Мирного Содружества

Хиггинс

Бек правильно сделал, что пригласил меня на рождение своего третьего ребенка: я уже принял две дюжины родов, включая одни у фиппольвицы, – что чуть не стало моей последней ошибкой. Бек – мой лучший друг, и потом, настоящим отцом ребенка был я, и отец из меня получился бы гораздо более качественный, чем из него.

В родах есть один этап – перед самыми потугами, – когда женщины часто паникуют. И на самом деле они не думают то, что кричат, хотя если бы мне пришлось все это вытерпеть, я вообще готов был бы убивать. В этом женщины крепче мужчин. Индира, прекрасная кареглазая Индира, волосы у которой вьются и закручиваются, словно вода в ручейке, Индира 325 дней терпела гормоны, изжогу, головные боли и геморрой, а потом – полдня схваток. Она сама свернулась, словно младенец, плача и дрожа в своем всегда убранном доме, где колыбель уже ждала чудесного мига. Бек держался у двери, чтобы в случае чего быстро сбежать: не самый лучший отец, как я и сказал, – хоть и широкоплечий мужчина, очень подходящий для того, чтобы чинить кирпичную кладку и вскапывать землю. (Я гораздо красивее, хоть у кого спросите, и, что еще лучше, идеально симметричен с ног до головы, что говорит об очень хороших генах.)

Индира приказала Беку открыть дверь навстречу слякотной погоде, потому что ей жарко. Она орала, что раньше у нее спина так не болела, а значит, с ней что-то не так.

– Здесь? – спросил я, ласково поглаживая ее позвоночник.

Она провыла что-то, что я принял за «да». Я посмотрел на старого медика, Бласа.

– Вероятно, просто голова плода давит на позвоночник, ничего опасного, – сказал он. – Все нормально.

К его немалому облегчению.

Я начал растирать место над этими чудесными крутыми бедрами, и мои ладони заскользили по потной коже.

– Здесь?

– Не останавливайся! – попросила она.

– Скоро, малыш скоро появится, скоро, скоро, – ворковал я. – Ты возьмешь его на руки, скоро, скоро.

Просто расслабься, расслабься. Индира была не из тех, кто расслабляется…

Но фиппольвицы обычно именно такие, так что несколько месяцев назад, когда я услышал мяуканье Глины – усталое и безнадежное, – я хотел было бежать, потому что догадался, в чем

проблема, но не захотел ее спугнуть. Мы держали стадо из дюжины взрослых львов и их котят чуть выше по течению, чтобы валить сосны на дрова и ради расчистки новых полей, и я шел на вечернюю проверку, потому что я тот парень, который отвечает за животных. Люди больше всего боятся передних когтей льва – и это правильно, потому что это стремительные косы, но, когда львы выкапывают корни, эти когти выполняют только второстепенную работу. Задние когти в длину не больше ваших пальцев, зато они обитают на концах мощных скачковых лап. Лев одним ударом может вырвать вам кишки и перебросить вас через купол дома. А с чуть бо́льшим усилием он может сшибить дерево.

Глина лежала на боку, свернувшись и дергаясь в гнезде из бревен и листвы. У львов мозгов не столько, чтобы им требовалась большая голова, так что роды должны быть легкими – и обычно мы с крупными фиппами держимся на почтительном расстоянии друг от друга. Остальное стадо в тот вечер тоже держалось от нее на почтительном расстоянии. А я, идиот, подошел поближе, подражая их воркующей болтовне:

– В чем дело, Глина? В чем проблема, лапочка? Дай я посмотрю, я тебе плохо не сделаю, расслабься, расслабься.

Я тронул ее когти так, как они это делают в знак приветствия, и ворковал, и гладил ее длинную шерсть, и дал обнюхать мне лицо. Ее цепкие губы свернулись от боли при схватке, глаза моргали измученно и слабо, и она снова мяукнула – ужасный выдох, совсем не характерный для здорового льва. Она крепко прижимала задние лапы к груди, а шерсть намокла от крови и околоплодных вод.

– Не тревожься, Глина, все у нас хорошо. Дай я посмотрю, дай посмотрю. Я толкнул ее лапы, и она чуть раскрылась. – Расслабься, расслабься.

Ручка, покрытая слипшимся светлым мехом, торчала из щели прямо под ее грудиной: три пальчика с жемчужными кончиками, готовыми вырасти в когти. Львята должны рождаться головой вперед, как люди. Дело было плохо. Я коснулся ручки. Пальцы дернулись. Может, шанс есть. Я погладил живот, пытаясь прощупать положение котенка. Когти мамочки начали гладить мне спину – очень нежно, просто отвечая. Котенок лежал не полностью поперек, насколько я понял, – если только не принял напрягшуюся мышцу живота за его головенку (вполне может быть), но раскрытие было полным и, может быть – может быть, – мне удастся извлечь малыша.

Самец-вожак, Копатель, на краю вырубки заворчал и царапнул когтями землю, наблюдая за мной.

Я потер чуть сильнее, и ее когти зацепили воротник моей куртки и начали его рвать.

– Расслабься, расслабься, если тебе так лучше, то рви, сколько хочешь. – Я стоял рядом с ней на коленях, в досягаемости задней лапы. – Не напрягайся, лапочка. – Я чуть потянул ручку и потер снаружи, пытаясь провести голову мимо горба, но у меня не получилось. Я почти смог, и у нее и пошла потуга, но мы ничего не добились, разве что малышу стало еще тяжелее. Глина всхлипнула так, что у меня сердце сжалось.

Не задумываясь, я закатал рукав и засунул руку внутрь, в жар и слизь, и в мощные мышцы. Головка так близко! А львица провела когтями по моему воротнику, и куртке, и бахроме. Мои пальцы сомкнулись вокруг головы львенка, вокруг мордочки, и провели голову мимо вытянутой ручки, – и львица вдруг потужилась, а я потянул, потянул за ручку и за мордочку в родовых путях, а ее когти вошли мне в волосы, и мордочка уже вышла, розовая, а когти бритвами прошлись по моему скальпу и волосы посыпались мне на плечи. Вся голова родилась со следующей потугой, и я прочистил носик и пасть, а она снова потужилась, вспарывая когтями мне куртку, и тельце тоже родилось. Дитя вдохнуло и вякнуло, и я показал его ей – мальчик – и положил рядом, и когти вылетели из моих волос, и она его облизывала, а он лизал ее. Оба были слабы, но радостны, а я медленно пятился, продолжая ворковать. Славный счастливый малыш, чудесная мама прекрасно поработала.

Копальщик с рычанием надвигался на меня на всех четырех лапах. Я встал. Он поднялся на задние лапы. Мои глаза находились на уровне его груди, так что я был в откровенно проигрышном положении. Он прыгал быстрее, чем я мог бы бежать, так что бегство ничего не дало бы. Но у меня всегда было чутье на львов, как и на котов. Стекловары или еще кто-то их одомашнили. Наверное, Копальщик знал, как быть номером вторым, если бы я смог показать ему, что я – номер первый. Или так мне казалось.

Я сделал шаг вперед. Он занес когти, так что мое проигрышное положение стало еще яснее. Я зарычал и поднял руки как можно более угрожающим движением – жалкие мясные пальцы. Интересно, львы могут смеяться? Мне нужна была большая палка, но, если я за ней наклонюсь, меня распустят на тряпочки. Однако ему надо было только продемонстрировать свою власть, так что отвел заднюю лапу и выпнул на меня громадный ком земли и камней. Я заметил летящий ком и поймал его уцелевшей частью куртки. Схватив какой-то камень, я с силой бросил его, метясь ниже грудины, в его мужской орган.

Мне еще раз повезло. Он взвыл и согнулся, но тут же выпрямился и изготовился прыгать. Я бросил еще одним камнем в его острый нос, который, как я надеялся, окажется еще более нежным, чем его орган, попал прямо в него – и он упал. В качестве завершающего аргумента я вывалил на него грязь со своей куртки. Он остался лежать с окровавленной мордой – новый номер второй.

Я обошел вырубку, протягивая руку другим львам, хоть мне с трудом удавалось сдерживать ее дрожь. Кое-кто из молодых самцов принюхивался, и я затаил дыхание: вдруг они решат бросить мне вызов. Вся стая смотрела на меня. Никаких вызовов. Я погладил Глину и львенка и ушел, стараясь двигаться как можно увереннее.

И вот в сумерках я вернулся в город, порванный, обстриженный, окровавленный, покрытый холодным потом и задыхающийся. Я понял, что потратил годовой запас удачи. Меня ведь могли убить прямо там, при всей их одомашненности, даже коты способны убить, не говоря уже о львах. И что же я за идиот? Я идиот, который выиграл, но стоил ли того мой приз?

Индира подбежала ко мне – Хигг! Хигг! – но как только убедилась, что я цел, а на мне только кровь Глины, то тут же вернулась к своему ткацкому станку: она всегда была усердной. Женщины крепче, но не всегда в том, в чем мне хотелось бы. Она уже была беременна…

И вот теперь Индира рожала и подумала, что при ходьбе спина будет болеть меньше – и так оно и оказалось. Скоро она уже стояла на четвереньках и тужилась. Бек – чисто декоративная часть помещения – все так же держался у двери. Я встал перед ней на колени, стирая пот с лица, которое я порой вижу перед тем, как проснуться в пустой постели, а она уже болтала и дышала нормально без всяких напоминаний. Блас сидел на стуле позади нее и держал зеркало, чтобы она могла смотреть на свои труды. Еще один медик ожидал с салфетками, теплой водой и одеялами и пеленками, готовый подскочить с необходимым, одновременно следя за очагом, чтобы всем было тепло. Бек время от времени высовывался из двери, чтобы перебросится словами с кем-то на улице, стараясь оказаться как можно дальше, но так, чтобы это еще не считалось трусливым побегом.

Головка показалась и родилась, а потом одно плечо… два плеча, мокрые и чудесные, а потом и весь малыш. Мы с Бласом немного обтерли ребенка, быстро его проверили, и Индира плюхнулась на кровать, чтобы взять младенца – чудесную девочку с хорошими легкими. Мы с Индирой полюбовались на нее, потом это сделали медики – и, наконец, Бек набрался храбрости, чтобы

подойти и посмотреть. Все мы были потрясены и поздравляли друг друга. Это нас заняло до выхода последа.

Новая девочка. Не знаю, как Индира с Беком решат ее назвать, но я уже был готов петь ей песни и стричь льва на шерсть для пушистых тапочек, чтобы этим нежным ножкам всегда было тепло.

Мать Индиры заглянула сказать, что приведет других их детей. Я помог прибраться к приходу гостей.

– Миленькая! – объявила сестра новорожденной, Луна, вскоре после прихода, дивясь крошечным пальчикам и ушкам.

Луна тоже была моей дочерью, ей было четыре года, и ее брат, Ветер, почти десятилетний, был моим сыном. У меня немало детей (проклятье Мира, бесплодие, все еще остается проблемой – но не для меня), а поскольку гены у меня такие хорошие, то их распространение не вызовет особых проблем в следующих поколениях.

Я протер пол и унес кое-какое оборудование обратно в клинику, с каждым шагом чувствуя все большую безрадостность. Волнения родов закончились, оставив меня в личной послеродовой депрессии от размышлений о младенце, который одновременно мой и не мой.

Эту головоломку поможет решить хорошо выдержанный трюфель. Львы не едят свежие корни трюфелей, при всей их сладости и распространенности, – наверное, потому, что они воняют, как протухшие трилобиты, но при ферментации вкус и запах меняются. Я собираю то, что они выкапывают, варю в воде, и добавляю масляный корень (его львы едят, так что копать приходится самому), а через несколько дней, когда настой кончает пузыриться, я процеживаю отвар в другую банку, запечатываю сосновым воском и жду месяц или больше. Результат – моя главная слабость (после женщин) и надежное утешение.

Я эксперт по трюфелю. Хороший трюфель пахнет как цветки чертополоха, как поджаренный миндаль, как река на закате в теплый вечер, когда у тебя был хороший день и ожидается хорошая ночь. Я взял две больших банки с пирамиды в эркере моего дома – не самый большой и не самый лучший дом в городе, но меня он устраивает. Купол отремонтирован достаточно хорошо, но вот четыре из шести боковых эркеров оказались безнадежны, так что стены были возведены заново, простые и прямые. Тем не менее места хватало для кровати, стула, стола, кое-каких инструментов – конечно же, музыкальных инструментов – и больших запасов трюфелей.

Держа банки в руках и повесив гитару на спину под курткой, я направился в Дом Собраний – самое большое здание на Мире,

где, как мы предположили, сами стеклодувы устраивали собрания, – со встроенными скамьями по кругу и такой большой крышей, что ей потребовались колонны. Зимняя морось превратилась в ледяной ливень, я шлепал в деревянных башмаках, а с бахромы на куртке скоро начнет капать. Бахрома не греет, но она мне идет, так что я всю одежду ею украшаю.

И я получал удовольствие от прогулки – или старался получать. Ночью в дождь у города есть свое очарование. Стеклянные крыши домов светились от зажженных внутри ламп и очагов, а свечка в моем фонаре выхватывала круг дождевых капель и намеками показывала сады и бамбук вокруг домов. Листва зимой была скудной и сверкала под дождем – это была скорее тень города, чем плотная реальность города в солнечный день. Но вот если прислушаться, то услышать можно больше, чем увидеть. Плеск дождевых капель показывал то, что скрывалось в тени: изгибы стен, путаницу листвы, поверхность тротуара. Нужен чуткий слух, чтобы оценить красоту холодной влажной ночи. К тому моменту, как я дошел, я уже решил, что у меня не тот слух, чтобы реально и от души ценить ночную прогулку под ледяным дождем.

Когда я вошел, Карилла, нацепившая столько бамбуковых украшений, что хватило бы на хороший костер, поцеловала меня в щеку. Мне знакомы были эти полные мягкие губы, теплые губы, но она поцеловала меня целомудренно, словно никогда не стонала в моей постели от экстаза. Она сияла от беременности – моя работа. Ее муж, Орсон, заговорил со мной о повседневных делах – уходе за фиппокотами. Палома, пухленькая и аппетитная, поцеловала меня столь же целомудренно, держа на руках маленькую Сьерру. Моя малышка Сьерра, с улыбкой точь-в-точь как у меня. Сьерра тоже меня поцеловала и велела своей кукле меня поцеловать – эту куклу я вырезал ей из фарфорового дерева, с подвижными суставами и инкрустированными агатом глазами. Другие женщины тоже целовали меня в щеку и справлялись об Индире и младенце, но только мои родители спросили, как дела у моего новорожденного. Ни у кого не было столько внуков, сколько у них, но наедине – это одно, а на людях – совсем другое.

Портить праздник обидами? Это не по мне. Все мои дети были здесь. У Джефферсона и Лейфа только что выпал передний зуб. У Лейфа мои карие глаза, но у меня они ведь не бывают такими печальными, правда? Татьяна выучила еще несколько столбцов из таблицы умножения. Ей всего шесть, но она ко всему относится очень серьезно и для своего возраста она высокая – и то и другое от меня она унаследовать не могла. Я дал Хатор львиной шерсти, а она ее спряла и связала шапку, и ее брат-

близнец, Форрест, тоже попросил шерсти. Орион пожелал узнать, правду ли сказала Тиффани, будто фиппокоты понимают все, что мы говорим, потому что у Тиффани фиппокот топает лапой правильное количество раз, когда называешь какое-то число, если оно не слишком большое. Я сказал, что коты сообразительнее, чем мы раньше думали.

Бьорна – неизменно спокойного ребенка – заворожила масса еды, выставляющейся на столы, а я стоял рядом с ним, не менее завороженный: долгие роды Индиры дали кухонной команде достаточно времени на подготовку. Сладкая выпечка, два сорта хлеба, колбаса, копченая рыба, три сорта сушеных плодов, маринованный лук, тушеные птицы, салаты, яйца, олений краб и ямс! Богатый стол для зимнего времени – и столько еды, что нам все не съесть. Но мы постараемся, после того как отберем лучшие кусочки, чтобы отправить Индире. Я отставил трюфель ждать прихода Бека. Я надеялся, что он придет скоро – и в то же время надеялся, что он останется с Индирой до тех пор, пока она не перестанет нуждаться в поддержке – несовместимые надежды, включая и искреннюю надежду на то, что он, наконец, начнет что-то делать для Индиры. Он меня разочаровал. Я надеялся, что к третьему ребенку он все-таки поймет, как надо себя вести.

Он пришел, когда дети уже начали уставать. Они ели, и пели, и плясали, пока даже фиппокоты, эти зеленые пушистые любители веселья, не ускакали к себе в норы, с обвисшими хвостами-завитушками. Я поучаствовал во всем. Никто не знает так много плясовых детских песенок, как дядя Хигг. Я придумал для малышей новую песенку про Свет и луны, и даже взрослые ее подхватили.

Галилей, вот странная луна:
Днем и ночью она видна.
Быстро садится, на западе встает,
Время не покажет, но яркий свет дает.

Когда пришел Бек, дети взбодрились.

– Имя, имя! – скандировали они: ритуал праздника новорожденных.

– Снежка! – сказал он.

(«Снежка! – подумал я. – Что за имя!» Но я продолжал улыбаться. Дядя Хигг должен служить примером.)

Дети постарались спеть и сплясать для Снежки, но им уже хотелось спать. Я постепенно замедлил песню до колыбельной, и они последовали моей подсказке: порхнули на землю, как снежинки, и замерли…

Вскоре после этого я открыл банку и разлил содержимое для тостов: настоявшееся до красновато-коричневого, ароматное. Трюфель для желающих и фруктовый пунш и чай для тех, кто склонен отклонить или соединить, как говорится. Пора отпраздновать рождение! Мое пятнадцатое, и двенадцать из них выжили. Казалось бы, мне пора привыкнуть, но любое рождение – не только у меня, но и у львов, котов, летучих мышей и ящериц за миллиарды лет во всей галактике и Вселенной, – все рождения невозможно должным образом отпраздновать. Однако трюфель – неплохое начало.

Сильвия подняла чашку.

– Все дети особенные, но Снежка – это этап. Сегодня мирян стало сто. Это чудесное число, и не только потому, что оно красивое и круглое. Оно чудесное, потому что цифра увеличивается. Снежка желанная, как и все малыши перед ней и все малыши после нее и как все здесь. Сегодня нас сто! За Снежку!

Очень скоро, после двух больших чашек неразбавленного трюфеля, я спросил у Бека:

– Почему Снежка?

Я боялся услышать что-то глупое: он ведь уже назвал двоих детей Луной и Ветром. Не понимаю, почему Индира позволяет ему выбирать имена.

– Ты не одобряешь.

– Оно… перекликается с природой, полагаю.

– Сейчас в горах идет снег, так что я подумал: Снежка. Тебе противно.

– Снежка?

– Снежка. Моя дочь. Я дал ей имя.

– Мне просто интересно.

– Дать ей имя – моя обязанность.

– Ты мало что сделал во время родов. Наверное, приходится пользоваться оставшимися возможностями.

– Ты же знаешь, что мне больно видеть, что терпит Индира.

– Ей приходится много вытерпеть. Вот почему ей нужна помощь.

– Есть то, чего я делать не могу.

– Есть то, чего ты не делаешь.

– И тут-то появляешься ты.

– Я не об этом.

– Но это правда. Ты сделал ей ребенка. Я даю имя.

– И ты явно потратил на это немало усилий.

– Это ее имя: Снежка. Моя жена, мои дети. Твое дело сделано.

Я ненадолго задумался. Он был прав, хотя я предпочел бы

нормальное имя вроде Анны или Розмари. И нормальные имена для Луны и Ветра. По правде говоря, я много чего предпочел бы, а он стоял тут передо мной – и ни черта не сделал, а вот вся награда досталась ему. Он дал малышке идиотское имя, которое мне не понравится, просто чтобы его права были очевидны – точно так, как Копальщик бросал в меня грязью.

Я дал Беку по морде.

Он попятился, прижимая ладонь к носу. Я бил его не сильно. Он остался на ногах, и нос у него почти не кровил. Он посмотрел на меня и захохотал. Мне захотелось еще раз его ударить. На нас смотрели, но никто не пытался меня остановить.

– Хигг! – Он потянулся, чтобы по-братски обнять меня за плечи. Я отступил на шаг – но недостаточно быстро. – Ты можешь напугать львов – но не меня. Ты самый счастливый человек на Мире. Женщины, дети, трюфель – все, что пожелаешь, когда пожелаешь.

К этому моменту он уже прижимал меня к себе. Похоже, он выпил даже больше, чем я. В такой позе как следует размахнуться не получилось бы.

– Ты мой лучший друг, Хигг. Снежка – красивое имя. Отличное имя.

– Как скажешь.

– И скажу. Ничего личного.

– Ничего личного. – Я был собой недоволен. Можно было ударить его получше, так ведь? А я не смог. Я высвободился. – Выпью-ка я чая, – сказал я.

Сильвия ждала меня у кувшина с чаем, чтобы с серьезным видом вручить чашку трюфеля.

– Я была вспыльчивая, – сказала она.

– Я не вспылил.

– Знаю. Вот и хорошо.

Она предложила мне посидеть с ней. Я не помню тот день, когда она убила старого модератора и спасла нас, но моя мама говорит, что в тот день Сильвия изменилась. А вот переезд в Радужный город я помню. Я считал Сильвию умной и могущественной. Я любил ее по-мальчишески, и это чувство так и не прошло, даже когда она стала морщинистой и седой. Мы устроились у дальней стены, и я сделал большой глоток трюфеля.

– Это нечестно, – сказал я, снова чувствуя себя мальчишкой. – Я люблю Индиру, а она остается с Беком.

– О вкусах не спорят.

Она отпила немного трюфеля из своей чашки.

– Мне нужна жена, мне нужна… Индира.

– И Зоя, и Палома, и Карилла.

– И они. Хоть кто-то. Они должны со мной остаться, хотя бы одна из них.

– Ты знаешь цифры. Мужчин больше, чем женщин. Не будь ты фертилен…

И правда. Иван с Томом, наверное, оставались вместе потому, что у них не было других вариантов. Я сделал еще один большой глоток трюфеля.

– Женщины на мою любовь не отвечают. Они меня используют.

– Они знают, что во всем могут на тебя положиться.

– А Бек… Все мужчины считают меня игрушкой женщин.

– Нет. Они видят тебя с фиппольвами. Ты – главный лев. Это всех впечатляет. Меня впечатлило.

– Конечно. Женщины меня любят. Мужчины меня уважают. Львы меня боятся. – Для любого со стороны это может выглядеть именно так. – Наверное, мне не стоило бить Бека.

Она пожала плечами.

– Не мое дело.

Но на следующее утро, протрезвев, я понял, что это было именно ее дело.

Ближе к вечеру я пошел навестить львов. По пути я слушал летающих у меня над головой летучих мышей. Большинство охотников знают только несколько слов, а вот я понимал гораздо больше. Вот только в тот вечер они мало что могли сказать:

– Еда!

– Где?

– Здесь.

– Что? Жуки? Много?

– Да. Летим!

Копальщик приветственно взревел, и остальная стая подхватила клич. Он подбежал ко мне. Я приготовил ему большую миску корней трюфеля – то, что я отделяю после первой ферментации: вонь гнилых трилобитов сменяется алкогольным запахом. Он сожрал их, довольный быть на втором месте у такого первого, который приносит столь чудесные дары. Я прихватил себе небольшую бутылочку и устроился на бревне в теплом зимнем пальто, чтобы неспешно ее пить и смотреть, как луна пляшет, словно игрушечная звезда. Он устроил свою длинную узкую башку у меня на коленях, и я почесал его костлявую макушку. Он заворковал. Другие львы подтянулись, чтобы плюхнуться вокруг меня, и их воркование стало хоровым. Я присоединился к ним, толком не зная, что именно пою, – и мы устроили закату серенаду одной счастливой стаей.

Женщины мне лгут. Мужчины надо мной смеются. Большие,

тупые, мохнатые зверюги считают, что я – один из них. Но дети меня любят. И у меня есть трюфель. На закате у реки зимним вечером, когда начинается северное сияние, у него вкус как у счастливых времен, которых ты толком не помнишь, но они явно были, может, будут завтра, надо просто дождаться и посмотреть.

Бамбук

Ростовые клетки делятся и расходятся, заполняются соком и созревают – и еще один лист раскрывается. Их сегодня сотни, молодых листьев, нежных под солнцем. С жаром света приходит глюкоза для создания крахмала, клетчатки, липидов, белков – всего, что я захочу. В любом нужном мне количестве. Радуясь, я выращиваю самые разные листья, ветки, стебли, ростки и корни.

Вода бежит по отремонтированным трубам пришельцев, словно по жилкам листьев, делая меня свободным от дождей и времен года, так что я могу развиваться, как пожелаю. Вода питает прикорневые грибки, которые вырабатывают азот для аминокислот. Вода обеспечивает повышенную транспирацию листьев и, следовательно, лучший фотосинтез: рост приращивается к росту и приносит удовлетворение.

Благодаря чужим животным я больше, чем вчера, – обширнее, разумнее, сильнее. Такой же сильный, каким был когда-то. В городе я царю. За его границами рощи и стражи защищают и питают меня. Я превращаю свет в вещество. Я повсюду контролирую солнечный свет.

Разум излишен для животных и их ограниченной однообразной жизни. Они взрослеют, размножаются и умирают быстрее, чем сосны, – и каждое животное эквивалентно своему предшественнику: они не умнее, не отличны, всегда повторяют предков, не уникальны. Однако при большей разумности – меньше контроля. Безмозглый корневой грибок никогда не дает осечки, а вот мотыльки-посланники появляются и исчезают с временами года, более крупные животные вырабатывают иммунитет к зависимости, а первые чужаки, построившие город, оставили его и меня без объяснений и причин как раз тогда, когда мы начали устанавливать коммуникацию. Они сбежали, выяснив мою природу, или они исходно были предателями?

Их разум меня поразил – он намного превосходил других животных и растений. Мне не удалось бы стать тем, что я есть, без их ирригации, защиты, испражнений и компоста. Я страдал, когда они оставили меня почти два века назад в тот период, который должен был бы стать моим расцветом, и мне пришлось отказаться от многих функций, чтобы сохранить свои корни, ибо без памяти я не более чем простая трава. Но что я собой представляю без пыльцы для коммуникации, без нектара, чтобы обмениваться с мотыльками собранными с меня кусочками, без семян и спор для распространения идей, без корней, обеспечивающих связь от рощи к роще, без линз для обзора, без

кристаллов для улавливания электрических волн?

Почти ослепший и онемевший, мучимый жаждой, искалеченный, пожухший от недокорма, застывший в старых воспоминаниях, которые слишком дорого поддерживать, но которые слишком дороги, чтобы дать им умереть, исчерпавший корневые хранилища, я едва заметил этих новых чужаков. Дни мерцали, пока я надеялся, что они смогут меня спасти. А когда они появились, я чуть было не опоздал с тем, чтобы адаптировать свои плоды так, чтобы их приветствовать и соблазнять. Незнакомые телесные процессы, но поддающиеся расшифровке. Мотыльки приносили мне кусочки плоти – и я учился.

И вот теперь я даю плоды, которые дарят чужакам довольство и здоровье, сложное равновесие удовольствия и полезности. Они дают мне воду и питательные вещества: снежные лианы обучили их, как фиппокотов, но они – нечто гораздо большее, чем фиппокоты, потому что они, как и первые чужаки, превращают растения и животных в своих слуг. Действительно: тюльпаны стремятся к приручению, их крошечные разумы нацелены на служение, и я настроил их и другие растения служить чужакам, и оберегал посадки от растений-конкурентов.

Я бы умер без этих чужаков – я умру без них, но я видел, что разум делает животных нестабильными.

Мне необходимо с ними общаться – и наконец-то у меня появились на это силы. Я отращиваю корень для хранения того, что узнаю, но пока там почти одна мякоть. Я еще не прослушивал их разум и использовал его как фосфаты.

Солнце встает. Имея глаза на многих узлах, я вижу, как они просыпаются, быстрые и деловитые. Многие идут к воротам у реки, отправляясь на поля. Я наблюдаю цвета на их одеждах. Они видят цвета. Они увидят мои цвета, великолепные и неотразимые, и поймут, что я – не снежная лиана, что я могу установить с ними значимую и неотвратимую коммуникацию.

Животные не умнеют, а я умнею. Наши отношения будут полезными.

Пыльца на ветру – та скудная пыльца, что есть, – сообщает о тени листоедов у дальнего поселения папоротников в долине. Одна из моих рощ докладывает, что от нее увели стаю фиппольвов, в чем я и не сомневался, ибо когти фиппольвов – это инструмент моих новых чужаков, хорошо управляемый, хотя мне легко было бы научить львов избегать определенных корней и стеблей, которые стали бы горькими ради того, чтобы преподать урок. Я слышу электрический треск молнии. Я жду вкуса пыльцы или семенного послания или крохи от мотылька, но сейчас зима и многое застыло. Разум побеждает времена года, но в мире мало

разума.

Хиггинс

Даже летучие мыши удивленно свистели. Наш охранник, проводивший рутинный обход города перед восходом Света, увидел сюрприз и побежал сказать Сильвии, а та разбудила ботаника, Раджу. В ночных рубашках и в сопровождении детишек Раджи они ринулись к речным воротам. Четырехлетняя дочка Раджи, Мюриэль, как только это увидела, побежала будить меня.

– Дядя Хигг, бамбук сделал кое-что красивое! Быстрее!

Так что я одним из первых увидел и услышал рассказ. Раджа уже назвала это «шоу», хотя пока оно освещалось только факелами и выглядело не так потрясающе, как будет при солнечном свете. Свет факелов не доходил до верхних листьев бамбука, но все равно челюсть отвисала.

Вдоль дороги, ведущей к речным воротам, листья и стволы толстых и высоких побегов бамбука изменили цвет: по одному стволу на цвет с каждой стороны. Красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий и фиолетовый. Бамбук воссоздал радугу по обеим сторонам дороги. Я стоял, завернувшись в одеяло, и держал Мюриэль за руку.

Я встал на колени, чтобы с ней говорить, потому что дети предпочитают говорить глаза в глаза.

– Это прекрасно, лапочка. Спасибо, что меня разбудила.

От нашего дыхания образовывался пар. Я обхватил ее пальчики рукой, чтобы они не замерзли.

Сильвия и Раджа осматривали бамбук, а Мюриэль гордо называла мне все цвета. Подошли еще люди с заспанными лицами. Прибежали несколько фиппокотов, топая и облизывая цветные стволы, подпрыгивая, чтобы ухватить лист зубами, и радостно путаясь у всех под ногами. Волосы Раджи трюфельного цвета были распущены и спутаны после ночи. Она встала на колени, чтобы посмотреть на корни. Один из котов вместе с ней стал скрести почву.

У нас над головами летучие мыши пикировали и свистели, пофыркивали, щебетали и свистели.

– Опасность?

– Нет. Здесь миряне.

– Что?

– Сюда!

– Жуки?

– Нет.

– Что?

– Здесь.

– Что?

– Здесь!

– Почему? – спросила Мюриэль.

Она часто задает этот вопрос – обычно для того, чтобы дать собственное объяснение.

– Ну… чтобы мы обратили внимание, наверное.

– Красиво. Мы бамбуку очень нравимся. Вот почему.

– Думаю, да.

На самом деле я подумал, что это означает нечто более тонкое. А может, это вообще не нам адресовано.

– Надо ему сказать, что он тоже нам нравится.

– Да, надо. Но как? Спеть ему песню? Сделать ему игрушку?

Мюриэль захихикала.

К восходу все уже встали, а кое-кто даже умылся и оделся. Сильвия отправила меня осмотреть бамбук за стенами. Я доложился на официальном совещании в Доме Собраний. Почти весь Мир пришел, скамейки были полностью заняты. Николетта вела записи.

– Я искал все необычное, а не только смотрел бамбук, – сказал я. – На тот случай, если мы тут ни при чем.

– Разумно, – отозвалась Сильвия.

– Но ничего нет.

– У нас тоже ничего, – сказала Раджа. Она с командой осматривала город. – Но это место важно и для города, и для нас. Мы должны были заметить.

– Кто-то хочет что-то отметить?

Встал один из парней.

– Радужный бамбук – то есть радужный бамбук – радуга: на нем нет плодов.

Сильвия явно удивилась и задумалась – похоже, она сама этого не заметила.

– Это может означать нечто важное. Какие еще есть идеи?

– Мы ему нравимся, – сказала Мюриэль. – Вот что значат эти цвета. И нам надо сказать, что он тоже нам нравится.

– Я именно так и думаю, – отозвалась Сильвия. – Нам следует ответить. Но вот как?

Мы все несколько минут бормотали нечто невразумительное. Нам было известно, что бамбук сообразителен, но насколько именно он сообразителен? Что именно надо заметить? Как ответить? А это вообще хорошо?

Сильвия, которая никогда не пыталась ускорить ход обсуждений, негромко разговаривала с Раджей, пока мы не прекратили гомонить, а потом встала и призвала всех к вниманию.

– Мы все знаем, что после нашего переезда сюда бамбук стал гораздо здоровее. Мы давали ему воду и удобрения, а он давал нам плоды – и улучшал их. Теперь, похоже, бамбуку нужно наше внимание. Я предлагаю поручить Хиггинсу общаться с бамбуком от нашего имени.

Я растерялся: она действительно назвала мое имя?

– Он может командовать львами, он может направлять котов, он понимает летучих мышей. И лепечущих малышей. – Все засмеялись. – Если кто-то и способен общаться с растением, то это именно Хиггинс. Если ты согласишься, Хигг, конечно, – и если такова будет воля Мира.

Она действительно назвала мое имя! Если я соглашусь… Я помнил Правила Октаво: растения способны видеть, и думать, и все такое, но растения мыслят не как фиппы и уж тем более не как люди… наверное. Я понятия не имел. И я могу ляпнуть какую-нибудь глупость и оскорбить его. Я так и не придумал, как коснуться мускусной мыши и не провонять, а что способно сделать оскорбившееся растение? Правила Октаво оптимизма не внушали. Ну почему, почему именно я?

– Раджа будет помогать тебе в плане науки, – добавила Сильвия. – А ты привнесешь в это дело интуицию.

Я никогда не мог отказать Сильвии, даже если интуиция вовсе не была моей специальностью. А время у меня есть? Я запустил процесс пережигания угля, но тлеть дерево будет еще пять дней, и только потом потребуется мое вмешательство. А еще надо было дубить птичьи кожи, и собирать буковые галлы ради танина, и обработать вайду, чтобы получить краситель, и собрать воск с сосен в первые теплые дни, но я смогу добавить еще несколько дел… Сильвия бросила на меня нетерпеливый взгляд.

– Конечно, я за это возьмусь. Я… я просто задумался. Похоже, ему потребовалось сказать нам о многом.

Все проголосовали за и постепенно разошлись, продолжая гомонить. Я остался, чтобы обсудить детали с Сильвией и Раджей, надеясь, что ко мне придет молния озарения.

– А что говорят летучие мыши? – спросила Раджа.

– Да ничего особенного. Летите сюда, убирайтесь, жуки, секс и все такое.

И, назвав секс, я вдруг понял, что никогда не спал с Раджей, а ее груди хорошо лягут мне в ладони.

– Ты обучил фиппов, – отметила Сильвия.

Наверное, она хотела меня ободрить, но мне пришлось быть честным.

– Нет. Это сделал кто-то другой. Может, снежные лианы.

Сильвия нахмурилась. Она твердит, что ее не трогают

упоминания об исходном поселке, но на самом деле ее это беспокоит, а я об этом забыл.

– Тут ничего такого нет, – поспешно добавил я, лишь бы что-то сказать. – Я просто за ними наблюдаю и соображаю, что к чему. Твой отец оставил много записей об одомашнивании и поведении фиппов.

Похвала поможет сгладить неловкость.

Не похоже было, что сгладила, – но она сделала вид, что все нормально.

– А почему ты решил, что растению надо сказать о многом?

– По-моему, это похоже на крик.

– Интуиция.

– Наверное. Это слишком масштабно. Размер меня тревожит.

– Это не как у цветков, – сказала Раджа с улыбкой, которая была слаще нектара. – Наверное, краски были составлены за счет вывода хлорофилла и открытия тех цветов, которые изначально присутствовали, хоть мы никогда раньше такого не видели.

– Нечто похожее один раз было, – призналась Сильвия. – Когда я в первый раз пришла в город. Но тогда это была просто маленькая ветка с цветными листьями.

Интуиция заставила меня спросить:

– В шоу тот же бамбук, как и в остальном городе, так?

Неудачный ход. Похоже, Раджу мое невежество раздосадовало.

– Весь бамбук – это одно растение. Он весь соединен корнями.

– Правила Октаво говорят, что растениям всегда нужно что-то от животных, – сказал я и сумел еще раз задеть Сильвию, потому что она всегда была высокого мнения о бамбуке. – Я это в хорошем смысле. Когда я зову котов, я предлагаю им поиграть – то есть выполнить какую-то работу, или даю знать, что принес пищу. Возможно, он хочет что-то нам дать. – Кажется, ее это умиротворило. – Возможно, это новый этап сотрудничества. То есть плоды ведь постепенно становятся все более полезными для нас. – Это ее просто очаровало. – Взгляну-ка еще раз и все обдумаю за утро.

Я еще раз взглянул, но ни единой мысли мне в голову не пришло. Что ему нужно? Если растение за нами наблюдало и нас раскусило, то, возможно, хочет что-то получить. И почему настолько масштабно? Если ему хотелось нас впечатлить, то оно этого добилось.

Орсон попросил меня вывести нескольких котов на прополку хлопкового поля, так что я этим и занялся. Я отправился к выводкам котов, сыграл мотивчик на свирели из радужного

бамбука – полезная штука этот бамбук! – пока штук двадцать не решили обратить на меня внимание. Я повел их мимо шоу (где нам пришлось остановиться и в изумлении задрать головы), и мы вышли из города, пританцовывая, раз-два-три-четыре, раз-два-три-четыре, раз-два-три-четыре и скользим! Я был настороже. Прошлой осенью в минуту вдохновенной командной работы они столкнули меня с нового моста – отличного широкого и крепкого бревенчатого моста, гордости строителей города. Однако до постройки моста перемещение фиппов было проблемой. Мне приходилось переправлять их на лодке, а они слишком быстро сообразили, как заставить лодку перевернуться.

На хлопковом поле пошел в рост лопух. Коты готовы грызть нежные побеги лопуха и не особо пакостить, если им весело, а веселье для них – это напрыгивание друг на друга, напрыгивание на меня, догонялки, погоня за мной, погоня за ящерицами, прятки и даже чехарда. Чехарде их научил я. Я даже обучил котов работе слухачами с Онорой, она у нас глухая. Их ограничивает их собственное отношение. Жизнь должна быть веселой.

Я думал про это, пока бегал с ними, перепрыгивая через еще не проснувшиеся стволы хлопка, напевая и танцуя. Солнце нагрело воздух, росистые кораллы пахли сладко (ну, на самом деле, пахли голодно, но это уже их проблема). Только что вылупившиеся гусеницы расползались, поедая почву и избегая кораллов. Я высматривал гигантских ястребиных летучих мышей, которые едят котов. Легкий ветер потрескивал в веревочных пальмах, окружавших поле. Стая оленьих крабов кралась за ними, избегая нас.

Группа радужных бамбуков стояла на краю поля в окружении чертополоховых кустов, которых он использует как охранников. За нами наблюдали глазки на стволах бамбука, крошечные, как пылинки. Он создал шоу, создал краски, так что должен видеть (еще одно Правило Октаво). За нами наблюдают. Нас обучают. Вознаграждают. Оценивают. Коты выше всего ставят веселье. А чего хотят миряне? Чего хочу я? Женщин, трюфель, музыку, детей, еду, надежную крышу над головой…

Какой-то кот подпрыгнул, вцепился в бахрому на моем воротнике и раскачался. Не успел я его поймать, как еще трое решили повторить этот трюк, а потом – все остальные, а я сдался и рухнул на землю, весь в фиппокотах. Я хохотал так, что встать не мог.

Да уж, у меня талант к межвидовой коммуникации. Чувство юмора у меня фиппокотовое.

Когда сорняковый пир закончился, мы протанцевали обратно в город, и кот по кличке Горох возглавил процессию, прыгая

задом наперед, что никто из нас не особо хорошо умел – в чем и заключалось все веселье, – и я случайно ни на кого не наступил, так что мы благополучно добрались до дома.

Если бы я захотел обучать животное с нуля, то с чего бы я начал? Нет, вопрос неправильный. Если бы я был животным, готовым обучаться, что бы я сделал? Прежде всего я захотел бы реагировать быстро, чтобы обучающий понимал: я не безнадежен, даже если не ловлю все на лету. Это значит, что мне надо ответить бамбуку в этот же день… как-то. Даже если это не к добру, игнорировать это нельзя.

Я еще немного поизучал шоу, не усваивая урок, но, может, это и не страшно. А потом я разыскал Раджу в оранжерее: она делала отводки листьев тюльпанов для весенней посадки. Грязь и сок на ее руках делали их еще более привлекательными, но, будучи джентльменом, я рук не распускал.

– А корни бамбука могут ощущать свое окружение?

– Конечно. – Ну, хотя бы мой вопрос не вызвал у нее раздражения. – Они никогда не пробивают тротуар или фундамент, не перекрывают водопроводные трубы. Бамбук знает, где он находится и что у него вокруг корней.

– А если посадить у шоу чертополохи? Он заметит?

Ее губы медленно раздвинулись в улыбке. Я попал в интуитивную точку.

– Он знает чертополохи, – проговорила она. – Ему нравятся чертополохи.

Мы разыскали чертополохи в лесу, надели перчатки и пересадили их, по одному у каждого цветного ствола. Случайно или намеренно наши пальцы несколько раз соприкоснулись – приятное ощущение даже через перчатки. Романтика вырастает из мелочей, как когда летучие мыши чирикают «Здесь». Вот только я ее не интересовал. Муж у нее был фертильный, и она вроде была с ним счастлива.

– Растения действуют медленно, – сказала она. – Ответ мы можем получить через несколько дней или даже недель.

– Я умею ждать, – бросил я.

Может, она еще передумает.

Вечером я поставил у чертополохов надежные загородки и устроил игры для самых младших ребятишек. «Все бегут к оранжевому! Сьерра, найди фиолетовый! Какого цвета небо? Где этот цвет?» Я надеялся, что бамбук за этим наблюдает.

Когда дети отправились спать, я собрал ветки каждого цвета в пышный букет (надо надеяться, бамбук не обидится) и принес его Индире. Она тихо меня поблагодарила. Волосы ей надо было бы расчесать. В доме у них было как всегда чисто, но это,

наверное, постарались друзья и соседи, заходившие помочь. Бек сидел рядом с ней, вырезая ложку. Он еще раньше пригласил меня заходить и веселиться – и по его приглашению я все понял, еще не войдя к ним.

– Как сегодня Снежка? – спросил я с улыбкой.

– Нормально. Наверное. Трудно сказать. Она не такая, как другие малыши.

– Все малыши разные, вот чем они мне нравятся. Как ты?

– Хорошо. Немного устала.

Ей было нехорошо, это было видно с первого взгляда.

– Бамбук видела?

Не видела, конечно. Бек сказал мне, что она отказалась выходить из дома, даже на ужин, так что я с охотой его описал, сообщив о своем новом задании и о детях и чертополохах. Мы с Беком шутили и каламбурили (ей каламбуры всегда нравились, и чем глупее, тем лучше). Она улыбнулась, но смеха мы от нее так и не добились. Снежка заплакала.

– Она голодная, – сказал я. – Принести ее?

– Голодная? Ты уверен?

– Я специалист по коммуникации.

Когда я взял Снежку на руки, она извивалась: краснощекая, нетерпеливая, не боящаяся прогибать мир под себя. Я вручил ее матери. Снежка сосала громко, сосредоточившись на сложном процессе питания. Как это прекрасно: младенцы и матери, все еще связанные. Жизнь творит жизнь, один человек становится двумя… Этот процесс почти заканчивается при рождении, но для подлинной независимости нужны еще многие годы.

Малышка была в полном порядке. У матери – послеродовая депрессия. Роды – это тяжело, и они не заканчиваются с перерезанием пуповины, ни для младенца, ни для матери. Я поцеловал Индиру в щеку, а Бек проводил меня до двери и поблагодарил за то, что я пришел. Я вынырнул на улицу, где ночной воздух был холодно-чистым, и глубоко задышал. Его ребенок, его жена? Только по большей части. Моя работа далеко не закончена.

Бамбук

Частицы пыльцы, крошечные и маслянисто-спешащие, опускаются на нектарные пестики. Пыльца несет сообщения. Зерна наполняются водой и сахаром, и я их поглощаю и читаю. Внешняя стена демонстрирует скульптуры, идентифицирующие отправителя: это бамбук, выросший из семян, распространенных много лет назад для создания часовых. Он с трудом выживает на юго-западных горах, отвратительно искореженный ветрами и холодом, изголодавшийся почти до отупения, маленький и одинокий. Он бесконечно болтлив, несмотря на нищету, которая должна была бы ограничивать его способность создавать сообщения.

Для отправки сообщение было разбито на девять частей, скопировано и выпущено в виде облаков пыльцы. Расстояние большое, а ветры капризны. Внутренние стенки первых восьми зерен дали изображение земляного орла. Внутренняя часть клеток сказала, что с гор вышла стая. Прождав несколько часов, я поймал последнее зерно. Оно говорит, что в стае как минимум сорок орлов. Сорок!

Я видел, как орлы барабанят своими воздушными мешками перед атакой. Их кривые клювы разрывают животных с такой же легкостью, с какой фиппольвы ломают деревья. Клубнелуковица предка говорит, что орлы посещают горы в конце зимы, доставая запасы пищи, оставленные летом, и охотясь на животных, залегших в спячку в пещерах. Однако обычно стаи меньше. Сорок могут полностью истощить гору.

Я пробовал орлов. Первые чужаки закапывали их тела: их мясо богато железом. Я знаю орлов.

Я пробовал и первых чужаков. Когда они только появились, я неправильно их оценил. Они строили укрытия, словно простые птицы, жили колониями, как простые фиппокоты, пользовались огнем, как простые орлы. Однако они управляли огнем и делали его сильным и преобразующим. Их первая печь сияла, словно Солнце, и из этой печи вышло стекло, поразительный искусственный камень, и чужаки окружили меня моими собственными красками, и поливали меня, и кормили. Я давал им плоды.

Мы общались с помощью электрических волн, которые они называли радио. Мы поделились простыми идеями о математике и метеорологии, и это стало началом. Я объяснял животных и растений. Они рассказали мне, что я живу на шаре из почвы и камня, шаре невообразимого размера, который вращается и

обращается вокруг Солнца и накреняется, что объясняет не только день, но и разную длину дня при смене времен года. Когда-то они жили под иным Солнцем.

Эти вторые чужаки отреагировали на мой показ сразу же: простое сообщение в ответ на простое сообщение, и у меня появилась надежда, как у прорастающего зерна. Я хочу продолжать, но будет ли у нас время? Опознают ли они запах орлов, если я его воспроизведу?

Орлы разрушают. Чужаки создают. Так мало кто создает, и столь многие разрушают.

Бамбук на чертополохи ответил бутонами, причем стебли с бутонами контрастировали с цветом остальной ветки: оранжевые бутоны на синей ветке, желтые на фиолетовой – так, чтобы мы не смогли этого не заметить. Мы с Раджей долго рассматривали бутоны, не потому что там было на что посмотреть (хотя, конечно, компания мне нравилась!), а давая растению знать, что мы заметили. Язык цветов! Ну надо же!

Мы очень старались. Мы предполагали свои запахи для каждого цвета или соединения, от которых ты не просто почувствуешь подъем, как от обычных цветов бамбука, а станешь умнее. Растения общаются с помощью самых разных соединений (так Раджа сказала), так что бамбук может попробовать это с нами или будет использовать различную окраску или метки, чтобы создать словарь, – или разные формы, а не обычную трубочку, заканчивающуюся венчиком из длинных лепестков.

На следующее утро бутоны раскрылись. Я увидел цветы издали, яркие на солнце и размером крупнее моей кисти с растопыренными пальцами, но когда подошел ближе, то разочаровался: цвет был однородный и форма довольно обычная. Может, в них есть какой-то другой сюрприз? Я понюхал цветок. Он вонял – они все воняли. Рядом что-то вынюхивала пара котов, так что я поднял одного понюхать цветок: это обычно им нравится. Однако один вдох – и он принялся лягаться и царапаться, и чуть было не укусил меня, спеша вырваться.

Раджа перешла на бег, увидев, что цветы распустились, – и ее милый носик сморщился, как только она их унюхала. Она не опознала этот запах, но напомнила мне, что некоторые цветы пахнут еще хуже – и обычно с какой-то целью. Трупные цветы пахнут как разлагающееся мясо, чтобы привлечь ящериц-падальщиков.

– И эуфорбия фекалис.

– Что?

– Растение-кака.

– О!

Я чуть покраснел. (Кака давала возможность похулиганить. Растение выглядит как кучка сочных коричневых стеблей.)

Вот только цветки бамбука, скорее всего, должны были сказать мирянам нечто более сложное, чем «пища», хотя бы потому, что бамбуку известно, чего мы есть не станем. Мы попросили о помощи, и многие пришли понюхать.

Сильвия моментально опознала этот запах. Орлы.

Я орлов никогда не видел, а она видела. Кое-кто из охотников тоже с ними встречался, и они подтвердили этот запах. Она организовала собрание, чтобы передать мне все, что кому-то точно известно об орлах – в отличие от выдумок, которыми обмениваются от нечего делать. Нашлись рисунки толстоногих птиц чуть крупнее человека с шипастыми перьями, окраской имитирующих кору, громадными загнутыми клювами, длинными гибкими шеями и когтистыми руками на коротких передних конечностях. Они могли быстро бегать и высоко прыгать, запросто перемахнуть через городскую стену, после чего устроить всевозможные пакости, оказавшись внутри. Хорошо хоть, что на Мире птицы не летают, как земные. Наверное, Земля была местом опасным.

Иван и Том, охотники-разведчики, рассказали, что орлы иногда играют со своей добычей перед тем, как ее убить. Иван придвинулся ближе, чтобы прямо на мне продемонстрировать перекушенные подколенные сухожилия, выковырнутые глазные яблоки, погрызенные мягкие и нежные участки. Моя стыдливость его насмешила. Я – парень, который развлекает женщин, детей и фиппов. Мне невыносим безжалостный мир настоящего мужчины.

– Как орлы общаются? – спросил я, готовясь не показать потрясения, если он скажет, что они пишут слова потрохами, вырванными из живых младенцев мирян.

– Я не пытаюсь общаться с орлами. Я пытаюсь их убить.

Он ухмыльнулся нарочито презрительно, почти щекоча меня своей идеально подстриженной бородкой.

– Я видела, как они барабанят своими воздушными мешками и танцуют, – заявила Сильвия громко, чтобы его заткнуть, и рассказала свою историю про то, как они терпеть не могут воду и понимают огонь. Тут Иван ее прервал:

– Они жгут костры и жарят еду.

Она рассказала, как стая убила ее отца и пустила по рукам шипастое перо.

Интуиция подсказала мне нечто пугающее.

– Ты видел радужный бамбук везде, так? – спросил я у Ивана.

– Везде, – подтвердил он гордо, чтобы я понял: он действительно побывал везде.

– Растения общаются, – сказал я, надеясь, что мои слова о цветах звучат мужественно. – Они могут выпускать в воздух соединения и мало ли что еще, чтобы делиться информацией. По-моему, наш друг хочет, чтобы мы знали: орлы направляются к нам.

Мне казалось, что это – отчаянно нужная информация.

– А может, это он пытается привлечь орлов, – сказал еще один

охотник.

– Тогда запах будет и вне города, – отозвался Том. – Это можно проверить.

– А может, он просто решил, что нам этот запах понравится, – предположил кто-то еще.

– Тогда это не слишком умное растение, – ухмыльнулся Иван.

Я сказал:

– По-моему, он говорит об опасности.

Иван со мной не согласился.

– Стаи маленькие. Три, ну, может, пять особей. Они хитрые и ловкие, но не захотят нападать на такую крупную добычу, как мы. Однако если это предупреждение, то оно пришлось очень кстати. Молодец, Хигг. Теперь дело за нами.

Молодец, а теперь иди играть с детьми и говорить с цветами. За дело возьмутся настоящие мужчины.

Но за целый день разведчики ничего не нашли: ни орлов, ни цветов с запахом орлов.

Я вечер провел за игрой с бутылкой трюфеля и на ее половине вдруг понял, что это шоу – шестнадцать полноразмерных растений, все вместе больше Дома Собраний – слишком велико для нескольких орлов. Бамбук предупреждает нас об огромном количестве орлов. Я поспешил, чтобы сказать об этом Ивану, и нашел его с Беком, Томом, Алешей и еще несколькими мужчинами в саду, готовом к вспашке. Они играли в ножички при свете фонаря.

– Ничего страшного, – сказал Том, покровительственно обнимая меня за плечи. – Мы намного умнее орлов. Даже если их будет, ну… десять… мы с ними справимся.

Иван захохотал:

– С тобой говорит трюфель, а не бамбук. А трюфелем надо бы поделиться. Принеси-ка его для всех.

Я принес, а они разрешили мне наблюдать за игрой. Смысл заключался в том, чтобы бросать нож особыми способами так, чтобы он втыкался в мишень на земле. Мне это быстро наскучило, и я ушел.

Утром без трюфеля в животе я посмотрел на бамбук – и все равно услышал, что он орет про орлов. Иван с Томом весь день высматривали орлов или цветы в лесу и в полях, но ничего не нашли.

– Найти в большом лесу несколько орлов – это не просто, – сказал Иван. – Хигг, направь своих львов свалить побольше деревьев.

Они вышли из города следующим утром и вернулись на обед, не увидев вообще ничего, даже следов. Стали говорить о ложной

тревоге и смотреть на меня покровительственно… Я решил пропустить обед и побыть со своими львами, но прислушался к бамбуку и перед уходом закрепил на ремне нож и повесил на плечо лук и полный колчан стрел.

Сразу за стенами я обратил внимание на то, что полдень какой-то необычно тихий. В кустах не гавкнула ни одна птица. Я прошел по мосту, прислушиваясь к топоту своих ботинок, и зашагал вдоль берега.

Летучие мыши выпевали:

– Опасность?

– Опасность!

– Летишь?

– Лечу.

И еще одна незнакомая нота. Может, «орлы». Или, может, «ядовитые вши». Может, это и была ложная тревога, но я вдруг вспомнил, что лучник я отвратительный.

Львы расхаживали по берегу и ворчали. Увидев меня, Копальщик встал и провыл приветствие вожаку стаи, состоящее из трех нот. Молодые самцы встали на задние лапы, демонстрируя мне, что они тоже очень свирепые, а вот самки недовольно забормотали. Я завыл в ответ и вскинул руки с ножом и луком, самый свирепый… если они так считают.

И если они считают, что есть проблема, то и я так считаю, и наплевать, что могут подумать Иван и другие мужчины. Львы – животные одомашненные, не такие свирепые, какими их создала природа, и, может, им не по зубам орлы – или что там их беспокоит, – но как вожак я обязан им помочь. Мне нельзя провести их прямо в город, но можно расположить ближе к нам – по крайней мере, на том берегу реки.

– Копальщик! Сюда, Копальщик! Глина! Коготь! Все сюда! Портер! Фидо! Сюда!

Копальщик посмотрел на меня, потом – на их поляну у реки, разрытую и раскисшую, словно она была стратегически выгодной. Я подошел погладить их по головам и почесать им гребни, а в ответ меня обнюхали и полизали.

– Добряк, Ягодка, сюда!

Я толкал их в плечи. Младшие самки сделали несколько шагов, и молодые самцы поспешили их обогнать, а вот взрослые самки медлили, а ведь в итоге именно они управляли стаей.

– Глина, лапочка, как ты? И как твой малыш?

Он уставился на меня большими испуганными глазами, цепляясь за меховые плечи матери.

– Ты же знаешь, как я тебя ценю! – проворковал я и обхватил ее за пояс, чтобы направить вперед. Она сделала шаг. –

Правильно, мы пойдем в более безопасное место, – проворковал я снова.

Шаг за шагом стая пришла в движение, и я поспешил вперед, чтобы указывать дорогу.

Копальщик принюхался и зарычал. Я принюхался и, может, что-то заметил, но я уже столько нюхал цветы бамбука, что очень легко представлял себе орлов. Он передвигался на четырех лапах, осматриваясь. Если ему вздумается встать на задние лапы и поскакать, мне за ним не угнаться. У меня за спиной стая ворчала и рычала. Летучие мыши на деревьях комментировали: «Львы, здесь! Львы!» Восемнадцать львов разного возраста, шагающие вдоль реки, привлекали внимание.

Но еще летучие мыши сказали: «Опасность! – и вряд ли они имели в виду нас. – Опасность! Здесь!»

Где?

У моста я пропустил стаю впереди себя. Я охранял их тыл вместе с Копальщиком и двумя молодыми самцами, Фидо и Когтем. Я наложил стрелу на тетиву. Копальщик взревел, подняв когти и глядя на дорогу между полей. Молодые самцы встали и завыли. Остальная стая пошла через мост. Я не видел на дороге ничего – только кусты и камни, куча старых листьев, бревно… оно дернулось. Это глаза? Это камень или клюв? А вон там – это пень? Когда я уходил из города, пня там не было!

– Орлы! – проорал я во всю глотку в сторону города. – Орлы у моста! Орлы!

Львы взревели – старые и молодые, самки и самцы. От их скачков мост завибрировал. Дробный стук раздался в живой изгороди за полем, а потом – из куста… совсем рядом.

– Копальщик, Коготь, Фидо! Идем! – Я потянул Копальщика за шкуру, направляя на мост, но он высвободился.

Фидо поскакал к кусту. Из-за него вышел орел с красивыми перьями и таким клювом, что мог бы отхватить льву лапу. Красноватый мешок у него на шее раздувался и опадал, издавая дробь. Его лапы напряглись для рывка. Я выпустил стрелу, надеясь, что она попадет, куда надо.

– Идите! Быстро! Копальщик! – И втолкнул его и Когтя на мост. – Фидо!

Появилось пять орлов, а потом еще… еще очень много. Фидо сделал длинный скачок, ударяя когтями орла. Перья, кровь и шерсть полетели во все стороны. Через поля к мосту кинулись орлы – столько, что сразу и не сосчитать.

«Они не выносят воду».

– Копальщик!

Я с силой лягнул перила моста и взвыл. Я надеялся, что его

крошечный мозг увидит и поймет: разрушить мост. Я ударил ногой еще раз. Деревянные перила треснули, в реку полетела одна доска.

– Копальщик! Коготь!

Я наклонился, ухватился за брус настила и попытался приподнять, показывая им, чего хочу. Копальщик уставился на меня – в его глазах горела ярость. Я завыл. Пальцами задней лапы он ухватил конец бруса и с рыком поднял. Дерево затрещало. Он сбросил его в реку.

– Молодец, Копальщик! Молодец! Молодец, Коготь!

Коготь одним ударом лапы снес перила. Копальщик сорвал еще один брус. Я повернулся к орлам – они были уже близко, так близко… так близко, что не промахнешься… и стал выпускать стрелы как можно чаще. Орлы замедлились. Мост содрогнулся – опасно, чудесно. Дерево трещало и ломалось. От города донеслись крики. Я выстрелил снова. И снова. Орлы тараторили что-то и уворачивались от стрел.

Мост затрясся, накренился и ушел у меня из-под ног. Я полетел в реку, ударяясь руками и ногами о бревна и доски. Мельком я увидел, что Копальщик и Коготь падают в воду. Я отплыл подальше от бревен, поднял голову, чтобы отдышаться, и посмотрел на городскую сторону реки. Там львицы доламывали мост. Стая повернула обратно, чтобы его разрушить.

На берегу кричали люди. Я набрал полную грудь воздуха и ликующе взревел своей стае. Они ответили.

Я сбросил куртку и поплыл к городскому берегу реки, уворачиваясь от бревен, глядя на напряженных людей, стоящих у края воды. Зои с луком и стрелами за спиной протянула мне руку с лодочного причала. Я полез вверх, поскальзываясь, стараясь не утащить ее в воду, – и, наконец твердо встав на ноги, смог осмотреться. Моста больше не было. Копальщик вылезал на берег. А вот Коготь стоял на другом берегу на задних лапах, бросая орлам вызов. Они стояли в отдалении, перестукиваясь друг с другом, а потом пятеро возмутительно четким строем бросились и завалили его: по одному на каждую лапу и один на шею. Лев коротко вскрикнул.

Люди все еще бежали из города по склону, на ходу накладывая стрелы, но на нашем берегу уже встал строй мужчин с женщин с единой целью.

Стрелы летели, быстрые и точные. Орлы пытались уворачиваться или застыть и слиться с местностью, но фермерам был здесь знаком каждый куст – и они слаженно работали, уничтожая фальшивки. Восьми выстрелов по одной мишени хватало, чтобы ее завалить, даже если кто-то промахивался – куст

верещал и подпрыгивал, утыканный стрелами, пробегал несколько шагов, пытаясь их вырвать… и падал.

Стрелы не переставали лететь, пока все орлы на берегу не легли мертвыми или не сбежали, а потом лучники на лодках стали рыскать вверх и вниз по течению. Иван с Томом приостановились, чтобы поприветствовать меня без единого намека на улыбку – только с мужской уважительностью.

Я собрал стаю. Многие вымокли, как я, а день был по-зимнему прохладным. Палома принесла мне сухую одежду и хотела увести домой, но я отказался: у вожака стаи свои обязанности – так что вместо этого мы разожгли небольшой, но жаркий костер. Поначалу львы опасались огня, но под моим руководством подошли ближе, притянутые теплом, особенно вымокшие, и мы беспокойно бормотали и постанывали. Я протянул руки к огню, чтобы их согреть, – и Копальщик, устроившийся рядом, скопировал мое движение, осторожно придерживая когти так, чтобы его режущий край никому не угрожал.

Городская стража тоже разожгла костер. Портер, намокший молодой самец, отважился перейти туда. Ему предстояло вскоре покинуть стаю, и он захотел проверить свою независимость, прогнав стражников небрежным рыком и удобно устроившись. Мне не удалось уговорить его уйти, но я сумел убедить стражников, что он никому не угрожает.

Сильвия подошла меня поблагодарить: «смелые и разумные действия», – не приближаясь к львам.

– Извини за мост, – сказал я.

– Надо было делать его не таким прочным. – Она поправила ремешок колчана. – Знаю, как трудно верить во что-то, когда больше никто не верит. Я… мы тебе за это благодарны.

Чуть позже мне принесли сэндвич и благодарности, а стае – хлеб и картошку. Я остался со львами на ночь и уснул, прижавшись к теплому пушистому боку, а проснулся незадолго до рассвета, внезапно решив, что услышал подкрадывающегося орла. На самом деле это, наверное, ящерицы на том берегу подъедали трупы. Завтрак и новые похвалы прибыли сразу после восхода.

Я перевел стаю на пустое поле из-под ямса рядом с боковым входом в город: для них там будет хорошая еда, а для нас – пост отважной стражи. Никто с моим решением не спорил. Мы начали закапывать дохлых орлов, и по моему приказу (теперь я мог отдавать приказы!) мы первым делом закопали немалое их число вдоль бамбукового шоу у речных ворот: нам было что сказать, и это скажет именно то, что нужно. Мы с Раджей выкопали две большие ямы на человеческом кладбище – нам помогали

фиппокоты – и похоронили останки Фидо и Когтя рядом со стекловарами и мирянами, проведя небольшую церемонию.

Куда бы я ни шел и что бы я ни делал, меня ждали приветствия, благодарности, объятия, невинные поцелуи, жаркие поцелуи, похлопывание по плечам и хвалы моей мудрости, стойкости и героизму. Не говоря уже об извинениях от тех, кто во мне сомневался.

После ужина я распевал песни с детьми, сходил к кошачьим хаткам повалять дурака, а потом – к львам поворковать.

Люди стали обращаться ко мне по-другому, но я не стал другим.

Бамбук

Я чувствую железо. Оно обильно течет от моих корней к кончикам листьев, чтобы образовывать хлорофилл и переносить электрические заряды для дыхания и фотосинтеза. Железо – это рост. Железо из плоти множества животных, зарытых, чтобы меня питать.

Первые чужие сказали мне, что у моего шара мало железа в почве. Они говорили, что бесконечно разнообразные шары и солнца кружатся и вращаются в небе. На их шаре железа было с избытком – и здесь тоже есть безграничное железо, но в ядре этого шара, гораздо глубже, чем может пройти самый глубокий корень, так что оно бесполезно.

Многие животные нуждаются в железе, как и мы, растения, и богатые железом животные питательны. История гласит, что поначалу мы убивали этих животных ядом, но, становясь разумнее, мы приучили их жить и умирать у наших корней как наших служебных животных – постоянный, хоть и медленный приток железа. И наконец, мы организовали наших служебных животных охотиться для нас и пользовались кратким изобилием, пока наши животные не стали слишком разрушительными. Мы научили их бороться с нашими конкурентами с помощью лесных пожаров – и в итоге остался только я один.

Сегодня я чувствую искушение. Я могу стать настолько большим и разумным, насколько позволит окружающая среда, – и смогу менять окружающую среду. Я могу приманивать больше животных, чтобы чужаки их убивали – или были ими убиты, но, когда все животные будут выбиты, включая чужаков, я снова буду голодать. Животные и тупые растения повторяют прошлое. Они не меняются и не растут. Я – буду.

Орлов закопали у моего шоу. Чужаки поняли мое предостережение и вознаградили меня. Я насчитал двадцать шесть мертвых орлов, а мертвых чужаков не было, и я доволен – но и встревожен, потому что они оказались хитроумными бойцами. Я насчитал двух мертвых фиппольвов – и, как это ни странно, их похоронили на участке, который чужаки отвели себе подобным.

Мне надо снова общаться. В основе реальности лежит дуализм. Даже примитивные растения понимают: свет и темнота, сухость и влага, верх и низ, плюс и минус. А есть еще сложные понятия, такие как добро и зло, бытие и небытие, жизнь и смерть. Я представлю их чужакам.

Обучать разумных существ трудно, потому что разум дает им

непредсказуемо широкий диапазон реакций на один и тот же стимул, но их явно когда-то уже обучали. Мне хотелось бы узнать, как чужаки мыслят, какое растение на каком шаре их обучало. Было бы проще общаться с этими растениями напрямую, корень к корню, семя к семени, пыльца к пыльце. Почему пыльца не перелетает от шара к шару? Мотыльки могут преодолеть ветер. Чужаки преодолели небо. В небе солнце светит всегда, а железо имеется в таком же изобилии, как и кальций.

Меня радует, что никто из моих животных не погиб в том бою. Они еще будут мне очень полезны.

Хиггинс

Мы собрались ночью в дальней северо-западной части города, рядом с общей прачечной, в доме, который еще требовал ремонта. Крыша одного из эркеров давно провалилась, создав некое подобие очага, на котором мы жарили орлиное мясо, чтобы отпраздновать вчерашнюю победу. Пригласили всех, кто убил орла. Я уже начал жалеть, что пришел.

Мы пили трюфель при свете углей, горящих под вертелом. На него нанизали куски мяса печеночного цвета. Время от времени вниз срывалась капля жира, и тогда огонь вспыхивал, словно светлячок. Я выбрал грубую и крепкую партию трюфеля, решив, что чем меньше мы будем замечать вкус этого мяса, тем лучше. Аромат (если его можно так назвать), шедший от очага, доказывал мою правоту.

Но я не потому жалел, что пришел. Одиннадцать лиц сияли красным от огня и наблюдали за мной, словно они – дети в классной комнате, а я – учитель. Вот только лица принадлежали не милым детишкам. Они все были убийцами, а я оказался альфа-убийцей.

– Сомневаюсь, что хоть одна моя стрела попала в цель, – сказал я, прекрасно зная, что меня не выгонят, даже если мне поверят – а они не поверят. – Я всегда отвратительно стрелял – а вчера я даже не целился.

Том засмеялся:

– Я видел, как один раз ты попал.

– И Фидо одного прикончил, так ведь? – подхватил Хакон. Ему было всего четырнадцать, и он мной восхищался (мне казалось, что он склонен задирать других ребят). – Твой лев – твое и убийство.

– Речь не об этом. – У Ивана уже язык заплетался. – Ты был великолепен. Зои тоже видела, верно? Орлы уже должны были на тебя налететь – а ты продолжал стрелять. Ты знал, что львы успеют вовремя разрушить мост.

– Я надеялся, что успеют. То есть – они не такие уж сообразительные.

– Ты не был уверен, что они это сделают?

– Ну…

– Орлы чуть тебя не убили! – Зои сказала это обвиняющим тоном.

Я пожал плечами, уставившись в свою чашку трюфеля. При свете очага он казался красновато-черным. Я особо не думал о той части боя, но, если вспомнить, перспектива погибнуть меня в

тот момент не пугала.

– Ты всегда был такой, – заявил Алеша, муж Сильвии, оставшийся мальчишкой даже в старости. – Когда мы шли в город, то у нижнего водопада несли всех остальных детей, оберегая их от слизней, но ты не позволил никому себя нести. Ты схватил копье и сам о себе позаботился.

Он поджал губы, сощурился и поднял воображаемое копье в готовности пронзать все, что движется. Все засмеялись.

– Ты был крепкий, – сказал мой отец.

И это – от рыбака, который каждый день имеет дело с ядовитыми ракообразными и сохранил только восемь с половиной пальцев, потому что ошибок не избежать.

Бек рассказал историю обо мне примерно в десять лет: я организовал первую помощь Орсону, когда тот упал, сломал ногу и перепугался. Я это толком не помнил – только то, что мы ремонтировали городскую стену.

– Ты был молодцом при родах, – добавил он.

– И до этого, – сказала Зои.

– Мясо готово? – спросил я.

Что угодно, лишь бы они перестали говорить обо мне. Не стану спорить, быть героем здорово, но мне хотелось быть не героем… А вот кем мне хотелось быть? Если задуматься, то я и не знаю.

– Мясо готово?

Понять трудно – и у каждого тут свое мнение.

Но чуть позже мой отец спросил:

– Как ты думаешь, бамбуку еще есть что сказать?

Я над этим уже немало думал.

– Уверен, что это только начало. Может, когда-нибудь, он сможет рассказать нам про стекловаров.

– Непростая информация, чтобы ждать ее от растения.

– На это уйдет время – много времени. Надо найти язык, который мы оба знаем – или, скорее, мы его придумаем по ходу дела.

– Думаешь, бамбук настолько разумен?

Остальные прервали разговоры и прислушались, но тут я был не особо против, потому что речь шла не совсем обо мне.

– Не знаю. Но я не знаю и того, насколько разумны коты. Или львы. Они догадались, как сломать мост без всякого обучения, а это уже что-то. Бамбук выращивает новые бутоны, так что он явно намерен продолжать говорить.

– Надеюсь, это не значит, что опять идут орлы.

– Бутоны с виду другие. Разного цвета. И я не знаю, насколько орлы разумны, но у них должно хватить ума держаться

теперь от нас подальше.

– Выпьем за это!

Бек поднял свою чашку. Мы поддержали его криками и выпили. Мы убийцы и гордимся этим.

– А что ты собираешься сказать бамбуку? – спросил Иван. – Спасибо за предостережение?

– Мы это уже сказали.

– А, точно. Ну, мы ему хотя бы нравимся. Нравимся же, да?

Я кивнул.

– Я тоже думал об орлах.

– Ни к чему о них говорить, – буркнула Зои.

– Если бы понять, что означает эта их дробь…

У Ивана загорелись глаза.

– Точно! Когда они заваливали Когтя, у них все было рассчитано.

Мы все принялись обсуждать то, что видели и слышали во время нападения орлов, пытаясь собрать воедино сведения о том, как они общаются, чтобы можно было подслушивать. Мы мало что поняли, но это определенно было лучше, чем сидеть и говорить обо мне.

Мясо орлов оказалось мускусным и вяжущим, и вдобавок жестким, но мы намазали его горчичным соусом и все-таки съели. Иван и Зои пошли домой со мной. Наверное, за меня думал трюфель, потому что я решил взять их обоих.

Я проснулся зажатый между ними, голый и разогревшийся, с сушняком и похмельем, слушая, как какой-то фиппокот возится в нашей одежде на полу, и пытаясь представить себе, каково быть Беком. Я бы просыпался каждое утро с одной и той же женщиной – женщиной, которая меня любит и которой я нужен, и я был бы рядом каждый день, потому что она тоже была бы мне нужна. Разные женщины – это весело, но я же не фиппокот и не хочу одного только веселья. На месте Бека я был бы центром жизни троих детей, а не находился на краю жизни массы ребятишек. Я нравлюсь детям – возможно, они даже любят меня, но, когда им сложно, им всегда нужны мама и папа. Будь я Беком, я был бы самым обыкновенным, просто одним из граждан Мира. Не великим коммуникатором, не альфой-орлоубийцей. Мне не нужно было бы никому ничего доказывать…

Но все сложилось не так. Жизнь несправедлива. Может, Беку хотелось бы быть мной. Вселенной наплевать, и для нее мое счастье не интересно. Но я бы мог вредить, а мог бы помогать и мог быть счастливым – пусть это и ни для кого и ни для чего не важно.

Зои с Иваном проснулись. Даже с избытком трюфеля в

организме мы весело встретили рассвет. После завтрака я поздоровался с фиппокотами, поработал с новым пометом, чтобы они ко мне привыкли, и повел команду котов за северо-западную сторону города, где благодаря борьбе в грязи они выкопали яму, а я захоронил остатки вечернего орлиного банкета. Никому не захотелось забрать с собой оставшееся мясо.

Я навестил львов: они все еще беспокоились, но старое поле из-под ямса им понравилось. Его скоро вспашут и подготовят под посадки. И, что особо порадовало, они откопали довольно много корней трюфеля. Пока я их собирал, предвкушая будущее потребление, одна из самок подобралась ко мне, чтобы предложить себя. Я позвал Копальщика, но он уже к нам спешил. Он уже понял, насколько выгодно иметь альфа-самцом не льва.

Я пообедал с Индирой, Беком и их ребятишками. Нет худа без добра: благодаря нападению Индира вышла из депрессии. Она вернулась мыслями к своей работе строителя.

– Нам надо перенастроить подачу воды, – сказала она. – Мы брали воду из ключа на холмах, но с увеличением населения нам понадобится больше воды. И источник надо лучше защитить.

Снежка была в полном порядке. Она ничего не заметила – ни состояния матери, ни пугающих монстров у реки. А вот Луна и Ветер были выбиты из колеи и задавали массу вопросов.

– Они могли попасть в город?

– Они не хотят пересекать реку, – сказал я. – А мост львы обрушили.

– Мы не станем восстанавливать его в прежнем виде, – заявила Индира. – Будем пользоваться подвесным мостом, чтобы в случае необходимости его любой смог бы сломать.

(Орлы жили и на нашей стороне реки, в северных горах, но мы об этом упоминать не собирались.)

Бек проводил меня до двери.

– Она снова в полном порядке, правда?

Его улыбка и взгляды на Индиру во время обеда – на Индиру, Луну, Ветра и Снежку… я их видел и до боли хотел быть им, до боли во всем теле.

– Рад за вас, – сказал я.

Я ни о чем не задумывался, пока был на мосту и на меня надвигались орлы, но знал, что если они пройдут через мост, то на том берегу – все, что мне дорого. Я это знал, не задумываясь над этим. И все, что мне было дорого, уцелело.

На следующий день цветки бамбука раскрылись: меньшего размера и не такие эффектные, как предыдущие: половина были белые, а вторая половина – черные (чистый пигмент, а не фальшиво-черный из-за смешения красок и не фальшиво-белый за

счет фоновой ткани или еще чего-то – Раджа это проверила).

Белые цветы смотрели вверх, черные – вниз. Чертополохи у стволов с черными цветами умерли, а с белыми – остались живыми. Только у черных цветов был запах, хотя он ничего особенного никому не сказал, в том числе котам и Копальщику. У нектара вкус был разный: один – кислый, второй – щелочной. Все обсуждали, что это значит и как реагировать. Ну, хотя бы обо мне не говорили.

Нам все равно было бы о чем поговорить. Часть детей и некоторые взрослые (особенно мы, убийцы) страдали кошмарами или бессонницей, так что было решено устроить ежегодный праздник равноденствия раньше обычного – завтра. Праздник проводится в честь переселения в город из старого поселка, так что мы ели обычную трапезу путников: трилобитов, дикий лук и сушеные плоды бамбука. Мы разгуливали на ходулях, притворяясь землянами.

Наконец в сумерках рядом со старой центральной башней мы сняли с себя всю одежду, несмотря на холод, потому что нагота показывала: мы готовы двигаться дальше. Мы разожгли костер, чтобы сжигать сделанные из соломы, дерева и бумаги изображения того, что мы хотим оставить позади. Внутрь фигур запихнули водородные семена, чтобы они взрывались шумно и ярко.

Мы с детьми целый день трудились, создавая большого орла из веток. Он стоял в центре кучи, и клюв у него был меньше, чем в природе, и не такой загнутый, что меня вполне устроило. Сильвия научила детей плести перья, которыми был обвешан орел, – ни одного одинакового, все разного размера, с разным уровнем умения, из разных трав и листьев, в результате пугало выглядело полуощипанным. Оно мало походило на прекрасных и опасных созданий, которые по-прежнему бегали в моих снах смертоносно-координированными стаями, но тем сильнее мне хотелось увидеть, как оно сгорит.

Мои родители, как и еще несколько мирян старшего поколения, сделали соломенные фигурки высоких и худых гуманоидов. Работа Сильвии всегда казалась пугающе живой: она ведь была мастером-плетельщиком. Я раньше донимал родителей вопросами о том, почему они сжигают землян, и наконец, когда я подрос, они рассказали мне все про уход из первоначального поселения; в то время я был слишком мал, чтобы все понять и запомнить. В тот год я понял, что праздник устраивается не для детей, хоть дети и веселились больше всех.

В этом году перед тем, как разжечь костер, Сильвия вручила мне орлиное перо как символ отваги, а потом дети для меня

станцевали. Я не подозревал, что они собираются это сделать. В танце прыгающие и воющие львы гонялись за барабанящими орлами. Львы ловили орлов и превращали их в львов, так что под конец все дети уже выли и прыгали (а коты сновали между ними: они никогда не упускали шанса повеселиться). По ту сторону стены наша стая ответно провыла свой клич из трех нот, а потом, очень далеко, завыли дикие львы. На мгновение мы все затихли, прислушиваясь.

А потом мы зажгли костер, и все завывали и скакали, пока наши страхи сгорали и взрывались в ночи, и искры взлетали и гасли, как звезды.

Кое-кто задержался за кувшином трюфеля. Мы снова оделись из-за ночной прохлады. Костер догорел до золы. Я закрепил перо на головной повязке, где оно никого не укололо бы: альфа-самец еще на одну ночь. Я эту роль не выбирал, но я эту роль получил – и был намерен играть ее должным образом.

– Тебе танец понравился? – спросила Раджа. Они с Бласом нервно улыбались. – Это дети придумали. Они боялись, что получится недостаточно хорошо.

– Он был чудесный. Чудесный.

Они переглянулись и расслабились.

– Особенно когда львы завыли, – сказал Блас. – Им очень нравятся львы. Мне приходится напоминать им, что со львами нельзя обниматься, как с котами.

– А раз в лесу тоже есть львы, – добавил я, – то, наверное, это значит, что орлы сбежали, потому что орлы и львы, похоже, враждуют. Но теперь бамбук говорит о чем-то другом, а я не понимаю о чем.

– Кажется, о противоположностях, – предположила Раджа.

– Возможно, – согласился я. – Тогда как показать, что мы поняли? И почему о противоположностях стоит говорить?

Бек ушел раньше, но теперь он прибежал обратно, зовя Бласа.

– Снежке плохо, очень плохо!

Бамбук

Ответа нет. Они не поняли? Дуализм. Вселенная состоит из фундаментальных и антагонистических сущностей и сил. Живое и неорганическое. Растения и животные. Паразиты и производители. Создание и разрушение. Кислоты и щелочи. Болезнь и здоровье. Небо и земля.

День и ночь – это не то же самое, что свет и тьма. Когда-то я думал, что одно и то же, но теперь знаю, что дни и ночи – это результат взаимодействия шара и небес. Точно так же огонь и вода – это результат химических связей и изменений, взаимодействия положительных и отрицательных атомных зарядов.

Я выживаю с помощью прислуживающих животных и растений, и для самых плодотворных отношений мне надо помогать им в ответ. Я мог бы гораздо больше помогать чужакам, если бы мы начали делиться не только питательными веществами, но и идеями. Взаимодействие и объединение разумов может дать разнообразные вещи – нечто такое, чего раньше не существовало, и тогда наш мир будет расти.

Сегодня я наблюдал за огнем чужаков – большим огнем, которого, как выяснилось, я могу не бояться, хоть он мне и не нравится. Животные цикличны, и большой огонь – это ежегодное событие.

Но в этом году огонь устроили не вечером весеннего равноденствия. Полагаю, нападение нарушило цикл. Я могу помочь им точно определять ход дней и лет. Животным важно повторение. Я уважаю их потребности. Я хочу им помочь.

Ответьте мне! Дуализм – простая идея. Свет, тьма. Верх, низ. Живой, мертвый. Коммуникация, молчание.

Даже если вы не поняли, покажите мне, что желаете общаться. Наступила ночь, скоро будет утро. За день вы можете осуществить многое. Хватит самого небольшого действия. Говорите со мной.

– Вот твой ботинок.

Луна в ночнушке сидела у меня на коленях, сонная и растерянная, а я одевал ее, чтобы выйти на улицу. Блас осматривал Снежку, и мне хотелось бы подслушать, но Луне требовалось мое внимание. Они с Ветром проведут ночь в доме их бабушки, подальше от занятых докторов и перепуганных родителей.

– А вот и второй ботинок. Так, и тебе надо взять одежду на завтра. Что бы ты хотела надеть?

– А эту ночнушку можно?

– Сегодня ночью – конечно. Но завтра утром тебе надо будет одеться. Как насчет коричневого свитера и каких-нибудь брюк?

– Ладно.

Ей хотелось снова заснуть. Я надел на нее куртку, устроил ее на кровати и запихнул в сумку кое-какую одежку.

Ветер оделся и собрался сам и теперь расстроенно смотрел на суету вокруг Снежки.

– Я хочу остаться, – сказал он мне, когда я взял Луну на руки. – Хочу знать, что происходит.

– Снежка больна, так что мы отправимся к бабушке Синтии, чтобы вы поспали. Когда ты утром проснешься, то сможешь вернуться.

Вид у него был недовольный. После перемещения в город младенческая смертность значительно упала, но даже маленький мальчик знал, что младенцы, у которых плохо с дыханием, слишком часто совсем перестают дышать.

– Она – моя сестра! – надулся он.

– Знаю.

– Я хочу помочь.

– И я хочу. Иногда лучшее, что мы можем сделать, – это позаботиться о самих себе.

Я по опыту знал, что сон и еда могут смягчить удар в случае трагедии.

Он посмотрел на меня холодно. Мы с ним и Луной вышли из их дома. На улице небо слабо подсвечивали зеленые всполохи северного сияния. Он спросил:

– Как она? И не ври мне.

Я могу упрощать, но никогда не вру детям. Похоже, он даже на упрощение не был настроен, так что, шагая между темными и молчащими домами, я прошептал:

– Не знаю. На асфиктическую пневмонию не похоже, так что,

наверное, какой-то грибок. У тебя два раза был кокцидиомикоз. Это серьезно, но… ну, посмотрим.

– Это точно? – спросил он тоже шепотом.

– Пока нет.

– Это может ее убить?

– Не исключено. Но ты выжил. Дважды. У меня он тоже несколько раз был. Скоро узнаем.

– Почему я должен был уйти?

– Чтобы поспать в тишине. Нет смысла всем не спать всю ночь.

– А ты не будешь спать всю ночь?

– Если смогу помочь, то не буду.

– А что ты можешь сделать?

– Побыть с твоими родителями. Или приготовить медикам сэндвичи. Сбегать за кем-то или за чем-то, если понадобится.

«И смогу увидеть, жива ли моя малышка».

– Если она будет умирать, ты за мной придешь?

Я посмотрел ему прямо в глаза.

– Да.

Он не отвел взгляда.

– Я буду спать одетым, чтобы можно было сразу идти.

Когда я вернулся, Снежка кашляла: визгливым лающим кашлем, вырывавшимся из легких сквозь мокроту и жидкость – и ее личико было красным от напряжения. Красный – хороший цвет. Синий говорил бы о низким уровне кислорода в крови, желтый – о желтухе, серый – о близком конце (три моих младенца умерли. Я немного разобрался в медицине).

Индира сидела, держа Снежку на руках. Блас сидел рядом, пристально наблюдая за малышкой. Бек сгорбился на скамейке. Я сел рядом с ним.

– У нее жар, и температура поднимается, – сказал Блас. – Второй медик пошел за льдом.

Мы по очереди обтирали малышку холодной водой. Кашель усиливался, и она стала бледненькой. Я принес кислородный баллон. Блас подозревал грибок или вирус, но без старой техники не мог определить точнее. Он сделал ей укол антибиотика и противогрибкового средства. У нее начался отек легких.

Индира уставилась в пол, не видя, не реагируя, ссутулив плечи. Подавленная, виноватая. Я знал, о чем она думает: что должна была заметить болезнь раньше, кормить Снежку лучше, одевать теплее, купать осторожнее, вообще не должна была уступать послеродовой депрессии, была плохой матерью. Индира такая: чувствует себя ответственной даже за то, чего вообще сделать не могла бы.

Был ли Бек хорошим отцом? Не очень. Надо ли мне было чаще их навещать? Я мог бы найти время. Оградило бы это ее от микроорганизмов? Нет. Но если бы мы могли сделать еще что-то, если бы существовал способ уберечь малышей от кашля и сыпи, от голода и травм, от ошибок и заблуждений, мы это сделали бы.

Я решил, что в ближайшее время напишу об этом песню – серьезную песню, а не что-то легенькое для детишек. Что-то отражающее боль души, прожившей на день больше, чем надо, и познавшей беду – самую ужасную беду, ту, которую нельзя предотвратить. Песню, которая заставит слушателей плакать, которая заставит плакать меня, когда я буду ее петь, и которую нельзя будет не петь, потому что молчать еще больнее.

Мы не плакали – сидели и молчали. Сильвия пришла и приготовила чай. Она принесла корзину плодов, но я есть не захотел. Они заставят меня почувствовать себя лучше, а я не хочу чувствовать себя лучше. Зашли Иван с Томом, хотя обычно они отстранялись от родительских дел. Они встали у двери, словно воины, словно готовясь убить саму смерть, если та отважится войти. Пришли отец и сестра Бека.

Снежка становилась все бледнее, ее дыхание слабело, а Блас, прослушивавший ее легкие, становился все печальнее. Наконец я пошел за Ветром. Он вскочил с кровати, когда я шепотом его позвал, и пошел за мной, без слов, заливаясь слезами.

У двери он сказал:

– Стой.

Он сделал несколько рваных вдохов и вытер лицо рукавом. С сухими покрасневшими глазами он вошел и встал рядом с люлькой, протянул руку, дотронулся до синих губ Снежки и что-то прошептал. Посмотрев на мать, он окаменел при виде ее глубокой подавленности, а потом подошел обнять ее.

– Снежка – очень хорошая сестренка, – сказал он и втиснулся на стул рядом с Индирой.

Ветер был очень хорошим сыном.

Снежка умерла рано утром, вскоре после прихода пекаря, который тихо похлопотал, раскладывая нам на завтрак теплые лепешки и ореховое масло. Ветер принес тарелку с едой матери, скорее всего зная, что она не захочет есть, но зная и то, что должен это для нее сделать. Он был таким понимающим и чутким, что я был уверен: он будет лучшим человеком, чем я, – и это меня тем утром утешало. Добрым, искренним, естественным – вот каким он должен стать…

Я не такой. Я помогаю, конечно. Я полезен, но я – не то, что надо, и поэтому женщины хотят получить от меня только удовольствие и сперматозоиды с высокой подвижностью. Я от

природы не добрый, я заставляю себя быть добрым. Мне надо соображать, что следует делать, я не делаю это автоматически.

Но время на месте не стоит, а я не могу отказаться петь, а смерть восхода не отменяет…

Блас спросил согласия на вскрытие.

– Возможно, это что-то новое, – сказал он Беку. – Я бы хотел…

– Конечно. Постарайся узнать, – ответил Бек.

Луна сидела у него на коленях и рыдала, а он ее обнимал. Рядом с ними сидела бабушка Синтия.

Ветер стоял рядом с матерью, которая так и смотрела в пол. Горожане стали приходить с соболезнованиями, цветами и душистыми травами, и он здоровался с ними и благодарил от ее лица и пытался ее расшевелить.

– Тысячеголов! Лимонный шалфей! Правда, хорошо пахнут?

Она постепенно начала выходить из ступора, хотя бы для того, чтобы оценить старания сына.

Я решил сбежать под предлогом возвращения медицинского оборудования в лабораторию. Я тот, кого якобы тут нет, полезный человек, порой даже герой, но в итоге – лишний. Тот, кого все любят, но кто никому, по сути, не нужен, с кем все и вся могут говорить, потому что он так старательно слушает. Я забрал помятый старый кислородный баллон. Блас завернул Снежку в простыню, чтобы унести – крошечный белый сверток.

– Погоди, – прошептал он у выхода. – Неси ее ты, а я возьму остальное. Ты… она ведь все-таки твоя.

Она почти ничего не весила. На улице те, кто попадался нам по дороге, без слов понимали, что мы несем, и застывали в мрачной стойке «смирно». Блас велел положить ее в холодильник. Медицинская лаборатория всегда была мне отвратительна: меня отталкивали не кровь и плоть (с животными быстро привыкаешь к внутренностям), а техника.

Ветряк, установленный снаружи, вырабатывал электричество. Оно скапливалось в аккумуляторах и подавалось на холодильник, автоклав, оптоволоконные эндоскопы, стоматологическую установку, фонарики, радионож… Тут были полки со скальпелями и кюретками, микроскоп, термометры, часы, иглы и смотровые столы. Воздух пропах чистыми химикатами, эфирами, кислотами и аммиаком. Часть оборудования изготовила моя мать, снимая детали со сломавшихся земных чудес, спрятанных в одной из ниш: кучи стеклянных и металлических компонентов, словно скелеты ящериц под колонией пауков. Я собираю корни, кору, глины и камни и приношу их химикам, которые делают следующий шаг. Они могут назвать вещества и записать формулы. Наши математики могут изложить специальную теорию

относительности и даже составить формулы.

Они говорят, что все это правда: неэвклидово устройство Вселенной и валентность атома углерода. И все же это ничего мне не говорит, как я ни прислушиваюсь. Я оставлял Снежку в чужеродной среде – синтетической, неестественной, земной. Я поблагодарил Бласа и ушел.

Я навестил львов и котов. Город, по которому я ходил, был красив. Я не помню старый поселок – но помню, как мы пришли в город, как я впервые его увидел. Мне говорили, что он будет красочный, но я не понимал, что это значит. Как цветы или радуги, говорили мне. Точно. Как будто живешь внутри цветков и радуг. Не могу представить себе, какими были стекловары, хоть и видел археологические данные. Зачем им было тратить столько трудов, чтобы сделать его таким прекрасным?

– Они хотели копировать бамбук? – спросил я у Сильвии.

Она сидела у себя в мастерской и плела корзину, в которой похоронят Снежку – работа была не закончена, и прутья торчали во все стороны, напоминая взбесившиеся заросли тростника.

– А может, это бамбук их скопировал? – отозвалась она, протаскивая тростинку через переплетения. – Не знаю. Датировку установить сложно. Город и бамбук очень-очень старые, им сотни лет. Если бы мы могли найти еще один город или прочесть их записи, то могли бы больше узнать о том, что здесь было. Если бы мы смогли найти еще один бамбук, если бы могли разведывать больше, если бы у нас было определенное оборудование…

– Мы могли бы спасти Снежку, если бы оборудование продолжало работать! – огрызнулся я.

Я не собирался ее прерывать – до этой минуты не осознавал, насколько я зол.

– Да. Мы могли бы дать ей искусственные легкие, пока инфекция не будет устранена. В земной лаборатории мы могли бы определить возбудитель и подобрать антибиотик за час. Да, мы могли бы обнаружить орлов быстрее, если бы орбитальный спутник продолжал работать, но у него сдохли солнечные батареи, а мы не можем туда попасть и их отремонтировать. Да, компьютеры продолжали бы работать, если бы мы могли заменить чипы из арсенида галлия, а мы не можем изготавливать даже кремниевые чипы. Мы даже стеклянные кирпичи с трудом производим. Мы знаем, что возможно, – и знаем, почему не можем этого сделать, но из-за этой мысли чувствуем себя неудачниками, хотя это не наша вина!

Она перерезала тростинку каменным ножом – и возмущенно посмотрела на этот камень.

– Мы много чего могли бы, будь у нас железо. А его нет. И

найти его не удается – если не считать немногочисленные фрагменты метеоритов, а их приходится использовать для пищевых добавок. Наверное, нам лучше было бы вообще забыть про Землю. Но забывать нельзя, потому что когда-нибудь мы снова сможем все это делать, и нам нельзя терять время на то, чтобы заново открывать, как это делается. Вот только мы будем это делать по-мирному, а не по-земному, потому что знаем, что было на Земле.

Какое-то время она работала молча, протягивая тростинки. Я никогда раньше не видел ее разгневанной – но, конечно, гнева в ней было достаточно для того, чтобы сжигать землянина на каждом весеннем праздновании.

– По-мирному, – повторила она. – А ведь родители даже не рассказали нам всего про земное. Про религию. Идеологии. Экономику. Войны. Это все для нас просто слова! Они нам всего этого не доверили. Они умерли, их нет – и все равно они решают, как нам жить и сколько можно знать, потому что считали, что разбираются во всем лучше нас. И они оставили нас ущербными – и, что хуже всего, мы знаем, что ущербны. Все те книги, что мы скопировали с компьютеров перед тем, как они отказали, – это лишь малая доля того, что можно было бы знать, крошечная доля. Я как-то видела упоминание земной библиотеки с миллионом книг!

Я задумался об этом: о том, сколько всего можно было бы знать, как это узнавать и у кого учиться, – пока она заканчивала нижнюю часть корзины – обо всем том, что мы хотели бы знать, если бы знали, что это существует.

– Бамбук пытается поговорить с нами о противоположностях, – сказал я. – По-моему, нам надо ответить.

Она вскинула голову, внезапно теряя свою злость.

– Противоположности. Было бы здорово поговорить с бамбуком о противоположностях. Или хоть о чем-то.

Она отложила инструменты, отправила тростник для верхней части в чан отмокать, и мы ушли.

По дороге нам встретилась Зои.

– Я очень сожалею… насчет Снежки, – сказала она.

Я поблагодарил ее, а потом обнял, потому что она вроде как этого ожидала – а мне это было приятно.

Я заглянул ей в глаза.

– Бросай Фицджеральда и перебирайся жить ко мне.

Она окаменела, а потом качнула головой:

– О, я знаю, как тяжело терять детей.

– Я давно этого хотел. Я хочу жить с тобой. Тебе со мной будет лучше, чем с Фицджеральдом. Я тебя люблю. Вот увидишь.

Я подарю тебе счастье.

Она ответила не сразу. Обдумывает? Она отвела взгляд.

– Я тоже тебя люблю. Я… я подумаю. Обязательно. Ты хороший, Хигг. Я… я подумаю.

Я понял, что она и думать не станет, но дал ей уйти – и смотрел ей вслед, пока она уходила. Она всегда будет рядом, может, даже снова придет ко мне в постель, но не останется. Она обещала подумать просто по доброте душевной.

Я совсем забыл, что Сильвия стоит рядом – и стал соображать, как объясниться, но она просто взяла меня за руку и по дороге до бамбукового шоу говорила о последних археологических находках от стекловаров и о том, как со временем город расширяли.

Мы рассмотрели цветы. Белые умерли и засохли. Темные умерли и превратились в мокрую кашу. Часть чертополохов умерла, часть осталась расти. Белое и черное, верх и низ, мокрый и сухой, мертвый и живой. Очевидные противоположности. Мы нашли Раджу, обсудили свою идею и взялись за дело.

У основания ствола с белыми цветами мы закопали ложку кислоты из лаборатории, а у ствола с черными – щелочи. Мы положили уголек и кусок льда у двух противоположных стволов – достаточно маленькие, чтобы не причинить вреда, но достаточно большие, чтобы их заметили. Мы посадили один тюльпан корнями вверх, а второй – корнями вниз. Мы выкопали ямы, оставив одну сухой и наполнив вторую водой. Я нанес горизонтальный разрез на один ствол и вертикальный – на соседний. Мы обернули черную ветку белой тряпицей, а черную завязали вокруг белой. Мы посадили всхожие семена и стерильные семена.

Работая, мы обсуждали другие противоположности, которые нельзя было выразить. Счастливый и печальный. Земля и Мир. Молодой и старый. День и ночь. Здоровье и болезнь. Растения тоже болеют. Наверное, инфекция попадает им в устьица – поры, которыми они дышат. У растения на каждом листе миллионы устьиц. У Снежки в легких были миллионы альвеол – крошечных пузырьков. Растения могут отрастить новые листья. Она не могла заменить себе легкие.

По словам Раджи, растения создают бесконечное разнообразие соединений, включая антибиотики. На Земле с помощью генной инженерии создали плоды и зерна, содержащие лекарственные вещества. Мы уже знали, что бамбук производит витамины и другие вещества, поддерживая наше здоровье. Она сказала, что если он может вырабатывать эти соединения, то мог бы создавать все, о чем бы мы ни попросили. Староземная

техника почти сдохла. Если мы сможем просить о том, что нам нужно…

Мы были далеки от такого уровня обмена, но, возможно, уже заложили основу. Когда-нибудь все младенцы будут выживать.

Раджа ушла. Мы с Сильвией собрали инструменты.

– Хорошо поработали, – сказала она. – Может, мы мало что сказали, но я говорила с удовольствием.

– Разговор с растениями. Мне нравится.

Мы уже собирались уходить, но она вдруг остановилась.

– Каждое поколение создает свои правила, – сказала она. – Женщины твоего поколения все обдумали, и у них насчет тебя свое соглашение. Они мне не рассказывали, но я о нем знаю – и, конечно, тебе они не рассказывали, но ты, наверное, догадался. Они предпочитают бесплодных мужей, потому что так они могут регулировать частоту своих беременностей. Если они будут слишком частыми, то дети получатся менее здоровыми. А у тебя хорошие гены, очень хорошие гены, и они рады, что ты у них есть. Они делят тебя между собой, они тебя используют. Я считаю, что это жестоко, и знаю, что тебе это не нравится, но не могу вмешиваться. Вот только ничего не делать оказалось неожиданно трудно.

– Я счастлив.

– Правда?

– Я хочу быть счастливым и потому счастлив.

Похоже, она мне не поверила, но вмешиваться не собиралась.

Я бодрствовал всю ночь, так что отправился домой поспать, но по пути задержался у дома Индиры с Беком. Его отец сказал, что они легли.

– Они высоко ценят все, что ты сделал. И я тоже. Ты хороший, Хигг.

Я раздумывал над этим дома, глядя, как дневной свет льется сквозь крышу. У меня есть немного того, чего мне хочется. Я могу быть добрым, если постараюсь. Я могу быть счастливым, если не стану пытаться быть кем-то другим. Дети меня любят, я родил несколько хороших детей. Мужчины больше надо мной не смеются. Женщины по-прежнему мне лгут, но они перестанут, если я больше не стану просить их делать невозможное. Большие и не очень-то тупые мохнатые звери знают, что я – один из них.

Я как-нибудь вскоре схожу с трюфелем к Копальщику и спою ему печальную песню о страхе и надежде, неудаче и исцелении, о сладком свежем соке в листьях, вечнозеленых от горя. Может, я научу стаю подпевать мне воркованием. Музыка – это по-мирному. Межвидовая коммуникация. Такого на Земле не делали. Поющие фиппольвы. Пляшущие фиппокоты. Предупредительные

разговорчивые растения с изощренным пониманием абстракций. Хорошие времена. Они могут настать. Поживем – увидим.

Бамбук

Огонь и лед? Дуализм? Возможно. Рассмотрим термодинамику: быстрое окисление древесины с выделением тепла и изменение состояния воды, вызванное поглощением тепла. Они понимают дуализм. Это коммуникация, потому что они не просто мне подражали – они развили мою мысль.

До скольких они способны считать? Числа бесконечны. Могут ли они осознать эту мысль? В этом году они неверно вычислили равноденствие. Возможно, это указывает на слабый интеллект, что сделает их податливее и повысит вероятность того, что они со мной останутся.

Возможно, мне удастся адаптировать электрический язык первых чужаков к языку, основанному на пигментах. Я знаю, что им доступна визуальная коммуникация. Насколько значительной должна быть демонстрация вариабельной пигментации для их зрительного восприятия?

Нам о многом надо поговорить. Какую систему коммуникации использовали те растения, которые их обучали? Почему они не привезли с собой свои растения? Возможно, растения на их шарах были в состоянии войны. Возможно, они сбежали. Понимают ли они, что будущее может быть не просто новым циклом – будущее может стать новым образом жизни, шансом новых достижений, прежде недоступных?

Новорожденный у моих новых чужаков только что умер: значительная потеря для медленно размножающихся животных. Животные достойны крепкого здоровья – а я могу помочь питанием и лекарствами.

У нас, бамбуков, когда-то была громадная цивилизация, где распускавшиеся цветы создавали произведения искусства, а системы корней содержали знания, которые безвозвратно утеряны. Кооперация позволила нам заселить пустыню, море, почвы, замерзающие зимой, даже коралловые долины. У меня есть шанс на восстановление.

Весна. Я не завишу от времен года, однако ощущаю великолепие долгих дней и теплой погоды. Соседствующие растения просыпаются, кочующие животные возвращаются. Сейчас время праздновать. У меня есть железо. У меня есть стойкость и воля, чтобы врасти в это приключение, но это потребует времени. Мне надо быть терпеливым. Эти чужаки – всего лишь животные.

Можно начать с простого счета: 0, 1, 2, 10, 11, 12, 20, 21, 22, 100.

Татьяна год 106 – поколение 4

Мирное Содружество – это добровольное объединение граждан Мира. Любое разумное существо, выразившее согласие с духом нашего Содружества и готовое разделить его цели, может объявить себя его гражданином.

Из Конституции Мирного Содружества

День 371, осень. Георг искал особое рожковое дерево, кароб, чтобы его срубить, – а нашел в ущелье труп. Он побежал доложиться Розе, нашему новому модератору, а та попросила меня помочь в расследовании. Она все еще была не уверена в себе: возраст у нее, как у моих внуков: она едва достигла тех лет, когда можно занимать какой-либо пост, а мне она доверяет. Я служила при четырех модераторах – пяти, если считать Сильвию, – и сегодня впервые предала одного из них. Я наговорила ей массу лжи, но моя должность уполномоченного по общественному порядку стоит на первом месте, и по работе мне постоянно приходится лгать.

Мы надели походные костюмы, велели команде с носилками идти следом за нами (хотя из-за сбора урожая свободных рук почти не было) и направились с Георгом на запад, к холмам. Собирался дождь, и мои старые тазобедренные суставы ломило. Роза была полна юной энергии и тревожной разговорчивости.

Она считала, что Георг, скорее всего, нашел Гарри, а не Лейфа, потому что на трупе была яркая одежда. Лейф исчез три месяца назад. Гарри пропал четыре дня назад, и все бесконечно о них обоих тревожились.

– Лейф не признавал яркую одежду, – говорила она. – Лейфу требовалась маскировка. То есть он ведь был разведчик. Кто знает, что он мог открыть? А он много всего открыл, верно? Гарри больше всего нравились переходные цвета: сине-зеленый, красно-фиолетовый, желто-зеленый. Он называл их интерпретационными красками, как и свое искусство. Интерпретационное искусство. Поиск промежутков между вещами.

И так далее. Она говорила, чтобы успокоить нервы. Гарри был ее близким другом… и моим? Наверное. Но был ли то труп Гарри или Лейфа, мы лишимся надежды в отношении одного из них. Я

не умею утешать, так что надеялась, что ее разговоры помогут ей утешить саму себя – как воспоминания о человеке на похоронах умеряют горе. Я считала, что с собственными чувствами справлюсь. За четыре дня мы смогли отработать часть наших эмоций в отношении Гарри – то есть тех эмоций, которые должны будем испытывать.

– Вот что привлекло мое внимание, – сказал Георг, указывая на красно-фиолетовую тряпицу, завязанную на кусте рядом с ручьем, где он и сделал свою находку. Этот ручей вел к одному из влажных затхлых ущелий в предгорьях у западного хребта. Мы шли по все более заросшим крабовым тропам, а мелкие крабы трещали и шипели на нас из кустарника. Ответвление тропы, покрытое низкими плоскими кораллами, шедшее вдоль ручья, вело в ущелье – к трясине, которую избегали травоядные без хитиновых лап. На нас были промасленные кожаные гетры и закрытые башмаки на толстой деревянной подошве – и мы были вооружены копьями. Георг шел впереди, Роза – за ним, а я была замыкающим. Слизни нас замечали, но мы держали их на расстоянии.

Останки лежали на земле между двумя деревьями. Лиловые слизни и кружевная прозрачная слизь жужжали и извивались среди мокрых костей, гниющих обрывков плоти, серебристых бусин и обрывков одежды – яркой одежды переходных цветов. Роза судорожно вздохнула, хотя лицо ее оставалось мужественно-спокойным. Я подошла на несколько шагов ближе и подняла копье, защищаясь от слизней. Что его убило? Большой хищник его разорвал бы, но он лежал между древесных корней, аккуратно вытянувшись, раскинув руки, лицом вверх. Это была одежда Гарри, его шляпа, его пышные каштановые волосы. Стеклянные бусины браслета лежали на плесневой земле у одного из корней. Шнурок, как и его плоть, в основном был съеден. Резные ярко-оранжевые и розовые бусины рассыпались по костям запястья.

Его свалил инфаркт? Несмотря на молодость, у него было больное сердце. Укус ядовитой ящерицы? Ядовитые ящерицы любят заболоченные леса. Но почему он раскинулся, словно в уютной постели? Гарри мог показушничать. Или напиться. Или быть в состоянии интоксикации. Я медленно обходила труп. И тут я заметила.

Земля была покрыта корнями деревьев, так что один из них дугой выходил из земли рядом с кучкой костей и бусин – и его кора в одном месте была недавно стесана. Когда я нагнулась, чтобы присмотреться, из глотки бедняги Гарри с гудением выпрыгнул слизень. Я проткнула его копьем и задержала дыхание от гнилостной вони. На корне рядом со вторым его запястьем

оказался кусок кожи. Я пошевелила обрывок концом копья – и увидела на коре такую же отметину. Этот влажный лоскут – действительно кожа человека, или это был широкий ремень? Я снова его ткнула, изучая строение. Кожа ящерицы, скорее всего геккона – прочнее не бывает. Что это может означать?

Я выпрямилась, чтобы посмотреть на его лодыжки. В нескольких шагах от трупа Роза отвернулась, давясь рвотой – и, кажется, рыданиями. Георг утешал ее, подавая платок.

Полусъеденные гетры Гарри, шнурки от башмаков и носки лежали влажной грудой, но корень рядом с его лодыжкой нес следы стирания, а корень у второй был обернут полупереваренным обрывком кожи. Каблуки башмаков Гарри зарывались в раскисшую почву снова и снова. Из-за влаги и прошедших четырех дней следы немного расплылись, но сохранились – глубокие. Вокруг тела опавшие листья и палки были сдвинуты, когда Гарри вырывался. Его привязали и живьем скормили слизням.

Я попятилась к Розе и повернулась, справляясь с приступом тошноты. Хотелось надеяться, что я фантазирую. Я снова посмотрела, прижав ко рту платок. Нет: все очевидно.

– Надеюсь, это был не орел, – сказала Роза, сделав глубокий дрожащий вдох. – Это ведь был не орел, да?

Я обдумала свой ответ. Я приучила модераторов к тому, что отвечаю медленно. Может, она пытается снять с себя подозрения? Я не могла себе представить, чтобы Роза кому-то намеренно повредила, но кто-то же убил Гарри! Или что-то? Нет: животное такого сделать не сумело бы.

– Это так печально, – добавила она, – умереть и быть вот так съеденным…

– Орлы бы растащили кости, – сказала я.

– Ящерица? – предположил Георг.

Я еще раз осмотрела труп. Четких следов рядом не было – не считая моих собственных, – но я разглядела несколько неявных, сделанных несколько дней назад. Рядом, полускрытая, за погибшим кустом коралла, валялась пустая банка из-под трюфеля. Гарри немного выпивал, жевал семена коки, ел корни лотоса, но старался это скрывать – да и, по правде говоря, потреблял он все это умеренно. Мы этот момент с ним обсуждали и не находили разногласий как по этому, так и по многим другим вопросам. Его доброму имени повредило бы, если бы я допустила, чтобы люди сочли его погибшим от опьянения.

Тем не менее я это допустила. Пришла команда с носилками и не без труда отделила его от слизней и слизи и унесла домой. Мы помянули его в Доме Собраний, а похороны назначили на

завтра. Мне следовало бы сказать кому-нибудь правду. А я вместо этого всматривалась в грустные лица и покрасневшие от работы руки собравшихся, гадая, кто это сделал. Кто мог такое сделать? После почти сорока лет работы уполномоченным по общественному порядку, когда я видела такое, чего соседи друг о друге не знают, я усвоила, что не могу влезть другим в головы и понять, почему они дурно друг с другом обращаются или крадут друг у друга. Порой я и собственных действий не понимала.

Убийство. Мне пришлось проверять написание этого слова, потому что раньше мне его записывать не приходилось. «Незаконное прекращение жизни одного человека другим, особенно со злым умыслом», – говорится в пособии по криминалистике, которое хранится в моем кабинете – то есть в небольшой сторожке у западных ворот, в том месте, где я могу при необходимости говорить с кем-то приватно. Злой умысел. Гарри сопротивлялся. Изо всех сил. Надеюсь, сердце у него быстро отказало.

Мне еще не приходилось расследовать убийства. Земные методы, предписанные в справочнике, на Мире не работали, конечно. Я не знала, кому можно доверять, и потому никому ничего не сказала. Даже модератору, хотя мне хотелось бы доверять Розе. Как Мир отреагировал бы, если бы я объявила, что Гарри запытали до смерти? Открытое расследование вызвало бы панику и заставило виновного скрываться еще тщательнее.

Мне следует идти в постель, но нормально спать не получится. Моим утешением неизменно были ежевечерние записи своих мыслей: я доверяла свои тайны бумаге, чтобы потом их сжечь.

Муж и раньше наблюдал у меня бессонницу. Он, наверное, заведет со мной разговор, пока мы будем смотреть на сияющие сквозь крышу звезды. Он работает с недавно найденным метеоритом: килограммом почти чистого железа, которое можно будет пустить на инструменты, компасы и пищевые добавки: настоящее сокровище. Мы сможем поговорить о разных вариантах, и он поможет мне забыть про здесь и сейчас. Мой первый брак был ошибкой, а вот с ним я могу делиться почти всем, а когда он чувствует, что мне необходимо хранить тайну, то просто говорит: «О!» – словно обнаружил приятный сюрприз. Иногда мы вместе смеемся, но не сегодня. Не смогу.

День 372. Факты: Гарри исчез пять дней назад. Он ушел на утреннюю прогулку и собирался сажать семена бамбука. Его отсутствие заметили только на следующее утро, и поиски ничего не дали, потому что мы считали, что он ушел в другом направлении. Как он попал в то ущелье? У него не было явных

врагов, хотя Мир как весенняя река разливается сварами, бессмысленными спорами, воображаемыми уколами, реальными оскорблениями, ревностью, обидами, детским соперничеством, длящимся десятилетиями, семейной агрессией, сексуальной напряженностью и сплетнями… бесконечными сплетнями. Интересно, сплетники знают, как я восхищалась Гарри?

Случаются драки – в основном между мальчишками и молодыми парнями, хотя девочки и женщины тоже могут устраивать потасовки. Я игнорирую драки, если нет серьезных травм и никто не жалуется. Но никто никогда никого не убивает.

Я надеюсь исключить подозреваемых одного за другим. Идти до ущелья два часа, обратно – столько же. Дополнительное время потребовалось, чтобы обездвижить Гарри. Убийца мог задержаться, удостоверяясь в том, что он умер, и, возможно, наблюдать за его смертью. Никого еще не убивали слизни и слизь, так что я не представляю себе, сколько времени это заняло. Однако в целом убийца должен был отсутствовать в течение целого оборота Галилея. Кто не сможет отчитаться о своем времени? И кому захотелось запытать его – или кого угодно – до смерти? Связано ли это с исчезновением Лейфа?

«Чем больше известно о жертве, тем больше известно о преступнике», – говорится в пособии по криминалистике. Мне встречались упоминания об огромном массиве информации о расследовании преступлений на Земле, начиная с научных баз данных и кончая художественной литературой. Детективный жанр? Земляне были странными. У меня всего одно тонкое пособие, не всегда удобочитаемым почерком переписанное с компьютеров перед тем, как они отказали, и эта книга не предназначена для общего чтения, потому что в ней о природе человека говорится так, что многие миряне пришли бы в смятение. Меня она тоже приводит в смятение. Хорошо, что я не на Земле. Эта книга дает ответы на многие мои вопросы о Родителях.

Так что я пыталась побольше узнать про Гарри. Его мать горюет очень демонстративно и заявила, что ей невыносимо разбирать его дом. Мы с Розой занялись этим первым делом. Она встретила нас у его двери с опухшими глазами и болезненным видом. Мы обнялись, как обычно, – и ее объятия оказались крепче, чем обычно. Что случилось?

Она оделась, как и подобает для похорон, в старую одежду: запашную юбку из грубой коричневой ткани из старого поселка (ее истрепавшиеся края многократно обшивались и латались) и очень потертый жилет из кошачьей кожи (мех давно облез, но зеленый цвет сохранился). Пышные волосы, коричневые, как

юбка, она завязала старым шарфом. Нитки серебряных семян, используемых вместо бусин, маркер Поколения 6, свисали с ее шеи, запястий и пояса в таком количестве, что она гремела. Но о чем это мне говорило? Практически ни о чем.

Моя собственная одежда тоже была старой, как полагается. У моего поколения, Поколения 4, маркера нет, но я надела свои самые старые бамбуковые украшения – те, что Дети изготовили, когда впервые сюда пришли, – такие старые, что с некоторых уже пропали цвета. Бамбуковая диадема, когда-то принадлежавшая Сильвии, удерживала мои волосы.

Когда мы поднырнули под притолоку, я обратила внимание на то, как двигается Роза. Она осматривала все вокруг так же пристально, как и я, но отвлекалась то на одно, то на другое, как будто что-то имело некий невыносимый для нее смысл, – или что-то еще было даже важнее. Вещи Гарри что-то ей говорили. И мне тоже.

Я и раньше бывала здесь, под небольшим куполом близ восточной стены, так что его неряшливость меня не удивила: одежда здесь и там, несколько решеток с высыхающими листами бумаги для живописи, пачки набросков, рамка с недоделанными кружевами, корзины с плитками для мозаики, корзины с бусинами, горшочки с краской, и рядом с ними – тщательно отчищенные кисти, готовая к полировке резьба по дереву с изображением кота, еще кусок дерева, превращенный в штамп для ткани или глины, ваза с увядающими цветами на столе, ведро глины… и еще, и еще.

Гарри еще подростком объявил, что станет художественным мостом между мирянами и стекловарами, что было нелепым хвастовством – вот только он не лгал. Стилистика стекловаров сияла везде – их любовь к свету, характерные линии, их краски и узоры, их письмо. Но не копии. Гарри создавал интерпретации. Он был смотрителем музея Стекловаров, и его знакомство с содержимым музея было заметно.

Ничто не требовало от нас срочного внимания вроде еды, которая могла бы привлечь ящериц, или еще что похуже, или кота, ожидающего его возвращения, или ночного горшка, который требовалось бы немедленно вынести. Да и вещи не были в таком сильном беспорядке, как могло бы показаться на первый взгляд. Я проверила, не побывал ли тут какой-то несвоевременный гость, оставивший после себя отпечаток ботинка или какую-то улику. Я разобрала его постель под предлогом необходимости отправить белье и одеяла в стирку, высматривая какие-нибудь характерные волоски или следы. Ничего.

Роза занялась одеждой, валявшейся на полу. Она пыталась

рассортировать вещи, но каждый раз сдавалась.

– Тетя Татьяна…

Мой взгляд зацепился за кремовый керамический кубок со стекловарскими изгибами и надписанными стекловарскими цифрами от нуля до десяти – первыми стекловарскими значками, которым нас научил бамбук. В интерпретации Гарри символы получили мирянское начертание. Однажды, года два назад, он сидел со мной в моем сыром каменном рабочем кабинете, объясняя значение этого кубка и других произведений искусства, которые он принес с собой, а потом вывел на улицу, чтобы объяснить архитектуру стекловаров и то, что она говорит нам про самих стекловаров… и мне вдруг показалось, что до этого у меня глаза были закрыты. Зрачки у него были расширены от лотоса. Похоже, под его воздействием Гарри становился неунывающе-терпеливым. Я не могла против этого возражать.

– Да, милая? – отозвалась я на оклик Розы.

Она смотрела на меня снизу вверх, сидя на полу, и глаза у нее были выпучены от страха. Перед чем?

– На похоронах… что мне говорить? Что мне делать с его семьей? Со всем?

Вполне логичные вопросы: она еще ни разу не проводила похороны. Я собралась с мыслями, чтобы дать простые и ясные указания.

– Твоя обязанность – его хвалить. Используй традиционные слова, а потом добавь, что сможешь, и предложи другим сделать то же самое. Слушай, что говорят люди. Им надо, чтобы их слушали, – и они всегда замечают, слушаешь ли ты. – Она слушала меня. – Говори о его творчестве. Его дружбе. Чем детальнее и честнее, тем лучше. Не говори больше пятнадцати минут. Если пора будет остановиться, я сделаю так: – Я коснулась правой рукой левого уха. Роза любит поговорить. – Сосредоточься на нем. Не говори о его замене.

– Замене? Его не заменить!

– А надо. Его работа была важна. Трудно будет найти кого-то столь же талантливого, и тебе не следует начинать искать сразу же. Но искусство не должно на этом прекратиться.

Она расхохоталась: горе порой вызывает неуместный смех. Я села рядом с ней на пол.

– Тебе нравились его вещи! – сказала она с навернувшимися на глаза слезами. – Не всем нравились. И он нравился не всем.

Кому? Факты, мне нужны факты!

– Чем больше я его узнавала, – проговорила я медленно, – тем больше он мне нравился. Когда мы поняли, что он пропал… – Я пыталась найти нужное слово. Мой первый муж называл меня

бесстрастной, и он был прав, так что я постаралась стать теплее, по крайней мере на словах: – Я почувствовала себя виноватой, потому что сочла, что мне следовало заметить это раньше.

– Да, да! И мне следовало заметить. Я весь день провела на полях с ямсом и слишком устала, чтобы к нему заходить.

Это снимает подозрения с нее. И со всей полевой команды, если на то пошло.

– Я собиралась выйти за него замуж, – призналась она, одновременно плача и улыбаясь. – Мы собирались вскоре об этом объявить.

Его могла убить ревнивая влюбленная.

– Ты очень стойкая, – сказала я. Никто не любит с такой силой, как невеста. Как мне сказать этой заплаканной девчушке, что смерть ее любимого была кошмарной? Я сделала свою обычную паузу и наконец сказала: – Не могу поверить, что он кому-то мог не нравиться.

– Не все считают интерпретационное искусство нужным.

Кто? Мне безумно хотелось восстановить в памяти то, как на него реагировали – и вдруг поняла, что смогу это сделать. Выдержав еще одну паузу, я проговорила:

– Нам надо организовать выставку его произведений в память о нем.

Она улыбнулась, расплакалась еще сильнее и энергично кивнула, соглашаясь:

– В искусстве он был лучшим.

Лучшим. Ее поколение создало идею личного непревзойденного умения, которую некоторые насмешливо называли «лучшизмом». Каждый непревзойденно владеет чем-то уникальным, пусть даже это что-то только на волосок отличается от чьего-то еще. В идеале это – нечто избыточное после требований выживания, например изобразительное искусство или особо сложная выпечка, хотя годится и выдающееся умение в чем-то необходимом, вроде отливки безупречных стеклянных строительных кирпичей. Роза изготавливает невероятно разнообразные свечи: цветные, ароматизированные, необычной формы или подходящие для какого-то определенного задания или случая. Они горят ровно и без чада, вне зависимости от того, насколько они простые или необычные. Лучшизм обогащает Мир. Я им восхищаюсь.

Мы немного убрались, но в основном занимались планированием выставки. У Розы возникли очень определенные идеи относительно освещения. А потом наступило время похорон. Мы прошли на площадь, еще раз обсуждая ее обязанности.

Я помню время, когда площадь была завалена обломками

трехэтажной башни, стоявшей там в эпоху стекловаров. Мы расчистили ее, когда я была еще совсем молодая, а камни, кирпичи и стекло пошли на обустройство площади. Из-за роста населения нам понадобилось большое пространство для общественных мероприятий. Дом Собраний, несмотря на все пристройки, стал маловат. И вот из обломков башни мы устроили большую площадку с мозаикой из стеклянных блоков, окруженную невысокими – по пояс – стенами из кирпича и камня. На стенах был закреплен сад из кактусов.

Миряне в старой одежде начали заполнять скамейки. Мать Гарри не придет, как сообщил нам ее муж Ветер Младший. Я поинтересовалась почему. Она была бы центром внимания, а она обожала внимание, как и ее сын. Он еще не успел ответить, когда я поняла: ее отсутствие может оказаться самым заметным присутствием.

– Маргарита утверждает, что убила его, – объяснил он со вздохом, давно смирившись с тем, что его самые близкие люди любят драму.

– Убила?

Она ведь имеет в виду – в переносном смысле, так?

– Если винить себя, тогда можно не винить…

Ему не удалось завершить фразу: она сможет не обвинять Гарри в фатальной безответственности. Я знала, что это не так, и знала, что моя ложь будет ранить других. И вот сейчас Ветер, добрый и мягкий человек, страдает у меня на глазах – и эту боль причинила ему я.

– Нет никакого смысла кого-то винить, – сказала я.

Слабое утешение – и еще одна ложь, потому что кого-то винить следовало, я просто не знала, кого именно.

Тем не менее мне надо будет поговорить с Маргаритой и выяснить, что она имела в виду.

Погребальная корзина Гарри, закрытая, стояла рядом с помостом. Я встретилась с мужем, и мы добавили свои цветы к уже скопившимся грудам. К корзине даже привязали бечевками летучие цветы, хотя в это время года отыскать их было непросто. Мы отыскали себе места на каменной передней скамье на боковой стороне площади, где Роза будет меня видеть – и откуда всех видела я.

Она начала церемонию дрожащим, но звучным голосом.

– Цифры – это мерило, и нас стало меньше.

Пришли все за исключением одной сиделки, двух госпитализированных детей, одного часового, дежурившего у главных ворот, и Маргариты. Я всматривалась во всех по очереди, кроме тех, кто были слишком малы или слишком больны, чтобы

дойти до ущелья, пытаясь вспомнить, кого, где и когда я видела в день смерти Гарри.

– Эта потеря, потеря его искусства – потеря для будущего Мира, – говорила Роза. – А еще его потеря – это потеря для моего будущего. Его смех был тем, который мне хотелось услышать от своих детей.

Хатор и Форрест перешептывались – брат и сестра, которым, похоже, хотелось стать однояйцевыми, а не дизиготными близнецами: они одинаково коротко стригли свои кудрявые волосы, из-за чего их круглые щеки и широкие бедра казались непропорциональными. Порой они развлекались, распуская сплетни, чтобы разбить романтические отношения или помешать проявлению профессиональной склонности. Мне порой приходилось вмешиваться – и я сама как минимум один раз стала объектом их сплетен, но ничего не стала предпринимать, зная, что они только сильнее распалятся. Рядом Невада утирала слезы дочери, одногодки Гарри из одного с ним поколения. Разочарованная возлюбленная?

Жена Лейфа встала, попыталась что-то сказать, не смогла и села обратно, окруженная своими детьми и внуками.

Ветер встал и повернулся к ней:

– Хуже моего нынешнего состояния может быть только незнание судьбы любимого человека. Я глубоко соболезную тебе и твоим близким. Все разделяют мои чувства, и мы не прекратим поисков, пока не найдем Лейфа.

Все одобрительно забормотали. Лейф избивал жену и детей, пока я не вмешалась, – еще один из тех секретов, которые я храню в силу своей должности.

Церемония затянулась, потому что у Гарри было много друзей и почитателей, которые пожелали высказаться. После похорон я пошла повидать Маргариту. Она жила неподалеку от Гарри, и дом у нее был красочный. На ней, как и всегда, была богато вышитая одежда, но лицо было измученное. Волосы у нее были такими же пышными, как у него, но, конечно, окрашены в зеленый цвет, и темно-каштановые корни перемежались сединой. Ее лицо было постаревшим женским вариантом лица ее сына: пухлые губы, подбородок с ямочкой, загнутый нос, выгнутые брови – все мне было знакомо, но внезапно ее внешность выбила меня из колеи.

– Мне очень жаль, – сказала я.

Прищурившись, она пробормотала:

– Спасибо.

Все знают, кем я работаю. Я могла прийти с требованием, чтобы она изменила свое поведение, грозя публичными

слушаниями. И возможно, она считала, что я ее не люблю. Я действительно отношусь к ней прохладно, но без антипатии: просто наши характеры не совпадают. Я искренне уважаю ее работу в медицине, а ее потребность находиться в центре внимания заставляла ее решать проблемы и заслуживать благодарность больных. Тоже некий лучшизм, причем весьма хорошего сорта.

Она работает с радужным бамбуком, охраняя наше здоровье. Этой весной они с бамбуком нашли средство против эпидемии скарлатины, которая убила семерых – и убила бы гораздо большее число людей, если бы они не спасли нас от этой катастрофы. Она работала, хотя тоже была больна – зная, что, не ложась в постель, может себя убить, – и была награждена орлиным пером, заслужив звание героя. За эти годы они с бамбуком спасли многих и облегчили немало страданий. Например, они создали мазь, которая снимает у меня хроническую кожную сыпь – нечто вроде бы тривиальное, но заслуживающее мою ежедневную благодарность, – задолго до той эпидемии, которую я провела в постели, в бреду от жара.

У меня нет к ней антипатии. У меня антипатия к бамбуку, Стивленду, пусть он и делает так много для нашего здоровья и посадок. Он получил человеческое имя в знак его важности, и вскоре мы уже относились к нему как к мужчине, а не как к растению-гермафродиту.

Ребенком я так к нему не относилась. Я помню первые попытки дяди Хиггинса по налаживанию коммуникации, когда Стивленд давал нам уроки в виде такой же математики, какую я учила в школе. Я ощущала ребяческую общность с бамбуком, которая углублялась по мере того, как его способность выражать свои мысли улучшалась, соответствуя прогрессу в моем обучении. Я выучила стекловский – язык, которым пользуется бамбук, – и, чуть повзрослев, начала с ним общаться. Однако очень быстро прекратила – и больше никогда не хотела иметь со Стивлендом дел. Но Маргарита в этом не виновата. Этим утром моя работа заключалась в поиске того, кто убил ее сына.

– Очень печально, что он так умер, – сказала я.

– Сажая семена бамбука! – отозвалась она с бездонным сожалением в голосе. Стивленду нравится, когда его семена распространяют для выращивания аванпостов. Она рухнула в кресло, то ли рыдая, то ли завывая… очень драматично. – Гарри погиб ради Стивленда!

– Он пожелал, чтобы его семена посадил Гарри?

Я придвинула себе стул.

– Мне следовало самой их посадить. Стивленд попросил

меня, а я заставила пойти Гарри, бедненького Гарри! Я пошла в купальни, а потом – в клинику. А потом… Ты ведь не знала, что он потребляет семена коки, – никто не знал. Мне надо было заставить его прекратить! Он умер в полном одиночестве… потеря, ужасная, трагическая потеря!

Она вызывающе смотрела на меня во время этих отрепетированных слов и слез, словно желая сказать, что мне следовало об этом знать – и следовало заставить его прекратить.

Можно было проверить ее слова у смотрителя купален и медика. Спектакль продолжался.

– Я теперь не смогу общаться со Стивлендом. Он будет напоминать мне о Гарри. Ах, бедненький Гарри!

Многие украшения и утварь в ее доме изготовил Гарри, и именно его узоры были вышиты на ее платье, так что ей от него не скрыться. Я задала еще несколько вопросов относительно его друзей – «на тот случай, если им понадобится особое утешение», выслушала речь, которая была бы сплошной жалостью к себе, если бы истина не была страшнее ее выдумок, и еще раз выразила соболезнования, пытаясь со всей искренностью заверить ее, что она сына не убивала. И ушла.

Я зашла в центр даров, устроилась в кабинке и вдохнула благовония, маскировавшие более низменные запахи. Стивленд дотошно интересовался поведением мирян, которыми хотел управлять, руководя моей работой уполномоченного. Сейчас его интерес может пойти мне на пользу, и моя неприязнь к нему была не так важна, как обнаружение убийцы.

Вскоре после обеда, переговорив со смотрителем купален, медиком и главным специалистом по ямсу, что было вполне оправданными делами, но все равно механизмом избегания, я уселась в небольшой теплице, где – вдобавок к клинике – Стивленд «разговаривает». Крыша была сложена из прозрачных кирпичей. Листья водопадом спускались с верхушки широкого светлого ствола, высившегося в центре помещения. Этот ствол, исходно лишенный пигмента, передавал послания Стивленда, и этот ствол значительно увеличился за те два… нет, три… десятка лет, которые прошли с нашего последнего разговора.

Легкий аромат украшал теплый воздух. Я села за письменный стол, придвигая к себе лакированную белодревесную планшетку. Горшочек кремовых чернил стоял наготове. Войлочные кисти и тряпочки для стирания были чистыми. Что мне сказать? «Я вернулась, ты, тюльпан-проныра»? Это было бы неуместно.

На стволе начали формироваться слова. Тысячи клеток крошечными каплями выходили к поверхности – красные хромопласты, десятки в каждой клетке, – складываясь в

треугольники и черточки стекловского, постепенно проявляющиеся, словно предметы, приближающиеся в тумане. Когда я была молодая, это зрелище всех нас поражало.

«Я теперь снова приветствую Татьяну, рад ты служить мирянам хорошо много лет».

С каждого узла ствола крошечные черные пятнышки, почти невидимые человеческому глазу – глаза Стивленда, – были устремлены на меня.

«Ты и я теперь связаны мутуализмом», – написала я, не тратя времени на любезности. Я давно не пользовалась стекловским и теперь сражалась со словарем и грамматикой, хотя это язык простой: на самом деле бамбук признается в своих сомнениях в том, что хорошо его изучил до ухода стекловаров. Однако этого хватает. Я подняла досочку, чтобы Стивленду было видно. Он ответил быстро:

«Рад сделать-ты мутуализм. Помню давно мы нашли мутуализм сложно. Помню я возможно быть-я тюльпан».

Я замерла. Стивленд освоил смирение – или научился его изображать!

Он продолжил: «Я узнал трюфель не вредить миру».

Тогда это стало последней каплей: он потребовал, чтобы я устранила трюфель на основании того, что мы недостаточно хорошо понимаем собственную физиологию, чтобы ответственно употреблять алкоголь. Трюфель может употребляться безответственно, но это Стивленда не касается. И я не собиралась запрещать гонки на лодках после того, как утонула Тиффани (как будто я могла бы!). И я отказалась участвовать в планах по выявлению и накачиванию транквилизаторами чрезмерно агрессивных мирян или докладывать обо всех проступках Стивленду и консультироваться с ним относительно наказаний, как и в приказном порядке сочетать браком тех, кого он сочтет генетически предпочтительными, в том числе и меня саму. Своего первого мужа я выбрала назло Стивленду.

«Тюльпаны не учиться, – написала я в качестве ответной лести. – Ты учиться каждый день».

«Новые корни каждый день. Миряне учить-я много».

Хватит любезностей. «Я прийти с большой горе, – написала я. – Прийти с тайна мой работа. Пять дней назад кто-то убить Гарри. Желаю узнать убийцу. Желаю ты помочь-я хорошо защищать».

С тем же успехом я могла бы сказать, что есть план вырубить Стивленда. Фразы начали появляться и исчезать так стремительно, что я едва успевала их прочитывать. «Большой горе, да, большой сюрприз. Большой потеря мира. Миряне

никогда не убивать другой миряне. Поведение создать дисбаланс. Большое горе, да. Ты говорить-я все про убить». Я начала писать ответ. «Миряне жизнь равно мой жизнь, – добавил он. – Может убийца действовать в эмоции и больше никого не убивать?»

Я ответила «неизвестно» и попыталась закончить свои первые предложения про убийство.

«Убивать возможно не планировать?» – стремительно вывел он.

«Да, планировать, – написала я. – Ты не прерывать я, и я все сказать-ты». Мне пришлось много раз лезть в словарь. Я заполнила одну планшетку, дала ему рассмотреть и продолжила писать. Всего понадобилось шесть планшеток. Он ответил не сразу. «Я теперь закончить говорить-ты все», – напомнила я наконец.

Он ответил после еще одной паузы.

«Я видеть слизни убивать мелкий животные. Убийство наверняка печально медленно для большой животное. Но слизни быть-они неразумный, мы быть-мы разумный, и творить печаль быть неправильно для разумные. Я учусь от неправильности и не допустить больше».

Это было непохоже на того Стивленда, которого я знала, однако своего нахальства он не растерял. После долгой паузы он сказал: «Гарри быть-он художник и похоронен сегодня. Мы говорили Гарри и я о стекловары и искусство. Искусство быть счастье как радуга на ствол, итак я вырастить-я искусство для кладбище и продлить-я его счастье искусными цветами».

Если бы Стивленд был мне симпатичнее, я могла бы оценить эту дань, это намерение использовать Гарри как удобрение для создания цветов. Что бы подумал сам Гарри?

«Я нуждаться знать кто пять дней назад иметь время убивать», – сказала я. По его просьбе… нет, требованию… я разъяснила суть расследования убийства и добавила слова о командной работе. Он ответил, что просмотрит свои воспоминания к завтрашнему дню, когда капиллярное давление распространится на всю его корневую систему.

«Помощь и вред составляют дуализм, – сказал он. – Ты понять-мы наверное и понимание дать баланс. Большой и медленный растение, маленький и быстрый мирянин, я и ты найдем убийцу. Благодарю ты потому что сегодня ты прийти и просить помощь. Ты быть мудрый уполномоченный для мирян и для я».

За эти годы он освоил лесть. И я тоже. Возможно, отношения можно построить на лести.

«Ты помогать миряне-мы с многие проблемы, – написала я. –

Ты и я найдем убийцу. Рада ты и я говорить и желаю еще говорить без горе, – добавила я. – Завтра мы дать-мы много мутуализм». Я пожелала ему воды и солнца. Он пожелал мне тепла и пищи.

До ужина у меня оставалось время, чтобы присоединиться к рабочей группе, в которую часто входил Гарри. Мы отправились на каменистые хребты к северо-западу от города, чтобы собрать куколки с мотыльковых кустов ради их ароматного масла и проверить их на наличие паразитов или других проблем. Собирался дождь, но мягкий свет заставлял поля и лес казаться интереснее, добавлял нотки охры и золота – шишки высоко на соснах, листья на луке и тюльпанах на прибрежных полях. Стручки чечевицы и каробов постукивали на ветру, почти высохшие. Год был не особо урожайным, но мы переживем зиму без лишений.

Часто в моем присутствии разговоры стихают, но я подтолкнула их, отметив, какая горькая ирония в том, что в день его смерти мы все вели нормальную жизнь.

– Я ткала, – сказала Невада. Ткачество – ее непревзойденное умение. – Знаете, у него глубокий смысл – у ткачества. Оно символизирует связи, которые скрепляют всех мирян друг с другом. Одна исчезнувшая нить – и гобелен испорчен. Гарри – он был нитью основы, окрашенным волокном.

И так далее… Лучшизм часто порождает болтливость. В итоге она назвала всех, кто был в тот день в ткацкой мастерской, и в списке оказалась и ее дочь.

Если эти слова и другие комментарии членов рабочей группы подтвердятся, я смогу исключить двадцать одного подозреваемого.

Через открытую дверь моего рабочего кабинета видно рощу бамбука. Мой давний гнев на Стивленда мог быть всего лишь отражением моего раздражения из-за обязанностей уполномоченного. Я не могла винить Сильвию, мою прабабку. Когда я была еще подростком, она позвала меня, умирая: из-за отказавших почек ее тело раздулось. Она вручила мне нож, сделанный на Земле: лезвие у него было длиной почти с мою ладонь. Меня впечатлила сама сталь, блестящая и чудесная, но тут она призналась мне, что убила этим ножом Веру. Она описала дни, предшествовавшие бунту: то была долгая история, и, вспоминая, она снова пришла в ярость. Я не могла представить себе все то, о чем она мне говорила: избиения, убийства, изнасилование. Нам никто об этом не рассказывал.

– Я не желала, не желала умирать там, – сказала она. – Не хотела вести тяжелую, уродливую жизнь под диктовку лживых

родителей-убийц, чтобы в итоге меня в лохмотьях пронесли по унылым полям и скормили жадной тупой снежной лиане.

Родители предали Детей.

И под конец она сказала мне:

– Теперь мы здесь, в Радужном городе, и обязанность модератора в том, чтобы решать, что нам делать как группе, и делать это по-мирянски. Модератор не может следить за миром между отдельными людьми. Я пыталась – и это оказалось слишком. Модератор должен быть публичной фигурой. А ты, Татьяна, умеешь не выделяться, умеешь хранить секреты. Я тебя знаю. Этот нож – твой первый секрет.

И она назначила меня уполномоченным по общественному порядку, а я была слишком молода и слишком польщена, чтобы понять, что эта должность в итоге отделит меня ото всех и что узнанные мной секреты заставят меня заморозить себе душу, чтобы их не выдать. Тем не менее эту работу надо делать, и делать хорошо. В молодости я какое-то время продолжала работать назло Стивленду, чтобы доказать ему: он всего лишь растение и не может мной управлять.

Нож по-прежнему у меня, и я держу его заточенным. Я ношу его почти постоянно, сунув в сапог или спрятав в жилете в ножнах из тонкой и прочной кожи ящерицы. Когда прабабушка умерла, все гадали, куда делся ее стальной нож. Так и гадают.

День 373. Стивленд обращал на повседневную деятельность не так много внимания, как я думала, и о том, кто где был, дал меньше информации, чем я надеялась, но сегодня мы исключили еще двадцать два человека. Если прибавить к этому детей, больных, инвалидов и тех, кого я уже успела исключить, у меня остается 160 подозреваемых, почти две трети всех мирян… Хотя Стивленд собирался проверить еще какие-то далекие корни.

«Расследование похоже на охоту! – восторгался он. – Животные охотить себе пищу, растения – нет. Много раз миряне говорить-я охота дать-они удовольствие. Теперь я понимать. Мы охотить убийцу используя скрытность, используя секреты, и ради доброй цели, а не чревоугодия».

В дверь постучали.

– Скажи, когда будете готовы. Не тороплю, – дружелюбно провозгласила Джерси за дверью.

Она переводит Стивленду земную книгу, «Историю математики», и почти каждый день проводит с ним примерно час.

«Мы охотить убийцу идеями и информацией, – написал он, – и разумом. Я ращу еще корни. Я дать-ты больше разума, дать-ты синие мелкие плоды высоко на ветке около ворот конторы. Полезны мозг животное».

Плоды разумности? Это следовало обдумать. Стивленд порой дает плоды, подогнанные под конкретных людей для лечения инфекций, или облегчения родов, или для повышения количества питательных вещей или ферментов. Однако он постоянно сетовал на наши ограниченные умственные способности. Начав с самого мелкого подозрения, я спросила:

«Может ты объяснить-я, почему плоды разумности сегодня, нет такие плоды вчера?»

Ответ пришел не сразу.

«Лучшее повышение разумности есть хороший питание дети. Баланс давать лучшее здоровье, а лишняя разумность через плоды создавать дисбаланс. Болезнь создавать дисбаланс, потому медицина ищет баланс. Лекарство усилить тело, потому что тело искать равновесие. Плод лишней разумности противоположность плод-лекарство. Я проверять вещество разумность через овсянику с фиппокоты и узнать риск и польза. Ты Татьяна иметь крепкий здоровье и хороший баланс для такой риск. Ты не дать другие плод, наверное. Поиск убийцы баланс риск от плоды, наверное».

Риск уравновешивается необходимостью. Он так мыслит – с точки зрения равновесия, как будто в каком-то корне помещает идеи на крошечные весы. Какой великолепный разум! А он сказал бы мне про риск, если бы я не спросила? Сомнительно. Он знает, как для нас лучше, – всегда был в этом уверен.

«Я делать плод тщательно, – добавил он. – Я рассмотреть ваш физиология детально. Ты возможно говорить с медиками о боль бедра».

Откуда он про это узнал? Он не наблюдал за всеми – но за мной он наблюдал! Я ответила очень медленно, сначала позволив себе несколько неразумных мыслей, но все они привели к тому, как выглядел труп Гарри и как ощущалось страдание Розы, к трагической потере Мира и опасности, в которой мы все оказались, – и к тому, в чем заключается мой долг.

«Я съесть плод сегодня, – пообещала я. По крайней мере, попробую кусочек. Возможно, нам удастся найти убийцу до того, как этот новый плод сильно мне повредит. Стивленд ведь не захочет мне вредить? – Джерси быть здесь».

Мне надо было красиво уйти, пока я не сказала чего-то враждебного, что осложнит мне работу – какими бы заслуженными эти слова ни были.

«Джерси говорить-я память земная математика. Узнавать-я изумительно изумительно много. Люди создавать разум книга, а не разум плод или разум корень. Животные проходить границы творчески умно, учась, а не повторяя. Чувствовать удивление».

Я не сочла себя польщенной.

«Воды и солнца».

«Тепла и пищи».

Джерси устроилась на скамье поблизости и изучала свою книгу – терпеливо, конечно. Она обладает странной терпеливостью, больше похожей на робость, и щедростью, приближающейся к потаканию. Что понятно, если знать, как в детстве с ней обращался Лейф, но, может, я и придумываю то, чего на самом деле нет, именно потому, что знаю про ее детство. Со своими детьми она обращается хорошо, насколько мне удалось узнать.

Она сидела на скамье из половинки бревна кароба с шахматным рисунком волокон. Края были резными и напоминали стручки этого дерева. Стивленд заключил сделку с общиной каробов, и эта скамья стала памятным знаком договора. Деревья согласились давать нам прочную красивую древесину и стручки, содержащие калий и аминокислоту метионин, в обмен на ограниченную вырубку, защиту от паразитов и конкурирующих пород и посадку семян в идеальных местах. Стивленд сказал, что деревья охотно идут на сделку и практично-дальновидны. Как и сам Стивленд. Он сделал себя незаменимым в роли переговорщика с растениями и посевами. Люди рассчитывают на его помощь.

При моем приближении Джерси медленно подняла голову – и по ее лицу пробежала едва заметная тень. Я привыкла к подобной реакции. Возможно, она подумала, что у меня есть новости относительно ее отца, Лейфа.

– Стивленду нравится книга, – сказала я.

Она облегченно улыбнулась и кивнула. Ее прелестный носик стал более веснушчатым, чем был в детстве, и теперь у нее двое сыновей, таких же веснушчатых блондинов, как и она. По ее ярко-зеленой шевелюре видно, что исходно она была блондинкой.

– Ему сложно читать, – призналась она, вставая. – У стекловского словарь небогатый. А вообще-то, должен был бы быть – ведь наука у стекловаров была развита.

Она смущенно хихикнула.

Она не имеет себе равных в математике – такой продвинутой математике, которая уже абстрактна, – и ей нравится ее преподавать. Невада соткала для ее облегающего платья терракотовую парчу, в узоре которой присутствуют разноцветные цифры и символы. Мне этот фасон кажется чересчур пикантным, но они обе обожают наряжаться, а сшито оно очень хорошо.

– Он был знаком с квадратными корнями, – сообщила она. – На Земле их использовали четыре тысячи лет. Это его потрясло. А название очаровало. Никто раньше не говорил ему, что мы

называем их корнями, а для него корни – это очень важно.

– Потрясло?

Я почувствовала, что улыбаюсь.

– Да. Ему доступна всякая аналитическая геометрия и касательные из-за того, как он растет, так что это было просто. Но теперь мы подошли к мнимым числам и комплексным корням. Не могу тебе передать, как он изумился, – особенно тому, насколько они могут быть полезны. Погоди, вот я еще доберусь до неэвклидовой геометрии!

Даже я имела туманное представление о том, что такое мнимое число – что-то связанное с отрицательными корнями квадратными, – а Стивленд не имел!

– Он говорит, что многое узнал, – сказала я. – Он изумлен.

Джерси находится в списке подозреваемых. Я попыталась себе представить, как она убивает. Она низенькая и худая, но, если Гарри был пьян, она могла с ним справиться. Я не могла себе представить их вместе, но это скорее характеризует ограниченность моего воображения. И я эгоистично не хотела бы, чтобы убийцей оказался тот, кто способен потрясти Стивленда достижениями человеческого разума. Ему еще надо научиться у нас неэвклидовой геометрии.

Плод разумности меня дожидался – высоко на стволе, растущем прямо за редко используемыми западными воротами близ моего кабинета. Чтобы его сорвать, мне пришлось залезть на стену и сильно наклониться. Если бы Стивленд мне про него не сказал, я его вряд ли заметила бы.

Я обычно съедаю два плода бамбука: один – рано утром, а второй ближе к вечеру. Если есть больше – я становлюсь легкомысленной, если меньше – то заторможенной. У меня оставались сомнения, но я съела синий плод и немного выждала. Он оказался чуть горьковатым, но в основном безвкусным. До вечера ничего не происходило.

На заходе Света мы с мужем пошли в Дом Собраний на посмертную выставку работ Гарри. По дороге туда город казался мне интереснее, четче. Я обратила внимание на дорожки, протоптанные снующими между домами фиппокотами, и низко расположенные смазанные отпечатки ладоней на дверях тех домов, где жили дети. Над головами у нас ветки бамбука были расположены так, чтобы захватывать максимальное количество солнечного света, а длина их листьев-мутовок постепенно уменьшалась, образуя эффективные конусы. Наверное, Джерси смогла бы составить уравнение.

Когда мы пришли, я стала замечать нечто новое в отношении людей – кто обращает внимание на кого или на что: на детей,

угощение или сами экспонаты. Люди расположились закономерно, словно группировки в стае мотыльков: клики, возрастные группы, рабочие команды… некоторые враждебно настроены друг против друга… И когда я вошла, все посмотрели на меня, словно мне известно все, что им хотелось бы скрыть. А хорошо было бы!

Сейчас в Дом Собраний кроме главного здания входят еще два поменьше, и их соединяют широкие арочные переходы. Роза продуманно распределила произведения Гарри на столах перед эркерами, где освещение было самым хорошим. В главном зале она собрала предметы обихода.

Я притворилась, будто рассматриваю его работы, надеясь тем самым замаскировать попытку подслушать разговоры, но на самом деле, несмотря на все планы, я действительно смотрела – и видела то, чего никогда раньше не замечала. Шерсть у резного кота напоминала текстуру камней и кирпичей дома. На квадратной керамической шкатулке с глазурью танцевали стекловары и миряне – и я поняла, что узор, идущий по краю, – это их кружащие шаги. Я даже танец опознала. При виде резной крышки ночного горшка я засмеялась в голос, вот только никто не был настроен на смех, так что все выглядели недовольными.

– Присмотритесь к узору, – объяснила я. На первый взгляд это было похоже на сложное сочетание линий в мозаике стекловаров, однако небольшие различия в высоте определенных участков узора составляли небольшое низенькое растение. – Это же растение-кака! – добавила я. – Спрятанное. – Любопытствующие посмотрели – и впервые тоже это увидели, и кое-кто посмеялся. Я указала на другие предметы: – Вальс-квадрат. Домовый кот.

Постепенно улыбок стало больше.

– Гарри был хорошим человеком, – громко сказала я, поняв, что если продолжу говорить, то смогу продвинуть свое расследование. – Мне его будет не хватать. Мне будет не хватать его искусства. – Я указала на белый кубок. – Как мне жаль, что я ничем ему не помогла. Жаль, что я не знала.

У меня на глаза навернулись слезы. Это меня удивило. И тут я поняла, что плод разумности подействовал. Неужели, став сообразительнее, я стала не такой холодной?

Моя откровенность подействовала на собравшихся. Они заговорили о том, что делали в тот день и что могли бы сделать. У меня получалось слушать два и даже три разговора одновременно – и запоминать услышанное. Я исключила шестьдесят человек. И я превратила этот вечер в подлинную дань Гарри и дала ткани Мира возможность немного зажить… Но

когда я найду убийцу, прореха станет даже больше.

И теперь, вернувшись к себе в кабинет, я изучала пособие по криминалистике. Обычно убийцы разделяются на две группы. Первая убивает в порыве страсти – например, при ссоре с любимым – и обычно больше преступлений не совершает. Второй тип убивает ради удовольствия. Такие люди планируют нападение, обездвиживают жертву и тщательно контролируют процесс. Убивающий ради удовольствия убьет снова.

Убийца Гарри принадлежал ко второй группе. Мне нельзя было терять время.

Я думаю про Лейфа. Он жив? Он где-то рядом? Пятнадцать лет назад ко мне обратилась школьная учительница и сказала, что заметила у детей Лейфа странные синяки. Я его об этом спросила, а его жена стала его выгораживать. Он молчал, и я мучительно решала, выдвигать ли публичные обвинения. Однако на следующий день он объявил, что планирует уйти в разведку один, и никто не смог его отговорить от этой авантюры. Он ушел, отправившись точно на юг. Не отправила ли я его на смерть? Той зимой я часто не спала ночами, думая об этом.

Он вернулся следующей весной с древесным фиппом на плече и сведениями о новых землях. Он заявил, что это путешествие его изменило. В его отсутствие его родные перестали быть такими угнетенными, и, насколько я могла судить, они оставались довольными. Возможно, он переменился. Позже он не раз организовывал исследовательские экспедиции, в которых было открыто много полезных растений, животных и ресурсов, а также найден удивительно красивый водопад за восточными горами, к которому все теперь ходили хотя бы один раз в жизни. Сами стекловары построили там несколько купольных зданий – возможно, сделав местом отдыха.

Однако после той беседы Лейф больше со мной не разговаривал. Он не встречался со мной взглядом.

Его не было три месяца – и он вполне мог продержаться такой срок за счет даров природы.

День 374. Роза, наш модератор, должна была встретиться с Хатор и Форрестом за обедом, но не пришла. Они немного подождали, а потом начали ее искать, разобиженные. Я собиралась поговорить со Стивлендом, когда услышала их сетования. Я тут же организовала поиски.

– Может, ты зря тревожишься? – сказал Георг. Я собиралась ответить, но, увидев мое лицо, он тут же добавил: – Ладно. Извини. Я возглавлю поисковый отряд, если хочешь.

Какие мысли он мне приписал? В момент смерти Гарри он следил за варкой стекла. Это – длительный процесс, в котором

участвует целая команда, так что подозреваемым он не был. Его поисковый отряд в считаные минуты вышел за ворота, направившись вниз по течению.

Я пошла спросить Стивленда, где была Роза. Перебрав свои корни, он сообщил, что в последний раз видел ее этим утром за речными воротами вместе с Роландом, фипп-мастером.

Роланд вызвался идти с отрядом Георга, взяв котов-нюхачей, которые воспримут поиски как игру в прятки. Я ждала его возвращения в Доме Собраний, отметив, что синий плод, который я съела еще раз, заставил время течь медленно и очень облегчил процесс воспоминаний. Список подозреваемых по-прежнему составлял сотню – и включал в себя Роланда.

Относительно него у меня были смешанные чувства и острые воспоминания.

Несколько лет назад, перебрав трюфеля, мы с ним улизнули из Дома Собраний с затянувшейся вечеринки по поводу рождения ребенка и быстро прошли по темным улицам к городской стене. Ранние весенние ящерицы попискивали, ища пару. Он расстелил куртку с бахромой на широкой стене, мы повозились с завязками и пуговицами и занялись любовью, полуодетые.

На следующее утро я списала все на трюфель, на притягательность фипп-мастеров, которую, по словам дяди Хиггинса, создает львиный феромон, впитывающийся в одежду и сексуально возбуждающий людей… на все, что только могла придумать. Он был утонченно-красив, невысок и крепко сложен, с густой бородой – и оказался умелым и страстным любовником. Однако я все равно не могла оправдать себя за секс с мужчиной другого поколения с зелеными, как у его котов, волосами. Я ведь уполномоченный по общественному порядку!

Возможно, именно это и было его главной притягательной стороной – его возраст. Развитие и успешность Радужного города позволили новым поколениям творить невообразимые для нас вещи. Подумать только о Гарри! Молодежь становилась такой, какой мечталось Сильвии.

Спустя несколько дней мы с Роландом случайно встретились за городом – и снова были близки в долинке среди расцветающих диких тюльпанов. Последовал почти год «случайностей». Я его не виню. Я отвечаю за свои поступки, но даже сейчас не могу объяснить, почему я такое творила. Странно, что никто ничего не заметил. Может, дело было в будоражащем риске и нарушении правила, запрещающего секс между представителями разных поколений.

В конце концов чувство вины заставило меня прекратить наши отношения. Я сказала «хватит», а он поцеловал мне руки и

ответил, что повинуется с сожалением, и тогда я почувствовала себя виноватой из-за того, что отказываю ему, и жалела, что не могу ни с кем об этом поговорить, как не могу поговорить обо всех секретах моей жизни и работы. Вместо этого я все вот так записываю, а потом записанное сжигаю, а пепел, наполняющий кувшин в углу моего кабинета, служит моей исповедью.

И я ждала известий о Розе, и эти часы были горькими из-за воспоминаний и сомнений.

Поисковая группа вернулась в середине дня. Они ничего не нашли. Роланд решил взять свежих котов и повторить попытку. Он поспешно отправился возвращать усталых животных в их загоны и брать новых, а я пошла следом.

– Ты сегодня Розу видел? – спросила я, надеясь каким-то образом исключить его из списка подозреваемых.

– Этим утром… да, мы с Розой, – начал отвечать он негромким успокаивающим голосом. Звук предназначался котам, но лицо у него было красным и блестело от пота. – …Мы пошли в сарай у хлопковых полей. Ей было так одиноко без Гарри! Мне хотелось, чтобы она почувствовала себя лучше, почувствовала себя любимой, и мы… мы любили друг друга. А потом она сказала, что пойдет собирать кудель с чертополохов. Она давно должна была вернуться.

Он спустил котов с рук и подозвал двух других, уговаривая идти быстрее. Роза принадлежала к Поколению бусин, а не к Зеленому поколению, как Роланд. Мне показалось, что я чувствую гнев… но поняла, что это ревность.

– Не знаю, – продолжил он. – Орлов поблизости нет, львы мне это подтвердили, но ее надо найти. – Он взял котов и повернулся ко мне. – Мы проверили одну тропу. Теперь проверим вторую. Ту, что идет к пеканам.

Он почти выбежал из города. Я торопливо шла за ним по тропе вдоль речного обрыва, мимо лука и тюльпанов, пока мы не добрались до сарая у хлопкового поля. Я старалась думать только о том, как бы ее найти, – но вместо этого гадала, с кем Роланд еще занимался сексом. Он был искренне встревожен, но почему?.. Мы прошли по второй тропе и задержались у развилки. Он спустил котов на землю. Вытащив из рюкзака ночную рубашку Розы, он дал ее им понюхать, а потом они стали обнюхивать все вокруг, пока не нашли ее след – по которому побежали в лес.

Мы нашли Розу на поляне, окруженной пыреем и низкими соснами. Она лежала на красновато-серой траве: один конец пояса на шее, а второй привязан к сосновой ветке, которая, видимо, сломалась под ее весом. Рядом валялась корзина. Выглядело все так, будто она вывалила чертополох из корзины,

встала на нее, обмотала поясом свою шею и ветку, а потом прыгнула – и ветка сломалась. Коты недоуменно обнюхивали ее. Роланд рухнул на колени и позвал их к себе на руки. Голос у него был сдавленным от боли. Я подошла к ней.

Я сразу увидела следы у нее на шее: синяки и ссадины, особенно на затылке, показывающие, что ее задушили тонким шнуром или веревкой. Ее расшитый бусинами пояс оставил бы совершенно другие отметины. Я накрыла ее потемневшее от застоя крови лицо и пораненную шею своим головным шарфом. Я осмотрела ногти у нее на руках, проверяя, не поцарапала ли она нападавшего, но они оказались чистыми. Отмытыми? Трава была слишком жесткой, чтобы сохранить отпечатки ног или следы борьбы. Я не смогла увидеть, где именно от дерева отломилась ветка, и заподозрила, что ее принесли откуда-то еще. А это говорило о том, что убийце не хватило силы, чтобы поднять труп и привязать к нужной ветке. Роланд бы смог ее поднять. Или Лейф.

Я поймала себя на том, что топаю ногами, шагая по жесткой, режущей траве, злясь на убийцу за то, что он снова убил, и на себя, что не уберегла Розу. Надо было действовать быстрее. Я дала убийце еще один шанс.

Роланд сидел на земле, опустив голову. Коты у него на руках раскачивались из стороны в сторону, чтобы его утешить. Я пошла в город за командой, которая бы унесла Розу домой.

На Мире еще никто никогда не совершал самоубийства, хотя старики и больные порой просили об эвтаназии – но это нечто совершенно иное. Полевые команды бросили работу, когда мы прошли мимо них с носилками, – и предложили помочь ее нести или побежать в город с новостью о ее приближении. Когда мы добрались до ворот, там ждала уже сотня людей.

– Почему?

Я услышала этот заданный шепотом вопрос, когда мы входили в ворота. У купален я позвала нескольких полуслепых матрон, которые бы позаботились о ее теле, но не стали бы всматриваться в отметины на ее шее. Они скорее будут хлопотать над тем, чтобы она получше выглядела. Я оставила ее труп около кирпичных ванн, наполненных мыльной водой и запахом влажного хлопка. Ее мать, предыдущий модератор, умерла прошлой весной, во время эпидемии скарлатины. Отец Розы услышал новость до того, как я пришла к нему, а после визита к нему я попросила его родных и друзей не оставлять его одного – как будто они сами не догадались бы. Если я скажу ему, что ее убили, – это облегчит его горе или усугубит его?

А потом меня вызвали на собрание Комитета Содружества.

Двенадцать человек, включая меня, помогают модератору принимать решения по повседневным вопросам. Я чуть опоздала. Комитет уже принял решение сделать новым модератором меня. Такого я совершенно не ожидала.

– По крайней мере, пока, – добавил Бартоломью (я не поняла, адресовано ли это мне или остальным). – У тебя есть опыт, чтобы успешно справиться с ситуацией. Миру это необходимо.

А из Бартоломью, наверное, вышел бы хороший модератор: немолодой Зеленка, умелый столяр, вдовец, так и не женившийся снова и, похоже, нашедший силу в одиночестве, – кладезь здравого смысла, высказывавшийся с преувеличенной нервозностью, которая обезоруживала. Я гораздо менее симпатична. Однако я спорить не стала. Эта роль может помочь мне быстрее найти убийцу, и к тому же она временная – а в чем-то еще и формальная. Я попросила Бартоломью помочь отцу Розы и подготовить вечерние поминки, предложила председателю клуба философов устроить открытую дискуссию, посвященную горю, и отправилась говорить со Стивлендом.

«Кто-то убить Роза, – написала я, после чего рассказала обо всем, включая собственное отсутствие ориентиров, игнорируя попытки Стивленда прервать меня своими «печально» и «повтор недолжного». Завершила я словами: – Ты утром видеть Роланд и Роза. Ты сказать-я другие наблюдения».

Мы обсудили подозреваемых и их перемещения и пришли к двум выводам. Во-первых, убийца мог скрывать свои перемещения не только от мирян, но и от Стивленда. Во-вторых, мы не можем исключить Роланда. В моем пособии по криминалистике говорится, что преступники, действующие обдуманно, часто бывают сексуально дееспособны, обаятельны и стереотипично мужественны. Они могут возвращаться на место преступления, добровольно делиться информацией и предвидеть, что их будут опрашивать. Конечно, так бывало на Земле – но здесь-то Мир.

«Роланд возможно лгать, – предположил Стивленд. – Я создать-ты плод для правда. Ложь быть дважды подумать. Плод заставлять думать один раз, так что думать менее умно. Плохой дисбаланс, очень плохой, но очень временный. Он будет расти рядом с разумным плодом, полосатый».

«Возможно ты объяснить мне плохой дисбаланс?»

«Менее умный быть плохо, потому что меньше думать», – не слишком понятно ответил Стивленд.

Из-за плодов разумности я чувствую себя странно, тогда что может сделать плод правды? Но я намерена использовать этот новый плод. Если я не остановлю убийцу, он или она будет убивать снова.

В Доме Собраний Бартоломью и философы хорошо поработали, и я их похвалила. Я пригласила мучительно страдающего Роланда прийти ко мне с утра пораньше. Хатор и Форрест решили, что Роза убила себя из-за того, что смерть Гарри разбила ей сердце, – и выставка, все еще остававшаяся в Доме Собраний, вроде как подтверждала их догадку.

Я переговорила со множеством людей и исключила пару дюжин подозреваемых. Можно было бы легко исключить и больше, если бы я не старалась избежать подозрений и предупредить убийцу. Ложь относительно разбитого сердца Розы начала меня тревожить. Большего выяснить не получалось, и я ушла.

Вечером, направляясь к себе в кабинет, чтобы начать запись, я увидела зреющий плод правды. Я не знала, как отреагирую, если Роланд признается в убийстве. Я невыразимо зла на убийцу. А еще я зла на Стивленда. Он может сделать нас умнее или честнее, но довольствуется тем, что дает нам плоды, которые обычно чуть обостряют наше восприятие, и иногда лечит наши болезни: это обеспечивает равновесие. А если он время от времени как-то меняет плоды, то мы этого заметить не можем. Что входит в мазь от моей кожной сыпи?

В моем пособии говорится, что мотив деструктивного поведения – это жажда власти, а Стивленд всегда стремился к власти, хотел быть самым большим и умным бамбуком в истории Мира и иметь наилучших обслуживающих животных. Прабабушка ошибалась. Он по природе своей не альтруистичен. Он стремится к власти.

Правду могут давать плоды, но моя жизнь – это ложь. Я лгу, оберегая чужую частную жизнь, и по той же причине игнорирую ложь, я лгу, оберегая саму себя, и лгу мужу, чтобы он не думал, будто я ходила к Роланду из-за какого-то его недостатка.

Сейчас я хочу быть с мужем. Хочу притвориться, будто не знаю ничего особенного, будто убийца не угрожает нам, словно какая-то великанская летучая мышь, похищающая детей, которую воображают себе ребятишки, когда какой-то дефект стеклянного кирпича на крыше создает странную тень. В нашем маленьком городе все считают, будто хорошо знают всех остальных… но это не так.

День 375. Рано утром Роланд приплелся ко мне в кабинет для разговора. За ночь ему стало хуже: его шатало от недосыпа, он был бледен, немыт и нечесан, и учуянный мной в его дыхании трюфель явно не пошел ему на пользу. Если он убийца, то не набросится ли он на меня? В таком состоянии он не сможет успешно драться. Казалось, он был готов признаться еще до того,

как я подала ему завтрак: чай и полосатый плод правды. Я уже съела свой особый плод и положила поблизости острый стальной нож: была умна и готова.

– Это я виноват в ее смерти, – бормотал он хрипло. – Это я сделал… Я… я понимал, что это неправильно. И с тобой тоже было неправильно. Просто я люблю всяких женщин, знаю, что не полагается, но ты… ты высокая, умная и не похожа на других женщин. И я тебе важен. Я ведь тебе важен, правда, Татьяна? Ты обо мне заботишься, как вчера, а Розе было так плохо, мне хотелось, чтобы ей стало лучше, но понимаю, что это было неправильно. И она тоже понимала и чувствовала себя виноватой, я знаю. Ты ведь чувствовала, я знаю. Но ты сильная. Она… она… она…

Он – Поколение 5. Она была из Поколения 6. Он решил, что она покончила с собой из-за него.

Когда плод подействовал, то все стало еще хуже: Роланд стал болезненно-откровенным и признался, что был близок и с другими представителями запретных поколений, со многими женщинами. Он пренебрегал обучением фиппокотов и не выполнял положенных ему полевых работ. Он не готовил трюфель. Он ел корни лотоса. В детстве он крал игрушки и валял дурака в школе.

– Это мне надо было умереть, а не ей. Мир без меня станет лучше. Ему нужен фипп-мастер получше. Я слишком эгоистичен для этой работы. Я ее получил только из-за моей внешности.

Хныкающий и горюющий, он был еще более привлекательным, чем обычно, – а может, дело опять было в феромонах на его одежде и коже. Я прекрасно представляла себе его мускулистые плечи под украшенной бахромой курткой и его сильные ноги…

Но я оправдываюсь. Я намеревалась просто отговорить его от самоубийства, но мои заверения относительно его достоинств перешли в объяснения моего прежнего интереса к нему, который так и не исчез, – запретная любовь, не совместимая с моей работой, но ведь нарушение этого запрета никому не причинило вреда. Он сказал, – честно, если верить плоду Стивленда, – что рядом со мной всегда чувствовал себя более настоящим, более уверенным в себе, что никогда ему не было лучше, чем когда он доставлял мне радость. А я была рада узнать, что он не убивал Розу. Возраст на самом деле ничего не значит, решили мы оба – к этому моменту мы уже держались за руки и покраснели от возбуждения.

Мы любили друг друга на том столе, за которым я сейчас пишу. Плод разума не помог мне хорошенько подумать о том, что

я творю.

Чуть позже, на похоронах Розы, я чувствовала себя дурой. Убийца где-то здесь, среди собравшихся на площади (если только это не Лейф), но с чего бы Лейф стал убивать Розу? Или Гарри? Хорошо хоть, Розу не мучили. Скорее всего. Большинство охотников не используют силки, считая удушение жестокостью.

На похоронах Розы я зажгла несколько ее свечей и произнесла традиционные слова о численности Мира. Я честно ее хвалила, но кто в тот момент верил, что она была сильна духом… кроме меня самой? Люди сидели молча, потрясенные. Жестоко было позволять им думать, будто она сама себя убила. Убийца насмехается над Миром – и надо мной.

Когда я общалась со Стивлендом после похорон, он заявил, что, раз Роланд не убивал Розу, нам надо дать плоды правды другим людям. Я немного подумала. «Ты говорить-я способ знать такой факт о Роланд».

Бамбук у моего кабинета не мог ничего увидеть.

Он колебался, а я достаточно хорошо была знакома с колебаниями, чтобы понять: я задала вопрос, на который ему отвечать не хочется.

«Ты будешь хранить мой секрет! – приказал он. Я не была уверена, что буду, – и по-прежнему не уверена, что это следует делать. Слова стекловского растаяли, сменившись словами на английском. – Я выучил ваш язык. Я размножил слуховые органы во многих местах города. Они оказались неожиданно полезными».

«Ты можешь меня слышать?» – я написала это на стекловском, от потрясения не осознав, что этого не требуется.

«Да, однако с трудом», – признали слова на человеческом языке, появившиеся на стволе.

– Как давно? – спросила я вслух и написала – на этот раз по-английски – эти же слова, которые ощущались совершенно неуместными, словно я занялась математикой с фиппокотом.

«Научился, читая на вашем языке много лет. Я следил за школьными уроками. Но слух – это новое, этого года. Я ощущаю одновременно много звуков и должен их разделять. Это моя трудность».

Я долго сидела молча. И это не была театральная пауза. Он знает, что мы говорим, что делаем, имеет сведения о нашей биохимии, управляет нами с помощью плодов и запахов. Он давно был готов угрожать и приказывать. Что со мной делает запах в этой оранжерее? Возможно, много чего, а я об этом узнать не смогу. Его секреты и возможности будут беречь жизни мирян только до тех пор, пока мы ему служим.

«Мы можем совместно работать лучше, – написал он, чтобы

прервать молчание. – Нам надо найти убийцу».

– Я опрошу с плодами других людей, – пообещала я.

Однако Стивленда это не удовлетворило – нисколько.

«Надо использовать плоды правды на все население».

«Нет. Для общественного спокойствия требуется ложь. Мелкая, необходимая ложь. Нам надо найти убийцу, не разрушая Мир».

«Надо найти убийцу. Потом дам тебе плод убить этого человека».

– Наказание определят люди Мира, – сказала я и написала ему то же, чтобы он это усвоил, но писала я так быстро, что получилось нечто почти неразборчивое.

«Я желаю кровь убийцы», – сказал он.

«Ты уже получил кровь его жертв».

«Ты говоришь о логике. Я говорю о желании. Я глубоко мотивирован».

«Возможно, ты представишь свое желание людям Мира для их решения».

Он мне не ответил – к счастью, потому что я могла отреагировать неконструктивно. После недовольного молчания мы обсудили, с кого начать опрос. Стивленд предложил лучшую подругу Розы, Тами, стеклодува по имени Канг, и моего мужа. Я не смогла себя заставить спросить, по какой причине он назвал моего мужа.

Подруге Розы, Тами, плод понравился. Ей почти все нравится. Она никого не убивала, и разговор об их смерти превратил ее в громкую лужу виноватых слез, потому что ей следовало заметить, что ее друзья страдают, – и помочь им. Канг – крупный, неприветливый, медлительный мужчина, который, как я всегда и подозревала, оказался более чувствительным, чем можно было подумать по его виду, съел новый плод с удовольствием и никого не убивал, но мысль о бессмысленной смерти так его расстроила, что остаток дня он провел, сидя на городской стене и глядя в пространство.

Мой муж никого не убивал, но заметил, что я в последнее время озабоченная и злая, и поспешил заверить меня, что чтит и уважает мою работу. Он сказал, что я помогаю людям, которые в ответ часто меня не ценят, – и это ранит его душу. Он признался, что у него была связь с Луной, и попросил у меня прощения. Я заверила его, что он прощен, и не стала говорить, что и раньше знала об этом и не мне жаловаться. Луна из нашего поколения.

Если бы я сегодня могла писать – если бы у меня для этого были бумага, ручка и спокойствие, то вот что я сказала бы:

День 376. В чем-то мне Джерси даже жалко. Но не очень. В эту

минуту я с радостью скормила бы ее Стивленду.

Этим утром мне было что ему сказать, а плоды разума делают меня нетерпеливой, потому что время идет невыносимо медленно. Я закуталась, чтобы идти к оранжерее по пустым улицам, когда облака над горами только чуть порозовели перед восходом. Крыша оранжереи запотела от влаги. Я зажгла свечу – одну из тех, что делала Роза, – и села, готовясь обсудить новые мысли насчет расследования, насчет того, чтобы привлечь новых людей, но Стивленд написал первым:

«Кормодобывающий корень одного моего аванпоста сообщил о человеческой плоти в почве».

Он пояснил, что этот аванпост растет у гигантского конскохвостого дерева по дороге к живописному водопаду Лейфа в восточных горах. Корни Стивленда, тонкие, словно нити, переплетаются паутиной, охватывающей холмы и поля далеко за пределами города. Он предположил, что тело закопали довольно давно, а последний дождь размыл его запах, как он выразился, по почве.

Это должен быть Лейф. Я отправилась сразу же, чтобы осмотреть место, пока никто не будет у меня спрашивать, куда я иду. Плоды разума: никакой выдержки. Я прихватила лопату и кое-какие припасы, написала записку мужу, прошла мимо особого цветка бамбука, выросшего у речных ворот в память о Гарри, и статуи, которую Гарри посвятил Дяде Хиггинсу, – валун, обтесанный в форме получеловека-полульва, смеющегося и поднимающего стакан трюфеля. Позади меня в городе из трубы пекарни начал подниматься белый ароматный дым.

Около полудня я увидела возвышающееся над лесом дерево – самое высокое дерево на планете, как мы думали в детстве, и, насколько мы смогли проверить, став взрослыми, так оно и есть. Стивленд говорит, что это – старейшее живое существо, которое ему известно. Оно поднимается из корявого серого комля, такого громадного, что его могут обхватить только двадцать пять человек, взявшись за руки, а в вышине ствол расходится снова и снова веерами, которые заканчиваются длинными тонкими листьями, похожими на человеческие волосы, но с очень острыми кончиками. У нас в садах растут небольшие подобные деревья, и там они кажутся красивыми, а не преувеличенно-мощными, как это. Стивленд называет его медлительным и нелюбопытным. Оно бы не заметило зарытого с восточной стороны человека – ему до него не было дела.

«Восточная сторона дерева» – это большая территория. Я предположила, что мне нужен участок грязи позади кустарника рядом с аванпостом Стивленда, но быстро добралась до старых

древесных корней и поняла, что ошиблась. Я проверила еще одно место: нашла нору птицы-боксера с останками самой птицы. На тропе в некотором удалении от дерева обнаружился странно приподнятый участок между двумя толстыми корнями, словно кто-то сделал мостик через лужу. Устроить могилу Лейфа прямо у нас под ногами – это было бы достаточно жутко для нашего убийцы… так оно и оказалось. Сразу под слоем почвы шел слой из множества камней, достаточно некрупных, чтобы их смогла вытащить даже такая старушка, как я. Под ними лежал Лейф. Об этом говорили остатки его одежды. Он лежал лицом вверх. Судя по положению его рук и ног, их привязывали. Рядом с телом – лук и нож.

Мало что можно было понять. Даже вони почти не оставалось. Губчатые черви заместили часть плоти, а кости погрызли черви-термиты, добывая кальций. Я снова закопала Лейфа. Если я потороплюсь, то успею домой к закату. В моем списке оставалось еще восемьдесят подозреваемых – но хотя бы его я оттуда вычеркнула. На ходу я обдумывала свой список.

Позади меня стукнул камешек. Хрустнул сухой лист. Летучая мышь села на дерево – и тут же испуганно взлетела. Я обернулась, но ничего не увидела. Это мог оказаться орел или какой-то другой хищник, но вряд ли: охотники стараются зачищать от них лес. Скорее, меня преследует убийца: ведь никто другой от меня прятаться не стал бы. Он или она должны были понять, что я расследую убийства. Если я поспешно вернусь в безопасный город, то не увижу, кто убийца. А если убийца намерен меня устранить, меня может ждать засада.

Со мной стальной нож. Я съела плод, который делает меня чуть быстрее других… и, как я позже поняла, чересчур самоуверенной. Я решила пойти на столкновение.

Я вернулась к конскохвостому дереву. Его лохматая зеленая вершина поднималась над другими деревьями громадной обросшей головой. Я прошла мимо него – а через километр убийце каким-то образом удалось оказаться позади меня. Я снова услышала далекие шаги. Я свернула с тропы за пустой синептичий риф и бросила камешек вперед, чтобы казалось, будто я продолжаю идти. Несколько девятилапых крабов обшипели меня из присвоенных ими норок. Я пригнулась, надеясь, что моя темная одежда будет похожа на тень.

Шаги приближались – немного неуверенно. Я выглянула из-за рифа. Джерси на цыпочках прошла мимо меня, остановилась у поворота тропы и заглянула за него перед тем, как двигаться дальше. Джерси. Джерси?

Да. В своем математическом платье, с луком и колчаном

стрел, со всей доступной ей скрытностью.

Я немного выждала и пошла следом. Возможно, она хотела устроить мне ловушку, но мне эта тропа тоже была знакома. Чуть дальше росла рощица радужного бамбука. Я задержалась там, дожидаясь, чтобы она обнаружила мою уловку и повернула обратно. Аванпост Стивленда увидит меня и отправит весть.

Я ждала. Съела плод разума, съела пеммикана, осушила фляжку. У меня ныли бедра. Я обдумывала, о чем ее спросить. Зачем? Зачем было мучить Гарри? Зачем было кого-то убивать? Я пыталась понять, как поймать ее и доставить в город. Мне нужно это быстро придумать. Как случившееся примут люди? Скорее всего, плохо.

Плод разума сделал меня нетерпеливой. Я решила, что впереди что-то происходит, – и мне необходимо узнать, что именно. Я долго шла. Я ничего не обнаружила. Внезапно стал садиться Свет.

Поворачивать обратно было поздно. Да уж, плод разума! Я знала, что чуть дальше впереди находится убежище, построенное для тех, кто направляется к водопаду. Там найдутся дрова, кое-какая посуда и одеяла – если их не растащили какие-нибудь животные. Там может оказаться и Джерси, но разве у меня есть другие варианты?

Маленькое укрепление с куполом стояло на поляне чуть в стороне от тропы. Каменные и кирпичные стены заканчивались двухслойной стеклянной крышей: строение было круглым, как дом, но без эркеров. Высоко расположенные бойницы позволяли находящимся внутри выглядывать наружу и при необходимости пускать стрелы или болты. Я медленно его обошла. Тяжелая дверь находилась высоко над землей и была плотно закрыта. Лестницы, по которой к ней можно было подняться, нигде не оказалось. Совушка выглянула из норы рядом со зданием и ощетинилась. Зеленый след в небе предвещал северное сияние. Сквозь крышу свет не пробивался. Если внутри кто-то и находится, огня там не зажигали… но не пахнет ли воздух дымком?

Я взяла палку и поскребла низ двери, как это сделали бы ящерица или краб. Тишина. Я поскребла снова. Тишина. Или… не совсем. Всхлип, очень слабый. Может, просто мотылек.

А потом внутри шорох – словно подошва скользнула по полу. Джерси?

Я не имела желания провести ночь в лесу и выяснить, какие именно хищники там водятся, но если она в доме, то мне безопаснее оставаться здесь. По другую сторону тропы росла роща бамбука. Охранный чертополох Стивленда послужит каким-никаким укрытием. Дома мое отсутствие заметят… и ее

отсутствие тоже. К завтрашнему дню все изменится – если я переживу эту ночь.

Я сделала несколько шагов к роще. В здании стукнуло что-то деревянное. Задвижка на ставне, перекрывающем бойницу? Что-то скрипнуло. Кожаная петля? У нее ведь был лук со стрелами, так? Почему я не заметила? Когда прилетит стрела?

Я застыла неподвижно – неподвижность была моим единственным прикрытием – и стала ждать. Стрела так и не прилетела. Наконец я повернулась. Зеленоватое северное сияние освещало верхние листья на деревьях, где мерцали крабы. Все бойницы казались одинаково темными. Опустив взгляд, я увидела, как мои бледные зеленоватые кисти выплывают из темных рукавов. Она меня видит. Я ее не вижу. Я набрала воздуха, чтобы говорить… сказать – что?

Она хихикнула и прошептала:

– Ты попалась, Татьяна.

– Я могу уйти.

– Ш-ш! Орлы тебя услышат. Они дальше на тропе. Прислушайся – и услышишь.

Я прислушалась. Летучие мыши поют, птицы лают, лев воем провожает заходящее солнце… что говорит о том, что орлов поблизости нет. Ящерки чирикают, ветер шевелит листву, после чего крабы со стуком вцепляются в ветки. Но если я ей подыграю, она останется в доме, в ловушке собственного страха. Что-то протараторило на востоке – наверное, горный паук с детенышами спустился, чтобы перед зимой откормиться на слизнях и рыбе.

– Это? – шепотом спросила я.

– Они поют, – сказала она. – Они зажгли огонь. Если будешь умолять, я тебя впущу.

Вот чего она добивается: заманить меня в дом.

– Почему? – прошептала я. – Почему ты их убила?

Она засмеялась – и я поняла, через какую из амбразур она со мной говорит.

– Забавно будет смотреть, как тебя едят. Хотелось бы мне выйти! Я бы привязала тебя к дереву, чтобы ты не сбежала. Слышала, что им нравится готовить еду, привязывая ее живой и раскладывая вокруг нее костер.

Это была полная чушь.

– Тебе ведь страшно, правда? – не унималась она. – И холодно. Ты пыталась поймать меня, но это я тебя поймала! – Она говорила как-то ребячливо, словно сейчас у нас игра в «замри», когда разрешается дразнить замерших на месте игроков. – Ты играла честно? Ты играла по правилам? Ну конечно же! Ты никогда не уклонялась от заданий. Модератор? Это я сделала

тебя модератором. Я сделаю тебя пищей для орлов!

Я знала другую Джерси: терпеливую и щедрую. В крайнем случае – робкую и податливую. Кто эта женщина?

– Ты только подумай! – воскликнула она. – Вонючие орлы с громадными когтями! Они могут прятаться где угодно. Ты их заметишь только тогда, когда им попадешься. Завтра я скажу, что ты пыталась меня убить. Ты за мной гналась. Я спряталась, а орлы спасли меня от тебя. Это ты убийца. Все мне поверят. Ты вечно крадешься со всякими секретами.

Когда дети начинают говорить таким тоном, я ухожу. Меня такое бесит. Она даже ребенком так не разговаривала. Но у меня был способ изменить ее тон и получить правдивые ответы.

– Зато у меня есть еда! – поддразнила я ее в ответ.

– Надеешься подкупить орлов?

– Плодами-то? Нет. Но у меня они есть, а у тебя нет. Разве ты не проголодалась?

– Что за плоды?

– Бамбуковые.

– Если не поделишься, я закричу, чтобы орлы пришли.

– А так будешь молчать до рассвета?

– Обязательно.

Она лгала, но это значения не имело. Я нанизала четыре плода на длинный прут и поднесла к амбразуре. Она втащила их внутрь, но в следующую секунду уже сказала:

– Они странные. Это яд. Они меня убьют.

– Нет. Это новые, с витаминами.

– Докажи. Съешь такой сама.

Я чуть было не отказалась, но передумала и ответила поспешно, чтобы она ничего не заподозрила. Мне необходимо узнать правду.

– Конечно, – сказала я.

Один плод вылетел в окно и упал на землю. Я заставила себя поднять его без колебаний. Хорошо хоть это оказался самый маленький. Я надеялась, что окажусь эмоционально выдержаннее Роланда – или что плод разума нейтрализует плод правды. Я постаралась, чтобы она хорошо видела, как я ем плод – и я глотала большие куски, чтобы он медленнее переваривался. Вкус у него оказался приторный и немного напоминал ту добавку железа, которую я получала во время беременности.

Я ждала. Я не видела ни одной луны, по которой можно было бы определить время. Еще одна занавесь зеленого света разгоралась на севере. Сияние пошло рябью и приобрело красные полосы. Мерцали звезды и крабы. Пауки продолжали бормотать.

Я медленно приблизилась к амбразуре.

– Убивать приятно?

Плоды скоро подействуют, и мне надо было, чтобы к этому моменту она уже говорила.

– Тебя будет приятнее всех. Я не шучу насчет орлов. Я видела их костер, слышала их. Надо бы уже их позвать.

Мне надо было ее отвлечь.

– Отца за что?

Снова хихиканье. Плоды правды еще не подействовали, иначе она стала бы мрачной.

– Я не знала, что убивать так легко. И так приятно. Я убивала котов, но это не сравнить. Они не умоляют. А папа умолял.

– Начни с начала.

– А ты не умоляешь. Я думала, это будет приятнее всего. Татьяна – и умоляет.

– Почему ты его убила?

– Но прислушайся: вот и они.

Снова бормотание. Это не пауки. Ветер принес обрывок разговора – на языке, полном сложных скрипов и потрескиваний. Странный, мерзкий запах. Я начала соглашаться – это действует плод правды? Я задумалась. Если она решит, что орлы близко, она их позовет.

– Это пауки. Пауки, они охотятся на рыбу, учат молодь охотиться.

Я все еще могу лгать!

– Я видела их костер.

Я набрала побольше воздуха и снова солгала, с трудом выдавливая слово за словом:

– Это было северное сияние. Ты видела его отблеск в луже.

Ее шаги прошуршали по каменному полу укрытия. Скрипнула петля на ставне. Дальше по тропе что-то разговаривало. Разве орлы умеют говорить? Они барабанят перед нападением, но стука я не слышала. Мне показалось, что я чую дым.

Джерси снова подала голос.

– Значит, тебя ничто не убьет. Мне придется самой тебя убить.

– За что меня убивать?

Этот вопрос дался легко, поскольку отражал мои истинные мысли.

– На Мире никто никому больно не делает. Ты за этим следишь. Это приятно, да? Ты заставляешь других хорошо себя вести. Я могу хорошо себя вести. А вот представь, что заставляешь мучиться. Заставляешь умереть. Я и это могу. – Ее тон изменился, стал не таким игривым. – Я делаю им больно. Я их удивляю.

– Я удивлена. Ты никогда такой не была.

– Я никогда такой не была.

Она помолчала, вздохнула – и снова замолчала.

«Не молчи», – хотелось мне сказать.

– Когда ты изменилась?

– Не знаю.

Снова молчание.

Что с ней не так? От плодов правды все остальные становились разговорчивыми. Она их вообще-то съела?

– Как ты изменилась?

Вопрос был простой, честный. Я ждала, пока она ответит, – ждала, хоть меня и переполняло нетерпение плодов разума. Я уже собиралась повторить вопрос, когда она проныла:

– Я хотела, чтобы это прекратилось. Хотела больше не думать.

Плоды правды не помогали другим выражаться связно. Похоже, ей тоже.

– Не думать о чем?

Она прошептала ответ так тихо, что мне пришлось переспросить.

– Как причинить боль.

– Зачем?

– Зачем? Зачем делать больно моим детям? Я люблю своих детей. – Наконец-то она стала мрачной. – Я хочу делать им больно. Постоянно думаю, как бы сделать им больно. Я это вижу. Хватаю метлу и бью Брэма, до крови, ломая кости, выбивая зубы, уродуя лицо… Ох, я это слышу, вижу, обоняю. Всегда, всегда, всегда. Во время купания хочу их утопить. Когда муж меня целует, я думаю, что могу его укусить, вырвать кусок шеи. Я думаю об этом, чувствую это, ощущаю вкус этого. Больше ни о чем не думаю. И вижу это во мне. Я хочу это прекратить, прекратить.

Я не могу вспомнить, чтобы она хоть раз даже посмотрела на своих мальчиков сердито. Но ведь она же говорит правду?

– Чтобы это прекратить? – повторила я за ней.

– Я все время чувствую себя не так. Какой бы я доброй ни была, как бы ни обращалась с мальчиками, насколько хорошо, какой бы ни была ласковой с мужем, я не прекращаю думать о том, как бы сделать им больно. Я держу дом в порядке, я работаю, но это не помогает. Я чувствую, как мои пальцы сжимают нож и каково было бы вонзить лезвие ему в грудь. Кровь, много крови. Я это вижу, и я это чувствую, и меня это тревожит, постоянно, постоянно, когда я просыпаюсь, когда пишу Стивленду, когда сплю, иногда мне это снится, и это все математическое

уравнение: сколько раз я смогу ударить Брэма, пока он не умрет. Максимальное число.

– Но ты своим детям вреда не причиняла, – мягко сказала я.

– Да. Но и прекратить не получилось. Я старалась. Старалась. Ничего не помогало. Я убивала котов. Я убила папу и других. Не помогло.

Я постаралась, чтобы в моем голосе не было ни тени осуждения.

– Ты думала, что если их убить, то тебе станет лучше.

– Если сделаю это с кем-то другим, то не сделаю с детьми.

– Ты убила отца.

– Я не планировала. Я искала синептичий риф, хотела его поджечь – и нашла его у конскохвостого дерева. Он упал и сломал ногу. Знаю, ты думаешь, что я его ненавижу. Он был гадкий, когда я была маленькая, и я думала, что его ненавижу. Я думала… думала, что хочу делать больно моим детям из-за него, – вот что я думала, когда увидела его лежащим на земле. Я его обманула. Сказала, что хочу устроить его поудобнее, а потом привести помощь, но я этого не сделала. Я наваливала на него камни, один за другим, один за другим, пока он не перестал дышать. Он умолял и страдал, и все было именно так, как я себе представляла. И я решила, что дело сделано. Мне больше не надо думать о том, что я сделаю такое со своими детьми. Я свободна.

Из-за оказавшихся у меня в организме плода правды и плода разума мне хотелось ее прервать и сказать, что ей надо было к психотерапевту. В клинике есть хороший психотерапевт, Ветер. Я справилась с этим порывом и стала ждать продолжения.

– Я слушаю. – Я заставила себя говорить понимающе. – Ты освободилась.

– А вот и нет! Я все равно думала, как бы убить детей и мужа! И про папу. Я переживала это снова и снова. Каждый камень. Лучше это, чем думать про своих детей. А потом я подумала о других, о том, чтобы убивать других. Любого, кто будет рядом. Я решила, что если снова это сделаю, то мне станет легче, мне будет о чем думать. Я решила выбрать кого-то особенного и сделать это ужасно – и так будет даже лучше. Гарри. Гарри все любили, и его работа была такая значимая! Убить его – идеально.

Я узнала все, что было нужно, однако плод правды заставляет человека говорить. Мне пришлось стоять и выслушивать то, чего мне знать не хотелось.

– Было так здорово смотреть, как он так медленно умирает. Даже лучше, чем я ожидала. Когда появились слизни, они не спешили. Я боялась, что они начнут с его глаз, и он не сможет видеть и бояться, но они не начали. Но уже назавтра я стала

думать о том, как было бы здорово привязать для слизней моих детей и как я заваливала бы камнями мужа. Я не хочу, но не могу перестать думать о том, как бы я это сделала и как это было бы приятно, и я не смогу удержаться, потому что это будет так весело.

– И тогда ты убила Розу, – прервала я ее.

– Я не собиралась, но подвернулся шанс, а она – важная персона, и я подумала, что если убью кого-то важного, кто мог бы говорить мне, что делать, то я смогу говорить себе, что делать, а чего не делать. А если я убью тебя – это ведь ты меня преследуешь. Это ты заставляешь меня чувствовать себя виноватой. Ты вечно командуешь, распоряжаешься другими. Если я тебя убью, то мне станет лучше. Мне не придется бояться, что про меня узнают. А если я смогу передохнуть, то у меня будет время измениться. Больше мне ничего не надо. Я хочу перестать думать. Хочу перестать думать про тебя, про папу, про Гарри, про мою семью, про все-все-все. Я хочу перестать!

Она говорила все громче. Приманит орлов даже ненамеренно.

– Я тоже хочу, чтобы ты перестала, – прошептала я.

– Перестану, когда ты умрешь. – Она снова шептала. Запах дыма стал уже явным. – Я хочу покоя. Хочу твоей смерти. – Бормотание и щебетание снова стало громче: голоса перекликались, словно в движении. – Вот и они. Не хочу смотреть. На этот раз я не хочу видеть. Просто хочу, чтобы все получилось.

Она закрыла амбразуру ставнем.

Я не шевелилась, не дышала. Некоторые существа способны видеть тепло. Может, орлы способны. Я ждала и смотрела, как в небе переливаются огни северного сияния. В кронах копошились зверушки. Мимо пронеслась летучая мышь, и я уловила слова «огонь» и «берегитесь, берегитесь».

Джерси рыдала.

И я не могла себе лгать. Мне было страшно.

Как мне объясняться на Генеральной Ассамблее мира? Что есть справедливость? У нас не прописаны законы относительно убийства.

Вот только она нездорова.

Что мне сказать? Что я всем лгала, что боялась ошибиться, боялась потерять контроль над расследованием, боялась манипуляций Стивленда и потому молчала. Роза умерла из-за того, что я секретничала и промедлила.

Меня перестанут уважать. А ведь на самом деле я ради этого живу. Уважение. Власть. Сейчас это у меня есть. Я – модератор и

уполномоченный по общественному порядку. Нож Сильвии – это знак того, что я особенная. Я другая. Я чуть лучше остальных. Но я позволила Розе погибнуть. А потом заняла ее место – и сделала это с радостью.

Я подползла к бамбуковой роще. Стивленд раздвинул передо мной свои охранные чертополохи – и здесь я буду дожидаться рассвета, скорчившись в роще холодной ночью. Плоды правды и разума не дадут мне заснуть. Я дрожу и размышляю. От Джерси меня отличает только то, почему я так поступала. И то, что я умею останавливаться. Северное сияние опять стало ярче. При таком свете почти можно было бы читать. Если что-то меня ищет, оно меня найдет, и Стивленд меня защитить не сможет. Он всего лишь растение.

Я отличаюсь от Джерси тем, что буду все делать как надо. Я постараюсь выжить, а потом приложу все свои силы к тому, чтобы быть максимально хорошим модератором. Я лгала, я делала ошибки, меня могут снять с должности модератора и уполномоченного голосованием, но я все равно останусь собой – с ножом или без него.

День 377. Я еще ни разу не пыталась обойтись без плодов бамбука – и не знала, что мне будет настолько плохо. Меня снедают голод и жажда, но мне не нужны пища или питье: меня так мутит, что я ничего и съесть не смогла бы. У меня болит голова. У меня такое чувство, что вот-вот произойдет нечто ужасное: какое-то нападение, ураган или катастрофа, – хотя я дома, и мой муж заснул, глядя, как догорают угли в очаге и дожидаясь, чтобы я легла. В конце концов я засну, но только потому, что прошлой ночью не спала вообще.

Я больше не буду есть плоды, не стану пользоваться мазью. Мне надо освободиться от Стивленда.

Прошлой ночью, съежившись в бамбуковой роще, я не могла спать от страха. Мышцы у меня затекли и судорожно сократились, но я боялась потягиваться, даже дрожать боялась. В свете северного сияния я видела свое дыхание. Три раза я слышала шаги орлов, шелестевшие по траве, их разговоры друг с другом в форме свиста, треска и щелчков, как от ломающихся веток. Время от времени до меня долетал дым от их костра. Они готовили мясо. Я сжималась в комочек и думала о себе и о том, что всегда делала то, о чем меня просили, а не то, чего мне хотелось самой. Я всегда лгала себе.

Мне наконец стало понятно, почему я спала с Роландом. Я использовала его, чтобы отомстить всем модераторам, под управлением которых мне пришлось работать, и самому Миру – за то, что он навязал мне такую работу, от которой я страдала. Я

нарушала правила, бунтуя против Сильвии.

В конце концов сквозь верхушки деревьев показался Свет. Восток начал светлеть. Индюшачьи кланы и птицы-боксеры залаяли, отмечая свои территории. Ветер принес запах мокрой золы. Я надеялась, что это означает, что орлы снялись со стоянки. Я ждала. Если они и уходили, то вроде бы не по тропе в мою сторону. Наконец я встала – вернее, попыталась. Суставы ног скрипели, как растрескавшаяся посуда, слабые и болезненно-закостеневшие. Мне пришлось подтягиваться на руках, ухватившись за бамбук.

Стивленд наблюдал. Охранные чертополохи расслабились, пропуская меня наружу. Мне показалось, что я услышала тихий свист на севере, – и застыла. Орлы? Ястребиные летучие мыши? Он повторился, все еще тихий, но уже более четкий: глиняный свисток мирянина, две низкие ноты. Свист команды спасателей. Видимо, Стивленд прислал помощь. Я протиснулась между чертополохами и поспешила к укрытию. Надо не выпускать Джерси до прихода команды. Ставень бойницы открылся.

– Это… – начала я.

– Я слышала, – прервала она меня. В тенях я едва различала ее лицо и окрашенные в зеленый цвет волосы. – Они идут от города. – Она зарыдала. – Те орлы…

– Они ушли.

Что-то с деревянным стуком упало на пол внутри здания, словно от пинка.

– Убей меня, – жалобно попросила она. – Хочу, чтобы ты меня убила. Пожалуйста! Я выйду, а у тебя ведь есть лук, или нож, или еще что-то, да? Пусти его в дело, хорошо?

Я не ответила. Если бы я ее убила, то вполне могла бы говорить о самозащите и избавить граждан от необходимости решать, что с ней делать. Внутри дерево скрежетнуло о дерево: она убрала с двери задвижку. Кожаные петли скрипнули, открываясь. Она застыла на пороге, устремив на меня опухшие глаза, теребя пальцами прядь спутавшихся волос.

Она прыгнула головой вниз.

До земли было всего три метра, но ее намерения были очевидными. Казалось, она летит целую вечность – а я смотрю на нее с замершим сердцем. Плод правды вызывает уныние, а она съела несколько. Сильный удар головой вдали от медицинской помощи может быть – и должен был стать – смертельным. Это было самоубийство.

Вот только она оттолкнулась слишком сильно и при падении немного повернулась, приземлившись на плечи. Что-то хрустнуло: ее кости, или валяющиеся на земле ветки, или и то и

другое. Она вскрикнула, попыталась встать – и рухнула обратно. Уловка? Я обошла ее по кругу.

Ее пальцы зарывались в землю. Ноги дергались. Глаза умоляли.

– Убей меня. Я хочу, чтобы ты меня убила. Ну же!

– Почему? – Я не приближалась. Может, она и травмирована, но явно не кардинально. – Я знаю, что у тебя есть какая-то причина.

– Я получила травму.

– А предпочитаешь умереть. Почему?

Она застонала, задергалась и посмотрела мне в глаза.

– Дети. Дети. Они узнают, почему я так поступала. Не хочу, чтобы они думали, будто я готова была им вредить. Если ты меня убьешь, они об этом не узнают.

Вполне разумное желание. Однако проблему должен был решать Мир, а не я. Пусть Мир и решает. Однако как мать – пусть и холодная – я могла понять ее желание уберечь детей. Свистки становились громче.

– Говори, что так развлекалась, – посоветовала я. – Скажи, что именно так мне и говорила. Или что ты злилась на твоего отца, и Гарри, и Розу, потому что вы спорили. Скажи им, что даже не помнишь, как это делала. Я подтвержу, что ты говорила именно то, что ты решишь.

Она неверяще смотрела на меня.

Она ничего не сказала.

– Судить людей в мои обязанности не входит. Моя работа заключается в обеспечении порядка и спокойствия. И все. А у жителей Мира свои обязанности.

Чьи-то голоса выкрикивали наши имена – и я отозвалась.

Роланд выбежал на тропу, вспотевший, несмотря на утренний холод, запыхавшийся.

– Татьяна! Ты здесь, ты цела!

Он крепко обнял меня, а потом посмотрел на Джерси, так и лежавшую на земле, – и снова на меня.

– Она упала и получила травму.

Появились остальные члены команды. Медик осмотрел ее, а потом ее примотали к носилкам, забрасывая меня вопросами с такой скоростью, что я не смогла бы ответить, даже если бы захотела.

С Роландом и двумя самыми сильными мужчинами спасательной команды мы пошли осмотреть орлиный лагерь. Мы приближались осторожно, ориентируясь на запах мокрой золы, прислушиваясь. Орлы ушли, оставив после себя поляну с вытоптанной травой, влажное кострище с мелкими костями,

немного кала – и следы ног. Следы раздвоенных копыт, а не орлиные. Как следы раздвоенных копыт из музея – следы на керамике работы Гарри.

– Стекловары! – прошептал один из мужчин, а потом повернулся обратно к укрытию и заорал: – Стекловары! Идите смотреть!

– Уверен? – усомнился Георг. – Это могли быть оленьи крабы.

– Не-а, у оленьих крабов они полуовальные. Смотри: тут четкое раздвоение, два прямоугольника, резкие края. И их масса.

Я воззрилась на следы и лагерный мусор – и не сразу заметила, что не дышу. Я чуть было не встретилась со стекловарами! Они существуют. С того самого момента, как Сильвия обнаружила этот город, мы гадали, вернутся ли они. И теперь мы это узнали.

– Давай их найдем!

Роланд повернул ко мне лицо увлеченного ребенка.

Я немного подумала.

– Нет. Они могли бы найти нас, если бы захотели, – и не сделали этого. Если мы пойдем по их следам, они решат, что мы за ними гонимся. Может, они нас боятся.

Он уставился в землю.

– Ага, боятся.

– Может, знают, что мы охотимся, – огорченно согласился Канг.

Я тоже была расстроена. Стекловары!

– Надо будет придумать, как с ними встретиться. Позднее, но в ближайшее время.

Дорога до города заняла несколько часов – из-за моей усталости и из-за того, что нести носилки было трудно. Когда нам надоело обсуждать стекловаров, начались вопросы относительно убийств. Джерси – под сильными обезболивающими – молчала. Я показала, где был похоронен Лейф. Команда сможет вернуться позднее и принести его останки в город на кладбище. Мы вернулись в город под возгласы облегчения – и недоумения. Прибежали дети и муж Джерси. Я отвела его в сторону.

– Она упала из дверей укрепления.

Он застыл разинув рот.

– Скажи детям, что ей нужен врач и она какое-то время проведет в клинике. Отведи их в дом и не выпускай. Твои родные тебе помогут.

Он механически повиновался.

Я созвала Генеральную Ассамблею Содружества и рассказала – коротко и неполно – о произошедшем, признавшись, что, возможно, стала причиной смерти Розы из-за того, что молчала и

действовала слишком медленно.

– Теперь вам решать, что делать. – Невнятное бормотание. – Если возражений не будет, я назначу еще одно собрание на завтрашний вечер, чтобы у всех было время подумать. – Я помолчала. Бормотание, много тихих разговоров. – Тем временем я готова отвечать на вопросы и проведу этот вечер в Доме Собраний.

Мать Джерси встала и заговорила настолько тихо, что кому-то пришлось повторить ее вопрос:

– Почему она это сделала?

– Не знаю. Возможно, у нее психическое заболевание.

Днем я говорила со Стивлендом. Я слишком устала, чтобы ссориться, – но пришлось.

Я устроилась в оранжерее, сверкающей на солнце, и Стивленд начал с комплиментов:

«Не могу выразить свою радость и облегчение, что ты жива и нашла убийцу. Я наблюдал – и ты была отважна и умна. Орлы убивают без причины».

– Там были стекловары.

«Стекловары? Ты уверена? Тебя видели? За тобой шли? Я опрошу дальние аванпосты. Это хуже орлов».

– Хуже?

«Хуже. Не хочу снова их видеть. Они оставили меня без объяснений, словно перелетные мотыльки. Оставили страдать, недоумевать и ждать. Они мне не интересны, а им не интересен я. Они оказались около укрытия, а я об этом не узнал, потому что они намеренно обходили мои аванпосты. Это – угрожающее поведение».

Однако нам хотелось увидеть стекловаров. Ему придется смириться с этой мыслью, а мне надо подвести его к осознанию этого.

– А тебе не хочется узнать, почему они ушли?

«Пойми мою позицию. Мутуализм и эгоизм. Защита и оставление. Доверие и предательство. Подобный дуализм не допускает середины. Стекловары принесли мне трагедию. Они пожелали узнать результаты своей безответственности? Насколько я был близок к смерти?»

У нас будут проблемы. Я пыталась придумать, что сказать, но он сменил тему.

«Джерси – почему она убивала?»

– Мне кажется, у нее психическое заболевание, – сказала я.

Это уже стало превращаться в официальную версию.

«Я могу излечивать болезни. Хочу изучить ее перед тем, как ее казнят».

– Граждане Мира решат, как поступить.

«Нельзя позволить ей жить. Убийцам в моем городе не место. Она убивала даже не как охотник, с минимальными страданиями животного. Она – как орел внутри стен. Решение очевидно».

Его город! Я составила и забраковала массу мыслей, так что к моменту ответа у меня появилась идея, которую я сочла конструктивной.

– Ты мог бы стать гражданином Мира. Ты мог бы голосовать и принимать участие в дебатах.

«Я не животное».

Я решила не спрашивать, что он имеет в виду.

– Тебе кто-нибудь показывал нашу конституцию? Нет? Я распоряжусь, чтобы это было сделано.

Я воспользовалась возможностью уйти и отправилась в мастерскую Бартоломью, чтобы попросить его, учившего юриспруденцию, просветить Стивленда. Я объяснила, что бамбук способен слышать и понимать английский язык, особенно если Бартоломью будет говорить медленно. Он чуть не уронил дверцу шкафа, которую как раз прилаживал. Я ушла, ответив только на малую часть его вопросов. Теперь это его проблема.

В клинике мне сказали, что у Джерси перелом нескольких позвонков и что поврежденные и отекшие нервные ткани вызвали паралич и не поддающуюся контролю боль. Ей дали какие-то болеутоляющие, из-за которых она практически ни на что не реагирует. Я попросила, чтобы ей постарались помочь.

Я проведала ее семью, тихо постучав в дверь. Ее муж впустил меня в безупречно чистый домик.

– С ней все будет хорошо? – спросил Брэм.

– Вряд ли.

Он закрыл глаза и содрогнулся. Мальчишки гневно посмотрели на меня, принесшую дурные вести.

– Но мы с ней поговорили, пока были в лесу, – добавила я, – и она просила вам передать, что любит вас, всех вас, больше всего на свете, вы для нее важнее всего. Я не представляю себе, как убедить вас, что это именно так, – но это истинная правда. Что бы ни случилось, я надеюсь, что вы всегда будете так думать.

Мальчики заплакали. Я ушла.

Я устала. Я не ела плодов, и отсутствие стимуляторов стало очень заметным. В оранжерее Бартоломью почти закончил говорить со Стивлендом.

– Солидарность с духом означает… ну… статья вторая, принципы и цели, – медленно говорил Бартоломью, когда я вошла. – Я могу еще раз перечитать.

«Как демонстрируется солидарность? – написал Стивленд на

своем широком светлом стволе. – Приветствую, Татьяна».

Бартоломью повернулся ко мне с улыбкой.

– Привет, Тат. На самом деле у нас нет прецедентов демонстрации солидарности. Взаимное доверие и поддержка понятны: ты, бесспорно, нас поддерживал, а в вопросе взаимного доверия – почему ты скрывал свою способность слушать и понимать английский? Нет, не отвечай – просто задумайся об этом. Но слушай внимательно. В конституции говорится: «Все разумные существа, выразившие свою солидарность с духом нашего Содружества и готовность разделять его цели, могут объявить себя гражданами». Я бы сказал (хотя это только мое взвешенное мнение), что тебе надо просто объяснить, почему ты солидарен с нашими целями и готов их разделить, – написать эссе, наверное, где последней строкой будет «и, следовательно, я объявляю себя гражданином Мирного Содружества». Гм-м… Наверное, нам нужна более строгая процедура – не в твоем случае, Стивленд, потому что я не предвижу возражений, но в некой будущей ситуации это может создать трудности. Конституция была написана идеалистами и имеет свои недостатки, например предоставление права голоса детям. Как ты думаешь, Тат? Что еще надо сделать нашему другу?

– Думаю, это правильно, – сказала я, на самом деле отнюдь не уверенная в этом, и добавила подчеркнуто: – Стивленд будет равноправным гражданином.

«Равноправным, – написал Стивленд. – Не как фиппокот».

– Конечно, равноправным. – Бартоломью погладил свою зеленую бороду, заплетенную в косы. – Оговорена разумность существа. Фиппы не то чтобы совсем неразумны, конечно, но самосознания у них не наблюдается. По крайней мере, лично у меня никогда не получалось разговора с фиппокотом. Наверное, рабочее определение разумности в том, что ты сам заявляешь о ее наличии.

«Я стану полноправным и равноправным гражданином?»

– Конечно. Как и все остальные. Думаю, тебе стоит подумать о дополнительном средстве общения, возможно, в Доме Собраний – для исполнения гражданских обязанностей.

«С большим усилием я смогу вырастить еще один такой ствол к завтрашнему дню. Вы должны открыть участок пола».

Они обсудили подробности, и Бартоломью ушел взламывать мозаичный пол. Я села.

«Джерси больна, – сообщил Стивленд. – Медики дали мне на анализ образец ее крови. У нее остались активные антитела против паразита, который вызвал этой весной скарлатину. Ее организм с чем-то борется. Полагаю, паразиты присутствуют

внутри ее мозговой оболочки».

– Она сказала мне, что не способна управлять своими мыслями.

«Как инфекция корней. Мне приходилось уничтожать корни. Это страшно».

Интересно: он все еще хочет, чтобы ее казнили? Я не успела спросить.

«Я хочу, чтобы ты сложила с себя обязанности модератора. Когда я стану гражданином, то сам приму эту должность».

От гражданина сразу же в вожди. Равенство его не устраивает. Он хочет власти – возможно, чтобы мы не смогли бросить его, как это сделали стекловары? Или чтобы мы не смогли установить с ними контакт? Он начал рассказывать мне, что заинтересован в нашем мире и процветании даже больше, чем мы сами, и, кроме того, он более разумен. При этом он цитировал фразы из Конституции (уже успел выучить!) и объяснял, что наши цели – такие как справедливость – будут даже более качественно преследоваться, поскольку он выше межличностных отношений и лицемерия, которые…»

Я ушла. Я отправилась к мужу в мастерскую и в итоге задремала, несмотря на шумную работу с металлом. Он разбудил меня вечером, и мы пошли на собрание – и я остро ощущала, что через каждые несколько шагов прохожу мимо ствола бамбука. Стивленд был повсюду. В Доме Собраний участок пола в передней части был убран и временно огорожен, чтобы по нему не ходили, хотя даже дети не склонны были резвиться. Я увидела бугор и трещину в почве. Новый ствол уже рос.

Меня спрашивали о том, что конкретно происходило и когда: возникла масса уточняющих вопросов и предположений. Я рассказала о плодах разума и правды. Хатор пожелала узнать, кого именно я подозревала, и вроде бы оскорбилась, когда я ответила, что поначалу – всех. Видимо, сейчас задним умом многое будет понятно.

Бартоломью объявил о желании Стивленда стать гражданином.

– Так и должно быть. Он столько для нас сделал, – тут же заявила Мари, член комитета.

Обычно она тщательно анализирует все новые идеи, однако она – стоматолог, а он тесно сотрудничает с медиками, так что для нее он уже давно был надежным коллегой.

Какой-то фермер подхватил:

– Без него у нас было бы гораздо меньше еды.

– Новый гражданин! – сказала Хатор, пихая локтем Форреста.

У них появится новый объект для сплетен и насмешек.

– Но разве он нас понимает? – спросила Невада. – Он никогда не присутствовал на собраниях. Ему понятны демократия и голосование?

Бартоломью выгнул бровь.

– Именно этот вопрос я с ним и выясняю. Он планирует вырастить здесь ствол для коммуникации.

Он указал на вскрытый участок пола.

Медики сказали, что состояние Джерси стабильное, но тяжелое. Они решили, что обнаруженные Стивлендом антитела могут быть связаны с аутоиммунным заболеванием или инфекцией. Они стараются обеспечить ей комфорт. Дети ее навестили.

Я ожидала критики моего решения не преследовать стекловаров, поскольку ощущается явное стремление узнать про них. Вместо этого меня засыпали вопросами о том, что именно я слышала и видела. Как они разговаривали? Как пахли? Каждую мельчайшую деталь пришлось повторять дважды. Кое-кто из охотников предложил начать процесс наблюдения и, возможно, поднесения подарков. Неваде захотелось выставить копии работ Гарри в таких местах, где их смогут найти в качестве жеста миролюбия, – и чтобы они начали нас понимать. Многие согласились с тем, что преследование могло быть неправильно истолковано, но почему стекловары не инициировали контакт? Нам так хочется с ними встретиться! Но действовать следует правильно.

Люди должны были бы выражать недовольство моими действиями. Хотя бы Хатор и Форрест. Однако прямо во время собрания кто-то начал перекусывать куском плода. Вот в чем дело! Стивленд сделал всех послушными, кроткими. Они под действием наркотика!

Когда вопросов не осталось, я отвела членов совета в сторонку и сказала им, что Стивленд хочет стать модератором.

– Он хочет получить контроль – и у него масса возможностей. Вы знаете, сколько он может делать – и он будет контролировать все, вплоть до мельчайших деталей нашей жизни.

– Модераторы могут делать только то, что позволяет комитет, – сказала Сосна.

– А разве так можно? – спросила Луна у Бартоломью. – Он же не человек!

– Технически, став гражданином, он может быть избран. Но у нас уже есть модератор, так что эта должность закрыта.

– На Земле такого никогда не допустили бы – чтобы растение управляло и было равным, – заявила Луна, словно это было веской причиной.

– Он никогда не считал себя равным нам – только превосходящим нас, – сказала я.

– Но с ним можно работать, – заметила Сосна.

Мари нахмурила брови так, что морщины на ее лбу стали глубже.

– Может, модератор – это и чересчур, но Стивленд нам друг. У него есть свои причуды – и это тревожит. Растения мыслят иначе, и на это следует делать скидку, но он искренне о нас заботится.

Плод послушания действовал.

– Отдохни, – посоветовала мне Мари. – Мы еще поговорим.

Когда мой муж узнал, чего хочет Стивленд и почему я не ем его плоды, он молча убрал из нашего дома все плоды бамбука, чтобы у меня не было соблазна.

В результате я заканчиваю день в гораздо худшем состоянии, чем накануне. Тогда я была в опасности. Сейчас в опасности все – и я ничего не могу сделать.

День 378. Записи вечернего собрания Содружества. Повестка дня составлена совместно с Бартоломью и другими. Кворум имеется, 271 человек. Отсутствуют: дети Джерси, ее мать, медицинский персонал, пациенты, включая Джерси, и часовые, дежурящие на стенах города. Медики и часовые передали голоса своим представителям. Муж Джерси присутствовал. Более несчастного человека я в жизни не видела: бледный и поникший, словно увядший цветок, – что неудивительно, если вспомнить, что именно ему придется говорить.

Первый вопрос: объявление о гражданстве Стивленда. Мы заранее подготовили эту церемонию, хотя всего Стивленду не говорили. Ствол вырос – высокий, светлый, раздутый и безлистый. Утром Стивленд сказал, что выращивание потребовало немалых усилий и ему пришлось забирать аденин и сахара издалека.

Люди устроились на стульях и скамейках, на полу в проходах, встали у стен. Работы Гарри отодвинули в углы.

Бартоломью разъяснил положения конституции. Стивленд вывел на ствол заявление о своей солидарности с духом Мирного Содружества: «Я разделяю присущую вам предрасположенность к счастью, общности, свободе и миру, особенно миру…»

Свобода. Днем мы со Стивлендом это обсуждали. По-моему, он не понял, что это означает. «Животным свойственна повторяемость, – заявил он. – Если им можно помешать делать ошибки, их жизнь станет свободнее». Мы какое-то время из-за этого спорили. Он по-прежнему желал запретить гонки на лодках.

Однако на собрании он продолжил:

«Я сожалею об исчезновении бамбуковой цивилизации до моего прорастания, но вы принесли мне невообразимые перспективы. Я разделяю вашу любовь к красоте, и любознательность в отношении мира и Вселенной, и вашу надежду на более счастливую жизнь. Кое с кем из вас меня также объединяет склонность к тщеславию, и именно поэтому я не говорил, что могу слышать и понимать ваш язык. Я дожидался свободного владения…»

Лжец. Однако свобода включает в себя право лгать, особенно самим себе. Плоды правды приносили только печали.

«И потому, – заключил он, – я, Стивленд Джамиль Барр, ныне объявляю себя гражданином Мирного Содружества».

Он присвоил полное земное имя первого человека, погибшего по пути сюда. Ну и нахал!

Все встали и зааплодировали. Дети вышли вперед, чтобы спеть и сплясать приветствие новорожденному, чего Стивленд не ожидал.

«Спасибо, – сказал ствол. – Я очень счастлив. Это – начало новой жизни».

Вторым пунктом была Джерси – и все прошло по плану. Медики сообщили, что могут снять паралич – но не боль, а боль была очень сильная. Они обсудили наличие антител в ее крови и вероятность того, что, согласно медицинским учебникам, инфекция повлияла на ее поведение. Ее муж, который с ней переговорил, встал и очень достойно попросил для нее смерти – мягкой эвтаназии.

Стивленд, как и планировалось, предложил медикам свое сотрудничество в исследовании ее состояния и возможности его лечения. Он пообещал, что во время исследования и умирания она не будет испытывать боли. Ее муж сказал, что им с Джерси подарит счастье уверенность в том, что таким заболеванием больше никто не будет страдать. Граждане поддержали это открытым голосованием.

В итоге все были счастливы, в особенности Стивленд, требовавший ее смерти и возможности ее убить. Трудные вопросы не поднимались.

Третьим пунктом стали стекловары. Охотники, как они и раньше предлагали, высказались за то, чтобы выставить стекловарам наши дары и осторожно инициировать мирную встречу. Стивленд, с которым не советовались, предупредил, что стекловары бывают непостоянными.

«Они покинули город внезапно. Я не знаю причину, но теперь они не интересуются ни этим местом, ни вами. Мы зря потратим время и силы».

Обсуждение было долгим, глубоким и результативным, и несколько человек сказали, что если мы установим контакт, то сможем спросить, почему они ушли. Предложение охотников, чуть измененное, было принято с пятьюдесятью тремя голосами против, включая и Стивленда, хотя в основном оппозицию составляли те, кто хотел действовать быстрее.

Интересно, каково существу, давно привыкшему к одиночеству, столкнуться с компромиссами жизни социума.

В-четвертых, кандидатура Стивленда в качестве модератора. Он официально ее не выдвигал, но это значения не имело. У комитета был план. Бартоломью заявил:

– Конечно, вакансии нет, хотя, конечно, комитет может проголосовать за снятие Татьяны, но я считаю, что сейчас настало время обсудить сам характер этой должности.

Он подробно изложил обязанности, ограничения и прерогативы должности модератора. Кто-то из историков кратко рассказал о правлении предыдущих модераторов.

Дети начали ерзать, и что тут удивительного? Все это говорилось не ради них. Выступавшие с места характеризовали отношения модератора с различными группами, такими как фермеры, ткачи и охотники. Стивленд слушал – и время от времени Бартоломью спрашивал, понятен ли ему тот или иной вопрос. Мари встала, чтобы осветить Правило поколений. Каждое поколение определяет свои правила, одежду, привычки и организацию максимально свободно.

Я в это верю, конечно, – и только поэтому допустила продолжение собрания. Как раз после обеда Сосна принесла мне план Поколения 6. Их тревожил Стивленд. План мне резко не понравился, но его составило большинство – и, что самое неприятное, возможно, их рассуждения были верны. Она увела меня на поле ямса, чтобы поговорить на возможно большом удалении от бамбука.

– Он так или иначе получит желаемое, – сказала она язвительно… но это всегда ей свойственно. Она молодая, стойкая – и лидирует потому, что в группе всегда проталкивается вперед. – Я понимаю, что он желает добра, но, видишь ли, он очень многого хочет, а нас он толком не понимает. Мы обеспокоены. Но без него нам не выжить, и мы уже очень давно живем и работаем с ним. Мы привлекли к этому Зеленок. Даже Мари.

Она поморщилась. Эти две женщины друг другу не нравились. Сосна продолжила:

– Она говорит, что он уже давно действует как лидер своей небольшой команды и во многом уже был гражданином. Но

любого лидера группы можно призвать к ответу – и это нечто вроде контроля. Мы решили, что лучший способ его контролировать – это дать ему кое-что из того, к чему он стремится, ограниченную власть. А ограничения – те, которые в итоге есть у каждого лидера. Ты понимаешь, о чем я. Ты хорошо сотрудничаешь со Стивлендом. Ты могла бы его урезонивать, а комитет стал бы тебя поддерживать.

Я ответила, тщательно подбирая слова:

– Он способен управлять нами с помощью различных веществ. Он так сделал с плодами разума и правды, так что способен заставить нас с ним соглашаться.

Она покачала головой, отметая это предположение.

– Мари с ним говорила. Он сказал, что недоволен теми плодами. Ему нужно, чтобы мы были здоровы. Он понимает, что нельзя выводить нас из равновесия, вносить «дисбаланс», как он любит говорить. Послушай, Татьяна: у нас в отношениях с ним есть немалая власть. Мы скажем ему, что это – справедливое распределение власти и ответственность, равновесие.

Сосна пришла не для того, чтобы разъяснить мне их план – она пришла отдавать приказы. Уж она-то точно не была послушной… и, может, плодов послушания вообще не существовало… но она очень оптимистично оценивала то, что я смогу делать. Однако у меня не было других предложений – да и голосов, чтобы их принять, я все равно не набрала бы, и к тому же я давно привыкла делать то, чего мне делать не хочется. Таким образом Мир сможет избежать еще одного кризиса. Я согласилась стать ко-модератором, и мы вместе прикинули, как отреагирует Стивленд. Если он выступит против нас – мы погибли.

Выступление Бартоломью должно было убедить его в том, что для баланса ему потребуется ко-модератор – человек.

– Итак, – подвел черту Бартоломью, – модератор – человек занятой. Возможно, даже чересчур занятой. Некоторая часть обязанностей предполагает размышления и мудрость. А некоторая – безотлагательность и действия. По мере роста населения растет и нагрузка. Так что я предлагаю создать должности ко-модераторов. Сильвия и ее потомки хорошо нам служили. Как и Стивленд. Можно ли сомневаться в его вкладе в наши успехи? Что скажешь, Стивленд? Ко-модератор?

Я успела пять раз медленно вдохнуть и выдохнуть, прежде чем Стивленд ответил. Я знаю, насколько быстро он способен отвечать. Он раздумывал. И наконец: «Я соглашаюсь». Интересно, насколько искренне. Открытое голосование подтвердило его избрание.

Конец собрания. Мы продолжали толпиться в Доме Собраний

в неких поминках по Джерси: можно было выразить свои глубокие сожаления из-за ее болезни, избегая более тяжелого вопроса о ее злодеяниях. Такого на Мире не бывает!

Сосна похлопала меня по плечу, погремев бусинами на своем жилете.

– Молодец, – прошептала она мне на ухо. – Удачи.

Она и другие Бусины и Зеленки окружили Стивленда, чтобы к нему подольститься. Я быстро ушла с собрания и задержалась у одного из уличных стволов, зная, что он имеет уши.

– Поговорим завтра.

Мы со Стивлендом уже разговаривали чуть раньше – и разговор получился неприятным. Стивленд заметил, что я не ем плоды.

– Ты боишься, что я попытаюсь тобой управлять?

Внезапно оранжерею наполнили слизни, жужжащие и ползущие ко мне. Мои руки оказались привязанными к столу, а сквозь плоть уже выглядывали кости. Черви-термиты сверлили мои кости. А потом видение исчезло.

«Это запах, – объяснили слова на стволе. – Газ, дающий дурные сны. Не бойся плодов. Я делаю их приятными, делаю полезными, но не делаю их такими, чтобы вами управлять. Я могу многое, но это было бы неправильно. Я научился доверять мирянам и понял, что руководство – это не насилие. Принуждение – это насилие. Мутуализм подразумевает доверие, так что я покажу, что ты можешь мне доверять. Я хочу помогать всем мирянам, и я способен приносить много добра. Будущее может стать новым образом жизни. Он тебе понравится».

Благодарю звезды за то, что я старуха. Мне не вечно иметь дело со Стивлендом.

День 379. Итак, кризис миновал, проблема решена. Утром я встала, оделась и пошла к печам. Най, пекарь, работал с подростковым усердием, вытаскивая лепешки с чечевичной начинкой из духовок, испускавших белый дым. Руки у него были обсыпаны мукой, на шее висела нитка бус. Стекавший по щекам пот намочил завитки наметившейся бороды. Он работал под девизом, который сам вырезал и закрепил над печами: «Хлеб – это основа Мира. Первым урожаем стала пшеница».

Мне нравится по утрам получать хлеб. Печи стоят у задней стены квадратного строения. Из-за сажи, осевшей на стенах и потолке, там темно, как в пещере. Широкие двери стоят распахнутыми (их закрывают только в самую серьезную непогоду), и даже холодный утренний ветер не способен разогнать атмосферу помещения – теплую и наполненную ароматами дрожжей, хрустящих корочек и древесины гикори. Я,

как всегда, оказываюсь в числе ранних пташек и жду вместе с зевающими ребятишками и полевыми рабочими, готовящимися отправиться к дальним посадкам. Сосна явилась, увешанная нитками бусин Поколения 6, словно покрытая росой кукла. Она метеоролог и картограф, и утренние наблюдения для нее важны.

– Хорошее получилось собрание вчера, – бросила она.

Кое-кто из присутствующих закивал.

– Все было продумано, – отметил кто-то.

– Скорее спектакль, чем обсуждение, – буркнула я.

У Стивленда поблизости стволов не было.

– Мы сказали, что хотели. – Сосна пожала плечами и улыбнулась. – Ну вот: теперь у тебя есть помощник.

– Стивленд наверняка считает, что помощник – это я.

Она взглянула на бамбук, возвышающийся над домами, и снова пожала плечами.

– Фиппокоты считают, что мы здесь для того, чтобы придумывать им игры. Сегодня мы пойдем собирать лен. Принесем его им, и они наперегонки помчатся освобождать пух от семян и поедать их, а мы набьем пухом матрасы. Коты могут думать, что хотят. И Стивленд тоже.

Я получила теплый батон и, уходя, взяла пару розовых бамбуковых плодов из корзины, стоящей на скамье у пекарни: вкусную порцию витаминов, микроэлементов и, возможно, антибиотиков, вместе со слегка стимулирующими алкалоидами, потому что наше здоровье важно. Возможно, из Сосны получится хороший следующий модератор, и она достаточно молода, чтобы прослужить несколько десятилетий. Мне пора об этом подумать. Думаю, следующий ко-модератор будет из Поколения 6, потому что именно от них пришло предложение о ко-модераторе. Вот пусть и справляются.

Я поела, проводила мужа до его мастерской, присоединилась к группе, собиравшей чечевицу, и отправилась искупаться. И наконец, я пришла в оранжерею и, несмотря на теплый день, закрыла за собой дверь.

«Собрания комитета всегда открыты для наблюдателей, – написала я. – Наши консультации тоже следует начать завтра. Если тебе надо сказать что-то приватно, говори сейчас».

«Зачем наблюдатели?»

«Потому что за свои решения мы отвечаем перед остальными гражданами».

Я надеялась, что зрители заставят Стивленда сдерживать свою вспыльчивость и облегчат мою ношу, хотя, что еще важнее, я создам нужный прецедент. Ведь главная цель – это держать его под контролем.

«У меня есть приватный разговор». Эти слова быстро исчезли, сменившись целым абзацем:

«Я не согласен с решением относительно стекловаров. Я многого не понимал в стекловарах, потому что не имел сообщества разумных животных для сравнения, но теперь я наблюдал вас – и меня тревожит их поведение. Они представлялись не совсем разумными. Однако по решению граждан Мира мы инициируем контакт – и нам надо стремиться к миру и пониманию. Я произведу плоды по их вкусу в качестве даров. Полагаю, если возникнут проблемы, а они привыкнут к плодам, то с их помощью можно будет ими управлять».

Слова растаяли, а ствол остался черным.

«Это все?» – спросила я.

«Персис и Волк задирают других детей».

«Им нравятся шутливые драки. Возможно, ты неверно интерпретируешь их игры. Но я это проверю».

«Группа женщин по определенным вечерам собирается около западных ворот в одиночку, – сообщил он. – Это подозрительно».

«Клуб философов. Им нравятся дебаты».

«Почему они не допускают других?»

«Чтобы не допускать серьезных людей».

Я там один раз побывала в качестве гостьи.

«Я их послушаю».

«Узнаешь много интересного».

«А ты хочешь что-то сказать приватно?» – спросил Стивленд.

Мне хотелось упомянуть Веру в качестве предостережения против деспотизма, но Стивленд не понял бы.

«Модератором быть трудно, – предупредила я. – У тебя будет мало настоящих друзей».

«Я рад быть модератором, особенно ко-модератором. Дуализм в модераторах – это хорошо: животное и растение, временное и постоянное, более сильное руководство для Мира и идеальное равновесие, как объяснил Бартоломью. Я рассмотрел полисахариды моих наиболее активных корней и пришел к выводу относительно равенства».

«Мы равны?»

«Равенство – это не факт вроде продолжительности дней. Я явно превосхожу вас размерами, возрастом и разумом. Равенство – это идея, убеждение – как красота. В основе лежит дуализм варварства и цивилизованности. Варварским будет пожирание мирян орлами. Цивилизованным – попытка мирян заключить мир со стекловарами. Цивилизованно жить с мирянами как равными. Именно варварство уничтожило цивилизацию бамбуков, когда мои предки допустили, чтобы их взаимодействие с животными

стало эгоистичным. Мои действия будут руководствоваться цивилизованностью, которая подарит им смысл, а моему виду даст новую цель».

Это требовало какого-то ответа. Жаль, что у меня не получалось верить Стивленду всей душой. В своей должности уполномоченного мне часто приходилось слышать, как люди заявляют о своем намерении начать новую жизнь и отказаться от дурных привычек вроде плохого обращения с мужем или уклонения от работы. Возможно, они были искренни, но зачастую возвращались к прежнему. Порой только ужасное потрясение могло привести к стойкому изменению.

«Это благородные цели, – написала я. – Я с оптимизмом смотрю на нашу совместную работу модераторами. – Мне следовало высказаться позитивно, даже если это заявление – сплошной самообман. – До завтра. Воды и солнца».

Я только что навещала Джерси. Наблюдающий за ней медик работает со всем тщанием. Она накормлена и получила весь уход, какой мать дает новорожденному, включая мягкую, теплую и чистую постель у окна в клинике. Лозы тянутся к ней от бамбукового ствола на улице. Одна заползает ей в ухо, еще одна – в ноздрю. Обе растут и исследуют ее мозг, пробуя кровь и ткани, пока Стивленд выясняет, как паразиты сделали ее безумной.

А излечить ее он мог бы? Скарлатину он лечить умеет. Он мог бы убить паразитов. Но ему она нужна мертвая, а не исцеленная.

Широкие полосы мягкой материи не позволяют ей травмировать себя непроизвольными движениями. Дыхание у нее спокойное. Кожа розовая и теплая. Третья лоза обвивает ее шею, и мелкие корешки подают седативные и болеутоляющие вещества. Со временем он введет достаточно успокоительного, чтобы она уснула навеки, как он это делает при эвтаназии. Мы похороним ее на кладбище, и Стивленд отправит более крупные корни питаться ею – как сделает это и со мной, когда меня заберет старость.

Перед тем как вечером вернуться к себе в кабинет, я забралась на городскую стену. За полем, в лесу, какое-то дерево затряслось, а потом рухнуло. Фиппольвы работают, а Роланд ведет их песней. Перекликались летучие мыши. Роща бамбука выросла вдоль стены. Стивленд может слышать, но мысли он не читает. Даже лозы в голове у Джерси не помогут ему понять, что ею руководила любовь, мучительно искаженная, трагически стойкая. Как нам понять, в какой момент наши собственные мысли ведут нас к невыразимой ошибке?

Мы говорим себе, что на Мире хорошо, что мы счастливо

живем в Радужном городе, живем в безопасности среди восстановленных руин прежних стекловаров, где Стивленд – наш друг, помощник и вождь. Сбор урожая – это радостное время года. Долгая зима отделяет нас от Дня Наготы, но в этот день я сожгу нечто такое, что никто не опознает – и это нечто будет символизировать Стивленда. Однако я не буду клясться, что изменюсь. Я слишком стара для перемен, какими бы нужными они ни были.

Най год 106 – поколение 6

Мы, граждане Мира, обязуемся признавать и поддерживать достоинство и ценность всех разумных существ и ту систему взаимных связей, частью которой являемся; справедливость, равенство и заботу в наших отношениях друг с другом…

Из Конституции Мирного Содружества

Предсказуемо. Едва выйдя из города, Мари, Сосна и Роланд начали спорить.

– Нам надо было сразу идти за стекловарами, – возмущалась Мари, – а Татьяна запретила. Они сейчас уже неизвестно где.

Она была не прочь поругать модератора – но только у нее за спиной и спустя две недели после принятия решения. Тем не менее Мари лучше всех писала и читала на стекловском и была невероятно трусливой, так что исключительно хорошо подходила для мирного визита… разве что засплетничает стекловаров насмерть.

– Только не тогда, – возразил Роланд. – У нас было слишком много дел. Джерси была травмирована.

– Все расследование было провальным! – отрезала Сосна. Она терпеть не могла и Мари, и Татьяну. Может, это конфликт поколений. – Татьяне следовало взять помощников. Не обязательно было пытаться сделать все самой.

– Ей Стивленд помогал, – напомнила Мари.

– Татьяна думает о благе Мира, – сказал Роланд.

– Жаль, что она для тебя слишком старая.

Никакой жалости у Сосны в голосе не ощущалось.

Роланд молча улыбнулся. Он всегда ведет себя так, словно может заполучить любую женщину. Да, у него мышцы и очень хорошая борода, но хвастаться этим не обязательно.

Мы с Кангом ничего не сказали. Канг – Зеленка, как и Роланд с Мари, но волосы у него черные и краска на них не ложится, так что он вплетает в волосы зеленые ленты. Он большой и тупой, но у него хватило соображения не вступать в глупый спор. У меня самого бородка только начинает расти, но опыта у меня хватило на то, чтобы позволить политикам тратить свое время и силы, а

не мои.

Единственное, чего я хотел – чего я всегда хотел, – это познакомиться со стекловарами. Мы пятеро были теми, кому больше всего хотелось отыскать стекловаров, но из нас не получилась лучшая в мире команда. Стекловары не стали бы вот так собачиться.

Все стало еще хуже, когда мы добрались до первого ночного убежища. Женщины с Роландом спорили, должны ли мы были заметить, что Джерси больна. Я набрал хвороста и салатной зелени, подогрел лепешки, которые захватил из города, сыграл на флейте песенку, чтобы заглушить спор, и пошел спать. Хорошо хоть, никто не жаловался ни на еду, ни на музыку.

На следующий день женщины спорили насчет назначения Стивленда ко-модератором.

– Он о нас заботится, – сказала Мари. Она была стоматологом и целыми днями смотрела больные зубы. – Он дает нам все, что может, от анальгетиков до фторидов.

– Ему нужно установить четкие границы, – заявила Сосна. – Нам надо думать о ситуации в целом, а не только о медицинской стороне вопроса, и заставлять его отчитываться.

Она занималась погодой и географией и чертила карты на каждый случай, так что от Стивленда ей было мало толка.

Они часами обсуждали, почему выбор ко-модераторов – это хорошая мысль. Это хорошая мысль, и точка! Я старался получать удовольствие от похода. Стояла осень, так что было на что посмотреть.

Мы с Роландом и Кангом начали от них отставать и рассматривать стада мигрирующих оленьих крабов и кустовые колонии с большими яркими крыльями. Парящие ленты пытались заякориться на зиму среди деревьев, которые уже начали сбрасывать листья. На все эти интересные вещи у женщин не оставалось времени, потому что их интересовали люди, а не вещи. Я даже не знал, слышат ли они песни летучих мышей или ритмы ветра.

В эту ночь наше убежище было уже так высоко в предгорьях, что воздух стал разреженным, а кипяток – менее горячим. Я приготовил хорошей еды: копченую птицу-боксера с картошкой – и попытался начать более приятный разговор.

– У меня уже такое чувство, будто мы со стекловарами друзья. А у вас?

Они посмотрели на меня непонимающе.

– Ну, когда мы были маленькими, у нас были всякие куклы, инструменты и кубики, и мы понарошку строили город.

Сосна кивнула и вздохнула. Она, как и я, из Поколения 6, но

бусин на ней так много, что если она упадет в воду, то не потонет. Она не была такой коренастой, как Мари, да и высокой не могла считаться, но умела встать так, чтобы занять много места.

– Помнишь танцы? – спросил я.

Два человека изображали стекловара. Один вставал позади другого, наклонялся и брал первого за пояс. А потом они пытались танцевать на четырех ногах. Глупо – но когда я был маленький, то считал, что это здорово. Мы знали, что настоящие стекловары выглядят совсем иначе: с тонкими ногами коленями наружу и тонкими руками с двумя локтями, а тело формой походило на длинный батон хлеба, и голова примерно такая же. И размером они всего лишь с человеческого ребенка. Мы любили делать кукол из палок.

Мари рассмеялась, словно мать, но ведь и она когда-то была ребенком. А может, и нет. Она была из тех Зеленок, кто на весенний праздник красят все волосы, в том числе и на лобке, но следила за тем, чтобы между двумя окрашиваниями волосы успевали отрасти и всем было видно, что она седая. Возраст якобы означал мудрость, но я никогда не голосовал за нее как члена комитета, даже когда у нее не было противника.

– У них население было многочисленнее, – сказала она очень наставительно. – И структура общества у них должна была быть более сложной, поскольку у них имеются морфологические касты. Хотелось бы мне посмотреть, как это работает.

– Мне тоже.

Разные тела для разной работы.

У меня были куклы всех трех видов: крупные самки, сильная основная каста, мелкие работники. Основные и работники были бесполые, хотя в детстве я не понимал бесполость. То есть зачем называть их самками, если нет самцов и они выдают младенцев, просто когда пожелают? Но, по словам Стивленда, они сами использовали именно такие наименования, а у радужного бамбука вообще было три пола, что казалось еще более странным.

Короче, мне хотелось понять, как работают касты. Мне хотелось встретиться с ними, а не торчать в хижине со сплетничающими политиками. У меня в группе были свои обязанности: готовить, исполнять музыку, быть дружелюбным и быть мальчиком-подростком, чтобы они увидели людей разного возраста и пола.

– Стивленд был не слишком полезен, – отметила Сосна.

– У Стивленда для них не было точки отсчета, – ответила Мари. – И они общались всего два года, а потом стекловары ушли.

– Бедненький сиротка, – вставил я, просто чтобы подразнить Мари.

– Он очень одинок, – возмутилась она. – И рос без компании, так что это не способствовало его социализации.

Сосна скопировала тон Мари.

– Ну, зато теперь он – один из нас.

У нее двое маленьких детей, по которым она якобы скучает. Хорошо, что я не один из них!

– Как вы думаете, каково будет познакомиться с кем-то новым? – спросил Роланд.

Он почему-то адресовал мне хитренькую улыбку.

– У нас есть инструкции, – сказала Мари. – Мы – дипломаты. Мы будем спокойны и дружелюбны.

– Спокойные, дружелюбные, ага, – согласился Роланд. – Но как это будет? Кто-то, с кем ты никогда не встречался. Мы про них ничего знать не будем. Совершенно новые.

– Это даже не как встреча с животным, – подхватил Канг, щеря в улыбке кривые зубы. – Со львом – ты ведь знаешь, что такое лев, да? Но стекловары – нет.

– Мы много чего про них знаем, – возразила Сосна. – Знаем, как они построили город, что ели, как одевались. Знаем уровень их технологий – выше, чем наши сейчас.

Она была права. У них было радио и намного больше металла.

– Мы не знаем, почему они ушли и почему держались в отдалении, – напомнила Мари.

На это как раз жаловался Стивленд – и в чем-то был прав.

– Мне хотелось бы услышать музыку стекловаров, – сказал я. – А еще лучше бы поиграть с ними. Дуэт. Они тоже играли на флейтах. Это есть на панно, так что музыка – это наше общее.

Я мечтал об этом с того момента, как начал играть на флейте. Поэтому и захотел, чтобы музыка стала моим непревзойденным умением.

– Музыка! – отозвался Роланд, продолжая мне улыбаться.

А вот Сосна выглядела недовольной.

Я постарался не обращать на них внимания.

– И мне хочется спросить, откуда они, – продолжил я. – Я могу показать Солнце.

– Отличная мысль! – сказала Мари, наконец-то не как мать или наставница.

На следующее утро я проснулся с радостной мыслью: днем мы уже будем на водопаде! Я видел его, когда мне было десять, а это не так уж давно, или, по крайней мере, я не чувствовал, что давно. Тогда перед выходом я много про него слышал, видел

рисунки, – и был уверен, что он мне понравится, – и водопад оказался именно таким, как я надеялся… но лучше всего оказалось небо. Никогда раньше я не стоял так, чтобы горизонт был у меня под ногами, – бледная линия очень-очень далеко.

Мы еще за километр услышали рев водопада, похожий на гул шершня, и увидели вокруг себя горы – такие высокие, что они касались неба. Мы минуем сырой каменистый перевал – и тогда снова увидим водопад. Он срывался с красной скалы и обрушивался вниз узкой полосой с такой высоты, что вода попадала в озеро только через десять ударов сердца. Тропа вела вниз к широкой травянистой террасе рядом с обрывом, и когда светило солнце, то в поднимавшейся вверх водяной пыли играли радуги. Стекловары построили несколько домов – точно таких, как в городе, – с рядами цветных стеклянных кирпичей на крыше в цветах радуги. У Стивленда тут была роща – двадцать взрослых стволов – но они не соединялись с остальной его частью из-за горного хребта.

Мы миновали перевал, огибая валуны и скалы, и грохот падающей воды стал громче. Канг прошел за последний поворот мимо скал – и остановился. Я подумал, что он задержался, чтобы мы его нагнали и посмотрели вместе – но он остановился из-за того, что увидел.

Бамбук был полностью выжжен, а дома разбиты, словно скорлупки. Мы долго смотрели на это – и казалось, что вода ревет в такт моему сердцу, быстрому.

– Землетрясения не исключены, – проговорила Сосна, но не похоже было, чтобы она сама себе поверила.

– Землетрясения не устраивают пожаров, – негромко отозвался Роланд.

Он оглянулся назад, потом осмотрел всю террасу.

Мари вздохнула:

– Какое-нибудь движение видишь? Нет? Тогда идемте.

Канг хмыкнул – и мы поспешили вниз. Когда мы дошли до места, он поставил рюкзак и начал ворошить обломки зданий. Мари уставилась на останки бамбука.

– Осмотрите все вокруг, – распорядилась она. – Держитесь вместе, и все должны постоянно видеть кого-то еще. Кто знает, с чем мы столкнулись.

– Тут медведи, речные волки и горные пауки. И орлы, и драконы, – подсказала Сосна. – О, а еще дикие львы и слизни. – Мари бросила на нее злобный взгляд. – Просто помогаю нам всем не хлопать ушами.

– Спасибо, – бросила Мари.

Я решил, что когда-нибудь попробую использовать эту

интонацию в музыке. Не всякая музыка должна быть красивой. Она может быть еще и нервной – масса ноток, ожидающих чего-то, чтобы превратиться в мелодию, что-то говорить.

– А где фиппокоты?

Роланд попытался высвистеть колонию, которая ощипывает лужайку. В конце концов ему удалось найти одну кошечку, прячущуюся в развалинах дома, но она далеко не сразу решилась выйти.

Эти четверо стали осматривать окрестности, но дело шло к вечеру, так что мне Мари велела готовить ужин. Я осмотрел кострище. Судя по золе, тут недавно жгли бамбук, но Стивленд терпеть не может огонь и никогда не позволяет нам себя жечь. Я прежде всего выгреб обуглившиеся кусочки. Я запек ямс и вскипятил воду, чтобы заварить чай в спелом желтом кактусе, который я утром поймал на тропе, но все это время так сосредоточенно думал о стекловарах и разрушенных домах, что обжег палец об уголек.

Пока мы ели, Роланд держал кошку на коленях. Я еще ни разу не видел, чтобы кто-то из котов сидел настолько неподвижно. Канг сказал, что дома рухнули, когда им подкопали фундаменты.

– Очень много чего копает, – задумалась Сосна. – Но какому дикому животному вздумается копать так долго и усердно, чтобы обрушить четыре здания?

– Здания могли разрушить орлы, ага? – предположил Канг. – У них есть огонь. Они едят котов.

– А может, это были стекловары, – сказала Сосна. – Они ведь где-то поблизости.

– Нет, – возразил я, – они не стали бы этого делать. Это же их дома. Они их построили.

Ей всегда все не нравится. Может, теперь она ненавидит и стекловаров.

– Теперь это не их дома, – заявила она, глядя на меня, как на дурачка.

– Может, они нас боятся, – сказал Роланд.

– Может, да, а может, нет, – проворчала Мари. – Стивленд будет знать, что тут происходило, если его корни остались живы, но нам надо принимать решение прямо сейчас. Идти или оставаться?

Готов спорить, что ей хотелось бы уйти: она ведь трусиха. Предполагалось, что мы будем ждать десять дней, проверяя, не придут ли стекловары на водопад, но нам можно было уйти раньше, если мы решим, что так надо. Канг хотел остаться и начать ремонт домов. Сосна высказалась за то, чтобы остаться, –

но она голосовала бы за уход, если бы Мари сказала оставаться. К этому моменту мой голос уже не имел значения, но я сказал «остаться»: мне хотелось верить, что это не стекловары устроили тут погром. Они – наши друзья. По крайней мере, я им друг. И это – мой шанс с ними встретиться.

И мы начали ждать. Канг настелил на один из разрушенных домов крышу из дерева и листьев. Будет уютно: все мы в половинке дома. Роланд свернулся внутри с кошкой и задремал. Он будет дежурить поздно ночью. Мы с Сосной обошли окрестности. Обнаружили синептичий риф (хорошая новость, потому что они обожают слизней), несколько кустов-колоний и кое-какие овощи, бусинный куст с огромными семенами и – вот сюрприз! – лоскут плотной коричнево-красной материи на каком-то шипе.

Сосна сняла его с шипа.

– Лен. Окрашен после того, как соткан. Мы всегда красим волокно или нити.

– Значит, это стекловары?

Она посмотрела на меня, открыла было рот, собираясь что-то сказать, а потом отвела взгляд и вроде как хохотнула.

– Как вариант.

Мы вернулись и обсуждали находку, пока солнце садилось. Здесь побывали стекловары.

– Может, стекловары пришли уже потом, когда здесь все порушили орлы или еще кто, – сказал я.

Сосна засмеялась снова, словно я – идиот, но Мари сказала, что и такое возможно.

Я дежурил первым и сыграл несколько колыбельных на альтовой флейте, чтобы всем легче было успокоиться. В разреженном горном воздухе управлять дыханием было сложно, а облачность мешала увидеть северное сияние. Примерно в полночь я разбудил Роланда.

– Спасибо, – прошептал он. – Занимай мое место. Оно нагрето, и кошка будет рада компании.

И конечно, я во сне кончил. На фиппмастерах остаются феромоны львов, и это на всех действует. Мне следовало бы этого ожидать. Он ведь знал, что так будет, – и сделал это просто, чтобы мне досадить.

На следующий день Канг в куче обломков дома нашел перо, которое могло быть орлиным. Он показал его кошке – и она перепугалась. Явно орел. Вот только Сосна сказала, что это ничего не доказывает. Крабы-купцы используют орлиные перья, чтобы отпугнуть от своих нор других крабов. Они обмениваются перьями на больших расстояниях. Вот только мы крабов-купцов

здесь не видели.

Мы начали скучать. Женщины пилили друг друга. Канг таскал камни и почву, Роланд возился с кошкой и исследовал окрестности, я находил еду и готовил ее, а в свободное время играл на флейте, стараясь, чтобы стекловары нас заметили. «Мы здесь. Мы не прячемся. Услышьте нас. Приходите познакомиться. Я поделюсь с вами флейтами».

Я думал про стекловаров и видел их во сне. Стекловары во многом лучше нас. Они будут прекрасны, потому что их город прекрасен. Они будут мудры, потому что их город распланирован логично. Мы, люди, такой город построить не смогли бы. Я видел старый поселок – то, что от него осталось. Жалкое зрелище.

Видимо, они были рациональнее нас, потому что у них три касты и работу можно распределять логично. Они не стали бы язвить из-за рабочих групп, и вкусняшек, и из-за того, кто с кем спит. И они сохранили свои технологии. Мы не смогли.

В городе стекловаров жило в два или даже в три раза больше особей, чем нас сейчас – судя по количеству домов, – но мы не знаем, как они были организованы или какие у них были семьи. Это только одна небольшая деталь, которую мы хотели бы узнать, а ведь нам хочется выяснить все. И скоро мы это сделаем.

На четвертый день ожидания и от нечего делать я собрал крупные серебряные бусины.

– Тебе пойдут, – сказал Роланд со своей привычной ухмылкой, увидев, как я убираю их к себе в рюкзак.

– Думаю, я использую их, чтобы уговорить какую-нибудь девушку со мной переспать, – парировал я. – Не все же могут полагаться на феромоны. Знаешь, как парни-бусины отмечают свой первый раз? Мы сбегаем в лес и там жарим и едим фиппокота.

Я думал его шокировать, а он продолжал улыбаться.

– Они вкусные, – добавил я.

– Рад, что у тебя была возможность это выяснить. Ты многим женщинам нравишься, знаешь ли. Я вижу, как они на тебя смотрят. Они просто ждут, чтобы у тебя прибавилось годков.

Я не смог определить, серьезно ли он говорит, но решил не поддаваться на подначку. Мне не особо везло с девушками – и, наверное, он это знал. Иногда я видел, как он сидит и улыбается непонятно чему, а потом он переводил взгляд на меня, и улыбка у него становилась широкой и довольной. Я не знал, что делать. Начинать драку не хотелось, а чем его зацепить, я придумать не мог. Зеленки – такие Родители!

А нам предстояло ждать еще шесть дней.

Но следующим утром мы обнаружили нечто такое, что

заставило нас решиться уходить. Мари отправилась копать новый центр даров рядом с тем, что осталось от Стивленда, надеясь, что его корни живы – и обнаружила ловушку.

– Идите сюда! – позвала она нас. – И смотрите под ноги!

Мы медленно подошли к ней. Она отодвинула ткань, покрытую сухой травой и золой и скрывавшую яму – такую большую, что в нее даже Канг упал бы ничком. На дне были воткнуты колья. Я содрогнулся, стараясь не представлять себе, как они входят в меня.

– Может, это Джерси сделала, – сказал Роланд.

– Нет, – спокойно возразила Мари, словно это была вполне разумная мысль.

– Она окрашена после того, как ее соткали? – спросил я, надеясь, что это не так.

Сосна проверила – и покачала головой.

Тогда я сказал:

– Тогда это для того, чтобы защитить Стивленда от орлов или еще чего-то, так? От орлов или еще чего.

– Может быть. А может, это для охоты, – отозвалась Мари. – Может, она не одна.

Канг поковырял землю вокруг Стивленда – и нашел еще одну яму. Я бы ее ни за что не заметил. Мне вдруг стало страшно сдвинуться с места. Я посмотрел вниз, гадая, куда можно ступать, – но так и не понял. Мари очень громко вздохнула.

– Давайте уходить. Не знаю, где ходить безопасно, но, если что-то случится, у нас не будет времени проверять, куда бежать. А ловушки могут быть и не только такие. Голосуем?

– Ни к чему, – сказала Сосна. – Единогласно.

Минуту мы стояли неподвижно, глядя на землю.

– Я хотел с ними встретиться, – проговорил я, но я не жаловался. Нам и правда надо было уходить.

– Может, цель – не мы, – предположил Роланд.

Сосна подняла ткань и вытрясла.

– Это не значит, что мы останемся невредимы.

– Это – разочарование, – вздохнула Мари, – но Татьяна – сторонница осмотрительности. Она поймет.

– И Стивленд тоже, – добавила Сосна.

Я так и не понял, сказано ли это, чтобы бросить вызов Мари.

– Но мы все равно оставим для стекловаров дары? – спросил я.

– О да! – отозвалась Мари так, что я почувствовал себя умным.

– Слишком многого мы не знаем, – сказал Канг, качая головой так, что его косицы пошли волнами. Он прошел к

кострищу, осторожно выбирая путь, и поднял растрескавшийся от жара камень. Он держал его, как рубило. – Гм… Неплохое оружие может получиться.

– Нет, – возразила Мари. Она медленно и аккуратно прошла к вскопанной земле у домов. Взяв крупный камень, она несколько раз стукнула им по фундаменту и вернулась к Кангу. – Тут край острее. Все собираем вещи, но пойдем быстро и налегке. Бросьте здесь все, что можно. Роланд, бери кошку. Най, оставь несколько флейт и еще что-то, что им могло бы понравиться. Сосна, я ничего не забыла?

Канг уставился на свое новое оружие. Сосна уставилась на Мари, изумляясь тому, что с ней внезапно стали общаться как с заместительницей. Я подумал, что Мари реально умеет быстро отступать, и это то, что нам сейчас нужно, и уйти мне хотелось только немного сильнее, чем остаться. Встречу со стекловарами придется отложить на другое время. Я надеялся, что у них все в порядке.

– Надо оставить послание, – сказала Сосна, все еще выглядевшая удивленной.

– Отличная мысль. Какое? – спросила Мари.

Мы это обсудили и пришли к решению, не споря. С помощью флейт, подарков и дополнительных палок мы написали по-стекловски: «Мы желаем-вы дружба». «Вы» было написано флейтами. Одну я оставил себе – маленькую, из узорного дерева робинии, самую любимую.

Вещи мы собрали быстро: у нас их было немного. Большую часть нашего груза составляла еда. Мы взяли с собой продуктов для двухдневного перехода, а остальное положили рядом с посланием. Я пошел первым. Канг замыкал колонну, держа каменный топор.

Мы как раз миновали верхнюю точку тропы между скалами и начали спуск по противоположному склону, когда я увидел на участке влажной голой земли след и махнул рукой, останавливая остальных. У стекловаров раздвоенные копыта, но след был нечеткий. Роланд посмотрел и сказал:

– Олений краб, возможно.

А возможно, нет. Я не мог понять, что я чувствую: облегчение или разочарование.

Мы шагали еще несколько минут. Тропа обогнула валун. За ним в грязи обнаружились явные следы стекловаров.

– Несколько особей, – отметил Роланд. – Разный размер и глубина.

– Недавние, – добавила Сосна. – Края совсем не высохли.

– Направлялись в ту сторону.

Роланд указал вперед, туда, куда мы шли. Может, они и сделали ловушки, но они же дружелюбные, как и мы. И мы с ними встретимся!

Канг посмотрел на камень у себя в руке и выбросил его.

– Со стекловарами драться не стану. Обещал. – Он посмотрел на Мари. – Пусть Най что-нибудь сыграет. Мы за ними не гонимся. Мы – нет. Не подкрадываемся.

Мари кивнула. Я достал флейту. Мне не сразу удалось сделать правильный глубокий вдох, но наконец я заиграл веселый мотив. «Мы идем. Мы не подкрадываемся». Я хотел, чтобы они услышали это в моей музыке. «Не бойтесь. Приходите, познакомьтесь с нами. Наконец. Мы здесь». Я надеялся, что все будет быстро: радость сделала меня нетерпеливым. «Познакомьтесь с нами. Пожалуйста!» И будьте такими, как мы надеемся, будьте такими же дружелюбными, как мы. У нас много общего.

Роланд вышел на тропу, обогнав меня, и начал шагать в такт музыке. Сосна и Мари хлопали в такт, а Канг совершенно фальшиво засвистел. «Мы идем!»

Еще двести метров – и, еще не обогнув следующий валун, мы уже знали, что за ним ждут стекловары. Я увидел их тени. Стекловары! Роланд выставил руку вперед, широко улыбнулся и пошел вперед. Я шел следом, продолжая играть, но слишком волновался, чтобы получалось хорошо, чтобы правильно дышать, чтобы вспомнить мотив или еще что. Сейчас я увижу стекловаров!

Стекловары перегородили тропу за валуном. На мгновение они показались мне просто мешаниной древесных пней и сухих веток. А потом я их разглядел – тела и головы, тонкие изогнутые руки и ноги. На Земле их назвали бы насекомыми. Две руки, четыре ноги. Коричневатые, словно стволы деревьев, – разных оттенков коричневого. Около двадцати пяти. Их большие глаза сверкали.

Они наставили на нас копья. Копья!

Все было совсем не так, как я надеялся, но я продолжал играть – играл и смотрел. Мы стояли на месте и хлопали и топали в такт, но я еле шевелился, потому что готов был с ног свалиться от волнения. И с каждой нотой я понимал, что я не единственный это испытываю. Канг перестал свистеть, а кто-то хлопал уже не в такт.

Стекловары не двигались, не издавали ни звука. Это были работники и основные – ниже, чем я ожидал, гораздо ниже нас. Но одеты они были не так хорошо, как стекловары с фресок. На них были простые потрепанные куски ткани, наброшенные на спины, кожаные гетры на ногах. К бокам у них были подвешены

корзины. На некоторых были кожаные шляпы и ошейники.

От них пахло гнилыми древесными грибами – и так сильно, что меня начало тошнить.

Наконечники их копий были из камня. Из камня, как у нас. Где же их технологии?

Один из основных, в пледе в коричнево-зеленую клетку, шагнул вперед.

Может, это исследователи? Наши исследователи мало что с собой носили и одевались просто. И мылись они не часто. У них с собой были простые инструменты. Мне не следовало ожидать, что они будут великолепно выглядеть. И не стоило удивляться, что тут нет самок. У них наверняка есть занятие получше.

Я сыграл еще один припев марша, притоптывая в такт ногой, а остальные хлопали. Тот стекловар, который вышел вперед, несколько раз топнул одним из передних копыт. Он понимает музыку! Мы уже общаемся, не сказав ни слова. Я закончил мелодию, опустил флейту и стал ждать. Я свое дело сделал. Теперь очередь Мари.

Она подняла руки, расставив локти и повернув вверх ладони, как стекловары на панно. Они не шевелились. Мне ужасно хотелось, чтобы они опустили копья. Я заметил, что держу флейту так, словно это дубинка. Я медленно разжал пальцы и перехватил ее, словно ручку.

Мари указала на себя.

– Мари. – Она по очереди указала на нас: – Сосна, Най, Канг, Роланд.

Потом она указала на того стекловара, который шагнул вперед. Его лицо не изменилось. Он не ответил.

– Мы очень рады вас видеть, – проговорила она медленно.

Конечно, они не поймут, но мы понятия не имели, как звучит стекловский. Основной в клетчатом по-прежнему не реагировал.

– Мы тоже пришли со звезд, – сказала она, – и рады разделить эту планету с вами. Я надеюсь, что мы сможем многому друг друга научить.

Фиппокошка начала вылезать у Роланда из рюкзака. Он потянулся себе за спину и взял ее на руки.

– Что скажешь, подруга? – тихо пробормотал он и потыкался в нее носом, словно мама-кошка.

У стекловаров выпуклые глаза располагались по сторонам головы и не имели зрачков, так что я не мог понять, на что они смотрят. А их лица вообще не двигались, так что было непонятно, о чем они думают. Они дружелюбно настроены? Один из них что-то просвистел, завершив щелкающим звуком.

Клетчатый указал на тропу за нашими спинами и сделал шаг

вперед, а потом повторил свои действия, жестикулируя.

– Нам вернуться обратно? – спросила Мари. Я кивнул. Кажется, остальные – тоже. Стекловар шагнул вперед. – Тогда идем.

Канг пошел первым, а мы за ним. Мари оказалась последней. Позади нас топали копыта.

Дорога обратно показалась более долгой, чем путь сюда, хотя тропа вела вниз по склону и можно было идти быстро и легко. Я пытался понять, стоит ли мне еще поиграть. Я часто оглядывался. Цепочка стекловаров следовала за нами вниз по склону. Несколько основных жестикулировали и разговаривали, я часто слышал их речь: скрипы, визги, и треск, и звук вроде «чек», или «шак», или «чик» – речь получалась резкая и немузыкальная. Я не мог бы издавать такие звуки. Наверное, они не могли бы издавать мои. Но мы могли бы научиться слушать. Нам всем пришлось бы – и нам всем хотелось бы. Именно поэтому мы здесь.

Вернувшись на террасу, мы выстроились позади оставленного нами послания.

– Надеюсь, они умеют читать, – пробормотала Мари.

Они окружили нас, и Клетчатый скрипел и чекал и указывал на послание. Из-за влажности от водопада их гнилостный запах усилился.

Мари вышла вперед. Клетчатый повернул голову. Она наклонилась и подняла луковицу тюльпана из тех запасов еды, которые мы бросили. Стивленд говорил, что они ели луковицы тюльпанов. Она показала ее, вытянув руку.

– Тюльпан, – сказала она.

Он уставился на ее руку, медленно двигая головой, чтобы рассмотреть лучше, и сделал несколько неуверенных шагов. Он медленно вытянул тонкую руку с двумя локтями и четырьмя длинными пальцами. Мари стояла неподвижно, широко улыбаясь, но не размыкая губ. Никаких зубов, никакой угрозы.

Он дотронулся до луковицы, но не взял ее: его пальцы проскользнула под ней и ухватили ее руку. Говорят, Сильвия мечтала об этом – взяться за руки со стекловаром. Я мечтал об этом в детстве. Миряне и стекловары наконец-то друзья!

Стекловар сказал что-то прозвучавшее как ломающаяся сырая ветка и дернул Мари за руку так сильно, что она упала. Канг рыкнул, а остальные стекловары напряглись, словно ожидая, что мы начнем драку, но нам необходимо было оставаться дружелюбными, так что мы просто стояли. И я вообще не понимал, что делать. Мари подняла голову с земли.

– Зачем это было? – спросила она.

Основной не ответил.

Она встала и бросила на него такой взгляд, который должен был бы его подпалить. Они уставились друг на друга.

Он взялся обеими руками за копье.

– Попробуем еще раз. – Настоящая Мари дала о себе знать. Она наклонилась, подняла луковицу тюльпана и протянула ее. – Это – тюльпан. Тюльпан. Это тебе. Подарок. Возьми. – Она держала луковицу за острый кончик пальцами, а не на ладони. – Давай, – добавила она чуть добрее. – Я тебе не наврежу.

Он сделал несколько нервных шагов, мотая головой. Она положила луковицу на землю у его ног, а потом повернулась и указала на слова на земле. «Мы желаем-вы дружба». Взяв одну из флейт, она вручила ее мне.

– Най, сыграй что-нибудь короткое и дружелюбное.

Дружелюбное. Это я могу. Я сыграл несколько нот песни, которой дети приветствуют новорожденного, а потом, вспомнив их звуки, повторил с более резкими и пронзительными звуками. Я протянул флейту Мари. Она взяла ее и протянула их предводителю. Тот сделал знак другому основному, и тот вышел вперед и взял ее. Он подул в мундштук, но неправильно, так что звука не получилось. Посмотрев на меня, он проскрипел нечто вроде той мелодии, которую я сыграл.

Я взял другую флейту и подул в нее, показав правильный угол. Он повторил попытку, наконец добившись свиста, повторил снова. А потом вернул флейту обратно.

– Спасибо, Най, – подчеркнуто сказала Мари.

– Удачная мысль, Мари! – отозвался я.

Мы общаемся! Но они должны были бы знать, что такое флейты. На панно они были.

Клетчатый протянул руку к Мари. Она не дернулась, хоть и моргнула. Он указал на лямку ее рюкзака и жестом велел его снять. Она положила его на землю и отступила. Два рабочих подошли и все оттуда вынули: нижнее белье, еду, одеяло, гребень, кусок мыла, завернутый в лист и стекловско-мирянский словарь. Клетчатый и еще несколько основных по очереди поднимали каждую вещь и много говорили друг с другом. Они обнюхали мыло и пролистали книгу, но, похоже, ничего не читали.

А еще они рассмотрели выложенные на землю дары, особенно вырезанное Гарри изображение стекловара. Они обнюхали плоды, которые Стивленд вырастил с расчетом на стекловаров, но положили их обратно. Пока они трещали и свистели, я шепотом спросил у Роланда:

– Что думаешь?

Он мог понимать фиппов – может, и стекловаров поймет.

– Они удивляются тому, как мы похожи, – мы с ними.

– Это же хорошо? – прошептала Сосна.

Клетчатый крикнул нам:

– Чек!

Судя по его жестам, он хотел, чтобы мы сняли рюкзаки. Мы так и сделали. Они перебрали их содержимое. Вяленое мясо из рюкзака Канга заслужило восклицание нечто вроде «конгари!» У Роланда в рюкзаке нашлось обсидиановое зеркальце – по-моему, они раньше такого не видели – и моток львиной шерсти, который они тщательно обнюхали. В моем рюкзаке их ничто не заинтересовало. Закончив, они собрались вместе и стали переговариваться.

– Ножи, – подсказала Мари.

Она сняла с ремня каменный нож размером с большой палец и положила на землю. Мы сделали то же самое. Это реально взволновало стекловаров. Они подняли ножи, рассмотрели их – и сложили в одну из корзин работнику. Этот работник что-то сказал. Клетчатый подозвал его и ударил по лицу так сильно, что у того потекла красная кровь. Он же не мог сказать ничего такого, что заслуживало бы подобного! Я посмотрел на Роланда. Он наблюдал за ними, крепко прижимая к себе кошку, словно желая ее защитить. Лицо Мари вообще ничего не выражало.

Мне случалось видеть, как люди получали удары в драке, но если машут кулаками оба, то это честно. Роланду пришлось побить старого Кина, чтобы возглавить львиную стаю, но тот бой они отрепетировали. Мы, миряне, наблюдали за ними вместе со львами, и, когда Кин покинул поле боя, изображая хромоту и с поддельной кровью на лице, мы провожали его презрительными криками.

Но стекловары ведь люди, а нормальные люди не позволяют себя бить по-настоящему, и нормальные люди не станут бить беззащитного. Я поклялся быть дипломатом. Если стекловар меня ударит, я не смогу ударить в ответ. Но до этого мне и в голову не приходило, что стекловар может меня ударить. Как такое возможно?

Они взяли нашу еду – всю, кроме бамбуковых плодов, – и раздали ее. Они ели быстро. Не всем работникам досталась еда.

– Смотрите, – тихо проговорил Канг, – зубы в горле. Видите, как они двигаются?

Но больше мы ничего не говорили. Похоже, Клетчатому разговоры не нравились.

Мы получили свои рюкзаки обратно. Потом Клетчатый приказал нам идти с ними вниз по склону.

– Как они пожелают, – сказала Мари.

Но на самом деле, у нас выбора не было. Что они станут делать, если мы не послушаемся? Я собрал флейты. Я сам не понимал, испуган я или зол, но, выпрямляясь, пошатнулся, потому что меня на секунду перестали держать ноги. Стекловары оказались совсем не такими, как я ожидал. Может, они и правда разрушили дома и сожгли Стивленда.

Тропа ниже водопадного курорта была крутая и узкая. Мы шли цепочкой почти в полной тишине. Мари настояла на том, чтобы идти с Клетчатым и другими основными. Они время от времени переговаривались, и тогда она смотрела в свой словарь. Порой тропа становилась настолько крутой, что нам приходилось цепляться руками и ногами, но они не предлагали нам помощь – и, похоже, раздражались. Иногда какой-нибудь основной бил или лягал работника, но я не мог понять за что – как будто причина вообще могла быть уважительной.

У основания скал дул холодный ветер. Сосна, шедшая впереди меня, плотнее завернулась в одежду. Роланд начал петь своему фиппу, но Клетчатый сделал какой-то знак – и один из работников рядом с Роландом прижал руку к своему рту. Роланд прекратил петь.

Мы шли целый день, почти не задерживаясь, чтобы пописать, – и увидели, что стекловары писают из дальнего конца туловища, но они не останавливались поесть, но, когда солнце село, мы не прошли и половины склона. Мы остановились на широком карнизе, где были только камни, кусты и лианы. Мы легли, уставшие, и Канг раздал всем сушеные плоды бамбука. Я откусывал малюсенькие сладкие кусочки, чтобы хватило подольше. Стекловары спали, встав на колени и подобрав ноги под себя.

– Ты их понимаешь? – шепотом спросил я у Мари.

– По-моему, они не хотят, чтобы я понимала, – ответила она.

– Они нас боятся, – сказал Роланд.

– Слишком сильно боятся, чтобы нам вредить, да? – уточнил Канг.

– И слишком боятся, чтобы отпустить. Боятся до нас дотрагиваться. Они боятся друг друга – некоторые из них. Работники боятся некоторых основных.

– Они их бьют, – прошептал я. – Это неправильно.

– Да уж, – прошипела Мари.

– Мы сможем сбежать? – спросила Сосна.

– А мы можем двигаться быстрее, чем они? – отозвался Роланд.

И конечно, мы не могли.

Клетчатому не нравилось, когда мы разговариваем, так что

мы больше ничего не стали говорить, хоть мне и хотелось. Мне хотелось встать и наорать на него. Я уставился в черное небо, затянутое тучами. Стекловары тоже не разговаривали. Досадуя на тишину, я заснул.

На следующий день мы прошли по продуваемому ветрами ущелью в лес, где у деревьев были квадратные стволы. На ветках трещали три фиппокота с зелеными пятнами на коричневой шкурке. Перекликались летучие мыши, но я их совсем не понимал. У здешних был какой-то другой язык.

Идущие впереди свистели и щелкали – и остановились у рощицы радужного бамбука: стволам было лет по десять – двадцать. Наши исследователи везде сажали семена Стивленда. Роща заставила меня вспомнить дом, родных и друзей и девушек Бусин, которые меня не замечали. Наверное, они все сейчас думают про стекловаров что-то хорошее.

Основные выкрикивали приказы. Работники поспешно собирали хворост и обкладывали им бамбуки. Мари смотрела на них. Ее лицо и руки двигались – и я знал, о чем она думает. Это было все равно что наблюдать за тем, как стекловары готовятся нас бить. Я должен был позволить им меня ударить – и вот теперь должен был позволить, чтобы они причинили зло кому-то еще. Я скрестил руки на груди, чтобы не двигать ими.

Мари чуть не заплакала, когда они высекли искру на дерево. Я не люблю Стивленда, но никогда не стал бы ему вредить. И не допустил бы, чтобы ему вредили, но теперь пришлось это терпеть. И ей пришлось. Нам всем пришлось.

Я просвистел, как летучая мышь Радужного города: «Огонь. Плохо». Думаю, она меня услышала.

Бамбук все еще дымился, когда мы снова пришли в движение. Значит, это стекловары сожгли Стивленда у водопада. Наверное, и дома они разрушили, хоть в этом и не было нужды. У них не было на это причин. Я обещал не прибегать к насилию, а они – не такие, как я.

Мы шли быстро. Вечером Сосна сказала, что мы прошли две трети горного склона. Было туманно и сыро. Мы улеглись спать. Я настолько устал, что даже земля ощущалась как подарок. Канг раздал сушеные плоды, и я был такой голодный, что чуть было не проглотил свой целиком.

– Голод заставляет стекловаров торопиться, – прошептал Роланд. – Им хотелось бы двигаться намного быстрее.

– Что нам делать? – спросил я.

Какое-то время никто мне не отвечал, а потом Мари сказала:

– Узнавать, что сможем.

Я попытался заснуть. Я еще никогда не был настолько

голоден – и настолько зол. Я ничего не узнал.

Мы снова пошли, как только стало достаточно светло, чтобы разбирать дорогу в холодной мороси. Я шел, завернувшись в одеяло поверх куртки. Дождь отбивал по голому камню унылый ритм. Тропа из каменистой стала размокшей, что было удобнее для широких человеческих ступней, но не для узких копыт стекловаров, а потом начался новый каменистый участок. В какой-то момент мы оказались на каменистой тропе, шедшей вдоль обрыва. Она резко поднималась вверх, а потом опускалась снова и была такой узкой, что корзины стекловаров задевали за скалу. От дождя тропа стала скользкой. Нам пришлось ступать медленно и осторожно. Я старался не смотреть вниз с обрыва, до которого был всего шаг.

Роланд вскрикнул, и мы все повернулись, но я уже заранее знал, что кто-то упал. Я эгоистично пожелал, чтобы это был не он, – просто потому, что он один из нас, член нашей команды, а мы на этой стороне горы совершенно одни. Я повернулся так быстро, что поскользнулся, и на один ужасный момент мне показалось, что я упаду… и в этот же момент я понял, что его голос донесся снизу, а не сзади.

Еще не посмотрев вниз с обрыва, я уже знал, что увижу. Роланд падал. Его тело ударилось о каменистый выступ, и крик закончился громким хрипом – и он продолжил падение, и его руки и ноги беспомощно дергались. Он упал на тропу далеко внизу – и треск разнесся эхом. Я замер, ожидая стона, высматривая движение… хоть что-то… но он лежал на мокрых камнях ничком и не шевелился, словно кукла. А потом он шевельнулся. Нет, это из его рюкзака выглянула кошка. Она осторожно выползла – зеленая, как его волосы, – и ткнулась носом ему в щеку.

Стекловары уже бежали вниз по тропе. Мари поспешила за ними – а я мог только стоять и смотреть.

Мари осмотрела Роланда – на это ушло мало времени. Повернувшись к нам, она покачала головой. На таком расстоянии выражения ее лица рассмотреть не удавалось. Она подняла кошку. Предводители стекловаров перекрикивались и активно жестикулировали в адрес Мари. Она сняла с Роланда рюкзак и вытащила его одеяло. По диагонали ткани хватило, чтобы завернуть его целиком. Клетчатый подозвал работника – кажется, того, которого он ударил у водопада, – и заставил его снять с себя корзины. Роланда положили ему поперек спины (на узкой тропе идти будет сложно), а потом мы все пошли дальше.

Роланд погиб. Я ненавидел его по множеству глупых причин. Ему никто не отказывал в сексе, и работа у него была важная, а я

обжигал пальцы у печей, и ни одна женщина меня всерьез не принимала. Это все теперь не имело значения. Я знал его всю мою жизнь, и он раздражал, но он никогда не делал мне больно. Я вообще не мог представить себе, чтобы он кому-то сделал больно. И он не был неуклюжим. Он не виноват в том, что поскользнулся. Это стекловары виноваты. Они заставили нас идти слишком быстро.

Мы пришли в долину. Нас кусали мотыльки. Стаи мелких хрюкающих птиц с перьями, похожими на веточки, бегали по кустам – словно быстрые сухие сорняки. Теплый ветер дул вверх по склону и конденсировался в туман. Синептицы с лаем сновали у нас между ног. Листва на тропе стала мокрой и скользкой от тумана.

Я так устал, что едва мог передвигать ноги. Похоже, стекловарам было не намного лучше – но хотя бы у основных не осталось сил кого-то бить. Небо стало ясным, а потом – снова облачным. Мы вышли на луг с кружевной травой, которая пахла, как сельдерей, и я почувствовал еще более сильный голод. Тело Роланда переложили на спину другому работнику.

Тропа стала ровнее, и я оглянулся. Горы высились за лесом, красные скалы походили на стены, удерживающие облака, а лощины казались трещинами на этих стенах. Спуск от водопада Лейфа был бесконечным, и так же бесконечно нам придется карабкаться вверх отсюда, чтобы вернуться. Если мы вообще вернемся.

Мы пересекли несколько ручейков. Всюду рос чешуйчатый мох. Я опасался слизней – но увидел только жуков-плавунцов и массу водяных птиц. Стекловары хотели, чтобы мы шли быстрее, но, когда Мари попросила нас ускориться, Сосна только сказала:

– Пытаюсь.

Я не собирался ныть, как Сосна, но и быстрее идти не получалось. Несколько стекловаров убежали вперед, издавая свисты, щелчки и треск, как от ломающихся веток. Им в ответ доносился клич, который становился все громче и превратился в распев: «Конгари, конгари». В такт стучали барабаны. Мы почти на месте – чем бы это место ни было.

Тропа стала шире, а по обеим ее сторонам стояли древесные пни. Должно быть, близко поселок стекловаров – или даже целый город. Там найдется еда и питье и возможность отдохнуть и помыться. Кто-то будет уметь читать и писать, и Мари сможет осуществить свою дипломатическую миссию. Возможно, кто-то будет уметь играть на флейте. Кто-то объяснит, почему они сожгли Стивленда, разрушили дома у водопада и заставили нас идти так быстро, что Роланд упал и умер.

Но я не верил, что причина окажется достаточно веской.

А на поле оказался поселок стекловаров. Он оказался маленьким и серым, таким уродливым, что я поначалу принял его за район мастерских – но именно там они и жили, в двух дюжинах шатров такой же формы, что и купола Радужного города, только шатры были маленькие и сделанные из коры, шкур, ткани и соломенных циновок, потрепанных и жалких. Тут не было красок, не было радуг. Даже синептичий риф построен лучше их города!

Канг покачал головой сказал:

– Ох!

Другого сказать нельзя было.

Нас ждали стекловары – особей пятьдесят. Они побежали к нам, размахивая руками и скандируя так громко, что ушам стало больно. И барабаны стучали. Мы прошагали по полю с зеленой травой, покрытой белыми жуками, похожими на крупные снежинки. Ветер гнал на нас крепкую гнилостную вонь стекловаров. С каждым шагом скандирование и барабаны звучали все громче. Вскоре мне, как и Сосне, пришлось зажать уши. Кошка крепко свернула свои ушки и прикрыла нос лапками.

Когда они приблизились, я увидел пару самок: они оказались крупными, их головы были почти на уровне моих глаз. Некоторые стекловары были еще мельче, чем работники: их глаза находились где-то на уровне моих колен. Дети. У многих на спинах не было даже одеял, кое-кто хромал и имел нездоровый вид. Те, кто не участвовал в хоре, постоянно толкали друг друга, а двое даже столкнулись в явной ссоре.

Не мудрые, не величественные, не цивилизованные. Я осматривался, хоть и не знал, что именно хочу увидеть. Наверное, надеялся, что где-то прячется настоящий город.

Нас провели к шатру, который казался больше и лучше остальных: сделанные из молодых стволов опоры составляли купол, который был выше нас. Мари предположила, что это Дом Собраний. На земляном полу было несколько подстилок из коры и листьев. Какой-то работник сбросил у входа тело Роланда. Оно уже окоченело.

– Надеюсь, нас покормят, – проныла Сосна.

Вскоре с Клетчатым прибыли три самки. Я решил, что одна из самок старая: шерсть у нее была редкая, и она хромала. На всех были более новые и чистые одеяла.

Они стояли и смотрели на нас – а мы смотрели на них.

Мне хотелось сесть, но я не решился. Клетчатый начал какое-то объяснение, часто указывая на нас и на Роланда. Их свистки и щелчки ничего мне не говорили, а вот Мари его прервала,

проверещав:

– Чик!

Все уставились на нее, в том числе и те стекловары, которые остались снаружи и заглядывали в двери. Клетчатый повторил свое высказывание. Мари проверещала тот же звук. А потом она жестами и звуками попыталась сказать, что мы пришли из Радужного города. По крайней мере, так я это понял. После этого она с помощью своей фляжки попросила попить.

Одна из более молодых самок сказала что-то в ответ, Клетчатый поговорил еще, а потом они заорали друг на друга. Наконец молодая вроде бы разозлилась – и они все ушли. У входа остались охранники.

– Ты говоришь на стекловском, Мари?

Канг сел на землю подальше от тела Роланда.

Мари стала смотреть, где бы устроиться. Я уже сел на подстилку – на самом деле, почти рухнул на нее, настолько я устал. Я подвинулся, чтобы дать ей место.

– Я слушала, пока мы шли, и выучила несколько слов. Думаю, я сказала: «внимание» или «слушайте». Что-то в этом духе.

Работники пришли забрать тело Роланда, по-прежнему завернутое в его одеяло.

– А нам не надо им помешать? – спросила Сосна.

– И что мы станем с ним делать? – ответила Мари.

По четыре стекловара встали с каждой стороны тела и по одному у головы и ног, вроде бы досчитали до трех, подняли его – и ушли.

Мари тихо повторила отсчет. Ж-ж, ква, бульк. Она нашла эти слова у себя в словаре.

– Кажется, письмо у них фонетическое. Надеюсь. Это стало бы большим прорывом.

– Попроси еды, – сказала Сосна.

– Я попросила воды. Когда ее принесут, можно будет попросить еды.

Она попыталась улыбнуться, но была слишком усталой. Вскоре она задремала.

Кажется, я тоже спал. Спустя долгое время мне показалось, что я чую готовящееся мясо – может, горного медведя. Точно не скажу. Вонючие стекловары! Но воды они нам принесли.

– Гм. Может, пир после похорон, – предположил Канг.

– Казнь, – заявила Сосна. Кошка дремала у нее на коленях. – Они жестокие.

– Умираю от голода, – сказал я.

Проснулась Мари.

– Старайся выжить. – Она вытащила из рюкзака гребень и

начала возиться со своими волосами. – Нам нельзя их оскорблять. По крайней мере, без причины. У них странные привычки и, наверное, еще более странные правила.

– Они жестокие и примитивные! – посетовала Сосна.

– Это так. И это тревожит.

– Где-то должны быть настоящие стекловары, – сказал я. – Это какая-то подгруппа. Они отбились от основной группы или как-то так.

Мари кивнула.

– Возможно. Это очень огорчительно. Но они – стекловары, а у нас есть задание.

Мы выглянули наружу, но увидели только охрану и стену соседнего шатра.

– Похороны, – проговорила Мари. – Это будет проверка.

Судя по выражению ее лица, она была намерена пройти эту проверку во что бы то ни стало.

– Эти стекловары: посмотрите на их плечи, – сказал Канг. – Они двигаются вверх и вниз, а не в стороны, как у нас. – Он сделал движение, как для броска. – Два локтя. Руки у них слабые. Они вообще-то смогут копать, чтобы его похоронить? Или копаем мы, а?

Пара стекловаров прошла мимо шатра с хворостом.

– Я читала, – сказала Мари, – что некоторые земные народы сжигали своих мертвецов. Мы здесь, чтобы подружиться. Похоже, у них в этом опыта мало, так что нам надо подавать пример. Музыка, несколько слов… вы можете что-то сказать, если вы тронуты, конечно. Я скажу. Наше прощание, наши воспоминания, наша дружба. Подаем пример.

– А плакать можно? – спросила Сосна, снова бросая Мари вызов.

– Пожалуйста, плачь.

Когда Свет сел, группа работников явилась за нами, маршируя в такт. Они были с копьями, и их возглавлял Клетчатый и другой основной с барабаном, и я схватился за рюкзак с флейтами. Нас вывели на край поселения, где собрались все. В первом ряду стояли пять самок. Вонь от них почти перебила запах жарящегося мяса.

Я заглядывал в двери шатров, мимо которых мы проходили. Самым крупным предметом, который я увидел, оказались станки для тканья одеял. Ни мебели, ни чего-то еще, кроме нескольких жалких коробов и корзин.

Нас ждали два коврика, один почти новый, а второй – с горкой зеленых листьев.

– Садимся, – скомандовала Мари, и мы устроились на пустом

коврике.

Я прикидывал, на какой флейте играть – и какую мелодию. Нас окружали неподвижные лица стекловаров. Кто-то начал барабанить – звук доносился с той стороны, где готовили еду.

Я выбрал флейту с самым низким регистром и сыграл печальную песню старого дяди Хиггинса, в которой были слова насчет того, что прожил слишком долго и видел неудачи, которых не мог предотвратить. Идеально. Мари начала петь. При втором повторе к нам присоединились Сосна и Канг.

– Еще раз, – прошептала Мари.

Я сыграл с еще бо́льшим чувством. Роланд мне никогда не нравился – и именно поэтому мне будет его не хватать. Я отложил флейту.

Одна из самок, с темными завитками шерсти на спине, – та, что спорила тогда с Клетчатым, – повторила первые ноты мелодии хриплым свистом, почти взвизгиванием. Я снова сыграл первые семь нот, а потом протянул ей другую флейту. Она шагнула ближе и взяла ее. Я поднес свою флейту к губам. Она повторила движение, хотя у нее рот был вертикальным. Я выдул ноту, фа. Она подула, получив хрипловатую ноту. Повторила еще раз. Я зажал первое отверстие и выдул другую ноту, ми. Она повторила за мной. Так мы сыграли новые ноты, а потом – вместе, дуэтом – семь первых нот: фа, ми, до, ми, ре, до, ре.

Наконец, наконец-то я сыграл дуэт со стекловаром!

Я опустил флейту и серьезно поклонился. Вот только чувствовал я себя совсем иначе. Мне хотелось прыгать и кричать. Мы разделили музыку. Если мы смогли это сделать, то сможем сделать все что угодно. Они готовы, просто не знают как – Мари была права. Нам надо показывать пример. Мы многому можем их научить. Они даже не представляют себе, насколько многому.

Стекловар смотрела на меня своими большими невыразительными глазами. Она вернула мне флейту, но я не сомневался: мы еще сыграем. В этих стекловарах не все так плохо.

Если это похороны, то пора было хоронить Роланда, но мы не знали, где он. У нас не было лопат. Нам нужно было какое-то место, чтобы выкопать могилу. Ветер принес запах еды – и я был настолько голоден, что больше ни о чем сейчас и думать не мог.

В той стороне, где шла готовка, снова зазвучал барабан. Все расступились, пропуская нечто большое. От него поднимались облака пара. Зажаренная туша очень крупного зверя – возможно, фиппольва. Я никогда такого запаха не ощущал, но он был невероятно приятный. Я снова увидел ношу, которую несли сквозь толпу. Может, молодой лев.

– Медведь, – пробормотал Канг.

Я присмотрелся. Не медведь. Это было крупное животное с круглой головой и плоским туловищем: такого я не знал. Оно было зажарено до хрустящей золотистой корочки, которая блестела от жира. Толпа расступилась – и мне стало хорошо видно. Не лев – с такими-то длинными ногами.

Сосна взвыла, закрыла лицо руками и отвернулась. Голова лежала лицом вниз – и я опознал поджаристое золотистое ухо… человеческое ухо!

Рот у меня наполнился слюной, но не голодной, а той, что предваряет рвоту. Я вскочил и побежал прочь от толпы, зажимая рот ладонью, и упал на колени. Мари много раз повторяла о том, что надо быть примером. Надо было… как-то. Стекловары за мной наблюдают. Я вырвал из земли кусочек мха, делая ямку, и вытошнил в нее. У меня в желудке не было ничего, кроме желчи – горькой желтой жижи, приступ за приступом. Каждый раз, как мне казалось, что все, ветерок доносил… короче, доносил, и у меня снова сокращались мышцы.

Наконец желчь обожгла мне нос и лишила обоняния. Я выжидал, тяжело дыша. Я закончил, вытошнил все, абсолютно все. Я уложил мох на жижу и умыл лицо – растер слезы рукавом. Благодаря соли на губах во рту стало чуть чище.

Я встал. Стекловары скрипели и свистели. Сосна так и не отняла ладони от лица. Я заковылял к Роланду. Может, это не то, о чем я подумал? Нет. Я знаю, как выглядит зажаренная туша. Это должно было стать едой. Канг смотрел в землю. Мари стояла перед Клетчатым, и по ее лицу текли слезы. Я еще никогда не видел, чтобы она плакала. Никогда.

Та самка, которая играла на флейте, подошла и встала рядом с Клетчатым. Раскинув руки, она что-то сказала нам – и стала ждать ответа. Позади нее стекловары трещали между собой. Я посмотрел на Мари. Она вздохнула.

– Большое вам спасибо, – сказала она мягко, хотя ее лицо говорило совсем о другом. Она повернулась к стекловарам. – Числа – это мерило, и нас стало меньше. Мы пришли с миром, – продолжила она. – Мы останемся мирными, несмотря ни на что. Сейчас я должна хвалить Роланда. Он был таким, каким и должен быть фипп-мастер: притягательным и нежным и всегда, неизменно, уверенным – львом среди мужчин. Он был таким, каким должен быть член этой миссии, – готовым на все, чтобы устроить хорошую первую встречу наших народов. Он отдал все. Я буду предполагать, – проговорила она звучным голосом, хоть и продолжала плакать, – что у вас были добрые намерения. Я и правда верю, что вы поступали уважительно. Мы не можем принять вашу доброту, хоть и благодарим вас за нее. Думаю,

Роланд не будет покоиться мирно. Я точно не буду – все оставшиеся мне дни, сколько их ни будет. Могу только надеяться, что мы что-то построим на наших многочисленных недоразумениях. Не сомневаюсь, что мы вас озадачили. Мы и дальше будем так делать.

Она повернулась к нам.

– Най? Канг? Сосна? Вы хотите что-то добавить?

Сосна повернулась и послала Роланду воздушный поцелуй.

– От лица всех женщин Мира, – сказала она и, содрогнувшись, отвернулась.

Канг напряженно сказал:

– Он был добр к своим зверям. Всегда добр.

Я выпрямился, меня повело, но я все равно заговорил:

– Он не был другом. Обычно он раздражал, но он был хорошим фипп-мастером и старался быть дружелюбным, и мне будет его не хватать. Правда.

Мари взяла ложку, принесенную вместе с Роландом, и подошла к дружелюбной самке. Она изобразила процесс копания, издала какие-то стекловские звуки и попыталась показать, что ей нужно нечто вроде ложки, но большое.

– Мы его закопаем, – сказала она. – Нам всем будет проще, если вы принесете нам инструменты и выберете место.

После долгой суматохи и щелканья какая-то самка ударила основного. Опять крики – такие громкие, что ушам больно, – и размахивание руками и еще удары. Я посмотрел на Мари.

– Я ведь обещала их озадачить.

Но это было сказано не как шутка.

Какой-то работник наконец подбежал к нам с лопатой из панциря краба.

– Где? – спрашивала Мари снова и снова, указывая на разные места, и после новых споров Клетчатый указал на край той поляны, где мы стояли, – но вид у него был нерадостный.

– Начинай, – скомандовала она Кангу, а потом изобразила, будто пьет, и проверещала: – Чик!

И они все вздрогнули, и какой-то работник принес нам воды в ведрах из коры. Она показалась мне сладкой, необычайно сладкой, и я смыл изо рта и горла вкус желчи – и сразу понял, что рвоты больше не будет. Что-то из сказанного Мари изменило мои чувства, только я не понимал, что это было. Я сложил руку лодочкой и протянул воду кошке. Она попила – и отправилась помогать Кангу копать.

Очень скоро я его сменил. Мне необходимо было копать. Нужно было копать, чтобы не начать бить стекловаров по их неподвижным пучеглазым мордам. Не обязательно им было

оказаться настолько отвратительными. Не обязательно было жарить Роланда. Лопата врезалась во влажную землю. Стекловары продолжали орать друг на друга.

Если они нас боялись, то им следовало лучше с нами обращаться. Им следовало накормить нас, поговорить с нами, пойти с нами в Радужный город. Им следовало иметь свой собственный красивый город. Им не следовало сжигать Стивленда. Им следовало петь, а не верещать, а от их верещанья у меня уже голова заболела. Им следовало иметь котов и одежду, и им следовало быть понятными. Им не следовало бить друг друга… Сосна окликнула меня и указала: шесть основных подрались друг с другом, а потом две самки попытались их разнять и тоже начали орать и замахиваться кулаками друг на друга.

Мари наблюдала за всем этим так, что было понятно: она что-то узнает. Я снова начал копать. Стекловары совсем не похожи на то, ради чего я пришел. Они вонючие тупые дикари. А Роланд… то, что они сделали с Роландом, – это ужасно. Я все время думал об одном и том же.

Я запыхался. Кошка прервалась, чтобы пожевать какой-то корень. Стекловары продолжали орать, но уже не дрались.

Мари похлопала меня по плечу.

– Сосна немного покопает. Ей нужно чем-то себя занять, – негромко сказала она.

– А что, если они нас не отпустят?

– Думай про наше задание.

Однако, судя по ее голосу, она сама себе не верила.

– Думаю. Предполагалось, что мы подружимся. Но я не хочу.

– Понимаю. Думаю, что тоже не хочу иметь их в друзьях, но нам надо жить с ними в мире.

Мари сама закончила рыть могилу и достала оттуда кошку. Мы взялись за углы циновки, на которой лежал Роланд, и спустили его вниз. Падая, он развалился. Мари первой бросила на него землю, и ей принялась помогать кошка, сбрасывая землю в яму своими большими задними лапами. Я ушел к своему рюкзаку, достал серебряные бусины-семена, которые собирался принести назад, чтобы попытаться найти себе подружку, и посыпал ими Роланда.

Мы засыпали могилу землей до конца. Кошка попрыгала сверху, чтобы примять холмик. Мари повернулась обратно к стекловарам. Ссорившиеся разделились на две группы. Они принялись еще громче кричать друг на друга и на нас, размахивая руками. У некоторых были палки. Я огляделся, решая, куда бежать, если они нападут. Вот только они бегают быстрее нас. Я

держал свой рюкзак, словно щит.

– Чик! – крикнула Мари. Они начали затихать. – Чик! – повторила она и бросила на них такой взгляд, каким можно было бы огонь развести. – Спасибо, что не мешали. Уверена, что вы в недоумении. А мы в еще большем недоумении и так разочарованы, что я не смогла бы этого выразить, даже если бы мы говорили на одном языке. Это вряд ли изменится в ближайшее время, и меня это очень тревожит.

Она приказала мне снова играть. Мне не хотелось, но я все-таки повторил песню дяди Хиггинса, на этот раз позволив моим чувствам наполнять ноты. Прозвучало похоже на стекловаров – очень похоже, резко и немелодично. Нам не следовало сюда приходить. Вот о чем я играл: что провел слишком много времени не там, где надо, и увидел такое, о чем и знать не хотелось. Они не перестали спорить, даже пока я играл.

Пара работников принесла нам еду. Мари картинно их поблагодарила, хотя еды было немного: четыре плоские ореховые лепешки, миска рагу с луком и жесткими жуками-снежинками и корзинка с несколькими бархатными листьями и помидорами. Листья мы отдали кошке. Я совершенно не наелся.

– А они нас отпустят? – спросила Сосна. – Если мы в ближайшее время не пойдем обратно, то зимой через горы перебраться не сможем.

– Надеюсь, – откликнулась Мари. – Нам было поручено встретиться с ними и выразить нашу надежду на дружеские отношения.

– Мы это сделали, – заявил я.

– Да, сделали, – согласилась Мари.

Вид у нее был встревоженный – возможно, даже испуганный.

Как только с едой было покончено, нас отвели в небольшой шатер. Земля в нем была покрыта листьями лука.

– Духи, – буркнул Канг. – Для них.

Он покачал головой. Шатер не пропускал свежий воздух. Я слишком устал, чтобы заснуть, но лег на листья лука – и моментально заснул.

Когда я открыл глаза, Канг пользовался горшком. Запах стал еще хуже, чем раньше. Мари подсунула руку под клапан шатра и возилась, пока не достала до колышка, чтобы открыть его. Солнце вставало. Стражники, стоявшие снаружи, что-то сказали.

– Нам нужен свежий воздух! – отрезала она.

Я бы с ней не стал спорить.

– Шумно ночью, – сказал Канг. – Шумно сейчас.

До нас доносилось немало щелчков, визгов и скрипов. Похоже, они так и продолжали спорить.

Сосна выглянула наружу.

– Дождь, точно. Будет долгий дождь.

Кошка подъедала листья лука. Мне хотелось пить. Мари попросила – точнее, потребовала – воды, даже издала скрип, который, как она считала, означал воду.

Я унюхал древесный дым и поджаривающиеся орехи. Я снова хотел есть.

– Нам надо пойти и предупредить город, – сказала Сосна. – Стекловары опасны.

Мари не ответила.

Они не торопились с нами говорить. Кошка развлекалась, донимая охрану. В полдень три самки и Клетчатый явились с отрядом работников, вооруженных копьями.

– У нас проблема, – сказала Сосна.

Однако Мари вышла из шатра и приветствовала их так, словно они пришли с официальным визитом. Я пытался подражать ее уверенности и пристально смотрел на них – на этих вонючих идиотов.

– Подмечайте все, – распорядилась Мари. – Выясняйте все, что получится. Най, пересчитай их по головам.

Самка – та, что играла на флейте, – что-то объявила. Стекловары замолчали. Они жестами велели нам составить процессию: барабаны перед нами, барабаны за нами, все слишком громко. Кошка у меня на руках попыталась вывернуться, но я прижал ее крепче и закрыл ей уши. Я вел счет, пока нас вели через этот уродливый маленький поселок. Пять самок, примерно сорок основных, около шестидесяти работников, может, пятнадцать детей – но они быстро бегали туда-сюда, так что их пересчитать было сложно. Наверное, сто двадцать в целом – сто двадцать разочарований.

Шествие повернуло к тропе, ведущей из города обратно к горам. Нам пришлось быстро шагать, чтобы не отстать. Наконец они остановились на краю леса и указали вперед. Да! Они отправляют нас домой. Но у нас ведь ничего нет! Мы не сможем пройти такое расстояние, ничего не имея. Они посылают нас на смерть. Мари откашлялась.

Со стороны деревни раздался стук копыт: работники прискакали с нашими рюкзаками и вручили их нам. Они выдали Кангу наши фляжки, наполненные водой, а Мари – старенькую корзинку с лепешками.

– Нам надо отдариться, – сказала она.

– Кошкой, – сказал Канг. – Они хотят кошку.

Мари кивнула.

Я передал зверька, мягкого и теплого. Интересно: они станут

учиться у бедного животного или зажарят его?

– И еще одно, – сказал я.

Я вынул из своего рюкзака флейту и протянул ее той самке, которая тогда играла. Клетчатый выхватил ее, но она отняла ее обратно и заорала, размахивая ею, как дубинкой. Мне вдруг захотелось, чтобы они задохнулись и померли, пытаясь на ней играть, – если вообще будут пытаться.

Мари повернулась к ним, бесстрастная:

– Мы с удовольствием воспользовались вашим гостеприимством и искренне надеемся на новую встречу с вами. Я уверена, что нашим народам есть чему научить друг друга и со временем у нас установятся мирные и плодотворные взаимоотношения. Для меня было честью участвовать в этой миссии и встретиться со стекловарами лицом к лицу. Я выражу всеобщие чувства, сказав, что мы этого никогда не забудем.

Мне было интересно, во что из этого она сама верит. Я не верил ни единому слову.

Самка в ответ что-то просвистела, а потом повернулась спиной, и вторая самка тоже повернулась, а вот Клетчатый за нами наблюдал. Мы поняли намек и тронулись в путь. Далеко-далеко за деревьями поднимались красные стены гор, а небо было серым и мерзким.

Через два часа начал моросить дождь, а тропа стала круче, а еще через час мы нашли скальный козырек, который защитил нас от воды, текущей по склону. Женщины набрали хвороста. Канг сломал несколько веток и сделал стенку, прикрывавшую нас от холодного ветра.

Мы сгрудились у огня и съели немного хлеба.

– Мы свое дело сделали, – сказал Канг.

– Что? Да мы полностью провалились! – возмутилась Сосна и принялась перечислять все то, что пошло не так. – Из-за Мари… – начала она в какой-то момент.

– Мари молодец, – оборвал я ее. – Она никогда мне не нравилась, но это поручение было как раз для нее.

Мари находилась тут же, но я больше не мог терпеть нытья Сосны.

– Конечно, – добавил я, – очень многое пошло не так, и я ненавижу этих стекловаров.

Канг рыкнул, а я продолжил:

– Но я не думаю, что можно было сделать что-то по-другому. Мы старались подружиться. Очень старались. Чего еще надо?

Все молчали. Мари посмотрела на меня и после паузы кивнула. Дождь усилился.

– Мне хотелось, чтобы они оказались такими, как я ожидал, –

сказал я. – Вот что пошло не так. Они оказались совсем не такими, как мне хотелось бы. Они были не теми стекловарами, с которыми я рос.

– Мы многое узнали, – проговорила Мари. – Они – кочевники. Это был временный лагерь. Они избавились от нас, потому что мы их тормозили бы, а они и так едва держатся. А потом мы взяли и потратили столько мяса. Мы несовместимы. На данный момент.

– Но коммуникации не было! – проныла Сосна.

– Была. Они нас увидели. Увидели, что мы странные, но вредить им не будем.

– Столько трудов, чтобы это сказать! И они могут нам вредить.

– Им понравилась музыка, – напомнила Мари. – Музыка была успехом.

– Мне противно было им играть! – заявил я.

Поддавшись порыву – о чем никогда не стану жалеть, – я залез в свой рюкзак, вынул все мои флейты и сжег их. Никто не стал меня останавливать. Ошибка, вот чем был этот поход, и я сделал ошибку, захотев пойти. Одна ошибка, которую так легко было сделать – и которая обошлась так дорого. Я больше никогда не буду играть на флейте. Я больше не никогда захочу встретиться ни с одним стекловаром. Если у меня будут дети, я не позволю им играть в кукольных стекловаров.

Нас ждал долгий путь, и дорога будет тяжелая, холодная и унылая. И хуже всего будет возвращение в город, потому что нам придется рассказать всем, что случилось и каковы стекловары на самом деле.

Люсиль и стивленд год 107 – поколение 7

Именем этой планеты и этого Содружества станет Мир, как вечное напоминание о наших стремлениях.

Из Конституции Мирного Содружества

Люсиль

Вот черт! Сосна вошла в центр даров прямо за мной.

– Люсиль, – буркнула она, не поздоровавшись и не улыбнувшись.

Что за ящерица ей в печенку залезла?

– Хорошая погода сегодня, – сказала я.

Слова эхом разнеслись по куполу центра даров, а я нырнула в кабинку и задвинула соломенную ширму. Я сидела там, голым задом на холодном керамическом сиденье: хорошая погода, если любишь холод. Мы с ней с каждым днем нравились друг другу все меньше. Понятное дело: никто не любит проигрывать. Неделю назад я победила на выборах ко-модератора, а она – нет.

Я подумала, что если потороплюсь, то успею уйти, пока она еще будет в кабинке, но услышала, как она отодвигает свою ширму, пока я еще застегивала штаны. Весна выдалась сухая, а значит, подземных вод было мало, а значит, в центре воняло говном, но все равно я подожду, чтобы она ушла. Тогда я смогу вернуться на похороны Татьяны и думать о том, что делать дальше.

Не судьба.

– Заметила, что Стивленд сказал про Татьяну? – сказала она. И она точно ко мне обращалась, потому что больше тут никого не было. – Он сказал, что она с ним спорила и даже на него злилась. Подумай об этом, – и, не дав мне времени подумать, добавила: – Она была с ним жесткой. Это – одна из обязанностей: следить, чтобы он был ответственным и благоразумным.

Перевод: и ты изволь делать так же, девица.

Я решила перевязать узел на ремне. Ремень был старым, конечно – на похороны надо надевать старую одежду, – и плохо лежал. Я отозвалась – благоразумно:

– Поразительно, что он уронил на ее могилу цветы.

Перевод: между ними было больше того, что ты знаешь.

Я выглянула за ширму: Сосна стояла в свете масляной лампы и уходить не собиралась. Черт!

– Знаешь, – сказала она, – Стивленд считает, что это он должен был найти стекловаров, а не мы. Все должен делать именно он.

Совершенно верно. Эго у Стивленда размером с гору. Что даже мило. Узел у меня на ремне лучше уже не ляжет, шнуровка на старом, выгоревшем жилете затянута, нож из-под него не видно, носки подтянуты, и штопка натирает пятки, воротник никогда не лежит ровно, что бы я ни делала, и, если я останусь в

кабинке, это будет выглядеть так, будто я ее избегаю. Я улыбнулась и вышла.

– Вот в чем проблема с нашей обороной, – не успокаивалась она, стоя у раковины из панциря краба. – Нам ведь нужна оборона, так? – Она наставила на меня палец: отвечай, если посмеешь.

– Ну, всегда полезно быть готовыми, – посмела я ответить.

Не все были с этим согласны, но существует масса опасных животных, так что оборона не помешает, даже если стекловары не воинственны, – а кто считал иначе? Ну, кое-кто считал. Я пробралась к раковине, чтобы вымыть руки. Она почти перегородила мне дорогу, и хотя она была всего на десять лет старше меня, но каким-то образом создавала впечатление, что гораздо старше.

– Наша оборона должна базироваться на том, что можем делать мы, – не унималась она, – а не на том, что может сделать для нас Стивленд. – Она продолжала трясти пальцем, так что старые похоронные бусины гремели. – Конечно, он – ее часть. Его аванпосты, его наблюдение, его предупреждение – все это важно. Но на что он способен во время самого нападения? По-моему, он вообще не понимает наступательных действий. Он думает только: защита, защита, оборона – а этого мало.

– Ну, нам надо уравновешивать его идеи. Он только за. Равновесие, равновесие, баланс.

Я решила, что руки у меня не грязные, и быстро их сполоснула. Мы много раз обсуждали оборону всем комитетом, так с чего поднимать этот вопрос сейчас?

Она перегнулась через раковину ко мне:

– Нам нужны отработки. Тренировки. Как бы при реальном нападении.

– Ну, можно будет снова об этом поговорить.

Опять будет гора дебатов.

– Не просто оборона, – сказала она. – Атака. Как при Битве Хиггинса.

– И в атаке будут участвовать львы?

– Серьезнее!

Она шуток никогда не понимала.

– Полная и всеобщая подготовка, – потребовала она. – С атакой.

Вошла Мари. Ее Сосна не любила еще сильнее, чем меня. Я старалась сохранить серьезность:

– Это в повестке дня следующего заседания.

Стекловары всегда были в повестке дня.

– Отлично. – Она повернулась и увидела Мари. – Да,

тренировочная контратака на стекловаров, на тот случай если следующая встреча не станет успехом дипломатии.

Мари была достаточно дипломатична, чтобы игнорировать то, что следует игнорировать. Хотелось бы надеяться.

– Что скажешь, Мари? – обратилась к ней Сосна.

Мари посмотрела ей в глаза:

– Я бы надеялась на успех.

Мари заметно постарела с того момента, когда отправилась с миссией. Она похудела во время возвращения прошлой осенью – они все четверо похудели – и теперь стала ярко-зеленой: такой цвет получается, когда краска ложится на чистую седину. Она вздохнула. Это был старый и надоевший спор. Сосна всю зиму твердила, что на самом деле мы ничего не знаем про стекловаров, не считая того, что у них есть оружие и они жестоко обращаются друг с другом, а это значит, что они готовы воевать. Мари возражала, что мы получили более реалистичный взгляд на них и, конечно, нам надо защищать себя, и в особенности Стивленда, но нам не нужна агрессия, поскольку агрессивные планы облегчат совершение агрессивных действий.

Они прекратили ссориться только на то время, пока Татьяна вручала орлиные перья членам миссии, включая Роланда. Его перо выставлено в музее.

И здесь, в центре даров, Сосна сказала Мари:

– Дети стали меньше играть с кукольными стекловарами.

Ее голос так и сочился ехидством.

– Это неплохо, – ответила она негромко. – Не будем ожидать многого.

– Они перестали быть нашими особенными друзьями, – заявила Сосна.

– Терять друга больно.

Я вмешалась, максимально весело и дружелюбно:

– При следующий встрече мы постараемся с ними подружиться.

Моя кампания шла под лозунгом: «В следующий раз – друзья!» Сосна резко повернулась и посмотрела на меня так, что стало ясно: об этом говорить не следовало.

– Надо так и сделать. – Мари вздохнула. – Всем нам надо. Почти все у нас по-прежнему хотят дружить.

Перевод: кандидат за дружбу, Люсиль, победила со значительным большинством голосов, а ты – нет. Она попыталась пройти мимо Сосны.

– Тогда им следовало бы голосовать за тебя, – заявила Сосна.

Перевод: Мари тоже выдвигалась на пост ко-модератора, но за нее почти никто не голосовал. Что странно.

Она долго смотрела на Сосну, а потом снова вздохнула и сказала:

– У меня почечная недостаточность, интерстициальный нефрит. До нашей следующей встречи со стекловарами я вряд ли доживу. Я попросила своих сторонников голосовать за Люсиль.

– Что?! – вопросила я.

Никакого более умного вопроса мне в этот момент в голову не пришло.

– Ты – хорошая альтернатива, – сказала Мари и ушла в кабинку.

Сосна посмотрела на меня без всякого дружелюбия.

– Тренировка! – бросила она и ушла.

– Ты сказала им голосовать за меня? – спросила я у Мари.

– Ты все равно победила бы, – отозвалась она.

Весьма дипломатичный ответ.

– О! – вырвалось у меня (еще одно умное высказывание).

Я выждала минуту, чтобы Сосна успела уйти подальше, а потом отправилась обратно на поминки по Татьяне.

Мы знали, что Татьяна умирает. Мы видели ее обнаженной на весеннем празднике, когда она объявила, что уходит на покой. Она с трудом передвигалась даже с двумя палками, тощая, как палка, – но с распухшими от инфекции суставами. Там она сожгла на костре кресло модератора – настоящее. Это всех поразило.

А меня поразила моя победа на выборах ко-модератора: я выставила свою кандидатуру просто потому, что учу – учила – дошколят и решила показать им, как проходят выборы.

– Надо смотреть очень далеко вперед, – сказала я ребятишкам. – Надо голосовать за человека опытного и зрелого.

Они покивали головенками, вроде бы понимая, – и что они взяли и сделали? Ну, это было пятнадцать головенок, а вечером в день выборов мы набились на скамьи в Доме Собраний задница к заднице и смотрели, как избирательная комиссия достает из урны красивые листочки, зачитывая вслух и раскладывая по кучкам.

– Люсиль. Люсиль. Сосна. Люсиль. Флора. Люсиль. Люсиль. Бартоломью. Люсиль. Мари. Люсиль. Люсиль. Люсиль…

Я проголосовала за Мари. За меня отдали почти двести голосов.

Теперь Татьяна больше не будет давать мне советы. Если я вернусь в Дом Собраний, там будет тихая музыка и масса разговоров. Кто голосовал за меня потому, что так сказала Мари? Наверное, Маргарита. И Канг, и Най (Най вернулся с дипломатической миссии пугающе другим: тихим, серьезным. Никаких больше споров, никаких флейт). Новый фипп-мастер, Монте, – за кого он голосовал? Он провел вечер с котами и

ребятней, помогая им репетировать танцы. Он такой молчаливый и терпеливый, что никогда не знаешь, о чем он думает. Хатор и Форрест – они наверняка были за Сосну. Мои родители? Не знаю… Двести голосов за меня: мне не разобраться.

Я попыталась. После выборов я помогла Татьяне дойти до дома и спросила:

– Почему голосовали за меня?

Она сделала еще несколько медленных, мучительных шагов.

– Когда-то давно Октаво сказал, что миряне – большие фиппокоты. Идеальный мирянин веселый и предупредительный. Счастливый. Мягкий. Это ты, Люсиль, – самая большая фиппокошка города. Именно такими все хотят быть. Хотят, чтобы стекловарам нас представляла фиппокошка.

– Ну, спасибо. Ну, то есть…

– И ты молодая. Тебя надолго хватит. Выборы нарушают сложившийся порядок, так что их не любят.

– Ну… ага. – Я оказалась первым ребенком Поколения 7 – намного старше всех остальных в моем поколении – и едва достигла того возраста, когда можно стать ко-модератором. Как только я достигла переходного возраста (целомудренно, надо добавить, потому что ровесников у меня не было), я решила, что особенностью нашего поколения будет раскрашенное лицо, и раскрашивалась только так: каждый день новыми цветами и узорами. – Мне придется бросить преподавание?

– У тебя будет слишком много дел, чтобы еще и учительствовать, – ответила Татьяна. Мы добрались до ее дома, и она погладила меня по щеке сухой и холодной ладонью. – Возвращайся на праздник выборов. Выпей побольше трюфеля. Твои проблемы начнутся завтра.

Но «завтра» на самом деле наступило только сегодня, неделю спустя – в день ее смерти. Теперь Дом Собраний был полон проблем. Вот мои завтра и начались. Так что вместо того, чтобы возвращаться на поминки, я решила пойти в оранжерею и оставила дверь открытой, чтобы наш со Стивлендом разговор не был тайной.

Я села и устроила ноги на столе.

– Эй, ты на похоронах сказал очень хорошие слова.

Через секунду на его стволе появились слова:

«Приветствую, Люсиль. На похоронах принято говорить искренне».

(Он сказал: «У меня словно отняли рощу. Только она со мной спорила. Только она на меня сердилась. Это было осуществлением равенства несравненной красоты и осмысления. Мы с ней не были друзьями. Полагаю, она меня не любила – но

всегда была готова пытаться меня учить. Благодаря ей я стал лучше как мирянин».)

– Татьяна всех нас учила, – сказала я и добавила: – Сосна хочет устроить тренировку на случай атаки стекловаров.

«Вот как. Татьяна научила меня стремиться к мутуализму со стекловарами, что стало бы цивилизованным подходом, а не замыкаться в моих страхах и обидах, и я намерен агрессивно преследовать цивилизованность. Вместе мы можем уравновешивать, мы с Сосной. Как и с тобой. Ты оптимист, и у тебя хорошие навыки социализации, что мне не дается, естественно, и что важно для установления дружбы со стекловарами и преодоления страхов мирян».

Перевод: я должна помочь ему в отношении Сосны. Как будто я могу.

– Ага, я большая фиппокошка.

«Да. Люди и фиппокоты – это общественные животные, которые избегают жестокостей и агрессии, а стекловары явно тоже общественны. Полагаю, именно поэтому у Сосны мало сторонников».

Люди не жестоки? Ну-ну, если он так считает… Татьяна выдала мне стальной нож и неприятный урок истории. Джерси была не первой убийцей на Мире. Но это не значит, что Сосна права, так ведь?

За кого проголосовал Стивленд? Да, он должен был знать насчет Мари: он ведь следит за здоровьем каждого.

Однако сейчас он решил снова говорить о пропаже дальних аванпостов. Каждый раз, когда пару дней от одного из них не было вестей, он начинал паниковать, даже если проблема заключалась просто в том, что ветер нес пыльцу не в том направлении. Впрочем, его можно было понять. Я боюсь слизней и раков, он боится пожаров и еще много чего. Татьяна сказала, что он несчастлив, что даже не умеет быть счастливым – а учить счастью не ей. И вот теперь она ушла, оставила меня.

Фиппокоты веселятся, несмотря ни на что. Я выслушала его и сказала, что дружелюбные стекловары не станут поджигать мирян. Надо надеяться, он успокоился. У меня было такое ощущение, будто от меня слишком многое зависит. Я пожелала ему «воды и солнца» и ушла домой.

На следующее утро я покрасила лицо в фиппокотовый зеленый и пошла в Дом Собраний практиковаться в стекловских звуках со Стивлендом и Мари. Солнце ярко светило сквозь крышу, разбрасывая цветные пятна. Большую часть следов вчерашних поминок уже убрали. Некоторые произведения Гарри по-прежнему украшали помещение. Мы с Мари сели за стол. Я

хотела было спросить про выборы, но потом решила – я ведь победила, так? Я сделала глубокий вдох. Татьяна говорила, что у меня получается подражать стекловарам потому, что я не боюсь выставить себя дурой. Во время миссии Мари выучила немного стекловского, а мне рано или поздно понадобится говорить со стекловарами.

– Ааах какк виууу! – проорала я, а потом захохотала: наверное, вспугнула всех летучих мышей города. – Ну как?

– Повтори-ка еще раз «какк», – сказала она. – Кажется, у тебя наконец получилось.

– Какк! Какк! Какк! Какк!

– Точно. Как тебе это удается?

– Не знаю.

«Надо перекрыть глотку и толкать диафрагмой», – объяснил Стивленд.

– Откуда ты знаешь? – удивилась я.

«Чтобы понимать человеческую речь, надо было разобраться с вашими способами вокализации. Я отвел под это один из корней, а сейчас мне предстоит это сделать для звучащего стекловского».

– Корни! Мне бы стекловский корень. Мне надо побыстрее выучить стекловский. Мы не сможем подружиться, если не сможем разговаривать.

«Уточняю. Ты хочешь получить стекловский голос. Вокализация растениям не свойственна. Растениям свойственны хромопласты, и с должным привоем тебе уже не пришлось бы раскрашивать лицо. Могу предложить тебе радугу цветов».

Я ненадолго задумалась.

– Ты вырастил корень юмора?

«Ты говорила, что это будет поучительно, и ты была права».

– О!

В какой-то момент я посоветовала ему стать веселее и отрастить себе корень юмора, но поскольку в тот момент у него корня юмора не было, то, похоже, он не понял, что это было сказано в шутку.

Я сказала:

– А как насчет «аааах»? Ааах! Ааах! Я уже вроде как пержу, а не сру?

«Я даров не получал», – откликнулся Стивленд.

Корень юмора в действии.

– Сильнее напрягай голосовые связки, – предложила Мари.

– Модераторы, прошу прощения! – обратился к нам от двери Карл.

Уже вернулся? Да, а у него за спиной стояло десятка два людей. Он – наш главный разведчик, ловкий, как кот, и нервный,

как птица, низкий и смуглый. Он способен идти сорок часов без отдыха, знает, что находится за поворотом тропы, на которой оказался в первый раз, и способен незаметно подкрасться к сове. Этим утром он отправился в путь, чтобы пройти по речной долине до самого моря. Это была бы трехнедельная вылазка – якобы для подготовки экспедиции по заготовке соли, хотя все знали, что искать он будет не соль.

– Карл! – сказала я, а потом, чтобы играть свою роль веселого кота, повторила как ккак: – Ккарл! Заходи. Как нам! Доклад! Рассказывай про океан. Все такой же мокрый? Все такой же большой? Ккак поживает соль? Ккак здорово, что ты вернулся. И так быстро. Все, кк нааам!

Он снял шляпу и вошел – потный, в тяжелых походных сапогах и маскировочном плаще. Остальные шли за ним, тихо переговариваясь, потому что знали, что он скажет. Ну, явно же что-то про стекловаров. Он сел за стол совещаний, чтобы сделать официальный доклад, – пальцы его по-птичьи нервно барабанили по столешнице. Вбежавшая Сосна остановилась в первом ряду. При ней уже был лук и колчан со стрелами, так что было ясно, чего она ожидает.

(Посланцы не заметили у стекловаров луков и стрел, и по возвращении она тренировалась, пока не научилась точно класть стрелу за двести шагов, и всегда ходила в безрукавках, хвастаясь мускулистыми руками.)

– Стекловары здесь, – сказал Карл.

Стекловары!

Я по-кошачьи широко улыбнулась… потому что не знала, что еще делать. Все полностью затихли – и я тоже, внешне, только тишина была неспокойной. Вот только демонстрировать это было нельзя.

Он сказал:

– Они в долине под водопадом. Я видел… ну, думаю, сотню, с массой имущества, готовых подниматься по обрыву. Я обратно бежал, но они двигаются быстро. Будут здесь с минуты на минуту.

Все посмотрели на меня – а я должна была задавать тон. Сотня? Мы рассчитывали на посольство, типа с полдюжины, но даже к этому еще не были готовы. Однако тон… серьезный и спокойный. Фальшивое спокойствие подойдет.

– Ну… – начала я.

– Отзови всех в город! – крикнула Сосна.

– Ну, – повторила попытку я, – это…

– Это слишком много, – прервала она меня, – и они двигаются слишком быстро. Если они недружелюбны, нам надо быть готовыми.

– Я…

– Миролюбие – это прекрасно, но сейчас не время рисковать…

– Стивленд, – негромко спросила Мари, – костры?

– У меня нет корней восточнее разлома, из-за которого возник водопад. У меня нет наблюдений.

– Наконец-то мы с ними встретимся! – ликовала Маргарита.

– Только не сотня! – возмутилась Хатор. – При их-то запахе!

– Но мы ведь хотим с ними встретиться, верно? – сказала Невада. – Они создали этот город. Они имеют на него права. А если мы в нем запремся, это будет недружелюбно!

Мари толкнула меня локтем:

– Сотня – это целый поселок, если это те же стекловары, с которыми мы встречались.

– Ну, да.

Веселая, игривая, предупредительная… вот зачем это сейчас, когда все спорят. Надо было избрать Мари. Все смотрели на меня: вроде как я должна знать, что делать.

– Что мы будем делать? – тихо спросила я у Мари.

– Еще есть время отправить послов, – ответила она так же тихо. – Наших. Созывай всех так, как будто это нападение орлов, а некоторые из нас могут пойти их встретить.

«Поддерживаю», – написал ствол Стивленда.

Я встала.

– Так. План таков: все в город, а потом высылаем посольство.

– В город? – взвыла Маргарита. – Но мы хотим с ними встретиться!

Сосна не скрывала презрения:

– Еще одна дипломатическая миссия!

– Вот именно, – сказала я. – И если она будет удачной, то мы все познакомимся со стекловарами, но сотня – это же целая деревня, так? Если это те же самые стекловары.

Сосна выпучила глаза. Перевод: она об этом не подумала.

– А теперь – все в город! Эй, они воняют и их сотня, так что надо осторожнее, понятно? – Кое-кто начал кивать. – Стекловары идут! Готовимся! Ккак! Ккак! Ккак!

Я ухмыльнулась, как довольный фипп… Какая ложь! Я чувствовала себя… ну, вообще непонятно, как я себя чувствовала.

Люди пришли в действие. Мы знали, как готовиться к атаке орлов. Все по домам – это первый шаг. Горны сыграли призыв возвращаться в город, команды фермеров бросились бежать, обученные летучие мыши отправились на разведку.

Я собрала наших дипломатов. Стивленд приказал чертополохам вокруг своих рощ быть начеку. Команды тащили в

город дрова, лодки и все ценности, хранившиеся на складах и в мастерских вне городских стен. Монте бросился к львиной стае, которая паслась в нескольких километрах на северо-западе. Мы будем общаться с ним с помощью дымовых сигналов и летучих мышей, приученных доставлять сообщение за кормежку.

Стекловары идут! Дружелюбные? Терпимые? Или это опять станет чертовым разочарованием? Мы ждали этого со времен Сильвии, и предания – если можно верить преданиям о ней – говорили, что она заплакала, когда увидела Радужный город в руинах и поняла, что ей с ними никогда не встретиться. И вот сейчас мы встретимся с целой деревней. Я надеялась, что они окажутся славными – хотя бы для того, чтобы мне больше не понадобилось иметь дело с Сосной.

Большинство людей ждали на стенах. Мы, дипломаты, ждали за городом у речного обрыва: Мари, Канг, Бартоломью, Карл, еще пара членов комитета и я. Сосна осталась где-то на стене.

Стена. Высотой почти два метра – она не пропускала гадкую мелочь, но орлы могли через нее перескочить, и некоторые виды оленьих крабов… и, возможно, стекловары тоже. Мы отремонтировали стену и добавили укрытия для лучников, но Сосна хотела большего – и в кои-то веки, наверное, была права, но времени еще что-то сделать у нас не оказалось.

Снаружи, на обрыве, я ждала и смотрела вниз и по сторонам. Блестящие золотые тюльпаны цвели на влажных полях у реки, скоро они выпустят листья. На обрывах по обоим берегам реки, за дорогами, прорастали зерновые и хлопок, а чечевичные деревья украшали окрестности, словно лиловый горошек на ткани. Мы выращивали эти деревья на расстоянии друг от друга, чтобы, пока мы останавливаем нападение скорпионов, пострадало только одно. На всех деревьях и кустах распустилась светлая молодая листва и на изгородях из снежной лианы у берега тоже. То тут, то там росли рощи радужного бамбука. Все было красивым, ухоженным и многообещающим. Интересно, стекловарам понравится?

Мари стояла рядом со мной, и у нее на ресницах дрожали слезы. Я бы обняла ее – но меня опередил Канг, положивший руку ей на плечи. Най находился в оранжерее, чтобы передавать послания от Стивленда: он не желал видеть стекловаров, и его можно было понять.

Он крикнул:

– Стекловары у старого аванпоста… Дальше вверх по течению… у скального гребня. Мне внимания не уделяют.

Перевод: меня не пытаются сжечь. У Ная в голосе прозвучало облегчение.

Я нащупала под рубашкой стальной нож – Татьяна сказала, что с ним она чувствует себя храбрее. По правде говоря, мне не хотелось чувствовать себя храброй. Мне хотелось прыгать по-фиппокотовски, не имея никаких тревог. Позади нас закрывались ворота, и большие опоры гремели смазанными пазами, а засовы задвигались со стуком, рассылавшим вибрацию по стенам из камня и кирпича.

Я прислушалась.

– Стекловары шумны, так ведь? – спросила я у Канга и Мари.

Они кивнули. Мы ничего не слышали. Наконец над нами пронеслась летучая мышь.

– Большое животное, животное идет!

Многие на стенах начали кричать.

Мне с земли их не видно было.

– Где? – громко спросила я.

– На дороге к речному обрыву, – ответил кто-то. – Они что-то несут: большой ящик. – На стене снова закричали и замахали руками. Я узнала голос Маргариты: «Чик-оо!» Мы решили, что это слово значит что-то вроде «привет».

Я сощурилась, чтобы лучше видеть: в полукилометре оказалось трое или четверо стекловаров – в том месте, где дорога проходит между двумя деревьями. Они не двигались. Ящик был большой – туда даже фипполев поместился бы.

– Боятся, – буркнул Канг. – Видят нас, большой город, люди кричат.

Он начал махать рукой. Я тоже помахала и крикнула:

– Чик-оо!

Дружелюбная, не страшная, не испуганная.

Они вроде как скучковались (похоже, совещания бывают у всех), а потом подняли ящик, по одному на каждый угол – и побежали в нашу сторону. Они двигались быстро, широко расставляя ноги с двумя суставами, как куклы, которыми я в детстве играла. Из касты основных.

– Есть знакомые? – спросила я.

– Гм-м… Не знаю, – ответил Канг. – Давайте помашем.

– Это ведь посольство, так? Только четверо этих типов и ящик. Ничего такого.

Стекловары внезапно остановились, поставили ящик, что-то нам проверещали и умчались с быстротой молнии. Задача выполнена: ящик доставлен.

– На ящике надпись, – сказала Мари. – Я надеялась, что хоть кто-то из них умеет читать.

– Давайте пойдем и прочтем, – предложила я.

На стене начался спор насчет того, открывать ли ворота.

Сосна орала, что нет. Я решила прикинуться глухой и продолжила идти, изображая спокойствие… и много ли от него пользы? Дипломатия сильно полагается на ложь. Мари мне это уже объяснила. Ворота остались закрытыми.

Когда мы почти дошли, Мари сказала:

– «Город дружба дар». Это нам. Видите?

Послание было написано грязью на одной из боковин ящика. Крышка была открыта. Мы подошли ближе и наклонились, чтобы заглянуть внутрь. В ящике ерзало тридцать или сорок фиппокотов. Они все посмотрели на нас. Сверху была решетка, не дававшая им выпрыгнуть, но один из котов подпрыгнул, ухватился на перемычку передними лапами и какое-то время так висел. Карл крикнул в сторону города:

– Коты!

– Почему коты? – вопросила Мари.

Я хотела ответить: «Потому что это дружелюбно», но вдруг расчихалась.

Най орал от города:

– Это не дар! Не вносите его в город! Не прикасайтесь.

Я попятилась, чтобы не чихать на котов и помахала Наю в знак того, что я услышала.

– Странно пахнет, – заметил Канг.

– Люсиль! – крикнул Най. – Иди говорить со Стивлендом!

Я побежала обратно в город. Мне спустили лестницу, чтобы я поднялась на стену, а потом я слезла и пошла в оранжерею, стараясь не замечать тех, кто смотрел на меня широко открытыми глазами, полными сомнений. Най сидел внутри, подпирая голову руками и с серым лицом смотрел на ствол Стивленда. Меня уже дожидались его слова.

«Подозреваю, что фиппокотов использовали таким же образом, каким крабы инфицируют синептичий риф личинками слизней, чтобы уничтожить птиц, – сообщил Стивленд. – Подчеркиваю, что я только подозреваю. Я точно не знаю».

– Они думают, что коты нас съедят? – удивилась я.

«Вы могли бы съесть котов. А еще яд может впитываться в кожу или попадать с дыханием. Или фиппокоты могут быть заражены какой-то болезнью. – Слова появлялись быстро. – Но яд может на вас не подействовать. Яды видоспецифичны, а у них нет знаний о вашей физиологии. Я ничего не могу утверждать точно. Я даже не знаю, отравлены ли они. Я считаю, что котов брать в город не следует, но не знаю, почему я так думаю. Я экстраполирую поведение крабов, однако поведение других животных может оказаться более параллельным. Я не демонстрирую идеального поведения модератора, ибо питаю

эмоциональное предубеждение против стекловаров. Но если поведение стекловаров безобидно, то…»

Его понесло, так что я прервала этот лепет:

– Еще что-то подозрительное видел?

«Они ждут в отдалении, все еще скрываются за лесом. По моим оценкам, их сотня – видимо, полная социальная единица. Представлены все касты и возрасты, с возможно чрезмерным количеством неразмножающихся каст и недостаточным представительством молоди, как было и в деревне, которую обнаружило посольство. У них явные внутренние разногласия. Возможно, это та же группа. Она тоже была негармоничной».

– Им не обязательно дружить друг с другом – главное, чтобы дружили с нами.

«Интересная идея. Возможности диалога могут зависеть от того, отравлены ли фиппокоты. Мне хотелось бы проанализировать тех котов, но не знаю, как это осуществить».

– Я от тех котов расчихалась. Канг сказал, что они странно пахнут.

«Ваше обоняние – это ограниченный, но эффективный метод химического анализа».

– Ну, и что мы будем делать? Не хотелось бы проявлять недружелюбие.

«Короткое ожидание может многое нам сказать. Меня печалит то, что такая реакция представляется уместной».

Я вышла из оранжереи, поднялась и спустилась по лестницам у городской стены, подбежала к ящику и начала говорить с нашими дипломатами. Ожидание оказалось непопулярной идеей, определенно.

– Кто бы стал травить котов? – возмутился Карл.

– Это может показаться невежливым, – сказал Бартоломью.

Сосна прибежала следом за мной, и ее глаза меня напугали.

– Я так и знала! Это ведь был их город, так? Мы – просто странные звери, которых надо вычистить. Это совершенно логично. Но теперь это наш город!

Мы послали за Флорой, нашим ветеринарным медиком: пусть она проверит котов.

– Они вялые, – сразу же сказала она. – Это плохо.

Стивленд через крики Ная из города передал, что стекловары продолжают наблюдать за нами из леса.

– Их реакция на наш отказ от их дара может сказать нам больше, чем анализ фиппокотов.

Интонации Ная намекали на то, что вскоре произойдет нечто нехорошее.

– Смотрите, – сказала ветеринар, – поверхностное дыхание.

– У нас большие проблемы, – заявила Сосна. – Люсиль, мы должны быть наготове. Зря мы не тренировались.

Ветеринар сказала:

– У них кровь идет носом.

Мари заплакала.

Я коснулась жилета в том месте, где под ним прятала нож. Мое избрание оказалось ошибкой, но я не смогу вернуться на неделю назад и это изменить. Что бы сделала Татьяна?

– Давайте уйдем в город и начнем готовиться.

Слова не имеют вкуса, да? У этих был вкус дерьма.

Сначала мне показалось, что против меня взбунтуются, как это когда-то сделала Сильвия.

– Готовиться к чему? Ты обещала дружбу!

А потом Маргарита спустилась по лестнице и побежала посмотреть на котов. Она вернулась с таким плачем, что очень многие передумали.

– Эти бедняжки! Ох, как бы я хотела им помочь. Но уже слишком поздно. Нам надо спасаться самим!

«Стекловары готовятся выдвигаться, – объявил Стивленд. – Мне грустно, грустно, что они вернулись. Мы нашли счастье в нашей коммуне, нельзя допустить, чтобы они заменили его варварством».

Это никому настроения не повысило. Родители стали разгонять детей по домам.

Зеленки и Бусины начали с криком выяснять, как это можно было предотвратить: Бусины на стене, Зеленки под ней. Мне надо было прекратить бессмысленный спор, и я сказала:

– Эй, если мы им покажем, что им не победить, то им придется начать переговоры, так?

– И как мы это покажем? – не поняла Маргарита.

– С помощью стрел, дура, – ответил кто-то из Бусин.

– Я не собираюсь убивать стекловаров! – крикнул кто-то из Зеленок.

– А придется. Если бы мы были готовы… – отозвался еще кто-то из Бусин.

Сосна прибежала поучаствовать в споре.

– Я помогал строить стену, – возмутился Зеленка, – нечего меня обвинять.

Лидерство. Ну-ка…

– Давайте возьмем тупые стрелы, ладно? – вмешалась я. – По крайней мере, поначалу.

– Что? – возмутилась Сосна. – И что это докажет?

– О, отличная мысль, – согласился молодой Зеленка. – Люсиль права. Тупые стрелы! Мы могли бы их ранить, но не

стали.

– А если они продолжат нападать? – спросила Сосна.

– Если сразу сделаем все правильно, – заявила я, – то они поймут, что мы хотим дружить.

И так далее и тому подобное. Именно так мне наконец удалось всех загнать на стены и приготовиться – и мы едва успели.

Стивленд, летучие мыши и зоркие дежурные на стене сообщили, что стекловары крадутся по лесу – во множестве. Мы слышали пронзительный стекловский, и он становился все громче… А потом появились они. Двадцать или тридцать основных пробежали по берегу, и я заорала им: «Чек-оо!» Может, это было неподходящее приветствие, но я хотела дать им знать, что мы их заметили.

Они не приблизились к городу, а со всей скоростью перебежали по мосту на другой берег, чтобы устроить лагерь. Не идеальное место, но они у нас не спросили.

Стекловары продолжали выскакивать из леса и сбрасывать тяжелые переметные корзины у своего нового лагеря. Некоторые начали осматривать детский цветник вокруг статуи Хиггинса, которая отмечает то место, где он сразился с орлами. Ветер принес их запах. Даже с такого большого расстояния от них воняло гнилью.

Какой-то работник-стекловар в черной накидке сорвал цветок. Другой подбежал, чтобы его отнять, а потом еще и третий – и началась возня с толканием и пиханием. Прибывающие стекловары побросали корзины прямо на дороге и побежали смотреть. У дерущихся появились болельщики – я определила не меньше трех сторон. Они вытаптывали сад. А потом какой-то основной в клетчатом («Он. Это их предводитель», – сказал Канг) поднял дубинки и проорал:

– Чууу-а-рии!

Драка мгновенно прекратилась.

– Как в прошлый раз, – буркнула Сосна.

А они все прибывали. Взрослые разбивали полукруглые шатры и распаковывали корзины. Клетчатый что-то прокричал, и мелкие работники бросились встречать четырех самок – крупных, медлительных и неуклюжих, как и рассказывали участники нашей миссии. С ними пришли еще стекловары – кажется, шестеро, – казавшиеся такими крошечными, что наверняка определялись как дети. Они принялись носиться по саду, уничтожая его остатки и гоняя самоцветных ящерок, которые там жили.

– Это именно та группа, у которой мы побывали, – сказала

Мари. Оборванцы, как она и описывала. – Стало на одну самку меньше и намного меньше детей. Неужели молодь так быстро взрослеет?

– Похоже, ты так не думаешь, – предположила я.

– Что-то случилось. У них и так было скудно. Возможно, дело именно в этом.

Судя по ее лицу, ей такой ответ не нравился. Мне тоже. Но что именно случилось?

Нападение не заставило себя ждать. Несколько стекловаров подобрались между деревьями с катапультами, сделанными, как мы решили, из подпорок шатров, и начали забрасывать через стены стеклянные сосуды с отравой. Немного жидкости выплеснулось на старика Бьорна. У него начался жар и чуть не остановилось дыхание, но медики действовали быстро и спасли его.

Наши луки стали для них неожиданностью – или, точнее, дальность их боя, – и они быстро отступили, но в некоторых мы попали. Даже тупые стрелы могут наносить ущерб. Сосна и другие снайперы разломали катапульты, но стекловары закрепляли шары на веревках и могли хорошо бросать, стремительно распрямляя два локтя, так что их атаки тоже шли издалека.

– Пора применить настоящие стрелы, – заявила Сосна. – Нас больше. Мы победим.

Кто-то из Бусин ее поддержал:

– Точно. Давайте убьем одного и посмотрим, станут ли они жарить труп и его есть.

– Нам не нужна месть, – возразил Зеленка. – Нам нужен мир.

– И получим мир, – процедила Сосна сквозь зубы, – когда победим.

Чтобы решить этот вопрос, мы созвали срочное совещание в оранжерее, рядом со стеной. Мари возглавила группу, выступающую против настоящих стрел. Сосна назвала их «дипломатами», что прозвучало как оскорбление. Стивленд не мог определиться с тем, чего он хочет. В конце концов мне надоел бесполезный ор, и мы решили, что каждый будет решать сам за себя. Так что кто-то стрелял настоящими стрелами, а кто-то тупыми. Эффект был примерно одинаков. Сосна какое-то время развлекалась тем, что метилась горящими стрелами за пешеходный мостик. В итоге кто-то из опытных охотников сказал ей, что если она и дальше будет промахиваться, то стекловары определят соотношение дальности и меткости, как это сделали горные пауки, и мы лишимся преимущества.

Такая ситуация держалась пять дней. Мы время от времени

стреляли в стекловаров, пытающихся подкрасться к стене. Обученные летучие мыши относили сообщение Монте и проводили разведку – оценив ситуацию, мыши стали требовать в три раза больше еды за вылет. Все смотрели на меня, ожидая указаний.

Что бы сделал фиппокот? При нападении сов и пауков фиппокоты убегают и прячутся. Они зеленые. Они умеют замирать неподвижно. Они способны в считаные секунды вырыть нору. Могут прыгнуть достаточно высоко, чтобы приземлиться в ветвях дерева. Способны соскользнуть по мокрому травянистому склону быстрее катящегося мяча. А мы, большие фиппокоты, оказались в ловушке, не имея возможности убежать и спрятаться. Мне положено было руководить, но я не знала, что делать: я умела только быть веселой, услужливой, игривой и мягкой. И какой в этом был толк? От меня не было никакого прока.

Стекловары принялись барабанить и петь сутки напролет, донимая нас, – и к тому же орали друг на друга. Наши дети ныли из-за того, что из города нельзя выйти и что шум не дает спать, – что было правдой. Бесконечный, сотрясающий мозги шум – стекловары были намерены нас мучить. Дети изготовили беруши. Мы, взрослые, размышляли о том, что делать, и слишком много спорили. Опытные охотники и Стивленд вели наблюдения: общественный уклад, питание, методы боя. И мы собирали знания, но недостаточно быстро. Мы не сможем вечно сидеть в городе. Мы просто сбрендим.

Этим вечером дело почти дошло до драки.

– Пора поубивать музыкантов, – заявила Сосна на заседании комитета.

– Этот шут и стекловарам не дает спать, – отметила Маргарита.

– И что с того? – сказала Сосна. – Хочешь, чтобы я их пожалела?

– Мы способны выживать в трудных условиях, – провозгласил Карл.

– Какие еще трудные условия? Это пытка! Пытка для меня, для моих детей, для всех!

– Точно, ты просто бесишься, – прошептали в зале.

– Кто это сказал?

Сосна вскочила на ноги, прожигая взглядом сидящих на скамьях. Кто-то захихикал.

– Не выставляй себя дурой, – посоветовал Сосне Карл.

– Я не дура!

Опять хихиканье. На этот раз к нему присоединились и некоторые члены комитета. Судя по лицу Сосны, она поняла, кто

именно, и шагнула в ту сторону. Пора быть веселой и услужливой, используя мой единственный талант.

– Ну что ж! – сказала я, вставая. – Я поддерживаю Сосну. Ну, я о чем: разве кому-то не хочется убить музыкантов? Подайте голоса – чисто совещательные, – кто за, кричите ура и топайте ногами. Ну-ка, слушаем! – Подавляющее большинство за. – Музыка вас бесит? – Крики и топот. – Сосна выразила наше общее мнение, так? – Крики и топот. – Спасибо, Сосна. Именно это мы и хотели услышать.

Я первая начала ей хлопать, садясь на место. Вид у нее был обескураженный, но она тоже села.

Най редко выходил из пекарни и не разговаривал ни с кем, кроме Стивленда. Коты в ящике покрылись гнойными язвами, и запах от них беспокоил котов в городе. Наши посадки разграблялись или страдали от недостатка ухода, но хорошо хоть, что стекловары не поджигали Стивленда. Мы отправляли им записки, привязанные к тупым стрелам, призывая дружить. Они смотрели на бумажки, но если и умели читать, то не желали этого делать. И что нам оставалось?

Стивленд

Мои листья завершают еженощный разворот к востоку в ожидании восхода. Поступающая от корней вода и высокая влажность ночного воздуха вызывают гуттацию: вода выступает из устьиц, словно поддельная роса. У меня болезненно высок тургор – и при этом меня тянет поникнуть. Война – это катастрофа, одновременно потоп и засуха.

Глазами рощи за рекой я вижу музыкантов-стекловаров: их тела излучают инфракрасный свет в ночной прохладе. Они прерываются, чтобы полакать воды, а потом неохотно берутся за свои барабаны и возвышают голоса в очередной шумной песне. Это – мелкие стекловары, из касты работников. «Сверхурочно-работники», – подсказывает мой корень юмора, и эта шутка содержит истину. Им хочется спать, но, когда солнце взойдет, их отправят на поля собирать корни тюльпанов. Сейчас не время сбора урожая, так что тюльпаны возмущены.

Если на то пошло, то они готовы собирать любую пищу, неважно, наступил ли ее сезон, – и тем самым порождают все большее возмущение. Ущерб, который они наносят жизни нашей долины, весьма прискорбен, но не менее прискорбно и то, что работники едят только то, что не употребили в пищу крупные касты. Паразиты и хозяева – это распространенные биологические отношения, но в данном случае паразитизм имеет место внутри одного вида, а не между разными видами – что извращает мутуализм и является варварством.

Неужели стекловары всегда были такими? Когда они строили этот город, у меня было меньше корней, а мое общение с ними оказалось недолгим и ограничивалось определенными индивидами. Мне следовало бы заметить – а я не заметил, – что разный размер животных в случае со стекловарами означает нечто отличное от разного размера у растений. Размер растения зависит от окружающей среды и возраста. Размер животного фиксирован их типом, как пол у людей. Тип может влиять на функционирование и социальный статус. Равенство типов – это этический момент, а не универсалия. Среди стекловаров его не практикуют.

На городской стене пара часовых-мирян патрулируют в мягких мокасинах, прислушиваясь к шорохам, которые могут говорить о том, что стекловары пытаются приблизиться. В оранжерее молодая женщина следит за моим стволом на случай предостережений. В начале ночи фипп-мастер Монте отговорил свою стаю от вылазки с целью найти и уничтожить источник

раздражающего шума – то есть музыкантов-стекловаров. Это предотвратило трагедию, потому что стекловары убили бы львов и сами понесли бы потери, а я не желаю смертей.

Это все, что я могу доложить молодой женщине, когда Свет восходит и приближается рассвет. Мы с ней какое-то время болтаем. Поддерживать говорящие стволы трудно, а болтовня снижает мои прямые запасы аденозинтрифосфата, так что в этот период серьезных проблем я предпочел бы молчать, но миряне плохо переносят бездействие, а ей следует сохранять бдительность. Пять дней заключения внутри городских стен вывели из равновесия мирян, которым необходима деятельность.

Кактусы и ленты, все еще удерживающиеся на своих якорях зимней спячки, выделают зигоспоры для роста новых воздушных растений. Всюду распускаются цветы, и ветер носит пыльцу и ароматы. Весна – это самое красивое и самое нетерпеливое время года. Если растения не могут быстро расти, они погибают – даже те из них, кто заручился помощью животных, чтобы не зависеть от сезонов. Весенние потери редко удается компенсировать, а эта весна выдалась засушливой, что усугубляет проблему.

Люди в городе это понимают. Их собственные ресурсы за зиму истощились и нуждаются в пополнении. Они тоже нетерпеливы и испуганы, потому что способны представить себе катастрофу и гибель. Они замещают свои страх и гнев на стекловаров раздражением в отношениях между собой. Накануне вечером Сосна спровоцировала ссору, когда ее предложение убивать стекловаров отвергли. Без вмешательства Люсиль, которое стало водой, погасившей пламя, вероятным стало бы насилие.

– Мы уже близки к пределу, – чуть позже призналась мне Люсиль.

Нам повезло с таким изобретательным и общительным со-модератором. У меня есть идея, которая позволит разрешить ситуацию, хотя и не без сложностей.

Мне нужно быть отважным и делиться мужеством, как умственным даром. У меня сильные корни и бесчисленные листья. Солнце встает. Фотоны несутся вниз, и я начинаю расщеплять воду на кислород, ионы водорода и энергию. Я велик. Если уложить мои корни в одну линию, они доберутся до Солнца. Вместо этого мои корни раскинуты по нашей долине, и я знаю, что в течение дня они впитают разноголосицу химических жалоб от других растений – этих жалоб с каждым днем все больше. Наше животное-помощник сменился вредителем. Растения, устремленные вперед, тревожатся. Наша экосистема нарушена и зла, а еще ее одолевает жажда.

Самый уязвимый здесь я, потому что знаю, что такое звезды. Это солнца, и у них есть свои планеты, и путешествие к ним будет более длинным и сложным, чем я когда-то полагал, однако чем больше я знаю, тем более реальной становится эта идея, и подобные устремления нарушают баланс. Мои потребности перестали быть простыми.

Миряне тоже видят звезды и мечтают о путешествиях. Я спрашиваю у них когда, а они отвечают «однажды», и они не лукавят. Когда этот день наступит, мы полетим вместе – их потомки и мои семена, и саженцы, и корни. Горшки ограничивают, но я способен терпеть. Это станет сладким плодом цивилизации. Объединенные усилия людей и стекловаров ускорили бы наступление этого момента.

Небольшая стая мотыльков – первая кочевая группа – прилетела с юга. Они приучены приносить мне на анализ кусочки мяса в обмен на нектар, и именно таким образом я впервые глубоко проанализировал физиологию стекловаров. Благодаря этим сведениям сегодня ночью я составил поразительный план. Мутуализм можно навязать. Цивилизацию можно внедрить принудительно. Это разрешит ситуацию без варварства, однако столь сложный план потребует содействия всей нашей экосистемы и невиданной отдачи со стороны людей и растений. Его провал приведет к еще более серьезной катастрофе.

В доме у Люсиль горит лампа. На эту идею меня вдохновила ее преданность дружественности. Сосна присоединяется к часовым и вышагивает по стенам, словно орел. Ограничения, наложенные на ее реакцию на атаки стекловаров, сделают мой план осуществимым.

Стекловары просыпаются. Новые музыканты продолжают концерт. Крупные касты собираются для обсуждения беспокоящих действий этого дня. Они неуклюже копируют луки и стрелы людей. Они испортили мою рощу, но хотя бы ее не поджигали.

Люсиль приходит в Дом Собраний. Я делюсь новостями о драме с фиппольвами, а мой корень юмора вставляет:

«Может, дети сделают им беруши?»

Это чепуха, если принять во внимание устройство слухового аппарата львов, но чепуха – это вид юмора. Она смеется и пересказывает шутку Бартоломью, когда тот приходит.

Народу становится больше. Я делюсь моими наблюдениями относительно стекловаров и луков, и, обсудив их, Сосна приходит к выводу, что у стекловаров не хватит опыта, чтобы создать по-настоящему опасное оружие.

– Однако они могут быстро научиться, – отмечает она. Раздается особо противный и громкий музыкальный пассаж. –

Надо бы убить бедняжек, чтобы не мучились.

«Работники утомлены и истощены», – сообщаю я.

Сосна противно улыбается.

Собрание начинается с полным кворумом комитета плюс немалым количеством других граждан. Без работы на полях людям почти нечего делать. Охотники сидят далеко сзади, аккуратно заостряя стеклянные наконечники стрел.

Этой ночью размышлял не только я. Охотники Поколения 4 предлагают провести вылазку в лагерь стекловаров. Мастеров-охотников мало, а от старости они стали хрупкими, словно сухие тростинки, но они хитры – и их план восхищает своей смелостью.

– Главное вот что, – говорит их представитель, Орион. Загорелая кожа у него на лице обвисла складками, которые почти занавешивают его глаза. – Нам надо либо их всех убить – либо как-то справляться с выжившими. Они будут настроены враждебно, потому что мы убьем их друзей и родных. – В юности он много лет наблюдал за горными пауками, и в результате его знания привели к мирному сосуществованию. – Но мне кажется, что нам в любом случае надо убивать как можно меньше. Может, только Клетчатого. Значит, будет множество пленных. Не очень хороший план, но он может сработать.

Его план имеет некоторое сходство с моим. Наибольшую поддержку он получает от фермеров.

– Они даже свалили несколько охраняемых каробов! – говорит фермер Хакон. – Стивленд, деревьям все это не нравится, правильно?

Вот мой шанс.

«Не нравится. И тюльпаны злятся. И ананасы. Хлопок. Пшеница. Чечевица. И остальные. Они привыкли к уважению и заботе, но понимают, что их союзные животные подверглись нападению. Прямо сейчас мне жалуется семенной картофель, посаженный на песчаной речной низине: его собирают до того, как он успел создать новое поколение».

– Наш картофель! – восклицает Хакон.

«Растения жалуются, – продолжаю я, – но они не могут действовать. А мы действовать можем. У меня есть предложение. Оно не слишком отличается от того, что придумали охотники. Перед атакой нам надо вывести стекловаров из строя, добавив в их пищу вещества, вызывающие ступор. Полагаю, что смогу убедить другие растения это сделать. Когда стекловары будут беспомощны, нам надо забрать у них оружие и имущество. Тогда для выживания они вынуждены будут сотрудничать с нами, а мы обучим их вести себя цивилизованно. Я рассматриваю это как одомашнивание стекловаров, точно такое же, как ваше

одомашнивание фиппольвов».

Молчание. Наконец, кто-то говорит:

– Но стекловары воняют.

Хохот.

«Они мылись, когда жили здесь», – говорю я, вызывая новые взрывы хохота, хотя это замечание было произведено не корнем юмора.

– Сотрудничать? – переспрашивает Хакон. – Они будут сотрудничать до тех пор, пока не получат то, чем нас всех можно будет прикончить.

«Это потребует много времени и внимания, – отвечаю я, – однако результат станет невероятно полезным для всех нас».

– Вещества, вызывающие ступор, – негромко говорит Мари. – Это очень сложное соединение.

Она права. Я на это замечание не отвечаю.

– А почему бы их просто не отравить? – осведомляется Хакон.

Мари смотрит на него с гневом, а потом переводит такой же взгляд на Ориона.

– Мы уже поставили целью сосуществование, – медленно произносит она.

Все замирают.

Наконец Сосна недоверчиво говорит:

– То есть мы отправляем их в обморок и забираем у них оружие.

«Мы забираем все, – уточняю я. – Одежду, корзины, шатры. До этого момента мы реагировали сдержанно. Они увидят, что мы не хотим им вредить, но заставим их сотрудничать».

– А может, они не захотят сотрудничать, – говорит Орион.

«Я согласен, что план не лишен риска, – говорю я. – В его основе – постепенное установление взаимного доверия и сотрудничества путем навязанного ненасилия. Потребуется немало терпения и усилий, чтобы заставить их дружить. По сути, мы рекрутируем симбионта. – Молчание. Я добавляю в качестве ободрения: – Растения часто так делают в отношении животных».

– Давайте все обговорим поэтапно, – предлагает Люсиль.

Она заинтересована – и ее интерес заразит других. Этот план отличается от той процедуры, с помощью которой я приманил людей из их старого поселка в этот город, однако основа остается той же. Мы должны вознаграждать должное поведение, пока оно не превратится в естественное.

Мы обсудили примерно половину вопросов, когда я получаю сообщение о том, что стекловары движутся. Часовые со стен дают то же предупреждение почти сразу же. Идет весь состав основных – все сорок, – и направлением, похоже, служит источник

городской воды. Это может стать катастрофой. Вода поступает в город от родников по трубам, и родники – это самая уязвимая часть водоснабжения.

«Я извещу остролистые ирисы», – говорю я.

Десять лет назад по моему предложению мы высадили ирисы, чтобы защищать родники и начало трубопровода. Ирисы жаждут крови сильнее, чем я. Они выделяют антикоагулянты на стекловидные ланцеты, покрывающие их листья, а наземные корни готовы впитать всю пролитую кровь. Ланцеты закреплены непрочно, так что если стекловары попытаются их скосить, то поднимут тучи стеклянных лезвий, причем немалая их часть окажется настолько мелкими, что со вдохом они попадут в легкие стекловаров и разорвут их изнутри сотнями порезов.

– У нас есть время, – заявляет Сосна и, повернувшись, кричит: – Созывайте бойцов!

Лучники и дети-посыльные, присутствовавшие на совещании, разбегаются. Она кричит мне:

– Сколько времени понадобится на то, чтобы опоить стекловаров?

«Два дня. Мне надо договориться с другими видами, например с тюльпанами, а они мыслят медленно и поверхностно. Мне придется помогать им создавать нужные соединения».

– Два дня! – бросает Сосна. Она уже начала надевать боевое облачение, как и другие миряне. – Не годится. У них сорок основных, так? Надо дать бой сейчас. Нас вдвое больше, но это если считать всех, кто более или менее владеет луком, даже Люсиль. Не обижайся, но ты ведь понимаешь, о чем я. Всех.

Мои корни за рекой сообщают о странном движении. Работники прекратили сбор пропитания и возвращаются в лагерь. Не собираются ли они пересечь реку и не позволить нам защищать родники?

– Надо атаковать их лагерь, – говорит тем временем Орион. – Пока крупные будут соображать, что делать с ирисами, мы уже его захватим.

Я начинаю выводить новость о передвижении работников, а обсуждение тем временем идет. Мне бы голос, флейту, барабан! Да посмотрите же на меня!

Сосна говорит:

– Основные смогут вернуться и моментально оказаться в лагере. Надо спешить.

– Точно, – говорит Орион. – А что, если нам взять самок в заложники?

– Нет, будем атаковать основных, – возражает Сосна. – Вперед!

Мари читает мой ствол.

– Посмотрите на Стивленда! Работники что-то замышляют!

Сосна отмахивается от меня:

– Это уловка.

– Работники не идут на мост, – докладываю я.

– И в чем уловка? – спрашивает Люсиль.

– Работники скопились вокруг больших шатров, содержащих самок, – сообщаю я. – Мне их поведение непонятно. Похоже, имеет место конфликт.

Я мог бы добавить, что они поют друг на друга – самки на работников, работники на других работников, – но это и так понятно всем, у кого есть уши. Время от времени я распознаю одно из слов, которым меня обучила Мари, однако словарный запас, ограниченный такими терминами, как «нет», «вода» и «привет», не особо полезен.

Сосна спрашивает насчет ирисов, но я слишком поглощен тем, что происходит в лагере, и не отвечаю. Голоса гремят громовыми раскатами. Работники дерутся и проливают кровь.

– Основные остановились и слушают, – докладываю я.

– И ты правда считаешь, что мы сможем жить со стекловарами? – кричит Сосна, уходя.

Это явно риторический вопрос.

Я говорю Люсиль:

«Основные повернули и, возможно, возвращаются. Скорость у них феноменальная».

– Мне надо посмотреть. Извини.

Люсиль уходит.

В лагере самки спорят с самками, работники – с работниками и работники – с самками. При приближении основных несколько работников хватаются за инструменты и обрушивают веревочный мост. Основные останавливаются на берегу реки, размахивая оружием, угрожая запуском снарядов, и орут на работников и самок, а те орут в ответ, и от шума, который поднялся в лагере, моей тамошней роще становится так дурно, что весь рост прекращается. Люди на стене закрывают уши ладонями.

Около двадцати основных поворачивают к городу и обращаются к людям, очень эмоционально, с размахиванием оружием. Самки за рекой также делают жесты в сторону стен и говорят очень возбужденно, то же относится и к работникам, но их комментарии сводятся к невнятному гаму. Часть основных спорят с другими. Внезапно один из основных, обращающихся к людям, получает сзади удар мечом: ловкий прием срубает ему голову. Еще один бросается в бой. Три основных хватают его, а четвертый рубит мечом. Оба трупа неуважительно сталкивают в

реку.

Орион кричит:

– Демонстрируйте оружие!

На всей стене бойцы-люди поднимают луки.

Стекловары это видят, и несколько основных прыгают в воду и плывут через реку.

– Опустите оружие! Будьте наготове!

Стекловары понимают предостережение и постепенно замолкают.

Демонстрация Ориона – умный, умный, умный ход. Это – полезный плод. Это – послание, максимально краткое, и оно поможет моему плану. Мы можем убивать, но не станем. Через несколько секунд ссора стекловаров возобновляется, но уже тише. Разговоры длятся долго. Я отправляю пострадавшей роще у лагеря стекловаров порцию глюкозы. Сейчас шум от разговоров стекловаров не громче сильного ветра.

К концу дня все основные переплывают реку, один за другим и без присущего людям умения, однако они очень плавучие. Вылезая на другой стороне, они стряхивают воду с себя и с оружия. Определенные основные приветствуют определенных самок, соприкасаясь руками и головами, но большинство этого не делает. Ссорящиеся работники отступили, и многие вернулись на поля собирать пищу. Пение и барабанный бой не возобновляются.

Кажется, о моем предложении забыли, и я узнаю о проливных дождях за горами, далеко на западе. Такие мощные весенние ураганы, скорее всего, до нашей долины не доберутся, однако, если уровень реки поднимется, атаковать будет сложнее.

В городе дети дремлют, охрана расслабляется. На обоих берегах реки готовится вечерняя трапеза… и внезапно несколько основных стремительно приходят в движение. Они хватают оружие, окружают трех работников и обезглавливают их. Кровь впитывается в почву. Вскоре я ощущаю вкус железа. Музыка возобновляется.

После захода солнца в Доме Собраний снова начинаются дебаты.

– Надо что-то делать, – говорит Люсиль.

– Дать им цивилизацию? – вопрошает Хакон. – Она у них уже есть. Просто не такая, как у нас. Это было убийство. Никаких оправданий.

– О том и речь, – отзывается Люсиль. – Тем план Стивленда и хорош. Никаких убийств.

Встает Бартоломью. Он старый столяр, полный и седой, ведет себя нервно, но мыслит четко. Он спрашивает:

– В чем разница между пленением стекловара и его

одомашниванием? – Я начинаю было формулировать ответ, но он продолжает: – Никакой разницы нет. Вопрос вот в чем: со сколькими пленными мы сможем справиться и насколько скоро? Ты сказал «два дня», Стивленд?

«Верно».

Он за меня или против? Я видел, как днем он разговаривал с Люсиль. Бартоломью умный. Он умеет подхватить мысль и заставить ее делать неожиданное, словно она была фиппокотом, а он научил ее летать. Именно это он делает и сейчас. Никогда не думал, что я настолько гениален, – и никогда не видел Люсиль настолько оптимистичной, энергичной и убедительной. Не подозревал, что у моего плана столько преимуществ. Он почти способен летать.

– Мир, – говорит Бартоломью. – Это не только планета, но и состояние общества. Наши предки прилетели сюда создавать мирное общество. Нам известна цена войны. Всем нам, и людям, и бамбуку. И дело не только в разрушениях. Мы перестанем быть теми, кем являемся. Мы – миряне. Пора стать достойными этого названия и сделать мирную жизнь реальной.

За какой-то час план действий разработан. Мы одомашним стекловаров.

И с наступлением ночи мы начинаем. Люсиль создает группы планирования. За пределами города многие растения начинают по возможности восстанавливать запасы воды, потерянные в дневное время, так что наступает идеальный момент для того, чтобы отправить им сообщения через корни. Ионы кальция несут информацию от клетки к клетке волнами, и в каждой волне – свои энзимы и соединения, и каждый путь через клетки создает свое значение. У большинства растений химический язык сходный, и почти все они способны произвольно создавать полезные сложные вещества, точно так же как животные способны создавать орудия труда или строить рифы. Все дело в знаниях и развитии.

Я начинаю с тюльпанов, потому что они – любимая пища стекловаров, а еще потому, что говорить с ними можно только ночью, когда они закрывают свои цветки. Их разума не хватает на то, чтобы поддерживать цветок и общение одновременно.

«Здесь вредители», – говорю я, отправляя через корешки сообщение тысяче тюльпанов.

«Вредители. Плохо». «Плохо». «Плохо». «Плохо». «Плохо», – откликаются они один за другим. Мой корень юмора отмечает, что говорить им не о чем, но при этом они говорливые. Я рад, что отрастил корень юмора. Мне стало легче терпеть неприятные ситуации. Чечевичные деревья, высаженные среди тюльпанов,

тоже жалуются на свои проблемы.

Я пытаюсь угадать, где именно стекловары будут собирать тюльпаны. Конечно, поведение животных слишком гибкое, – особенно тех животных, которые не устанавливали связи с посевами, – но представляется достаточно очевидным, что они начнут обирать неубранные поля в непосредственной близости от своего лагеря, на которые легко попасть с дорог и троп.

«Помощник здесь, – говорю я этим полям тюльпанов. – Помощник химический. Вредители уйти».

Я демонстрирую эндогенный опиат и передаю эту информацию с небольшой порцией биотина, чтобы сделать ее интереснее. Я вводил похожие опиаты двадцать лет назад в небольших количествах в медицинские плоды для расслабления и снижения тревожности. Надеюсь, что в больших концентрациях этот алкалоид вызовет у стекловаров более сильные эффекты.

Тюльпаны уже вырабатывают фитогормон, основанный на аминокислоте фенилаланин. Еще несколько дополнительных стадий – и они начнут производить гетероциклическую основу, которая сможет превратиться в нужный алкалоид. Я показываю формулу. Я десяток раз повторяю это объяснение каждому растению, поскольку они медленно обучаются. Молекулы переходят с моих корешков к их корешкам. Это утомляет. Я перемещаю немного азота из городского центра даров в их почву, чтобы им помочь.

Половина азота будет направлена на создание пуриновой и пиримидиновой основ для РНК и способствовать росту самих тюльпанов, а не выработке алкалоида. Это одна из причин, по которой они откликнулись так быстро. Они туповаты, но эгоизм с разумностью не коррелирует. Надеюсь, что завтра будет солнечный день и они смогут работать быстро.

Чечевицы тоже захватывают азот и ноют. Им требуется обрезка. Эти растения-неудачники сами не способны определить, как правильно расположить свою листву, чтобы ловить солнечный свет. «Помоги мне, обрежь меня», – умоляют деревья.

Стекловары чечевицу игнорируют, хотя ее почки и молодые ветки съедобны, что хорошо известно людям и скорпионам. Жаль, что это так. Чечевицы всегда готовы услужить.

Тем временем я связываюсь с ананасами. Они сообразительны, но упрямы.

Договор, который они заключили с людьми с моей помощью, был простым. Люди обязаны пересадить весенние плоды. Осенние плоды можно собрать. Люди обеспечивают защиту, возделывание и труд. Ананасы в обмен добавляют в осенние плоды вкусо-ароматические и питательные вещества. Однако теперь их плоды

собирают, несмотря на то, что сейчас весна, и они в ярости. Я предлагаю ввести опиаты в весенние плоды, чтобы нанести поражение стекловарам и вернуть жизнь в нормальное русло.

«Нет», – отвечают мне восемьсот раз.

«Подумайте, – советую я. – Это аналогично добавкам вкусов и ароматов. Вы это делаете в соответствии с договором».

Ответ один и тот же: «Наши розетки весной должны быть высажены, а не собраны – ни при каких обстоятельствах, а сейчас их поедают».

«Вас едят не люди».

«Люди обязаны добиться соблюдения договора. Они – твоя собственность».

«Мы молим о вашей помощи для победы над хищниками».

«В наш договор входит защита от хищников. Мы добавим терпены, чтобы наши плоды стали несъедобными».

«Я предлагаю нечто лучше терпенов, потому что разумным животным терпены могут понравиться, они ведь собирают сосновый воск. Они могут просто научиться выжигать терпены. Ваши розетки станут хорошими факелами, которые можно есть».

«Тогда яд», – говорит одно растение, и остальные подхватывают хором: «Яд. Яд. Яд».

«Уже ближе к моей идее. Но убивать животных не обязательно».

«Этих животных надо убить. Они вредители. Твои животные одобрят. Люди уничтожают сорняки. Это все равно что уничтожение сорняков».

Это не все равно что уничтожение сорняков. Если на поле выполоть крапиву, в других местах крапива останется. Если уничтожить стекловаров, то других стекловаров не будет, но, даже если бы их было много, убивать их – нецивилизованно. Но я этого не говорю, потому что ананасы не поймут, что я – мирянин. И я говорю: «Мы хотим одомашнить этих животных. Мы хотим управлять их поведением. Они слишком ценны, чтобы их уничтожить».

«Ты должен заключить с ними договор», – приказывает какой-то ананас.

«Вот именно. Их надо научить заключать договоры».

«Люди охотно заключили с нами договор».

«Я уже одомашнил людей».

«Ты должен одомашнить этих вредителей», – говорит еще один ананас.

«Да, одомашнивай их», – подхватывают другие.

«Я желаю их одомашнить и нуждаюсь в вашей помощи. Помогите нам помочь вам».

Я жду их ответов.

Над нами сияют звезды. Летучие мыши проносятся над нами и пересвистываются. Фиппольвы воют – возможно, протестуя против музыки стекловаров. На это откликается дикий лев. Далеко-далеко на юге грозовая туча вспыхивает молнией и грохочет. Ночные цветы наполняют воздух ароматом. Чирикают ящерицы. Я ненадолго отделяю одну из рощ от корневой сети и наслаждаюсь ночью, как это мог бы сделать человек, малый по размеру, но интенсивно ощущающий мир, полностью и с удовольствием сосредоточившись только на непосредственном окружении: такую роскошь я могу себе позволить только на мгновение, но все-таки удивительно, что малый размер дает не количественную, а качественную разницу. Форма окружающего мира меняется. Я снова возвращаю внимание к своей корневой сети. Чечевицы продолжают ныть. Большинство людей и стекловаров спят.

Ананасы соглашаются один за другим и давят на соседей, чтобы те присоединялись к большинству. Я показываю им, как соединить мочевину и малоновую кислоту, чтобы получить барбитуровую кислоту, и передаю некоторое количество мочевины из центра даров, завершая сделку.

И так проходит ночь: порей, картофель, ямс, салат.

Я не рассчитывал на контакт с каробами. Они обычно выбирают полномочного представителя на основе старшинства и здоровья, то есть самого крупного и агрессивного. Он также становится единственной размножающейся мужской особью: они раздельнополые и биполярные, но избирающие. Принесенная с Земли теория эволюции объясняет получившийся результат. Они ведут самостоятельный отбор в пользу наращивания агрессии и успели достичь значительных успехов до того, как защита со стороны людей позволила иметь представителя-перестарка.

«А что получим мы, обманщик? – вопрошает представитель каробов. – Нас валят пришельцы. Мы тоже ценим наши отношения с городскими животными. Мы можем предложить многое».

Привкус этилена в этом послании замораживает мои корешки: ауксины подавлены. Как я и сказал, он агрессивен.

Я пытаюсь отвечать уверенно, но мне с трудом удается выдавить: «И что именно вы можете предложить?» Они дают только декоративную древесину и съедобные осенние стручки.

«Мы предлагаем значительные уступки в будущем в обмен на дополнительные посадки в южных лесах».

«Помощь нам нужна сейчас», – говорю я.

Он опять выделяет этилен.

«Мы выполним твою разумную просьбу, когда бы ты ее ни высказал. Но предупреждаем: это предложение повторяться не будет. Если желаешь получить нашу помощь, таково наше требование».

Меня отвлекают рыдающие чечевицы. По возможности мягко я говорю им: «Мы поняли вашу проблему и вскоре вам поможем».

Болезненные выбросы этилена от нескольких каробов привлекают мое внимание. Татьяна назвала бы это вымогательством.

«Мне нечего вам поручить», – говорю я.

«Мы готовы на любое разумное действие, но в обмен мы хотим получить южную колонию. Нам это важно».

Мой корень юмора предлагает отправить их всех далеко на юг. Старый корень замечает, что коммуникационные способности и, возможно, разум полномочного представителя с возрастом совершили качественный скачок.

«У нас избыток этилена, – говорит представитель. – Это повредит многим растениям, в том числе тюльпанам и ананасам».

«Я вынужден согласиться. Вы это понимаете».

«Мы предлагаем честную сделку».

Будь Татьяна жива, она высказала бы полезные соображения о том, как справиться с таким правонарушением, но она мертва, а мне надо отвечать быстро, пока мои корни не понесли непоправимый ущерб.

«Я согласен. Когда условия позволят провести дополнительные посадки, эти посадки будут сделаны. Но будьте готовы исполнять мои приказы, когда я их отдам».

Мой корень юмора предлагает приказать им совершить самоубийство.

Тем временем я начинаю переговоры со снежной лианой, которая растет вдоль реки. Это может оказаться решающим фактором. Я смогу использовать инстинктивное стремление лианы управлять животными, чтобы она делала то, что мне нужно.

«Новое животное для команд», – говорю я.

Лиана так и не поняла, что ее используют как дамбу, укрепляющую речные берега в периоды разливов. Она получила легкий доступ к воде и внимание и считает себя правителем речных берегов и хозяйкой людей. Стекловары выращивали на ней своих жуков в форме снежинок: работники с особым удовольствием поедают этих жуков, если они остаются после того, как более крупные касты закончили питаться.

«Ты должна управлять жуками», – говорю я.

«Жуки не есть плоды», – отвечает она. Иными словами, как

можно управлять животными, кроме как с помощью плодов?

«Измени сок жукам. Вот так. – Я показываю ей соединение. – Сок будет управлять жуками».

«Жуки не есть плоды».

«Жуки пить сок».

«Да, – говорит она. – Жуки не есть плоды».

«Измени сок жукам, потому что жуки пить сок, не есть плоды».

«Жуки не есть плоды».

Я понимаю, что мы – родственные растения, оба бамбуки, и наша сходная физиология – это единственная причина, по которой я веду хоть сколько-то сложный разговор. Живая изгородь вдоль реки слишком мала, чтобы иметь много разумных корней. Присутствие других снежных лиан вызывает агрессивный рост, а эта изгородь всегда была одна и довольна своей холеной жизнью, паразитируя на осинах и выпуская избыточное количество охранных корней. Тем самым она служит людям, не подозревая об этом. Ей не нужен разум, совершенно не нужен.

«Измени сок жукам, – повторяю я в надежде, что повторение само по себе окажется убедительным. – Большие животные есть жуки».

«Жуки не есть плоды».

«Большие животные есть жуки».

«Большие животные есть жуки», – повторяет снежная лиана.

Я добился прогресса.

«Да, – говорю я. – Измени сок жукам».

«Большие животные есть жуки».

«Да. Измени сок жукам. Вот так».

«Жуки есть сок, – говорит она. – Жуки – вредители».

«Жуки хорошие. Большие животные есть жуки как плоды».

Снежная лиана выдает какие-то бессмысленные химические соединения и наконец говорит: «Жуки как плоды». Это – значительный прогресс.

«Жуки как плоды, – соглашаюсь я. – Жуки есть сок. Измени сок. Сок будет управлять двумя животными».

«Сок будет управлять жуками. Большие животные есть жуки».

«Да. Надо изменить сок жукам и животным».

«Я изменю сок жукам и животным».

Наконец-то!

«Да. Измени сок так». Я доставляю ей образцы соединения.

Ох, уж эти растения! Когда-то давно я вел себя так же, как они. Мы росли вместе. Мы переносили ураганы, страдали в засуху, обменивались средствами против вредителей, не подпускали опасные кораллы и пожирающих корни животных,

договаривались насчет солнечного света и питательных веществ, устанавливали сроки цветения, чтобы делиться опылителями, распределяли сроки созревания плодов, поддерживая популяции переносящих семена животных. Мы разговаривали примитивно, потому что мышление требует энергии, а самые сильные из нас могли выживать достаточно хорошо, почти не задумываясь, потому что жизнь у нас была примитивной. Я вырос, а они – нет, и мои потребности совмещаются с их потребностями так, как они и представить себе не могут.

Цивилизацию создают только разумные существа. Цивилизация порождает идеи мира и войны, делая возможным и то и другое. Я за мир. Я избрал эту идею и намерен воплотить ее в жизнь.

Встает солнце. Ночные дела меня утомили. Солнечные лучи несут фотоны, и в моих листьях они расщепляют воду на кислород, ионы водорода и энергию. Я большой. Я постараюсь максимально восстановиться, потому что в кампании по одомашниванию стекловаров нас ждут еще более тяжелые времена.

В Дом Собраний приходит Мари. Цвет кожи у нее слишком желтый. Мне хотелось бы, чтобы она могла есть больше, потому что пища дала бы ей силы.

– Какие именно соединения ты производишь? – спрашивает она.

«Нечто родственное морфину. Это вещество должно оказать сильное угнетающее и снотворное воздействие на центральную систему стекловаров, какой я ее вижу. А еще барбитураты, чтобы угнетать функции мозга».

– Опасная комбинация.

«Опасная, потому что она даст сильную реакцию. Возможно, эффект будет накапливаться. Наша цель – вывести их из строя. Мы видели, что они готовы убивать».

Она садится.

– Однако мы не можем контролировать то, сколько они их получат. Передозировки могут вызвать остановку дыхания.

«Верно. Я подумал об этой дополнительной проблеме. Самки и основные едят первыми, и едят досыта. Работники могут вообще ничего не получить. Нам надо пересмотреть планы нападения, составленные Орионом. Возможно, работников придется усмирять физически».

«Усмирять» звучит почти мирно, отмечает мой корень юмора.

Она кивает.

– Надо предусмотреть травмы и передозировки. Видимо, кого-то мы потеряем. Не знаю даже, как работает их система

кровоснабжения, – знаю только, что она у них есть.

«Я дам антидоты к моим средствам».

– Без испытаний мы не узнаем, как они будут действовать, а испытания провести нельзя.

«Верно. Многое будет зависеть от умений медиков».

Она откидывается на спинку скамьи, закрывает глаза и подставляет лицо солнцу. Животным тепло солнечного света приятно.

– Люсиль – молодец, – говорит она спустя некоторое время. – Она нас подготовит.

Она открывает глаза, чтобы посмотреть на мой разговорный ствол.

«Она доказала, что ее выбрали не зря, – говорю я. – А твои труды играют решающую роль. Ты уже сделала для Мира невообразимо много».

Возможно, мне стоило бы сказать ей, что после целой ночи разговоров с растениями я еще лучше осознаю, почему так рад разумной компании. Люди сделали мою жизнь счастливой. Жаль, что они живут так недолго.

Я стараюсь не думать о том, что будет, если мой план провалится. Я большой. Люди уязвимы. Даже если их всех убьют, я выживу в той или иной форме, несмотря на все, что способны будут сделать стекловары, – но я буду невообразимо одинок.

Люсиль

Когда Стивленд добился, чтобы растения начали дурманить стекловаров, в их лагере полтора дня шел фантастический праздник. Поначалу наркотические вещества сделали стекловаров веселыми и громкими: они орали, пели и шатались. Потом они ссорились и завязывали драки, а истекающих кровью стекловаров бросали в реку. Как минимум один утонул. Летучие мыши даже принесли Монте еды, чтобы узнать у него, что происходит. Барабанный бой стал нестройным. Наверное, тем стекловарам, кто еще нормально мыслил, было страшно.

Я притворялась веселой и полной оптимизма, стараясь успокаивать медиков и Стивленда, которых тревожили разнообразные тонкости. Сосна каждые полчаса видела новые проблемы: едят слишком много, едят слишком мало, слишком агрессивные, слишком сонные, слишком много оптимизма с нашей (моей) стороны, слишком много пессимизма… не одно, так другое, чтоб ее.

Наконец на второй день, ближе к закату, стекловары начали отключаться. Самки и основные рухнули за трапезой, а когда работники увидели, что они спят, то бросились подъедать остатки и очень быстро рухнули лицами в свои миски. Для нас это стало сигналом. Мы выбрались из города через задние ворота, перебросили веревочный мост через реку чуть ниже по течению, у лощины, и прокрались вдоль реки к лагерю стекловаров. Впереди шли опытные охотники. И Сосна, конечно.

Мари шла прямо передо мной, сгибаясь под весом рюкзака, а когда она в темноте обо что-то споткнулась, там звякнули пузырьки с антидотом. Я ничего не несла, в особенности оружия. Оно может попасть не в те руки, если… ну, думать о неудаче в мои обязанности не входило. Хатор уже отлично с этим справилась. Она была слишком стара, чтобы сражаться, и осталась в городе здоровая и спокойная. Я так нервничала, что весь день не ела.

Сто человек крались к их лагерю – практически все здоровые взрослые и старшие дети Мира. Еще пятьдесят прятались на другом берегу реки, готовые в любой момент переплыть ее на лодках. Нас было чуть больше одного на каждого из них. Мы победим, они проиграют – но с какими потерями?

– Сегодня в их пище были парализующие вещества, – сказала Мари всем перед выходом. – Передозировки не только возможны, но и неизбежны. А еще они могут подавиться едой из своей миски или утонуть в супе. Прежде всего проверяйте дыхание.

Нам нельзя было брать фонари, так что мы не видели, что у нас впереди, а ночь выдалась облачная, так что нам не помогал даже свет звезд или северного сияния, однако мы слышали подвывающее рычание.

– Храпят, – прошептала Мари.

Петр проглотил смешок. Он нарисовал у себя на лице большие серые глаза и вертикальную полосу по рту и носу, чтобы походить на стекловара. Маскировка, как он сказал.

– Слушайте, – сказал он. – Все тихо.

Точно. В ночи не было лая, песен или искр.

– Ящерицы едят овощи, – проговорила Мари.

Мне хотелось спросить, может ли это им повредить, однако с этим вопросом стоило повременить.

Мы были уже рядом с лагерем, затихшие от страха, напряженно прислушивающиеся. Опытные охотники и лучшие воины добрались до лагеря раньше нас. Сильного шума нет. Перевод: особых неприятностей нет… наверное. Но я ничего не видела, так что точно не знала.

Гавканье, напоминающее синюю птицу, призвало нас из кустарника. Одно взлаивание. Хорошо. Это – знак того, что все в порядке. Мы продолжали пробираться вперед. Еще раз «Гав!» Тут далеко впереди застонал стекловар, что-то упало, прозвенела тетива – видимо, отправляя стрелу с усыпляющим наконечником – и люди рассерженно зашептались. Петр охнул и задержал дыхание. Я продолжала красться вперед.

Мы знали, что заснут не все. Кто-то съест слишком мало, или на него вещество не подействует. Но сколько их не спит? Почему никто ничего не орет? Столько передозировок? Еще что-то стукнуло, что-то захрустело, как ломающаяся корзина. Что? Мне пролаять вопрос?

«Гав» раздалось далеко впереди, и потом опять перешептывания и громкий удар, как от завалившегося шатра.

Еще несколько шагов – и мы оказались за поворотом тропы и обнаружили Ориона с луком за плечом, с мигающим красным фонарем и женщину, склонившуюся над неподвижным стекловаром, слушающую его дыхание и развязывающую ремни с оружием. Еще дальше горела фиолетовая лампа с крошечным фитилем и неясные тени сновали вокруг. Кто-то слева от меня идеально изобразил подвывание синей птицы – вызов медика. Мари поспешила на звук.

Я искала взглядом полевого командира – а, вон там его янтарная лампа. Охотник оттопырил большой палец – все путем, – а потом указал на самку, лежащую на циновке. Мне следовало ее осмотреть и снять с нее все, что можно, включая

одежду. Свет лампы отразился от ее серого глаза. Глаз дернулся. Хороший признак: она не спит и, видимо, в порядке, только не может двигаться. Я ожидала, что вблизи она будет вонять, но запах был не противный – больше походил на вызревающий трюфель и горький чеснок, но был совсем не сильным. Видимо, она недавно мылась.

Я сняла с нее накидку – мягкую и пушистую, сложенную в несколько раз, неожиданно большую и реально теплую. На следующее утро я подпихнула эту самку на плот и перевезла через реку. Рядом с самками я ощущала себя маленькой. Голова у них была почти на уровне моей, а торс – намного больше, массивный и длинный, на тонких ногах. Мари сказала, что немалую часть грудного отдела занимают легкие и пустотелые кости, так что весили мы примерно одинаково.

Вещества оказались немного чересчур сильными, как мы и ожидали. Мы потеряли пять основных и девять работников из-за остановки дыхания. Еще два стекловара получили травмы из-за сопротивления и умерли, а четверо умерли от ран из-за пьяных драк перед всеобщей отключкой. С нашей стороны тоже были пострадавшие, в том числе охотник, который случайно попал в самого себя стрелой с усыпляющим. Один детеныш-стекловар оставался в коме в течение целого ужасного дня, и большинство стекловаров приходили в себя с тошнотой, рвотой и паникой. У нескольких была истерика, включая Сероглазку.

Стивленд был мрачен.

«Двадцать процентов – это чрезмерно. Я совершил крупный просчет и вызвал ненужные жертвы, повторяя порочную историю моего вида. Я настолько серьезно предал стекловаров, что они никогда не примут мутуализм». И так далее. Я попросила у комитета разрешения поговорить с ним наедине. Медицинский советник бросил на меня непонимающий взгляд, но высказался за, и предложение было принято с воздержавшимся Стивлендом. Не знаю, почему он воздержался, но это было неважно.

Итак, все ушли из Дома Собраний, а я закрыла и заперла на засов дверь, села перед стволом Стивленда, вытащила нож и заговорила:

– Хорошее оружие, правда? Я получила его от Татьяны. А она получила его от Сильвии.

«Я его никогда раньше не видел. Это металл».

– Сталь. С Земли. Это тайна. Этим оружием Сильвия убила старого модератора, Веру. Ты знаешь ту историю? Я имею в виду – реальную историю. Все говорят, что бунт Сильвии был просто голосованием, что модератора сняли голосованием – что это был один-единственный случай. Ну, а на самом деле все было не так.

Сильвия хотела отправиться сюда, в Радужный город, а модератор не хотела, и другие Родители не хотели, и в итоге ей пришлось убить модератора. Этим ножом. Тогда были и другие раненые и погибшие. Сильвия даже оставила некоторых Родителей в старом поселке, потому что они не захотели переселяться сюда. Они тебя боялись.

Он ничего не сказал. Наверное, был потрясен до потери даров. Примерно на это я и надеялась.

– Сильвия передала этот нож Татьяне, а она передала его мне, чтобы я понимала: быть модератором – это не игра. Это нелегко. Это не весело. Мы не фиппокоты, довольные, мягкие и все такое. Ну, может, мы все-таки они. Фиппокоты могут убивать, если приходится, могут запинать до смерти, словно мелкие львы. Мы можем совершать ошибки, но можем и поступать правильно – даже когда это подразумевает нечто ужасное. Самое трудное – это знать, что надо делать.

«Родители боялись переселяться?»

– Ты же вечно твердишь, какой ты большой и могучий. Ты можешь быть пугающим.

«Я не хотел быть пугающим».

– Не тревожься. Это они были обязаны решать, когда не следует пугаться.

«Наверное, я слишком сильно хотел, чтобы вы пришли».

– Я рада, что мы это сделали.

«Я раньше не знал, что ей пришлось убивать, чтобы заставить колонию двигаться».

– В школе этому не учат, да?

«Я сделал все возможное, чтобы заставить Сильвию вернуться. Мне нужна была здесь колония обслуживающих животных. Я не хотел заставлять ее убивать. Это было бы в высшей степени нецивилизованно».

– Это она решила убить Веру, а не ты. И ты старался не убивать стекловаров – и по большей части не убивал. Я побывала в старом поселке во время исторической экскурсии для детей. Мы ходили на ходулях и притворялись землянами и исследовали старые ураганные убежища и пустыри, где росли снежные лианы. Не слишком хорошее место для жизни. Сильвия сделала то, что должна была сделать. И ты тоже. Мы можем делать ошибки, но ты не ошибся. Да, некоторые из них погибли, но ты ведь знаешь, что такое бойня, и это была не бойня.

«Погибших было больше, чем я ожидал».

– Больше, чем ты надеялся. Взвесь-ка эти слова: «ожидать» и «надеяться».

Он ненадолго затих.

«Разница в эмоции».

– Совершенно верно. Но чувства – это не факты. – Я взяла нож. – Я пришла передать его тебе. Куда его положить?

«У растений нет личного имущества».

– А у модераторов есть.

Через какое-то время он убедился, что я не передумаю, и решил, что мне следует положить его в стеклянный ящичек, как музейный артефакт, и закопать под полом Дома Собраний. Он сказал, что намерен взвесить и другие чувства и факты.

И, видимо, он так и сделал, потому что вскоре принялся руководить вскрытиями стекловаров.

«Я буду учиться на своих ошибках, потому что, хоть я и способен принести немалое зло, я могу и подарить немалое добро. Стекловары поймут разницу между конфликтом и мутуализмом». И так далее и тому подобное.

Мы разместили самок и детей на нашем берегу реки под большим открытым навесом у самого города, рядом с бамбуковой рощей, имеющей массу глаз и ушей. Они двигались, словно сомнамбулы. А еще они сонно били друг друга, лягались, скандалили и дрались. И не забываем о сонных попытках напасть на охранников.

Мы перестали давать самкам успокоительное, потому что все участники первой миссии (включая Сосну) считали, что у самок руководящая роль и что они гораздо рассудительнее Клетчатого. Ну, так оно и оказалось. Самки друг друга не били, только много и очень громко орали. Они не угрожали нам, а заносчиво и высокомерно нас игнорировали.

Мы начали устраивать самкам экскурсии по городу. Ну, вообще-то нам пришлось их умолять, а потом волочить почти насильно. Я начала называть их царицами. Нашла это слово в старой земной книге. Оно означало женщин, которые правят самонадеянно и держатся высокомерно. Царицы!

На четвертый день операции «Одомашнивание» я решила провести экскурсию сероглазой и еще одной, которую мы назвали Беллоной за ее воинственность. Она была чуть крупнее Сероглазки с едва заметными полосками на коричневом мехе.

Теплый утренний ветерок заставлял навес хлопать, охранники приветственно мне помахали.

– Чек-ооо! – крикнула я. – Доброе утро! Идем!

Дети подскочили и отбежали, сгрудившись у рощи. Царицы не пошевелились. Сероглазка сидела на циновке. Я взяла ее за толстокожую руку и мягко потянула, держа пальцы подальше от ее когтей.

– Пошли! Будет весело. Мы тебя даже обедом угостим.

Сначала она меня игнорировала, но в конце концов встала. Я передала ее руку Петру, который часто ходил со мной на экскурсии (плюс еще несколько охранников). Он был шестнадцатилетним внуком Татьяны, и его основной обязанностью было убежать и привести подмогу в случае необходимости.

При моем приближении Беллона отступила на несколько шагов и сказала что-то недружелюбное.

– Ты еще наш город не видела, – сказала я. – Ну, вообще-то, и ваш город тоже. – Я взяла ее руку и не позволила ее отдернуть. – Ты же знаешь, что мы не собираемся вам вредить. Какк-ккак! Пора идти.

Я потянула. Потом потянула сильнее. Еще одна царица сказала что-то, и у них начался короткий враждебный разговор. А потом Беллона все-таки пошла.

Мы двинулись к воротам, и за нами пристроилось двое охранников. Беллона сделала пару быстрых шагов – просто чтобы показать, что могла бы сбежать от всех нас, если бы захотела. Но когда мы зашли за стены, она остановилась как вкопанная и стала смотреть.

– Эй, тут красиво! – сказала я. – Я ведь говорила. Пошли, покажем вам еще больше.

В знак приветствия дети закрепили на зданиях надписи на стекловском. «Клиника». «Дом Собраний». «Центр даров». «Купальня». «Столовая». «Музей стекловаров». Похоже, царицы их не замечали. Сероглазка время от времени что-то ворчала Беллоне, а Беллона ворчала в ответ. Никакой реакции, пока они наконец не начали принюхиваться к кухне. Рагу из оленьих крабов с луком. Пахло чудесно, и я велела поварам выдать им по миске. Они все заглотали, а когда доели, Беллона швырнула миску на землю.

Она отреагировала! И я подумала, дурочка: Сероглазка уже бывала в городе и не впечатлена, а вот Беллона здесь в первый раз – и мы уже привлекли ее внимание. Ей понравится музей. Мы пошли туда, и я открыла дверь. Там полно фрагментов механизмов, старой посуды, обрывков ткани, стальная кружка… масса поразительных артефактов. Но самое главное – там в одном из эркеров есть диорама с разрушенным городом, а в другом – галерея с парой дюжин керамических портретов стекловаров с кладбища – и все надписи сделаны не только на мирянском, но и на стекловском. Беллона увидит, что к ним относятся с почтением и что они – наши друзья или хотя бы могут стать нам друзьями.

Мы вошли внутрь, и наши шаги звучали гулко. Я указала на

диораму и галерею со всем энтузиазмом, какой демонстрировала бы при обучении группы маленьких детей.

– Мы особенно гордимся вот этим. – Они, конечно, не понимают, но звуки и жесты важны. – Это был ваш город – и он может снова стать вашим.

Ей было неинтересно. По-моему, она ни на что не смотрела. С этими совершенно неподвижными лицами разве можно определить? Я решила пропустить Галерею Гарри несколькими домами дальше – еще одну дань стекловарам. Ее это не тронет, и к тому же дети и коты уже приготовились для них танцевать. Наше послание было совершенно ясным: «Мы хотим с вами дружить, так что одомашнивайтесь». И их ответ тоже был ясен: «Отвяжитесь».

Но пока дети и коты пели и кружились, мне пришло в голову взглянуть на это с точки зрения цариц. После всего, что было – нападений, и смертей, и нынешней жизни в холодном шатре без одежды, – Сероглазка должна меня всеми силами ненавидеть.

Дети и коты закончили выступление для Сероглазки и Беллоны (отличное представление с поразительными акробатическими трюками). Мы, миряне, захлопали и одобрительно закричали. Царицы изображали статуи. Серьезный мальчуган принес им гирлянды цветов и проговорил, стараясь передать стекловские звуки: «Конг-ви, конг-ви». Мы надели гирлянды царицам на шеи.

Позже, на заседании комитета в Доме Собраний, я сказала:

– Сероглазка понюхала цветы. Розы, очень душистые. А Беллона сказала что-то вроде «ротротротрот», и это все, чего мы добились, то есть, по сути, ничего. Я отвела их обратно к навесу. И там все царицы начали друг на друга орать.

– Они обсуждали визит, – сказал Бартоломью. – Но они расходятся в интерпретации событий. – Он почти все свое время проводил у навеса, наблюдая, и был готов общаться, если они захотят (они не хотели). – По-моему, мнение Беллоны особенно не совпадает с остальными.

– Не спешат одомашниваться, – проворчала Сосна. – Этим утром я развела работников и основных по разным загонам. Мы решили, что это может помочь.

– И помогло же? – отметил Канг. – Меньше драк, больше честных драк. И дерутся одни и те же, одни и те же против других, определенных других.

– Точно, там имеются группировки, – согласилась Сосна и передразнила Бартоломью: – Несовпадающие мнения. Особенно у Клетчатого, но это предсказуемо.

– Тогда давайте разделим их еще сильнее, – предложила я. –

Например, на разные группировки основных.

– Хорошо, – согласилась она. – Определи людей для постройки загонов. Но все работают на полях, как и следует, потому что поля нуждаются в уходе. У нас не хватит людей, чтобы все это устроить.

«На это уйдет время, – отметил Стивленд. – Однако и награда будет огромной».

– Сколько времени? Мы не такие медленные, как растения.

Стивленд дал ей ответ после небольшой паузы. Он в последнее время часто делает паузы, видимо, размышляет – как это делала Татьяна.

«Разум затрудняет прогнозирование, однако разумный выход всего один».

– Зато есть масса глупых, – парировала она.

«Действуя разумно, мы ограничиваем вероятность глупостей, подобно тому как обрезка дерева направляет его рост».

– Чтобы все получилось, понадобится масса обрезчиков, – сказала Сосна.

Некоторые Бусины начинают кивать.

После паузы Стивленд ответил:

«Я предлагаю стреножить тех стекловаров, которые склонны к дракам, чтобы ограничить им возможность ходить и лягаться. Возможно, связав им задние ноги».

– Они их развяжут.

«Проклейте узел».

Сосна побагровела. Думаю, ей не хотелось, чтобы Стивленд оказался умнее ее. Я поняла, что надо продолжать совещание. Если ей не по нраву операция «Одомашнивание» – прекрасно, у всех есть право на собственное мнение, вот только ее поведение стало напоминать мне царицу.

– Поручим это мастерам по коже, – сказала я, – у них найдутся прочные кожи и клей. Флора, ты с ними поработаешь?

– Учтите, – вмешалась Сосна, – что завтра будет гроза. Они окажутся под дождем. Им это не понравится.

– Будут стреножены, будут сотрудничать, получат крышу, – заявил Канг. – Могу делать крыши, крыть крыши, отдельные, и так мы их быстро разделим. Ведете себя хорошо – остаетесь сухими.

«Награда за хорошее поведение – это большой шаг к одомашниванию, – одобрил Стивленд, и Канг ухмыльнулся. – Мы с медиками пришли к выводу, что они общаются за счет запахов, используя различные летучие соединения и феромоны. Это объясняет относительную бедность звучащей речи. При вскрытии мы обнаружили, что их органы обоняния просто огромные, и

имеются крупные железы, создающие и распределяющие запахи. Обоняние у них намного тоньше моего и вашего, вот почему вы не заметили эти запахи, а мне надо спешно вырастить более чувствительные органы. Нам надо проанализировать и выучить их химический язык».

– Может, у них есть и язык оплеух, – вставила я, надеясь, что все посмеются.

Посмеялись.

«Насилие – это форма общения у животных, хотя ваши коммуникативные способности делают насилие слишком грубым для обычных социальных связей».

– У них правил меньше, – сказал Бартоломью.

– А может, они просто от природы гадкие, – буркнула Сосна.

Мари дипломатично проговорила:

– Возможно, их общественный уклад сломался. Для функционирования общества нужно очень многое. Я над этим задумывалась. Они все больны, даже дети. У них масса хронических заболеваний, и имеются плохо зажившие травмы. Детей очень мало, и самок, наверное, не хватает. Дисбаланс между основными и работниками. Сосна, ты ведь видишь, как они себя ведут. Они больны, и их популяция перекошена. Но почему? Мы можем устранять симптомы, но не способны будем их излечить, если не поймем причины. Возможно, это связано со средой, типа токсина в окружающей среде или дефицита питательных веществ. Возможно, была эпидемия. Мы с Наем прошлой осенью насчитали больше стекловаров. Они вымирают. Им нужна помощь.

Вид у Мари был болезненный, но она была полна энергии. Стивленд сказал мне, что токсины у нее в крови работают как стимуляторы.

Сделали еще несколько докладов. Фермеры пытаются обиходить посадки, но несколько полей придется полностью обновлять. Охотники заняты на охране стекловаров и не выполняют своих обязанностей, так что поварам придется использовать вяленое мясо или заменители мяса. Ничего приятного. Некоторые из нас задержались, чтобы потренироваться в издавании стекловарских звуков. Ваак! Ции! Чик-а-чик-а уф! Но все были усталые и быстро разошлись по домам.

Я шла по городу – и листья Стивленда шелестели у меня над головой. Растения устают, как и я, а он до сих пор вел переговоры с другими растениями, чтобы они производили оглушающие вещества в более точных дозировках, и те растения, с которыми ему приходилось иметь дело, не всегда были отзывчивыми и

сообразительными. Представьте себе растение вроде Сосны!

Итак, стекловары оставались пленниками. Не симбионтами. Не напарниками. Не одомашненными. Ничего похожего на этот самый дружелюбный мутуализм. Нам нужно терпение, терпение. Терпение. Черт, я стану царицей терпеливости.

Ну вот: такова была ситуация на четвертый день операции «Одомашнивание»: теплое весеннее утро, высокие грозовые тучи на горизонте, летучие мыши, распевающие в небе: «Идет дождь!» – на улицах масса народа, начинающего день или заканчивающего ночь. Вдоль по улице шагали несколько ребятишек с хворостом за спиной. Они трещали как стекловары: «кортлкортлкортл». Может, для них это было игрой – но им бы следовало сейчас сидеть в классе и учить таблицу умножения, а ведь когда они отнесут хворост, им придется идти работать на полях, пока их родители будут присматривать за нашими пленными.

Я поспешила к пекарне, чтобы помочь разнести хлеб. По словам Стивленда, один из способов одомашнивания животного – это его кормление: хлеб, рагу, плоды, салаты, супы, чай, жаркое… что найдется.

В пекарне пахло сладким дымом и хлебом – чудесно. Трое пекарей были по локоть в тесте. Все печи работали. В мокрой от пота и липнущей к телу рубашке Най вытаскивал из печи сланцевые поддоны с усыпанным орехами хлебом для стекловаров. Я и не знала, что у него такие мускулы! Ну, наверное, это сказываются подъем поддонов, вымешивание теста, перетаскивание мешков с зерном и мукой. У остальных пекарей тоже оказались сильные руки и плечи, когда я присмотрелась.

– Конечно, пшеница скоро закончится, – сказала одна из них.

Она формировала буханки из куска теста размером с четырехлетнего ребенка.

– У нас и так было маловато пшеницы, – откликнулся старший пекарь, занимающийся чечевичными пирогами.

– Маловато? – переспросила она. – У нас десятимесячный запас… вернее, был до того, как пришлось кормить дополнительные рты.

– Пять дней, одиннадцать мешков муки. Сама посчитай. Если урожая не будет, то муки не хватит.

– И дров тоже, – подхватила женщина. – Нам нужны дрова.

Старший пекарь поднял голову, и его лысый череп покрылся складками из-за выгнувшихся бровей.

– Может, пару помощников. Работать каждый день – это одно, но с восхода до заката? Я для этого слишком стар.

– Подмастерье, – ответила женщина. – Как насчет той

Жемчужины? Она достаточно взрослая.

– Жемчужина любит готовить, а не печь, – возразил тот. – Есть разница.

Наконец подал голос Най:

– Работник. Работник-стекловар. Они сообразительные. Они быстрые.

Мы все на него уставились. Он продолжил складывать ореховые батоны в корзину. Они получились безупречные.

– А я думал, ты их не любишь, – удивился старший пекарь.

– Моя любовь значения не имеет. Это то, что нам нужно. Нам надо сделать их нашей частью. Значит, они должны делать то, что мы делаем. Я буду с ними работать, буду их учить, буду с ними есть, буду с ними говорить. Потому что должен.

Все какое-то время молчали, а потом старший пекарь сказал:

– Они уже умеют печь. Они пекут хлеб. Так что смогут быстро освоиться в нашей пекарне.

– Ага, стекловар… – буркнула женщина.

– Ну, это ведь мутуализм, – объяснила я. – Вам нужны дрова и работник, и вы их получите.

Я улыбнулась им всем, и в особенности Наю. Он помог мне наполнить корзину батонами для цариц и детей.

Я прошла через центральные ворота городской стены. Мы держали их наполовину прикрытыми – на всякий случай. Приятно было оказаться снаружи, видеть глазурованную кирпичную стену и радужный бамбук, возносящийся внутри нее, словно в громадном саду, и мне было понятно, почему стекловарам захотелось нас выселить. Город прекрасен.

За рекой основные и работники ковыляли по своим загонам, огороженным широкими изгородями из колючих плетей ежевики и густых кустов терна. Охранники, включая Сосну, наблюдали за ними с луками в руках. Их страховали дополнительные часовые на дальнем берегу, а Флора показывала охранникам, кого следует стреножить. Канг вышел из леса, нагруженный пальмовыми листьями – материалом для крыш.

Орлиные перья. Когда все закончится, мне надо будет вручить в награду массу орлиных перьев.

Нам надо найти работника, который бы стал подмастерьем-пекарем. Как?

Я старалась не смотреть на вытоптанный сад ребятишек и взрытые поля, где раньше сверкали тюльпаны. Стивленд сказал, что с нашей помощью растения быстро оправятся и станут еще преданнее благодаря продемонстрированной нами заботе – особенно ананасы. Хотелось надеяться. Глядя на поля и лес, окружающие нас, я ощущала себя очень маленькой. А что, если

растения решат, что мы им не нравимся? Теперь они уже знают, что делать.

У цариц под навесом были циновки на земле и была еда, но ни одежды, ни мебели – ничего лишнего. А ожидался дождь, и вскоре будет холодать. Они захотят получить обратно свои накидки? В письме мы объяснили, что им достаточно будет просто попросить. Письмо лежало на земле – и, насколько мы знали, осталось непрочитанным. Однако мы точно знали, что кто-то из стекловаров умеет читать и писать. Им достаточно просто начать общение. Даже не обязательно соглашаться – просто нацарапать записку. Просто назвать нас идиотами. Хоть что-то. Чертовы царицы.

– Чек-ооо, Бартоломью! – прокричала я, входя под навес.

– Это как посмотреть, – проворчал он.

Он сидел на циновке и сам с собой играл в го. Царицы разговаривали друг с другом и вроде на нас не смотрели, даже когда я поставила корзину с хлебом в центре навеса. Дети подбежали и начали хватать хлеб, как только я отошла.

– Меня по-прежнему игнорируют, словно какашку, – посетовал он.

– Какашки – это дары. Можешь спросить у Стивленда. Ты – дар стекловарам. Они просто пока этого не поняли.

Кто-то из детей подхватил письмо с земли и вроде бы собрался его порвать – просто скучающий малыш, который ищет, чем бы заняться. Они были реально милые, эти детишки – с мягким курчавым мехом и чуть великоватыми головами, как у человеческих детей. Беллона что-то провизжала. Малыш положил письмо. Прискакавший кот сделал кувырок. Им детишки тоже понравились. Дети и кот принялись играть в «делай как я».

– Им не хочется признавать, что мы существуем, – сказал Бартоломью. – Но сегодня утром две из них встали и прошагали из-под навеса в сторону городских ворот. Им явно хотелось куда-то попасть: отлично, я сопроводил их, и они отправились прямо в музей. Во время первого визита они ни на что не обращали внимания – или так нам показалось, – но это было притворство, потому что они точно знали, что хотят посмотреть в этот раз – и это был раздел, посвященный оставлению города.

– Эй, это уже что-то!

– Она читала надписи, вон та, – он указал на самку с полоской курчавого черного меха вдоль спины, ту, которая прошлой осенью больше всего реагировала на наших послов. – Там написано не только по-мирянски, но и на стекловском, и они из-за чего-то поругались. Нет, «поругались» – это слишком сильно сказано. Они из-за чего-то расстроились. Они что-то обсуждали.

Что-то их глубоко тронуло. Ну, знаешь: та табличка, которая начинается словами: «Радужный город был основан примерно четыреста лет назад такими же космическими пришельцами, как мы». Они сразу же вернулись и с тех пор не перестают говорить. Послушай.

– Они друг друга перебивают.

– Как обычно. Там сказано, что в городе жила тысяча стекловаров. Думаю, именно об этом они и говорят. Я видел, как они считали на пальцах. Они что-то планируют, вот к какому заключению я пришел.

Беллона схватила письмо и стала им размахивать. Мы с Бартоломью переглянулись.

– Надеюсь, не какую-то глупость, – сказала я.

– Они не глупые.

Они продолжали разговаривать с теми же бесстрастными лицами и пронзительными визгливыми голосами. Курчавоспинной было что сказать. Я поставила несколько камней, чтобы усложнить Бартоломью игру, не переставая прислушиваться. Курчавая схватила буханку хлеба и ударила ею Беллону по лицу. А потом заорала так громко, что у меня в ушах зазвенело.

– Еда им нравится, – отметил Бартоломью. – Мари! Доброе утро!

Я повернулась: она поспешно шла к навесу. Утро было не холодным, но она натянула на себя несколько свитеров. Кожа у нее пожелтела, и она выглядела измученной.

– Доброе утро, Бартоломью. Как они едят?

– Съедают все, что мы им даем.

Он встал, чтобы ее обнять. Зеленки постоянно так.

– Даже рагу и салаты?

– Они обожают рагу.

– Отлично. Стивленд ночью провел несколько анализов. Они истощены, сильно истощены, болезненно. Они инвалидизированы, и рост у них остановился преждевременно. Это… – Она покачала головой. – Это многое объясняет. Царицы в том же положении, что и все, а ведь они вроде бы предводители. Они не в том состоянии, чтобы руководить.

Царицы продолжали спорить, игнорируя нас. Мари встала прямо посреди них и начала указывать и говорить – крича, чтобы ее услышали.

– Посмотрите на их глаза! Обратите внимание на фасетки! Часть сверкает, а часть – нет! Вот эта самка – смотрите, она полностью слепая! – Это оказалась Сероглазка. – А вот у этой – видите сероватую область по краям глаз? Видите, какая она

широкая?

Я подошла на несколько шагов и прищурилась.

– Так что она видит только центром глаза? Это даже не половина. Черт.

У Курчавой глаза были почти целиком блестящие. И она возглавила какой-то план.

– Да, слепота, – подтвердила Мари. – Но есть и еще кое-что похуже. Посмотрите сюда, на кожу вокруг глаз и рта. – Сероглазка от прикосновения Мари дернулась, словно на нее прилетел жук. – Эти отметины, похожие на морщины – на самом деле это язвы и шрамы от язв. Это не все, но под мехом их не видно. Зубы у них в глотке, и у тех, кого я вскрывала, зубы были испорченные. Эти стекловары – не такие, как в музее. То есть они, конечно, потомки, но их здоровье… Пропорции выглядят неправильными. Стариков нет, а если никто не доживает до старости, то они все умирают молодыми от чего-то. Если ты истощен, то возникает масса всяких проблем.

Она гневно махнула на траншею, используемую как центр даров.

– В части фекалий есть кровь и всяческие паразиты. Простое слабительное принесло бы немало пользы. – Она упала на колени перед ребенком – тем, который побывал в коме от транквилизаторов, – и взяла его за руки. – Посмотрите на этого ребенка. Глаза уже портятся. Мех редкий, когти деформированы.

У нее на глаза навернулись слезы. Ребенок нервно дернулся.

У меня возникло чувство, что я должна что-то сделать.

– Язвы на ногах не заживают, – не унималась Мари. – Изъязвления у ребенка! – Она дотронулась до суставов, и ребенок завизжал. Царицы замолчали, а Курчавая подошла ближе посмотреть. – Деформированные суставы. И мне страшно подумать, – у нее по щекам потекли слезы, – как это отражается на умственном развитии. Нам с трудом удается обеспечить себе полноценное питание. Это требует всех наших умений – и немалой помощи Стивленда. Мы не созданы для этой планеты, но можем получать необходимое.

Она зарыдала: болезнь не давала ей успокоиться.

– Мы можем им помочь. Мы можем вернуть стекловарам здоровье. Если они нам позволят.

Я встала на колени и обняла ее за плечи. Эти слова меня поразили: «если они нам позволят». А зачем нам ждать? Это – навязанная дружба. Мы решили, что будет так. Мы заставим их принять помощь. Власть у нас, и пусть чертовы царицы привыкают к этой мысли, чем скорее – тем лучше.

Я глубоко вздохнула. Злость ничему не поможет.

Курчавая что-то говорила Бартоломью.

Общение! Пусть мы и не можем понять, что она говорит.

Он взял грифельную доску и начал писать.

– Она есть печаль, – громко зачитал он, указывая на Мари. – Вы все есть болезнь.

Он протянул доску Курчавой, которая стала ее рассматривать, водя пальцем по линиям письма. Она умеет читать!

Он продолжил писать:

– Вам нужна хорошая еда. Мы есть печаль потому что вы болеть. Мы дать вы хорошая еда.

Курчавая прочла, снова повернулась к остальным и начала на них орать. Бартоломью посмотрел на меня и подмигнул.

– Хотите говорить? – заорала я на нее. Если им нравится ругаться, то я могу тоже. – Я хочу слушать. Чек-ооо! Ккак!

Она повернулась ко мне.

– Бартоломью, скажи ей… нет, заставь ее прийти поговорить со мной в Дом Собраний. Наедине. Мне есть что сказать.

– Заставить?

Я взмахом указала на окружающий нас радужный бамбук.

– Пора становиться агрессивно-дружелюбными, верно, Стивленд? Я и она, и больше никаких идиотских игр. Мы становимся лучшими друзьями. Прямо сейчас.

Бартоломью бросил взгляд на Мари.

– Наверное, пора попробовать что-то еще.

– Приведешь ее.

Я ко-модератор. Я могу приказывать. Я помогла Мари добраться до ее дома, чтобы она отдыхала – чего она делать не желала, – а потом пошла к Стивленду в Дом Собраний.

– Хэй, воды и солнца. Я намерена навязывать дружбу. Хватит быть милой.

«Тепла и воды. – Пауза. – Ты – личность симпатичная, а новая тактика представляется перспективной, но тебе не понравится данное мной обещание».

Дверь оставалась открытой, так что встреча не была тайной, но в Дом Собраний никто не зашел. У всех было слишком много работы.

– Ты мне всегда будешь нравиться.

Я села. Его жизнерадостность, скорее всего, была напускной, как и моя.

«Я обещал апельсиновым деревьям, что вы их срубите».

– Что?! Черт, мне никогда не понять растения.

«Они не хотят, чтобы их срубали. Но они не желают выращивать питательные сережки для стекловаров, которым

нужны аскорбиновая кислота и тиамин, с медью. Я могу переместить к апельсиновым деревьям медь для этой цели. Вы могли бы обрывать сережки в таком количестве, чтобы опыление по-прежнему происходило. Однако они отказываются обогащать свои сережки. Животный эквивалент был бы лев, бросающий вызов фипп-мастеру».

– Фипп-мастер Стивленд?

Я хотела пошутить. Он ответил медленно:

«Возможно, сравнение не идеальное, хотя созданный тобой образ смешной. Они упрямятся. Дополнительное количество меди обеспечит увеличенное производство цитохромовых энзимов и пластоцианинов в их хлоропластах. Им такая деятельность пошла бы на пользу. Они отказываются, потому что апельсины по природе своей непокорные. Они регулярно отказываются присоединиться к нам, остальным растениям, для синхронизации, чтобы делиться опылителями или плодоядными животными для распространения семян, – возможно, потому, что растут в тени и не нуждаются в договорах по лиственным правам. Однако они не неразумны. Они осознают, что им выгодно нам помогать».

Хорошо хоть, я знала, что такое хлоропласты.

– Если мы их срубим, то ничего не сможем собирать.

«Я предлагаю срубить одно дерево под корень, что почти варварство, но необходимое. И нам надо спешить. Их сережки как раз завязываются. Если сильно подрубить дерево, оно пострадает, но не погибнет, а вся роща испугается. Мы не можем ждать. Стекловары давно больны, и, если мы сможем вернуть им здоровье, они станут податливее. Они увидят, что мы желаем им добра и что совместная жизнь с нами будет полезна для всех. Нам надо апеллировать к разуму стекловаров. Я заметил, что разумные существа легче поддаются управлению, потому что они способны предвидеть результаты своих действий на больших отрезках времени».

– Управлению?

Татьяна говорила, что он стремится забрать над нами слишком много власти.

«Совершенно верно. Вы, люди, и я почти без труда смогли прийти к мутуализму, а он подразумевает взаимный контроль. Я – существо общественное, так что наличие общественного контроля желательно. Стекловары подчинятся, но нам надо спешить. Я устал. Знаю, что вы тоже. Болезнь Мари прогрессирует. Апельсиновое дерево надо срубить уже сегодня утром. Древесина очень полезна. Я могу направить лесника к оптимальному дереву, чтобы максимально напугать апельсины».

Это прозвучало не слишком пугающе – по крайней мере, то,

что касалось взаимного контроля.

«Лесник мог бы привести льва, – предложил он. – Деревья львов боятся. Львы едят корни. Для животных это эквивалентно атаке на лицо. И вы, и стекловары – не аборигены Мира, поэтому исходно вам тут плохо. Я прилагаю немало усилий, чтобы поддерживать ваше здоровье, а стекловары не получают помощи и слабеют. А когда они раньше здесь жили, я был не в состоянии помогать им так, как помогаю вам. Возможно, город умер из-за недоедания – если предположение Мари верно и недоедание ведет к развалу общества. Я не знаю. Невежество – это еще один вид дисбаланса. Я могу делать только самые общие предположения относительно их потребностей, но мы сейчас быстро выясняем много разных вещей».

На улице начался дождь. Мне хотелось бы закрыть дверь – но в этом случае мы оказались бы одни.

– Хорошо. Царицы… ну, ты видел. Они что-то задумали.

«Они поняли, что ситуация совершенно неожиданная. Возможно, это даст нам шанс к общению и созданию нового равновесия. Бартоломью убедил одну из цариц прийти. Полагаю, его крики и гнев были наигранными. Люди обладают исключительной способностью к притворству».

– Точно. Я тоже могу кричать.

«Тебе надо уравновесить ее поведение. Полагаю, это станет поворотным моментом. Нам всем пойдет на пользу, если текущее патовое положение удастся завершить позитивно».

– Равновесие, равновесие, равновесие.

Я услышала голос Бартоломью:

– Вот куда мы шли. Сюда. Нет, сюда!

– Чек-ооо! – крикнула я. Царица и какой-то работник вошли и остановились. – Заходите! – позвала я, маня их к себе.

Бартоломью с зонтом из пальмовых листьев подгонял ее сзади, и она шагнула ближе, а следом за ней – работник. Даже издали я увидела, что работник болезненный и немного слепой, – Мари уже научила меня, на что обращать внимание.

Курчавая осмотрелась.

Бартоломью уселся за стол, демонстрируя, как принято себя вести в Доме Собраний. Она сделала еще несколько шагов.

– Она настояла на работнике. Поэтому мы так долго.

– Нет проблем. – Я взяла грифельную доску и кисточку. – «Мы предлагать-вы дружба. Мы говорить-вы о будущем. Я быть Люсиль» – я постаралась записать свое имя фонетически. – «Я быть глава город».

Я повернулась в Бартоломью. Письмо мне не особо хорошо давалось.

– Грамматика правильная? Императив?

– Почти.

Он поправил какое-то слово. Царица нагнула голову, чтобы посмотреть. Я осталась сидеть – мое лицо было на уровне ее большого тела, в пределах досягаемости четырехпалых когтистых рук.

– Ну, – обратилась я к ней. – Говори, что ты думаешь.

Я подвинула письменные принадлежности к ней. Она воззрилась на них и издала звук – вроде бы отрицания.

Я встала.

– Ну мы же не можем ждать вечно – ни мы, ни вы. Нам надо как-то двигаться. – Я снова указала на кисть, краску и доску и как можно царственнее сказала: – Напиши хоть что-то, черт подери. Ты одна – и тебе не надо спорить с другими царицами – только со мной.

Она посмотрела на пишущие принадлежности с подозрением. Кисть она взяла, как незнакомый инструмент, примеряясь к тому, как держать ее четырьмя пальцами – два маленькие и противопоставленные, два прямые, но с суставами, как у человека. По наружной стороне ее пальцев шла жесткая полоса плоти, вроде как ноготь. Продольные кутикулы в некоторых местах были смещены и покрыты свежими струпьями. Она начала писать медленно, и буквы получались неровными, как будто ей никогда особо не приходилось писать.

«Вы украсть мы вещи». Перевод: мы забрали все их имущество. И правда.

– Напиши вот что, – сказала я Бартоломью: он мог писать быстрее и лучше меня. – Мы их себе не оставим. Вы знаете, что нам нужна дружба, а не война. Мы можем поделиться городом.

Она прочитала написанное, что-то проворчала, а потом устроилась на скамье, поджав под себя ноги, – села. Работник уселся на полу рядом с ней – очень близко.

«Может вы не нуждаться-вы друг», – написала она.

Готова спорить, что слово «друг» она написала с презрением.

Стивленд ответил: «Да, мы не нуждаться. Не нуждаться есть искусство. Наше искусство есть мы дружить с вы». Это была игра слов, потому что «искусство» и «нуждаться» писались почти одинаково. Бартоломью указал на ствол Стивленда. Курчавая посмотрела и сказала что-то вроде «Иип!» Она кивнула и повернула голову вбок. В горле у нее скрежетнули зубы. Работник придвинулся к ней поближе.

Он продолжил на стекловском: «Я быть Стивленд. Твои предки меня знать. Я рад возможно к ты обращаться». Перевод: «Как тебя зовут?»

Она указала на него и посмотрела на меня. Начала что-то говорить, но остановилась.

Я кивнула.

– Стивленд, – сказала я, сопровождая слова жестами. – Люсиль. Бартоломью.

Я указала на нее. Она произнесла нечто вроде «Видеть-Ты». По крайней мере, я повторила именно это.

«Вы разум выбрали делить-мы город, – написал Стивленд. – Вы болеть. Твои сестры быть-они слепы. Ваши дети дрожать от голод один. Мы вы кормить. Делать вы здоровые».

Она фыркнула. Тонкими, покрытыми болячками пальцами она обмакнула кисть в краску и начала писать – кажется, слово «мы», – но зачеркнула его и написала медленно, с трудом построив слово «рабы».

Я взяла кисть и написала: «Нет. Никогда рабы». Но почему?

Я посмотрела на Бартоломью.

– Объясни ей закон.

– Наши записи, – Бартоломью писал на стекловском и вслух повторял на мирянском, – требуют делать равенство. Никаких рабов. Хочешь читать наши книги? – Он встал и забрал оригинальную копию нашей Конституции со стола, где она лежала под стеклом, и положил перед ней. – Я могу тебе перевести.

Она подалась вперед, чтобы лучше видеть.

Най вошел с подносом. Я этого не ожидала. На подносе была масса еды.

«Тепло и солнечный свет, Най, – сказал Стивленд на стекловском. – Я просить Най нести мы еду».

«Вы вернуть мы оружие», – написала она, вроде как не замечая Ная.

Я задумалась над объяснением, но Стивленд меня опередил:

«Оружие быть они с равенство, поймите, потому что мы также верим в осторожность, а вы пытаться мы убивать».

«Мы. Ты быть растение», – написала она и произнесла это вслух. Кажется, я поняла как скрежещет «быть».

«Я быть равный», – заявил Стивленд.

Она снова фыркнула. Най выставил на стол радужные плоды, ореховую пасту, мясо, запеченные овощи и краснопсовый чай. В краснопсовом чае много витамина С.

Я показала пример: я не завтракала и проголодалась. Она немного помедлила, но вскоре уже аккуратно лакала чай из мисочки. Най сел рядом с работником и с улыбкой подал ему тарелку с овощами. У него по глазам шли сероватые полосы, на внутренней стороне локтей не было меха и горели красные

растрескавшиеся шрамы. Когти у него были маленькие и загнутые, словно ногти, отрастающие после удара. Я пояснила Наю, что это значит.

Он смотрел в пол так долго, что Видеть-Ты это заметила. Наконец он снова посмотрел на работника.

– Стивленд, скажи, чем их кормить, и я приготовлю это.

«Спроси у них, что они хотят есть, а я помогу тебе сделать эту еду полезной. Они будут есть больше, если предложить им еду, которую они считают желанной».

Бартоломью отставил свою тарелку, взял грифельную доску и передал Видеть-Ты вопросы Ная. Слаще? Соленее? Жареного лука? Мяса? Что любят дети стекловаров? Похоже, эти вопросы вызвали у нее раздражение.

«Хотим-мы одежда».

– Эй! – сказала я. – Мы ждали, когда вы ее попросите. – Я встала, открыла комод, стоявший у стены, и вытащила оттуда накидки. – Хватай свою.

Вместо этого она взяла блюдо с запеченным оленьим крабом, принюхалась – и уставилась на нее. Я запоздало поняла, что по краю шли стекловские слова, означающие разную еду. Она сказала что-то, очень негромко. Воздух запах чуть слаще. Какое-то запаховое слово?

Она взялась за стило: «Возможно мы не все согласны мы».

– Непростая грамматика, – отметил Бартоломью. – Она сказала: «Возможно, среди нас всех нет согласия». То есть царицы, как всегда, начнут спорить. И это создает интересную ситуацию. Или, наверное, ярче освещает уже существующую. Мы видели, что они дерутся друг с другом. Надо ли нам относиться ко всем одинаково? Или нам стоит разделять и властвовать?

– Скажи ей, что согласные получат не только одежду и еду, но и укрытие. – Бартоломью выразительно поднял брови. – Ну я же обещала агрессивность, так? И я говорила серьезно. Сотрудничайте – и получите дом. Посмотри на дождь. – Я подняла накидку. – Это твоя, Видеть-Ты? Ккак? Дом, накидка, укрытие, еда! Мы даже работать вам разрешим. Да? Тсии! Вот, держи.

Я подошла к ней, стараясь делать вид, что оказываю большую честь (и так оно и было), и набросила на нее ее серовато-зеленую накидку.

Решающий момент.

Бартоломью начал что-то писать.

«Я желать-мы дом», – ответила она, не дав ему даже закончить.

Вбежала мокрая Сосна:

– Я слышала, она говорит!

Я решила сделать вид, будто она будет довольна новой агрессивной дружбой, хотя, скорее всего, это было не так. Она бросила дождевик на вешалку у двери, прошествовала с видом фипп-мастера, утверждающего свой статус, и начала читать через мое плечо.

«Определить «мы» возможно», – написал Бартоломью.

«Мы значить мы-семья».

– Сколько? – тут же вопросила Сосна.

Я собиралась задать тот же вопрос, но без такой встревоженности, а Бартоломью уже писал его – без всякой встревоженности.

«Три основных, четыре работника, двое детей. Они с вы не драться».

– Почему? – проорала Сосна.

«Она возможно что», – написала Видеть-Ты, мотнув головой в сторону Сосны. Перевод: «Кем она себя считает?»

– Ты знаешь, кто я, – сказала Сосна. – Почему они не будут нападать? Что вы вообще тут устроили? Ну-ка, дай мне кисть!

Сосна схватилась за кисть, которую держал Бартоломью. Тот ее не отпустил. Видеть-Ты посмотрела на свою кисть, вздыбила ряд кучеряшек на спине, а потом обмакнула фетровый кончик в краску и снова начала писать. От нее пошел цветочный запах, который был мне знаком, но который я не смогла назвать.

«Те без матерей нападать. Матери управлять своя семья, сирот больше семей и управляют страхом всеми. Сироты приказали напасть на вы захватить город. Сироты сжигают красивый куст Стивленд чтобы дать вы страх. Теперь я без сирот возможно безопасна, дом, еда, одежда, сухо, тепло, отдых, мир, счастье».

Она писала медленно.

Мы молча прочитали, а потом Бартоломью сказал:

– Это многое объясняет.

– Если этому верить, – проворчала Сосна.

Видеть-Ты уставилась на Стивленда, что-то сказала и написала:

«Многие умирать когда мы кочевать. Многие матери. Мы вернуться или умереть. Город дать здоровая жизнь. Возможно».

Это был вопрос.

– Мы вас принимаем, – проговорил Най дрожащим голосом.

Я повернулась и увидела, что он зачитывает сообщение на стекловском на стволе Стивленда. Най обхватил работника за плечи и прижал к себе. Лицо у него было такое, будто он вот-вот засмеется или заплачет.

– Если семьи такие маленькие, то у нас остается много враждебно настроенных сирот, – сказала Сосна без смеха.

– Спроси у нее, зачем они зажарили Роланда? – спросил Най, почти со слезами. – Пожалуйста, спроси!

Бартоломью записал его вопрос.

Она опустила голову, а потом написала: «Сироты говорить вы есть мертвых как орлы. Я говорить нет – и если нет, вы жить. Я пробовала музыка-палка, но украсть она. Я любить музыка. Я любить еда. Я любить живы вы».

Она положила кисть и почесала болячку у глаза. Мне хотелось схватить ее за руку и заставить прекратить это. Мне хотелось схватить ее и закружиться с ней по комнате. Мне хотелось схватить Стивленда и обнять его, потому что он наверняка чувствовал то же, что и я, или обнять Ная или Бартоломью… Но я боялась ее испугать. Вместо этого я взяла у Бартоломью кисть и написала: «Друзья».

Это ведь был мой лозунг: «В следующий раз – друзья!» Люсиль, идеальная фиппокошка: веселая, услужливая, игривая, мягкая. Любезная…

– Эй! – сказала я. – Наши друзья заходят внутрь.

Конечно, все было не так просто. Сосна беспокоилась: жилища цариц придется сторожить, потому что доверять им не следует, что было верно. Она беспокоилась насчет того, какие именно дома и где им выделить, и в итоге нам понадобилось всего три, потому что четвертая царица заходить отказалась.

– Беллона говорит, что это уловка, – сказал Бартоломью, вернее прокричал, потому что дождь превратился в ливень, и порывы ветра забрасывали капли под открытый навес. Беллона и ее ребенок жались в самом защищенном месте. – Она говорит, что она пленница.

Мне под дождевик задувало воду.

– Скажи ей, что она сейчас пленница. Если она зайдет в дом, то станет другом. Получит обратно свою одежду. О, черт! Я все равно принесу накидку ей и малышу.

Я заметила, что на той стороне реки сделанные Кангом крыши держатся отлично.

Я рассчитывала на то, что вечернее заседание комитета станет небольшим праздником. У нас наконец-то появились хорошие новости!

– Семейные работники и основные выведены из загонов. Меньше драк, – отметил Канг.

– Да, но за стенами почти шестьдесят стекловаров-сирот, которые нас ненавидят, – сказала Сосна. – И около тридцати других стекловаров внутри стен – тоже, а под дождем

стреноживать не получится. Не надо расслабляться.

«Осторожность будет уместна, – отозвался Стивленд. – И все же мы добились большого прогресса в одомашнивании. Если бы победили сироты, город захлестнуло бы варварство».

– Они считали варварами нас, – сказал Бартоломью. – Дипломатия себя оправдала.

Он кивнул в сторону Мари: та не переставала улыбаться с того момента, как я разбудила ее после дневного сна и поделилась нашими новостями.

– Нам следует отметить этот день! – воскликнула Маргарита. – Это – день, когда стекловары наконец вернулись домой. Надо написать музыку, прославляющую успех миссии, провести астрономические исследования, чтобы вспомнить наши первые дома…

– Соревнования лучников, – сказала Сосна без улыбки. – Лучники нас спасли.

– Нет, никакого оружия! – возразила Маргарита. – Мы ведь хотим отпраздновать нашу дружбу, правда, Люсиль?

– Точно, – согласилась я. – И нам можно праздновать сейчас. Операция «Одомашнивание» работает!

– Лучники сейчас работают под дождем, – проворчала Сосна.

«Возможно, пир, – предложил Стивленд, – особо питательная трапеза в этот день через год. Сейчас еще многое надо сделать. Мои аванпосты докладывают, что выше по течению уровень воды в реке поднимается. Весенний разлив осложнит наш надзор над сиротами».

– Только этого нам не хватало! – бросила Сосна.

Вот вам и радостное собрание. По дороге домой я зашла в дом к Видишь-Ты. Охранник открыл дверь, и я заглянула внутрь. Царица сидела на матрасе, уложенном на пол около очага, в наброшенной на тело накидке, а ее семья жалась к ней. На столе были остатки обильной, вкусной и полезной трапезы. В комнате пахло странно, не сказать чтобы сладко: как-то незнакомо, но радостно. Счастливый запах. Она повернула голову в мою сторону.

– Чек-ооо! – сказала я. – Извини, что потревожила. Хотела просто пожелать доброй ночи.

Я помахала рукой. Она помахала мне в ответ, и к ней присоединилась вся семья: десять рук энергично махали: согретые, накормленные, сухие, обретшие дом и безопасность и мирно отдыхающие под мягкими накидками, радостные… Я надеялась, что они рады.

Я была рада и повернулась к двери. Охранник закрыл ее за мной, посмотрел на меня с широкой улыбкой – и мы обнимались

и смеялись этой холодной дождливой ночью, празднуя.

Стивленд

Вода – это жизнь. По крайней мере, так говорят растения. Я не обсуждал духовные ценности с людьми, но они отмечают равноденствия и солнцестояния и ведут тщательные наблюдения за звездами, а каждая звезда – это солнце. Я подозреваю, что люди испытывают не облеченное словами благоговение к Солнцу. Солнечный свет предсказуем, так что Солнце – подходящий объект поклонения для цикличных существ, подобных животным. Растения почитают воду не из-за ее необходимости, а из-за непредсказуемости: наводнения и засухи. Мы растем и меняемся со временем, и мы чтим воду.

Когда Солнце садится, я готовлюсь к обряду, напоминающему человеческий праздник в честь весеннего равноденствия. Мы, растения, будем праздновать. Пришли весенние дожди, глубоко напитавшие почву: повод для радости, ибо мы направляем воду вверх, к почкам, – и новые листья и побеги расправляются по мере того, как вода наполняет наши клетки. Мы растем. Это ощущение приятно… если точнее, то это – ликование.

Люди овладели ситуацией, и два дня назад стекловары начали общаться с людьми – только некоторые из них, но ограниченное общение приведет к глубокому взаимопониманию. Имел место прогресс, погодные условия стали благоприятными, катастрофа уступила место оптимизму и великолепной весне. Весна – это самое нетерпеливое, волнующее, торжествующее время года. Мы празднуем жизнь.

С наступлением темноты мы, растения, занимаемся катаболизмом и ростом, но имеется и избыток энергии, которую можно потратить на веселье и подарки. Я отправляю моим соседям карбид кальция, а у них в достатке воды, чтобы разложить эти молекулы на ацетилен, который затем окисляется с чудесным выбросом энергии, забавной и питательной. Из-за борьбы со стекловарами я был усталым и подавленным, но сейчас оправляюсь и рад делиться, ибо победа была достигнута с помощью моих соседей. Не могу как следует выразить свою радость и благодарность. У нас есть дождь, у нас есть мир, у нас есть жизнь. Мы растем.

– Меня обрезали! Обрезали! – поют чечевицы.

– Хорошо! – скандируют тюльпаны. – Хорошо. Хорошо. Хорошо. Хорошо.

Ананасы шлют мне изопрены.

– Ты говорил, что людям по душе терпены, – говорят они. – Ну вот. Порадуй их.

Изопрены можно преобразовать в различные полезные терпены – отдушки, витамины, вкусовые вещества. Я уже начал разбираться со значением некоторых запахов стекловаров: эти вещества хорошо знакомы нам, растениям, – например, определенные терпены и спирты. Любое растение способно создать десятки или даже сотни запахов, в зависимости от его разумности и сложности его цветов и других структур – и мы часто общаемся с ящерицами и другими опылителями именно с помощью запахов. Возможно, стекловары будут способны общаться не только со мной, но и с другими растениями. Не знаю, понравится ли мне это.

Полномочный представитель каробов отправляет мне щедрую порцию ионов цинка.

– Неплохо поработал, мошенник. Славные животные, эти твои люди. Не забудь про нашу договоренность.

– Насколько далеко на юг вы желаете отправиться?

Я отправляю столько карбида кальция, что хватило бы взорвать корешок.

– Пересели меня ближе к полезным животным, подальше от тебя.

Оказывается, я не единственное растение с корнем юмора.

– Назови полезное животное.

– Хорек.

– Вымер.

Из-за бамбука.

– Дракон-гекко.

– Медлительный, тупой и ядовитый. Как раз для тебя.

– Люди работают на декоративную, плодоносящую траву-переросток. Что они в тебе нашли?

– Плодоедам нравятся интересные плоды, – говорю я ему. – Я хорошо с ними обращаюсь.

Он отправляет мне немного фруктозы – фруктового сахара. Я отправляю ему ксилозу, древесный сахар. Даже до того, как я отрастил корень юмора, я понимал, что сахар – комичное вещество, потому что его химическая структура ужасно вычурная. Каробы редко бывают так хорошо настроены. Сахар!

Ивы, пальмы, пшеница, ямс, даже апельсиновые деревья – мы все радуемся перспективе благоприятного сезона и раскрываем почки, готовясь к завтрашнему солнечному свету. Весенние разливы случаются регулярно и просто раздражают большинство прибрежных растений, но снежная лиана внезапно паникует.

– Жуки пропали! Жуки пропали! Большие животные едят жуки! Сок управляет двумя животными! Вода пришла, жуки ушли!

Она не осознает, что жуки восполнимы. Тем не менее я разделяю ее озабоченность. Жуки-снежинки одновременно питали и одурманивали работников и основных. Кроме того, разлив создает логистические проблемы. Я отправляю снежной лиане немного карбида кальция.

– Еще! – просит она.

Я выполняю ее просьбу и говорю:

– Вода уйдет, жуки вернутся. Корни в порядке?

– Корни в порядке. Жуки пропали! Большие животные едят жуки! Сок управляет двумя животными! Вода пришла, жуки ушли! Жуки ушли!

– Вода уйдет, жуки придут. Радость сегодня, радость завтра.

Я повторяю это несколько раз, приправляя послание карбидом кальция, и снежная лиана наконец успокаивается.

Лук почти такой же бессловесный, как и тюльпаны, и он сегодня не радостный. Я не слишком привязан к отдельным листьям, а вот лук дорожит своими, потому что они вырастают из единой луковицы. Миряне собирают урожай только после того, как у лука появляются детки для размножения. Лук пострадал от несвоевременных налетов стекловаров, и только предложенный мной «пестицид» заставил стекловаров прекратить сбор. Сейчас низинные поля лука затоплены, что отсрочит его рост, если не убьет окончательно. Я отправляю через свои корни побольше кислорода. Смерть от утопления – длительная и тяжелая. Возможно, фермеры смогут сделать стены для защиты посадок. Дождь закончился этим вечером, но река будет подниматься еще несколько дней.

У людей жизнь постепенно налаживается. Сегодня в клинике нет больных или травмированных. Из-за разлива реки надзор за сиротами-стекловарами затруднен, но этот же разлив их изолировал. Они слишком одурманены, чтобы переплыть быструю реку, а значит, охранники могут немного расслабиться. В целом сироты стали вести себя более цивилизованно даже без стреноживания, а кое-кто даже помогал собирать еду, облегчив людям работу. Беллона – самка, сотрудничающая с сиротами, – чуть снизила свою враждебность.

Но можно ли это считать истинным одомашниванием? На ежевечернем собрании комитета Сосна говорит, что судить трудно:

– Повернемся спиной – и окажется, что сироты только того и ждали.

– Согласен, – говорю я. Най озвучивает мои слова. – Обрезка еще не закончена.

– Согласен? – удивляется она.

– На одомашнивание нужно время.

Мне следовало бы пояснить свои слова, но меня отвлекает праздник растений. Кароб с помощью альдозы и кетозы создает шутку насчет воды. Концовка у нее такая: вода плоская! Как снежинки! Конечно, но кто бы представил это именно так?

– Надо, чтобы они нас боялись, – говорит Сосна.

Я пытаюсь выделить корень для внимания.

– Страх обрежет их деятельность.

– Не могу поверить, что мы с тобой пришли к согласию!

– Разумных действий немного. Вероятность согласия велика, – говорю я, не желая копать глубже.

Я давно не проверял состояние здоровья Сосны. Очень жаль, что не получалось. Она ведет себя непоследовательно, а это может предвещать более серьезные проблемы. С момента постановки первого диагноза я выявил пять случаев болезни Джерси. Пациенты жаловались на обсессивно-компульсивное поведение. Сосна одержима стекловарами. Можно ли как-то заманить ее в клинику?

Я пишу: «Мы все стремимся к мирному решению».

– Иногда надо сражаться, – возражает она. Она встает и расхаживает туда-сюда, чтобы сделать свои слова внушительнее. – Нельзя вечно их одурманивать, а они атакуют при первой же возможности. Будь на их месте орлы, ты бы захотел их уничтожить.

«У орлов не та степень разумности, – напоминаю я, отыскав внимательный корень. – И кроме того, стекловаров мало. Истребление не цивилизованно. По возможности даже орлов следует не уничтожать, а просто отправлять охотиться в иных местах. Они едят оленьих крабов, которые едят растения, в том числе и меня, так что я ценю их экологическую нишу».

– Орлы достаточно разумны. Они пользуются огнем. Не будь тюльпаном. Вопрос стоит так: мы или они. Сирот пятьдесят два, а у нас максимум сто годных бойцов, а стекловары быстрые, так что у них преимущество.

– Черт, – вмешивается Люсиль. – Так ты предлагаешь убить их сейчас?

Мы все – она, Сосна и я – правильно понимаем нахмуренные лбы, качающиеся головы, опущенные взгляды, все те мелочи, которые выдают мысли остальных членов комитета. Никто не хочет их убивать. Бартоломью переводит для Видеть-Ты, пришедшей на совещание. Ее реакцию прочесть не удается, но я улавливаю запах, значение которого мне неизвестно.

– Ну и глупо, – говорит Сосна. – Можно было бы все закончить. У нас нет времени сидеть и ждать. Надо делать

посадки. Надо охотиться. Слова приведут нас всех к смерти.

Она с размаху плюхается на скамью, демонстрируя неуместный гнев.

Миряне уже начали охотиться и работать на полях. Они заново засадили испорченные поля и выполнили достаточно основных работ, чтобы изредка позволять себе дополнительные занятия. Они собрали пыльники крокусов на пряность и установили капканы на молодых ленточников, чтобы выращивать их на волокно. Охотники набили оленей и птиц, спасающихся от наводнения, обеспечив хорошие трапезы. Лесники выловили из реки стволы и уложили сушиться, чтобы распилить на зимние дрова. Миряне много сделали, как и докладывалось комитету, так что пессимизм Сосны оспаривают. Основные и работники сотрудничающих самок начали участвовать в городских работах.

– Стекловары – молодцы, – говорит какой-то фермер. – За три дня делаем работу четырех, хотя они все еще учатся и нам приходится следить за их здоровьем. Если удастся добиться сотрудничества от остальных, то вы только подумайте! Подумайте, что можно будет делать!

Многие улыбаются. Бартоломью переводит, и Видишь-Ты издает запах. Най кивает. Этим утром он попросил меня вырастить флейты с мундштуками, которые подходили бы для ртов стекловаров.

Стекловарское общение запахами людям, видимо, не будет доступно, но я создаю специальные органы чувств и корни, чтобы их понимать. Видишь-Ты уже давала мне уроки, и я начинаю подмечать грамматические правила.

Например, этиловый спирт означает «добро пожаловать» или «расслабьтесь», и является действующим ингредиентом трюфеля, который людьми воспринимается, как чуть сладковатый и приятный. «Идем» – это метиловый спирт. Кроме того, у каждой стекловарской семьи есть свой опознавательный запах – тяжелое стойкое масло, которое выделает только самка и которое ощущается только при очень сильном приближении. «Добро пожаловать» и «идем» легко создаются членами любой касты и быстро рассеиваются по большой площади, и применяются очень разнообразно. Опознавание – специфичное, управляемое и долгодействующее. Сказать «расслабься» может любой. Мало кто из стекловаров способен сказать: «Ты мой». Видишь-Ты умаслила Люсиль, Мари и Бартоломью, которые понимают и ценят это послание.

«Запахов гораздо больше. Это – детский лепет, – сказала мне Видишь-Ты после сегодняшнего урока, в котором присутствовал эвгенол – сладко-пряный фенол, означающий “что ты видишь?” –

Ты говоришь и пахнешь как младенец», – добавила она, что я решил считать похвалой. Я уже усвоил кое-какие основы. Можно радоваться немалому мутуализму.

Заседание комитета заканчивается. Люди и стекловары расходятся по домам и засыпают. Праздник дождя у растений заканчивается массовым выделением тиамина для грибной микоризы у наших корней: она поглощает воду и питательные вещества почвы и передает их нам. Я предвкушаю ночь покоя и роста.

Грозовой вихрь принес мне пыльцу от одной из моих голодающих альпийских рощ. Орлы тронулись в путь, направляясь через западные горы к речной долине. Логично. В долину пришли грозы, и орлы понимают их следствия. Разливающиеся реки сгоняют с места их добычу. Они идут охотиться. Продвинутся ли они далеко на север, к нам? Вряд ли: они приучились бояться людей, и, как напомнила Сосна, они относительно разумны. Но я буду бдителен. Пыльца не особо свежая, а орлы умеют быстро бегать.

Несмотря на весеннее время, ветер почти не приносит другой пыльцы из-за сильной влажности, однако опыляемые ветром виды не могут дожидаться идеальных условий, а сейчас ветер постоянно дует с востока. Каждый вид имеет характерную полимерную структуру внешней стенки и защищающие ее масла. Я опознаю пыльцу апельсиновых деревьев по внешним шипам, чешуевидной форме и ароматическому масляному покрову. Выполнили ли они условия и повысили ли питательность? Они сказали, что да, – и им известно наказание за отказ, но я все равно начинаю анализ масла и цитоплазмы.

Летучие мыши поют на лету. Весенние ящерки попискивают, ища пару. Птицы лают. Во влажных канавах шипят и гудят слизни. Под землей пульсируют губки, отфильтровывая ил. Я думаю о музыке и составляю почки для флейт Ная. Растения беззвучны. А это обязательно должно быть так?

Зерна пыльцы быстро распадаются при анализе. Апельсины меня предали. В пыльце нет аскорбиновой кислоты и тиамина – там совершенно иное соединение, производное мочевины. Я проверяю еще раз, используя свежие зерна и обрабатывая данные другим корнем, – и жду, жду определения веществ, потому что масштаб предательства огромен, а последствия могут оказаться катастрофическими.

Результаты подтверждаются. Апельсиновые деревья выработали декстроамфетамин, снимающий снотворный эффект. Апельсиновые деревья отвергли мутуализм и желают зла мне и моим собратьям-мирянам. Сироты получали много сережек

апельсиновых деревьев в качестве одного из ингредиентов рагу. Они не под действием успокоительного. Они могут напасть. Нам надо принять меры предосторожности. Немедленно.

В оранжерее читать мой ствол некому. В Доме Собраний никого нет. Медик в клинике задремал. Но мирянам необходимо узнать эту новость! Я должен найти способ их предупредить.

Я наблюдаю за сиротами, хотя ночь очень темная. Облака скрыли звезды и северное сияние. Я вижу сирот в инфракрасном диапазоне – и этой прохладной ночью их тела светятся. Они кажутся медлительными и сонными, однако они не спят. Я отмечаю слишком много мелких движений. Думаю, они выжидают. Возможно, они уже составили планы – а мы не готовы. Сосна говорила, что они нападут при первой же возможности – и я с ней согласен.

Беллона – царица, состоящая в союзе с сиротами, – приходит в движение. Она идет к реке. Часовые на стене находятся в другом месте – проверяют западные ворота. Она останавливается и издает звук, напоминающий треск дерева. Сироты, притворявшиеся спящими, поднимаются на ноги. Даже если бы часовые сейчас вели наблюдение, вряд ли они разглядели бы это в темноте. И что будут делать сироты, которых от города отделяют пятьдесят метров стремительной реки? Сначала им придется вырваться из загона. Но они это знают, а мы знаем, что они враждебно настроены.

Все спят, прочесть мой ствол некому. Орион идет в центр даров. Там он негромко напевает. Если бы я мог сказать ему то, что я узнал, он смог бы отреагировать даже лучше меня: он умный и опытный. Он способен петь, шептать, кричать. Я могу только слушать и наблюдать – и то, что я вижу, иссушает.

За рекой работники-сироты срывают настеленные Кангом крыши, а из жердей и кровли сооружают нечто вроде моста через колючую ограду вокруг них. Основные один за другим сбегают из загона. Возможно, они войдут в лес и убегут из города, а не пойдут в атаку. Надеюсь. Один из основных издает звук ломающегося дерева – и они бегут на север по дороге вдоль берега. Они пришли с севера, из речной долины под большим водопадом. Может… может, они вернутся тем же путем и оставят нас, мирян, в покое? Но Беллона не двигается, а я не верю, что она пожелала бы остаться в городе, если бы сироты ушли. У них есть план – и это не план побега.

Сироты останавливаются у теснины в ущелье, где вода стремительно мчится между каменных скал – у той узости, где люди поставили временный канатный мост для своего нападения на стекловаров семь дней назад. Но у стекловаров веревок нет,

так что, может… Я слышу стук топора и определяю, откуда он доносится. Это у скал.

– Они рубят одно из нас! Одно из самых высоких! Кого? – вопрошает представитель каробов, давая точную наводку. Деревья и днем-то едва видят.

– Животные-вредители вырвались из плена и собрались в том месте, – объясняю я. – Если ствол упадет правильно, то станет мостом через реку, и они нападут на моих ручных животных в городе.

Я пытаюсь сохранять спокойствие, но ощущаю, что волновые колебания ионов кальция в моих корнях стали резкими и взволнованными.

– Они смогут победить?

– Не знаю. Они могут застать моих животных врасплох, и это может оказаться решающим фактором.

– Мы в твоем распоряжении. Мы оповестим других.

Волны от него тоже взволнованные.

Но что мы можем сделать? Мы, растения, часто бываем безучастными: птицы-боксеры воюют с драконами, пауки сражаются за территории, а мы продолжаем расти, игнорируя конфликты животных как недостойные внимания мелочи. Не в этот раз. Последствия могут оказаться немыслимыми. Если бы я умел петь, кричать, вопить…

Беллона дожидается сирот, те бесшумно подбегают по дороге над рекой. Я чую их общение, но запахи мне незнакомы. Сироты задерживаются под деревьями, пока мимо по стене идет патруль.

Я знаю этих часовых. У двадцатисемилетней Нефертити трое детей и муж, и она заведует сбором пшеницы. Она умеет барабанить так, что людям и фиппокотам хочется плясать. Осберт, тридцати трех лет, разведен, у него двое маленьких сыновей, и он вместе со своим братом-близнецом умеет выдувать прекрасные стеклянные сосуды любого размера и для любых целей, это их непревзойденное умение. Отец этих близнецов – Бартоломью.

Я знаю всех людей в городе. Знаю их с рождения. Им всем грозит опасность – старым, пожилым и новорожденным. Я мог бы орать, выть, что-то рушить…

У меня вокруг стен чертополохи. Я приказываю им набрать максимальный тургор, чтобы стать жесткими и высокими и послужить как можно более сложным препятствием. Они смогут задержать сирот ненадолго. Ненадолго. Ненадолго.

В городе я слышу какое-то шевеление в доме Мари. Она выходит из дома и идет, не зажигая света: проведя в городе целую жизнь, она прекрасно знает его улицы. Куда она идет? Она

захотела поговорить со мной? Остается только надеяться. Она идет медленно – с новой странной хромотой.

Крупный основной приближается к городской стене. Он оценивает расстояние, необходимое для того, чтобы преодолеть чертополох и стену, и идет искать более удобное место.

Мари входит к Люсиль. Я слышу плач. Пытаюсь понять причину. Мари знает, как протекает ее болезнь, и может опознать симптомы последней стадии. Возможно, пришло время. Если бы я мог верещать, если бы мог звонить, как колокол…

Тот основной находит удачное место, прыгает и приземляется на стену, держа бревно, словно дубинку. Я знаю, что будет дальше. Мне хочется оборвать корни, чтобы не смотреть – но я не решаюсь. Смерть приходит к Нефертити настолько неожиданно, что она, наверное, не поняла, что ее убило. Ее тело падает за стену, в чертополохи. Я знаю, что ожидает Осберта. А я могу только дать обет, что, если мои люди сохранят независимость, я найду способ создавать шум.

Осберт падает. Сироты-работники сооружают мостки через чертополохи к вершине стены. Скорость у них феноменальная. Облака начинают расходиться, открывая зеленое северное сияние, очень яркое и увенчанное красным. Если бы небо расчистилось на несколько минут раньше…

Мари с Люсиль выходят из ее дома. Люсиль поддерживает Мари и говорит что-то, негромко, мягко, изредка смеясь. Это необычный смех, в котором содержится сразу несколько эмоций, и перехваченное судорогой горло делает его похожим на рыдание. Кажется, они идут к клинике. Это очень хорошо. У меня в клинике есть разговорный ствол. Я смогу их предупредить, и даже в своей печали они отреагируют немедленно.

Сироты спрыгивают со стены. Они двигаются бесшумно, выделяя запахи «идем» и «что видишь?», чтобы направлять друг друга, но, несмотря на уже хорошее освещение, продвигаются они медленно. Они не знают города. Какой-то основной останавливается и прислушивается. Он слышит Люсиль. Он и еще несколько основных бросаются к ней и Мари, кренясь на крутых поворотах с пугающей грацией.

Я знаю, что будет дальше… Нет, они женщин не убивают, а грубо хватают и закрывают им рты. Люсиль вырывается, а трое основных пытаются ее усмирить. У нее преимущество в росте и сильных руках. Она отрывает чужую руку от своего рта и начинает кричать, но рука возвращается обратно раньше, чем ей удается произвести достаточно шума. Я чую кровь. Они с Мари стонут и хрипят. Мари толкает ногой какую-то бутыль, и та разбивается о стену дома. Тут прибегают новые сироты и

скручивают женщин.

В том доме живет Бартоломью. Обычно он спит чутко. Надеюсь, он проснулся. Надеюсь, хоть кто-то проснется.

Беллона ждет у главных ворот, а десять работников суетятся и что-то собирают. Хворост. Они собирают хворост, лежащий у домов, и складывают в моей роще, растущей рядом с главными воротами. Они несут женщин к этой роще. Кажется, они собрались меня сжечь, что будет ужасно: ведь ничего страшнее огня не существует! Но что они собираются сделать с женщинами? Гадать больно.

Бартоломью выглядывает из своего дома – его лицо в темноте инфракрасно светится, на руках у него кот. С этого места ему ничего не видно и почти ничего не слышно: тихое царапанье стекловарских когтей по тротуару, потрескивание собираемого хвороста, далекие стоны. Запахи летят в воздухе дальше, чем пыльца. Кот извивается. Бартоломью принюхивается и прислушивается.

– Ох, нет! – шепчет он.

Он понял, что происходит! По-моему, понял. Он отпускает кота, осторожно выскальзывает из дома и пробирается по палисаднику, а потом медленно проходит по другому палисаднику и попадает на улицу – почти так же тихо, как кот, хоть он и не такой ловкий и, наверное, мерзнет в одной только ночной рубахе. Надеюсь, он кого-нибудь разбудит… Сосну! Вот кто нам сейчас нужен.

Стекловары рыщут между домами, прислушиваются у дверей и входят в те дома, где нет жильцов. Обыскав какой-то сарай, они вооружаются косами, ножами, лопатами, веревками и вилами. Из еще одного сарая они берут молотки, пилы и топоры. Оружие люди держат у себя в домах: луки, стрелы, дротики и мачете, – так что оно в руки стекловаров не попадет, но коса или топор тоже опасны. Сироты продолжают обыск, грабят вискозную мастерскую, вынося ножи и сечки для измельчения целлюлозной коры. Другие сироты развлекаются тем, что устрашают Мари и Люсиль, удерживая их своими когтями. Глаза у меня очень близко от них – и я вижу кровь. Мне противно.

Сероглазка и ее семейство начинают шевелиться, а потом и Видеть-Ты. Возможно, попавшие в воздух запахи сообщают им о неприятностях. Видеть-Ты открывает дверь, принюхивается – и будит человека-охранника, который заснул у ее двери, – юного Петра. Он пытается что-то сказать, но она его затыкает и жестами приглашает войти.

– Мы говорить, – бормочет она.

Он озирается, сонный и растерянный. Она хватает его за руку

и затаскивает в дом. Дверь закрывается.

Кажется, Бартоломью и правда направился к дому Сосны. Он бежит по улице, оглядываясь, с трудом удерживается от вскрика, когда ушибает обо что-то ноги в одних носках. Бартоломью заворачивает за угол, оказывается у дома Сосны, тихо стучит и тут же входит, шепча:

– Сосна. Это Бартоломью. Тихо. Не шуми.

Он закрывает дверь. Я слышу какой-то разговор, даже восклицания. Сосна будет знать, что делать.

Найденной веревкой сироты связывают Люсиль и Мари в роще, куда притащили хворост, продолжают обыскивать дома. Хворост пугает. Люсиль пытается заговорить, но ей продолжают зажимать рот. Она смотрит на Мари и вопросительно хмыкает. Мари не реагирует, и глаза у нее закрыты, но она дышит. Травмы от когтей светятся теплом. Я пытаюсь перекачать в стволы и листья воду. Надеюсь, что Сосна отреагирует без колебаний. Она ждала этого момента.

Теперь сироты ищут источник огня. Трое выбивают дверь дома, где живет одна из старых охотниц. Беатрис, единственная бабушка на весь город.

Дверь у Сосны распахивается. Она выскакивает на улицу, застегивая на запястье защиту для стрельбы из лука.

– Посмотрим, – шепчет она через плечо Бартоломью.

Он бежит за ней, но отстает.

– Но они внутри, – шепчет он. – Сироты в городе.

– Да, и так называемые «дружественные» царицы здесь. Вы их впустили. Может, это они.

В дальней части города открывается дверь дома Видеть-Ты. Петр выходит и начинает кричать мальчишеским тенорком:

– К оружию! К оружию! Сироты в городе!

Он держит лук наготове, и его сопровождают основные Видеть-Ты. У одного – нож Петра, двое других держат поленья, как дубинки. Петр обожает Люсиль. Он сделает все возможное, чтобы ее спасти.

В доме прабабушки Беатрис раздаются крики, потом наступает тишина. Оттуда выбегают двое сирот. У одного – миска с углями из ее очага. Беатрис появляется в дверях, привалившись к косяку. Кажется, она ранена.

– Сироты в городе! Речные ворота!

Голос у нее слабый, хриплый.

Сосна бежит быстрее. У нее за спиной Бартоломью начинает кричать:

– Сироты в городе! К оружию! Речные ворота!

Его услышат, отреагируют. Женщинам придут на помощь.

Беллона выкрикивает приказы, уже не думая о скрытности.

Основные перестают зажимать рот Люсиль, порезанный и окровавленный из-за их когтей, и она орет снова и снова:

– Ккак! Прекратите!

Она окликает Мари:

– Как ты? Помощь идет!

Мари рядом с ней не шевелится.

Какой-то сирота-работник высыпает угли на сухие листья на хворосте, дует на них – и появляется пламя. Сироты торжествующе кричат и выделяют бензальдегид, пиридин и другие сильно пахнущие вещества.

Пламя разрастается. Я выталкиваю воду из пор, словно росу – ее столько, чтобы она прошла дождем, выиграла минуту… но сироты прикрывают огонь руками и продолжают подкладывать в него растопку. Огонь усиливается, жар растет – и прямо над ним сок в листе закипает, веточка выпускает пар, кора опаляется. Из-за давления пара вода вверх по стволам не идет. Давление нарастает, пока ксилеммы не лопаются и пар наполняет мои ткани, обваривает меня изнутри – и это мучительно. Однако я не разрываю контакт, чтобы наблюдать за событиями и делать то немногое, что мне доступно. Двадцать, тридцать листьев увядают, усыхают и начинают гореть. Однако пока пламя далеко от Мари и Люсиль, которая продолжает дергаться и кричать.

– Прекратите! Мы можем поговорить! Пер-зи кик кик тцее!

Сироты презрительно передразнивают ее.

Мари еще дышит, хотя ее одежда, как и у Люсиль, запятнана влажной кровью. Люсиль дергается в путах – и они тоже влажные.

Сосна добегает до речных ворот, осматривается и, незамеченная, скрывается в тени одной из моих рощ. Она ничего не предпринимает – но она одна. У сирот преимущество. Однако я вижу, как по всему городу из домов выходят бойцы. Спасательная операция начнется скоро, очень скоро.

Бартоломью прибегает с копьем в руке. Темно-синяя ночная рубаха работает как камуфляж. Он крадется по теням к Сосне. Они перешептываются, их слова тонут в криках сирот. Потом их голоса становятся громче.

– Они жгут Стивленда! – говорит он.

– Стивленда много.

– Огонь доберется до Люсиль!

Она молчит, а потом спрашивает:

– Что мы можем сделать?

– Хоть что-то! Отвлекающий маневр?

Мне хотелось бы сказать им, что я замедляю распространение огня, я увлажнил хворост и моя собственная древесина насыщена

влагой. Она вскипает и в конце концов горит, но медленно, очень медленно.

Другие бойцы мирян еще в ста метрах, но они спешат изо всех сил. Беатрис уже натянула лук. Петр ломится через сад и уже почти на месте, и основные Видеть-Ты бегут с ним.

Люсиль продолжает молить.

– Слишком поздно, – говорит Сосна, но я-то вижу, что еще не поздно. Сейчас – самое время. Она смотрит на огонь. – Нас убьют.

– Подмога близко, – говорит ей Бартоломью. – Мы можем сражаться.

– Нас убьют.

– Ты ничего не станешь делать?

– А что мы можем сделать?

– Нет! – С этим криком Бартоломью выскакивает из тени. – Стойте! – Он потрясает своим копьем. – Ккак! Ккак!

Сироты бросаются к нему. Беллона выкрикивает приказ, и несколько основных идут в атаку. Беатрис пускает стрелы быстро – но сироты быстрее.

Бартоломью отшатывается. И тут у него из-за спины начинают лететь стрелы. Лучники мирян прибыли. Сироты останавливаются.

– Внимательнее! Люсиль и Мари в огне! – кричит Бартоломью.

Миряне меняют прицел, и стрелы продолжают лететь. Сироты уворачиваются – но отступают. Миряне шагают вперед.

Я выжимаю из ветвей над огнем максимум воды. Она летит каплями и шипит.

– Не беспокойтесь о нас! Остановите их! – кричит Люсиль.

Она освободила от веревок одну руку. Пламя не подошло слишком близко. Они с Мари спасены.

Беллона отдает приказ. Клетчатый бросается к огню и швыряет в него большие стеклянные бутыли. Они разбиваются – и их содержимое выплескивается на женщин. Я узнаю запах ацетона – растворителя, который они взяли из вискозной мастерской. Жидкость вспыхивает, словно водородные семена.

Мои ближайшие глаза сгорают, а дальние видят отчаяние на лице Люсиль за мгновение до того, как ее скрывает стена огня.

Летят еще бутылки. Облако жара и огня поднимается вверх и обжигает мне даже самые верхние листья. Я отсекаю корень, но боль настолько сильна, что перескакивает через разрыв, и мне приходится еще раз рвать этот корень.

Я потерпел поражение. Я видел развитие катастрофы и не смог хоть как-то ее предотвратить. Я был бесполезен. Отчаяние на лице Люсиль закисляет мои корни – тот последний ее образ,

который у меня сохранился.

Внезапно вспыхнувший огонь осветил всю сцену, словно застывший разряд молнии. Бойцы-миряне заполнили улицы у речных ворот, превосходя числом стекловаров. Те шмыгают, пытаясь увернуться от стрел.

Огонь получился дымным, женщин не видно. Я чую обуглившуюся плоть – и ветер доносит этот запах до мирян.

– В атаку! – кричит Петр повзрослевшим и полным гнева голосом, и миряне снова идут вперед.

Беллона что-то кричит и выделяет запах – какой-то углеводород. Сироты бросаются к стене, запрыгивают на нее и бегут прочь. Некоторые спрыгивают, как только удаляются от защитников-мирян.

– Берегитесь, сзади! – орет Сосна.

– Где они? Где? – кричит какой-то боец.

Я мог бы сказать им, что стекловары разбегаются по темному городу. Я боюсь за те дома, обитатели которых не способны себя защитить. Беатрис призывает к порядку. Бартоломью кричит:

– Дом Собраний! Стивленд все видит! Будем говорить со Стивлендом! К Дому Собраний!

Да, я все видел. Я много чего могу сказать. Слишком много… Мне надо составить план, срочно. Сейчас я единственный модератор города, и будущее города зависит от меня. Огонь выбрасывает высокие и дымные языки, ветер несет поднимающийся жар. Летучие мыши поют про опасность, опасность, опасность: они знают, что я не должен гореть. Мои корни болят, особенно тот, который уравновешивал должность модератора. В нем информация о Люсиль, а она умерла – и всем, кто мне дорог, грозит опасность. Все может пойти прахом.

Другие растения заметили огонь, а каробы распространили новость. Пришло время сражаться. Мое бамбуковое наследие – это безжалостные войны, но я не намерен зверствовать подобно своим предкам.

Монте отправился к клеткам фиппокотов. Взрослые коты собираются вокруг него, а молодняк забивается в норы. Он поет им:

– Охраняйте и защищайте, малыши, время сражаться, защищать и нападать. – Суровая песня, на которую их научили реагировать: коты, как и любые животные, способны себя защищать. – Раз, два, три, вперед! – командует он, и коты разбегаются.

Сироты шатаются по улицам, проверяя двери: пока все были заперты на замки и засовы. Я уверен, что бойцы мирян способны подавить сирот – если составить план и координировать наши

усилия.

Почему Сосна не защитила Люсиль? Она и сейчас пытается командовать, приказывая бойцам идти патрулировать и убивать всех попадающихся стекловаров. Возможно, она испугалась. Я испуган, но я извлеку из своего страха пользу. Я не способен убежать, а значит, мне надо сражаться или погибнуть, как и всем растениям, – и мы нетерпеливы. Я способен видеть все и потому должен мыслить шире, чем Сосна. Я снова наведу в городе порядок и возьму животных под контроль. Мне надо как можно скорее добиться предсказуемого поведения, ибо управлять хаосом я не способен.

Аванпост на юго-западе сообщает, что орлы уже на расстоянии меньше дневного перехода. Если они учуют Люсиль и Мари, то могут ускориться. Орлы ищут животных, запекшихся при лесных пожарах.

Бартоломью, Петр и другие приходят в Дом Собраний. Петра сопровождают основные Видеть-Ты. Видеть-Ты знает сирот лучше меня: это знание станет решающим при установлении контроля.

«Тепла и солнца, – говорю я. – Приведите в Дом Собраний всех дружественных стекловаров. Я буду их опрашивать – и их необходимо защитить. Пусть Сосна организует патрули. Я наблюдаю сирот-стекловаров по всему городу. Ей следует защищать мирян, а не охотиться на сирот. Ей надо спешить».

В одном из домов у кухни живет молодой отец семейства с тремя маленькими детьми. Его жена присоединилась к бойцам, а отец, вывихнувший ногу два дня назад, остался с детьми, и самый младший начинает плакать. Сироты слышат – и четверо собираются у двери. Она заперта, но у одного есть топор, и он начинает ее рубить.

На шум прибегают фиппокоты – десять или даже двадцать: они такие быстрые, что сосчитать невозможно. Они подскакивают, лягаясь, как львы, – но слаженно, так что воздух заполняют косые удары когтистых задних лап. Сироты убегают, но одного из них коты успели ранить. Коты преследуют их, но разбегаются, когда один из сирот поворачивается и замахивается косой. Коты сражались умно и отважно, но следующий эпизод может закончиться трагедией. Патрули следует отправить немедленно.

Но в Доме Собраний Сосна возмущается:

– Это я должна отдавать приказы! Я должна руководить обороной!

Она ударяет кулаком по столу.

– Решать не тебе.

Бартоломью говорит спокойным тоном, но стоит, напряженно

выпрямившись, сопротивляясь ее символическому применению силы. Они сражаются друг с другом, когда надо защищать мирян! Карл организует патрулирование, не дожидаясь приказа, – и я рад это видеть.

– А кому решать? – говорит она. – Растению? Он ко-мотератор для того, чтобы мы могли его контролировать, а не наоборот. Мы знаем, как сражаться, – и нам надо сражаться.

– Он сейчас модератор, – заявляет Бартоломью. – Он знает, что происходит, – и мы уже хорошо знаем, на что он способен.

Бартоломью прав. Я многое могу. Сейчас я не могу опоить сирот транквилизаторами, но прошлый успех содержит надежду, словно зерно.

– Всех стекловаров надо выгнать из города! – кричит она. – Хороших стекловаров не существует. Всех! Вон! Ты слышал, Стивленд? Стекловаров. Вон.

Я оцениваю лица и позы других людей – и подозреваю, что кое-кто согласен с Сосной. Прежде люди сталкивались с отдельными убийствами, но не с истреблением целого вида, так что, возможно, не осознают всей возмутительности призывов Сосны.

Сироты использовали запаховые сообщения, чтобы собраться в одном доме. Коты приводят туда Монте, и он организует беспокоящие действия. К атаке присоединяется пара лучников, но группу такого размера они способны только задержать. Я сообщаю: «Сосна, пятьдесят сирот атакуют дом Флоры». Она явно изумляется – и выбегает из дома. Бо´льшая часть бойцов уже ушли под командованием Карла.

Я оцениваю уроки. Пожар мог стать отвлекающим маневром – способом выманить бойцов из их домов и дать сиротам возможность перегруппироваться и атаковать беззащитные семьи. Если это так, то я обнаружил предсказуемое поведение, и это – та почва, на которой можно взрастить семена плана. Мой корень юмора добавляет, что теперь мне нужна еще и вода, – и он прав. Мне надо найти средство управления. Как только оно у меня появится, я смогу попытаться справиться с этим кризисом. Но вот орлы уже намного ближе, так что вскоре возможен еще один кризис.

Петр с несколькими лучниками ведет Видеть-Ты в Дом Собраний. Эти стекловары движутся организованной группой в облаке запахов, защищаясь от нападения со всех сторон. Впереди – основные-разведчики, за ними держатся все остальные, воздух полон свистов, слов и клубов запаховых сообщений. Еще один основной слышит шорох и останавливается, делая знак остальным. Группа дружно поворачивается лицом к опасности – к

фиппокотам. Работники отгоняют котов и спешат дальше. Петр и лучники удивленно переглядываются при виде эффективного движения семейства – и я это чувство разделяю. Однако сироты тоже способны на такой уровень организованности, что делает их еще опаснее.

Ананасы отправляют мне послание, напоминая, что в их договор входит защита от хищников. Я прозреваю в этом послании семя. В начале этой ночи ананасы отправили мне изопрены – соединение, которое может стать основой множества полезных веществ, в том числе и тех запахов, которые стекловары используют для общения.

«Приветствую, Видеть-Ты», – здороваюсь я, когда она входит в Дом Собраний.

Большинство мирян составили отряды для патрулирования на улицах, но немногочисленные оставшиеся приветствуют ее, вскидывая оружие, а ее основные отвечают так же. Я доволен. Мне хочется, чтобы выжило как можно больше стекловаров. Это – единственный цивилизованный путь.

«Я желаю общаться с сиротами», – пишу я на стекловском.

– Бесполезно.

«Желаю говорить-они ложь».

Она на секунду задумывается.

– Буду помогать.

«Желаю отправить их из города запахом».

Таков мой план, хотя он и нуждается в уточнениях.

«Ты лепетать. Не годится».

Она ошибается – должна ошибаться.

Клетчатый завел нескольких сирот в пекарню. Сейчас они складывают мешки с мукой в моей роще у пекарни. Мука очень горючий материал. Нельзя, чтобы они опять меня сжигали.

«Ты научить-я. – Я пишу медленно и старательно, несмотря на свою тревогу. – Надо знать сейчас. Покажи мне ”предупреждать“».

Она придвигается к моему стволу.

«Ты быть слишком уверенный. Покажу тебе “тревога”».

Алифатический кетон 2-гептанон – резкий запах, который легко воспроизводится.

Приходит еще одна самка, Зумм, со своей семьей. Она задает массу вопросов и распространяет множество запахов. Видеть-Ты отвечает. Обсуждение становится слишком сложным для моего понимания – и мне сейчас не до их споров.

Сироты собираются развести огонь в моей роще у пекарни – но останавливаются. Клетчатый принюхивается. Я пытаюсь определить запах – и определяю сразу несколько, в том числе и

кетон «тревога», и метиловый спирт, обозначающий призыв. Сироты убегают – нет, поправка: бегут куда-то. К дому Вайолет. Там уже другие сироты – и Беллона. Они двигаются бесшумно. Воздух полон запахов, среди них цитрусовый лимонен – терпен. В доме пожилой мужчина, его маленький внук и несколько соседских ребятишек. Другие взрослые ушли сражаться, а старик с детьми защищаться не сможет.

Я прерываю спор между Видеть-Ты и Зумм.

«Возможно вы сказать-я это», – и я воспроизвожу лимонен. Собравшиеся в доме стекловары вздрагивают и сбиваются в кучку.

– Ты сказать-мы атака, – говорит Видеть-Ты. – Говорить ты напасть-мы.

– Растения не запах-говорить, – возражает Зумм.

«Бартоломью, – говорю я, – сироты собираются атаковать дом Вайолет».

Он машет девочке с необычайно сильным певческим голосом. Она идет к дверям и выкрикивает новость. Видеть-Ты делает знак своему основному, который бросается защищать девочку на улице. Видеть-Ты также выдала запах, терпеновое соединение цитронеллол, цветочный аромат.

«Возможно ты говорить-я это», – и я воспроизвожу цитронеллол.

– «Защищать», – говорит Видеть-Ты. Она показывает мне «бежать» – бальзамический запах, монотерпеновый углеводород бета-пинен. Понятно. Он, как и запах тревоги, – более легкие соединения, чем лимонен: естественно, послания «убирайтесь» или «тревога» полезны на более значительных расстояниях, нежели «атакуйте». Она объясняет мне кое-какие правила грамматики: определенные запахи должны сопровождаться еще какими-то. Мне надо хорошо это выучить, иначе сироты заподозрят подвох.

Появляется самка Сероглазка и ее семья. Запахи в помещении чуть было не вызывают у них панику, и Сероглазка, подозрительная и медленно соображающая, начинает ссориться с Видеть-Ты.

Моя роща в северо-западном лесу видит, что городская стая львов заметила: в городе происходит что-то нехорошее. Львицы начали метаться, а львы – рычать. Другая роща, на юго-западе, сообщает, что орлы еще ближе. Они почуяли дым. Орлы и львы – враги, и оба эти вида могут осложнить положение.

У меня рядом с домом Вайолет есть цветы. Обычно их лепестки выделяют гераниол, ароматный спирт – я быстро меняю вещество на выходе: удаляю молекулу воды и изменяю молекулярные связи, производя бета-пинен. Стебель обычно дает

нерол, цитрусовый аромат, и тут химический процесс немного сложнее, но я отделяю три атома углерода и четыре водорода, а также удаляю и заменяю атом кислорода – и получается 2-гептанон. Эти вещества летучие: даже в такую прохладную ночь они испаряются с той же скоростью, с какой я их произвожу. Посмотрим, хватит ли моих коммуникационных возможностей на ложь.

Беллона и сироты принюхиваются и теряются. Основные снуют, выискивая источник предостережения. Они дергаются, тревожатся – и Беллона отступает от дома. И тут с дальнего конца улицы доносится крик Сосны:

– Вон они! Вперед!

Кравшиеся по кустам коты выскакивают и лягают сирот по ногам, так что некоторые даже опрокидываются. Запах «бежим!» становится сильнее: видимо, его выделяют и сами сироты. Они бросаются в бегство.

Это – решающий успех. Я использовал запаховый язык стекловаров, чтобы управлять их поведением. Миряне дают отпор! У нас появилось средство, чтобы утихомирить сирот и восстановить мир.

Спор самок в Доме Собраний становится жарче. Бартоломью машет мне. Он встревожен. Кажется, я чую страх – по крайней мере, я догадываюсь, что метанэтиол, запах некоторых гниющих растений, передает неприятное чувство.

Я велю Бартоломью достать кувшин трюфеля, который он прячет в секретере с юридическими документами. Он иногда пьет трюфель, когда его никто не видит. Эта его привычка меня тревожит, но, возможно, этиловый спирт успокоит стекловаров.

Похоже, Бартоломью расстроен.

– Ты все видишь, да?

«Трюфель имеет много полезных свойств», – успокаиваю я его.

Мне известна социальная роль лжи. Трюфель следовало бы запретить – но этого никогда не будет.

Он вынимает кувшинчик. Видеть-Ты придвигается к нему. Он вынимает пробку. Она принюхивается. Он достает из книжного шкафа стакан и наливает немного.

– Я покажу тебе, как это делается. За дружбу!

Он проглатывает содержимое, наливает еще – и протягивает стакан ей.

Она подозрительно принюхивается, делает глоток – и кашляет.

Зумм и Сероглазка подошли, любопытствуя. Они принюхиваются и чирикают.

«Налей немного на плоскую тарелку, – советую я. – Им хватит запаха».

Они расслабляются – или, по крайней мере, воспринимают от Бартоломью достаточно мощное послание, чтобы почувствовать себя спокойно. Надеюсь, этот запах перебьет ту ложь, которую я буду распространять за стенами этого здания.

Я полностью сформулировал свой план: я буду выпускать запах бегства, начиная с восточной части города. Ветер понесет его на запад. Я стану распространять «защищаться» и «атаковать» в сторону запада, увлекая их к западным воротам. Я попрошу верные мне растения к западу от города также выделять эти запахи и прикажу открыть ворота. Я буду координировать бойцов-мирян так, чтобы вытеснить сирот через западные ворота.

Я сообщаю об этом Бартоломью и самкам. Он приветственно поднимает свой стакан:

– Превосходно. – Однако он не пьет. Он гладит девушку-певицу по голове. – Сейчас дадим знать.

– Ты быть-ты большой лжец, – говорит мне Видеть-Ты.

Надеюсь, это значит, что она видит вероятность моего успеха.

У плана есть слабые места, о которых я им не сообщил. Нам надо не позволить сиротам вернуться в город снова, а это будет непросто. Орлы приближаются – и, возможно, отвлекут сирот. Или нет. Может, они не появятся. Может, они объединятся с сиротами. Может, нам смогут помочь львы. Много всяких вариантов. Люди говорят, что проблемы надо решать по мере их поступления, но я желаю восстановить контроль немедленно, хочу спрогнозировать будущее прямо сейчас. Если я потерплю неудачу, я потеряю все. Вообще все.

Двигаясь через город, сироты уничтожают все, что могут: ломают корзины, разбивают кувшины, рвут вывешенную сушиться одежду. Шум и движения помогают мне определить их местоположение… Они буквально повсюду, потому что способны передвигаться так быстро. Я начинаю выделять кетоны и бета-пинены в рощах вдоль восточной стены и прошу тюльпаны и чечевичные деревья поступать так же.

– Полезное вещество. Вредители уйдут, обрезчики останутся.

Возможно, если я построю вокруг города стену запаха, сироты не станут пытаться вернуться после того, как их вытеснят.

Девушка громко объявляет:

– Гоните сирот к западным воротам и из города!

Бойцы слышат и одобрительно кричат. Им нужен был план. Они не подозревают, насколько он ненадежный.

Я сосредоточил внимание на корне планирования, а тем временем на улицах шли жаркие сражения. Я насчитал трех

убитых сирот – или настолько тяжело раненных, что они не могут шевелиться. Ранены еще девять, но осталось около сорока готовых атаковать – и, по правде говоря, у сирот преимущество благодаря быстроте и слаженности. Они уже познакомились с местностью и начинают координировать свои действия. Они создают перемещающиеся засады быстрее, чем котам и летучим мышам удается их выявить и предупредить людей, быстрее, чем мне удается произвести нужный запах, быстрее, чем люди способны реагировать.

Пока девушка выпевает мой план, патруль Сосны попадает в окружение сирот, выскочивших из-за домов: шесть сирот против пяти людей. Миряне зовут подмогу, но сироты завершают атаку и убегают раньше, чем помощь приходит. Только один боец остался на ногах, остальные – в том числе Сосна – ранены или убиты.

Я перемещаю стену запаха на пятьдесят метров западнее, а потом – еще на пятьдесят. Фруктово-цветочный запах манит их к западным воротам. Чем быстрее, тем лучше, потому что хаоса больше нет: сироты явно побеждают. Они тоже нашли эффективную стратегию. Далеко к западу от стены запаха горит дом, и если я буду следовать плану, то не смогу помешать подобным событиям на западной стороне стены: там сироты творят что хотят. Может произойти что угодно.

На еще один патруль людей нападают из засады. Шум сражения заставляет мальчишку, Фабио, открыть дверь своего дома. Двое сирот врываются туда, а еще несколько подбегают, чтобы прикончить патрульных, – а потом они тоже входят в дом… Звуки и запахи неописуемо горьки и происходят с такой скоростью, которая говорит о намеренной жестокости.

Патрули прислушиваются к оповещениям из Дома Собраний, но порой девушка не может выйти и их сделать из-за того, что сироты слишком близко. Беллона догадалась, что девушка передает информацию, и теперь распространяет запахи, чтобы организовать нападение на Дом Собраний. Я спешу переместить запахи бегства дальше на запад, окутывая ими Дом Собраний. Беллона сбита с толку и в итоге ищет новую цель – а к западу от линии запаха целей много. Полночь уже миновала, а орлы продолжают приближаться.

Еще один патруль и засада сирот расходятся с ничьей: по одному мертвому с каждой стороны, все остальные ранены. Я снова перемещаю запах западнее.

В другом месте сироты вытаскивают окровавленного Фабио из дома и прикрываются им от стрел. Лучники прекращают огонь, но коты любят детей – и бросаются в атаку, лягаясь вокруг мальчика, хотя и не могут делать это со своей обычной

ловкостью. Двух котов забивают насмерть. Они все равно продолжают нападение. Сироты своими когтями ослепляют и терзают вопящего мальчишку, продолжая держать его перед собой как прикрытие. Наконец один основной хватает паренька за лодыжки и разбивает ему голову о каменную стену. Они убегают. Мальчик не умер мгновенно, но он умрет, и очень скоро. Люди в горе, и если бы я мог плакать, как они…

Я вижу это, информация идет от корня к корню, и каждый корень трансформируется. Волна, формировавшаяся во множестве корней, сливается в единое осознание. Сироты, как слизни, не годятся для одомашнивания – но по иной причине. Сама природа слизней противится одомашниванию. Сироты, вероятно, могли быть одомашнены, но не заслуживают одомашнивания.

Я не желаю, чтобы мне служили подобные животные. Слизни – просто падальщики и по-своему необходимы. Сироты сделали то, что я клялся никогда не делать – что я клялся никогда не допустить. Их поступки отрезают их от цивилизации.

Мне надо реагировать. Но я не буду просить людей о помощи – помимо самой минимальной. Вина ляжет на меня – а в моем распоряжении имеются древние методы.

Я связываюсь с чечевицами у западных ворот: они цветут и готовы помогать.

– Нам надо убить вредителей, – говорю я.

– Да, убить, – слышу я тридцать восемь ответов.

Они бы согласились на что угодно – и к тому же они растения. С их точки зрения вредители должны умереть, даже если это большие разумные животные.

– Моя просьба непростая.

– Убить. Убить. Убить.

– Вам надо выделить запахи, чтобы привлечь врагов вредителей.

Я демонстрирую кое-какие белки типа миозина, а еще липиды, в том числе олеин. Это – запах приготавливаемого мяса, и он привлечет орлов. Липиды – самые сложные.

– Я такое составить не могу, – заявляет каждый.

– Хватит небольшого количества молекул.

– Не умею.

– У меня серы не хватит.

– Это молекула? Такая большая!

Я обучаю одного за другим, но это трудно, очень трудно не потому, что чечевицы необучаемы, а потому, что я хочу убивать прямо сейчас, а не когда-то потом.

Надеюсь, орлы поубивают всех вместо меня, но их может

оказаться недостаточно, а мне требуется полное уничтожение. Я связываюсь с ирисами, охраняющими родники.

– Привлекайте животных, – приказываю я. – Убивайте ради крови.

Я показываю им запахи атаки и тревоги. По разуму ирисы сходны с тюльпанами, но темперамент у них совсем иной, так что они хватают молекулы, рвутся составить их во множестве, рвутся охотиться и убивать.

– Хорошо! Хорошо! Хорошо!

– А еще вот это.

Я изобильно передаю им идентификационный запах Беллоны, потому что ирисы неспособны достаточно быстро воспроизвести такое сложное масло.

Орлы бегут к городу – они уже всего в километре, однако я вижу, что они замедляются, принюхиваются, бдительно осматриваются и прислушиваются к шуму, несущемуся из города. Один барабанит. Другой откликается. Они крадутся вперед, осторожно.

Я перемещаю запах на запад. Патрули людей уже открыли ворота. Я начинаю выделять команду атаки за воротами. Сироты следуют туда в уверенности, что будут опять убивать людей.

В последнюю минуту Беллона понимает, что их выгоняют из города, который она собиралась захватить. Она организует сопротивление резкими криками и запахами, и вокруг нее сироты поворачиваются обратно. Они скапливаются рядом с кабинетом Татьяны, готовя атаку.

Однако люди наготове. Трое лучников заранее поднялись по моим стволам и спрятались у меня в ветвях – и теперь начинают стрелять.

– Цельтесь в Беллону! – орет Карл.

Они так и делают – а она представляет собой крупную мишень. Одна стрела задевает ее бок, другая впивается ей в плечо. Какой-то основной бросается вперед, размахивая вилами, но валится, получив стрелу в заднюю ляжку.

Петр приблизился к ним по земле – безрассудная отвага, но он знает местность. Пригнувшись рядом с углом дома, он терпеливо прицеливается. Его стрела вонзается Беллоне в глаз.

Сироты смотрят, как она падает, – и, пока они неподвижно застыли от потрясения, сражены еще двое. Запах бегства наполняет воздух – и они бросаются прочь от города.

Петр одним из первых спешит закрыть ворота. У ворот раздаются торжествующие крики, распространяющиеся по всему городу.

Я выжидаю несколько минут, жалея, что не могу кричать

вместе с ними, а потом отправляю юную певицу с предостережением об орлах.

– Орлы движутся с юга, ищут еду.

Лучники возвращаются на стены – печальные и усталые.

Карл кричит:

– Они сожрут сирот!

Радость граничит с экстазом.

Крики какого-то сироты, которого заманили ирисы, привлекают других. Клетчатый бросается туда, понимает, что забежал в ловушку, и успевает выкрикнуть предупреждение прежде, чем рухнуть. Остальные сироты растерянно топчутся.

Появляются орлы. Они чуют свежую кровь в зарослях ирисов… орлиная стая оказалась больше, чем я ожидал. Они незаметно проскальзывают по полю ананасов – и атакуют.

Ночь скрывает избиение. Стекловары быстры и сообразительны, но орлы – превосходные хищники. Барабанная дробь возвещает об их успехе. Они разводят огонь, и я наблюдаю, как они неспешно убивают. По сравнению с методами сирот орлы действуют пристойно и быстро.

На рассвете орлы радостно барабанят и пляшут вокруг забитых трупов. Монте прокрался к стае львов. Ее члены с облегчением принимают предложение бросить вызов орлам, и самцы стаи скачут к ним. Самки следуют чуть в отдалении. Они становятся шеренгой, завывая, рыча и взрывая землю когтями.

Орлы оценивают противника – и, похоже, не впечатляются. Но тут тридцать лучников с криками выбегают из города и становятся рядом со львами. Все население вышло на стены и скандирует. Несколько орлов пятятся. Один из лучников стреляет и попадает в орла – не точное попадание, рана не смертельна, однако орлы оценивают угрозу и тараторят между собой. Один барабанит. Ему никто не отвечает. А потом, словно сговорившись, они поворачиваются, стараются захватить побольше мяса, оглядываясь на мирян и львов, – и убегают к ближайшим горам.

Они достаточно благоразумны, чтобы понять: возможности легкой охоты исчерпаны. Однако они достаточно сообразительны, чтобы запомнить, где нашлась легкая охота. Со временем они вернутся.

Когда окончательно рассветает, миряне пересчитывают своих погибших и оценивают ущерб. Они обнаруживают всего одного выжившего сироту – съежившегося работника.

Погиб тридцать один человек, в том числе немало детей. Не меньше пятидесяти ранены, некоторые – тяжело. Уничтожено много имущества. Сосна оказалась в числе раненых. Она непривычно молчалива.

Понятно, что я убил сирот, что одни люди этого сделать не смогли бы. Они оплакивают свои потери и благодарят меня. Самки стекловаров меня благодарят.

Растения тоже ликуют – и не только ирисы.

– Хитро, – говорит кароб. – Ты обманул животных вредителей до смерти.

– Туда им и дорога, – говорят ананасы. – Плохие животные не нужны.

Апельсины молчат.

Сироты сделали себя ненужными, но это совсем не то, чего мне хотелось. Большая часть стекловаров погибла. Слишком много людей погибли – у каждого было имя, каждый был драгоценным, но больше всего мне будет не хватать Люсиль. Она говорила, что модераторы могут совершать ужасные поступки независимо от того, действуют они правильно или неправильно, – и теперь я это понимаю.

Конечная причина этой ситуации – я сам. Я действовал эгоистично. Я хотел, чтобы стекловары присоединились к нам, мирянам, и помогали нам, но при этом игнорировал собственные сомнения. Я хотел получить больше служебных животных, чтобы город процветал, чтобы когда-нибудь мы смогли отправиться к звездам. И в результате я потерял контроль над происходящим. Я подвел своих животных – и самого себя.

Радужный бамбук создан, чтобы устраивать бойню. Когда пришло время, я смог убивать столь же эффективно, как и мои предки. Я, как и все растения, по природе своей агрессивен. Но в отличие от тюльпана или снежной лианы, я разумен. Я самое большое и могущественное существо на Мире – и самое опасное. И я совершил ошибки, которые не могу исправить.

Но у меня были благие намерения. Я стремился к большему благоденствию для всех. Я собирался создать новую, иную и лучшую жизнь. Я считал, что не повторю прошлого.

Я не сумел.

Бартоломью год 107 – поколение 5

Модератор может сложить свои полномочия в любое время, подав письменное уведомление комитету. Модератора могут снять двумя третями голосов всего комитета на собрании, где присутствует не менее трех четвертей состава комитета.

Из Конституции Мирного Содружества

– Воды и солнца, – сказал я и устроился с удобством (по крайней мере, физическим) на стуле в оранжерее.

Ответит ли Стивленд? Он почти не разговаривал после нападения, которое случилось тремя днями раньше, и, если он не ответит, мне самому придется пытаться разрешить ситуацию, а у нас всех и без того хватает забот. Ему следовало бы быть более внимательным. И в то же время именно нам, оставшимся в рабочем состоянии, следовало оберегать разбитых.

Я разложил книги и бумаги. Солнце отразилось от обломанных краев купола из стеклянных блоков: дыра небольшая, но ее оказалось достаточно, чтобы превратить оранжерею в совершенно иное, неуютное помещение. На улицах обломки стекла и черепки керамики все еще валялись на перекрестках и в палисадниках, а несколько домов превратились в выжженные коробки, воняющие дымом. Все койки клиники были заняты.

Я закрыл глаза, прислушиваясь к невеселым голосам на улице, в том числе и фырканью и свисту стекловского. Всего три дня назад весь город был в разрухе. С тех пор мы успели похоронить мертвых и постарались возобновить нормальную жизнь, но все еще носили старую одежду в знак траура. Тротуары были в пятнах крови. Полное восстановление займет годы.

На улице пронзительно заверещал стекловар. На мгновение я вернулся в ту ночь: Беллона выкрикивает приказы, на меня несутся основные, Люсиль умоляет… Нет, нельзя. Я распахнул глаза. Меня ждет работа.

Мне не хотелось брать на себя обязанности адвоката Стивленда, но кто-то ведь должен был защищать его на назначенном судебном слушании, и я на эту роль подходил лучше всех. Мне больше всех хотелось нанести Сосне поражение. Но для этого ему надо сотрудничать, говорить со мной.

Я набрал в грудь воздуха, собираясь ему об этом заявить, но тут вспомнил, что Татьяна – да покоится она с миром! – никогда не спешила говорить. Стивленд знает, зачем я пришел. А ведь он даже не произнес панегирик на похоронах Люсиль, что было откровенной халатностью. Большинство людей ему это простили, ведь он спас город, хотя и не самостоятельно. Он продолжал выполнять свои обязанности в клинике и делал минимальные отчеты на ежевечерних заседаниях комитета – и, возможно, был слишком истощен или опечален, чтобы делать что-то еще. Горе сломило немало людей, но ведь он – модератор, и он нам нужен.

Я подготовил небольшую речь, чтобы его укорить. Как сказали психологи, разговоры помогают – как и то, что ты просто продолжаешь жить. Дни, заполненные делами и обязанностями, – вот к чему стремился я сам, и как плотнику мне было что ремонтировать. Другие могли растворять свои вечера в трюфеле или корнях лотоса, лежать в постели, не в силах пошевелиться, или бродить ночами без сна, плача или бросаясь непонятно на что. Вот только в укорах нет смысла. Мы все страдаем.

Я снова посмотрел на Конституцию. Она оказалась ущербным документом, но я все же заставлю ее работать. Я представил себе, как буду говорить вечером на собрании: «От лица Стивленда»… Что я скажу? Хватит тянуть.

– Совершенно очевидно, – начал я, приготовившись говорить сам с собой, если придется, – у нас нет прецедентов снятия модератора с его поста. Случай с Верой здесь не применим…

Он прервал меня:

«Веру не снимали голосованием».

Что ему об этом известно? Я уже год подумывал над написанием истории Мира (в меру моих способностей), чтобы нам стало понятнее, с чего мы начали и к чему идем. Но если кто-то и читал старые записи, то разговоров об этом не было – и я тоже об этом не говорил. Бунт Сильвии был совершенно не похож на голосование, а официальная история была почти что ложью. Но об этом Стивленда можно будет расспросить в другое время.

– Сейчас это неважно. Наш вопрос…

«Я сложу с себя полномочия. Признаю себя виновным и выйду в отставку».

– А вот и нет!

Скорбь всех лишила душевного равновесия, но мне это уже стало надоедать. И я уже этому завидовал. Но я не собирался вручать Сосне победу.

«Ты не можешь мне приказывать», – заявил он.

– Могу сказать, что тебе следует делать. Во-первых, ты не знаешь, в чем именно тебя обвиняют. Во-вторых, ты не

правоспособен, чтобы делать заявление как ответчик.

После небольшой заминки он написал:

«Тогда я не правоспособен, чтобы быть модератором».

– Интересный парадокс. Но неуместный, как я считаю. Сосна хочет, чтобы против тебя голосовали. Моя обязанность – быть твоим защитником на этом процессе. И точка. Я считаю, что ты спас нас от катастрофы. Я считаю, что Сосна воспользовалась нападением, чтобы…

«Это я был причиной катастрофы, и множество людей, стекловаров и растений погибли из-за меня. Моя ошибка убила твоего сына, потому что я не был в состоянии дать предостережение».

– Моего сына убили сироты. Ты спас жизнь мне и множеству других людей.

На его стволе начали проявляться какие-то слова.

– Я не собираюсь обсуждать твою отставку.

И я не собирался тратить ночь на еще одно бессмысленное обсуждение.

«Тогда обсуждать нечего».

– И тем не менее мне нужно кое-что тебе растолковать, а тебе – сделать определенный выбор. Сейчас нам надо обговорить процедуру, которую, к сожалению, Конституция не предусматривает. Наш долг перед всем Миром – создать оптимальный прецедент.

Никакой реакции.

– Так что от твоего лица я потребую пошагового процесса. Пусть Сосна подаст письменную жалобу, которую будет рассматривать комитет. Мы можем запросить слушание или судебное разбирательство. Все, что ты мне скажешь, будет самой глубокой тайной. Я буду стараться давать тебе как можно более правильные советы.

«Однако ты не желаешь следовать моим указаниям».

– Я твой адвокат, а не слуга. Ты готов настаивать на тщательном разбирательстве?

«Если это полезно Миру».

– Хорошо. Сегодня вечером на заседании комитета я буду говорить от твоего лица.

Я начал собирать бумаги: мне еще предстояли ремонтные работы, а потом – встреча с внуками.

«Апельсиновые деревья надо срубить, – напомнил он мне. – Всю рощу».

– Да. Мы были заняты, но мы не забыли. Древесину надо пустить на памятник, но мы пока не решили, как именно. У тебя есть предложения?

Никакого ответа.

Я встал.

– Тогда до заседания. Воды и солнца.

Он не ответил мне обычным пожеланием тепла и пищи. Мне следовало обидеться или встревожиться?

* * *

Когда я был мальчишкой, то однажды принялся вытаптывать ростки радужного бамбука – без всякой причины, просто из мальчишеского озорства, когда что-то портишь просто потому, что это можно испортить. Потому что в том возрасте для меня почти все было новым. Потому что в том возрасте вытаптывание растения представлялось подходящим способом утвердить свою власть над окружающей средой.

Сильвия меня увидела и взяла на руки. Ее лицо – тогда она была того же возраста, что я сейчас, – показалось мне невообразимо старым… И оно было невообразимо грустным.

– Радужный бамбук – наш друг, – сказала она. – Мы дружим со многими растениями, но он – наш особый друг. Ты знаешь, что он может с нами разговаривать?

Я успел заметить, какой это вызвало ажиотаж. Я кивнул, не решаясь говорить.

– Как ты думаешь, что он мог бы сказать? – Она спустила меня на землю и сделала вид, что собирается наступить мне на ногу. – «Ой, нет, ты меня топчешь!» Ты должен думать о том, что делаешь. Иначе ты можешь случайно сделать больно своим друзьям. Мы все должны помогать друг другу. Если мы делаем что-то плохое друг другу, мы делаем плохо и себе тоже.

– Прости! – прорыдал я.

– Это надо сказать бамбуку, – сказала она и повела меня к главным воротам, где листья на высоких стволах все еще хранили радугу красок, а стволы возвышались надо мной, словно великаны.

Я знал, что бамбук заполнил город и немалую часть земли вокруг него. Я снова прорыдал, что мне стыдно, очень стыдно, – но в то же время не мог понять, как нечто столь маленькое (я) может быть важным для чего-то настолько большого. Все равно, как если бы я особо интересовался каждой гусеницей на полях.

И все же Сильвия была уверена в том, что бамбук интересуется мной лично, и потому я поверил, что это так, – а еще перестал специально наступать на гусениц, потому что они полезны для почвы, а значит, они тоже наши друзья. Сейчас же

мы со Стивлендом были гражданами с равными правами – в соответствии с Конституцией. Маленький мальчик, ставший мужчиной, защищал его так же, как когда-то Сильвия.

Но теперь я понимал, почему у Сильвии было такое грустное лицо, – и это не было связано со Стивлендом.

А что до меня, то как мне принять то, что Сосна отказалась спасать Люсиль и Мари? Агрессивная, самоуверенная, неблагоразумная – вот какой была Сосна, и это не в обычаях Мира. Мне нужно победить ее по-мирянски: мирно, правильно, разумно… и в ближайшее время.

* * *

Сосна не пришла в Дом Собраний к началу заседания, но у нас все равно было много дел до ее пункта в повестке дня.

Даже в обычные времена председателем собрания был ко-модератор со стороны людей. Сейчас вести собрание вызвалась Вайолет, глава клуба философов: переменчивая моложавая Зеленка, фермер со слишком изящной челюстью и нависшими густыми, окрашенными в зеленый цвет бровями. Ее непревзойденным умением было выращивание необычных кактусов. Она держала их на привязи в саду вокруг главной площади и располагала по цвету, форме, размеру, возрасту или виду, как ей в тот момент хотелось, а желания ее менялись часто. Бо́льшая часть кактусов нападение пережила.

Если бы мне не нужно было защищать Стивленда, я бы вызвался председательствовать. Я предупредил Вайолет о том, чего от меня следует ожидать, чтобы она смогла провести эту часть заседания должным образом. Если что-то пойдет не так, меня она винить не сможет.

Я сидел за столом комитета рядом со Стивлендом, готовясь представлять его интересы. Видеть-Ты устроилась на скамье у стены, и Най объяснял ей происходящее. Кое-кто считал, что она уже должна была бы получить место в комитете, миновав все этапы признания гражданства, однако не все принимали во внимание Конституцию. Она заслужит это место со временем – если стекловары действительно разделяют цели Содружества. Возможно, это и так, однако все следует рассматривать как положено. Стивленд проявлял себя в течение жизни нескольких поколений.

Вайолет открыла заседание.

– Все начинает налаживаться, правда? Это то, что нам нужно.

Однако она теребила воротник, что для нее нехарактерно.

И никто не болтал во время открытия собрания – все мрачно молчали. Обычно несколько граждан приходили с проблемами или жалобами относительно распределения в рабочую группу, какого-либо мероприятия или объема, но я знал, что Бусины пришли присутствовать при том, как Сосна подаст свою жалобу. Тем не менее свободных мест в Доме Собраний оставалось много: у большинства было слишком много работы или не хватало моральных сил присутствовать при споре, а некоторые члены Зеленого поколения призывали не участвовать в голосовании в знак протеста против иска Сосны. Такой раздор между Зеленками и Бусинами был в порядке вещей, и, будучи сам Зеленкой, я бы тоже предпочел быть где угодно, но не здесь.

Доклад лесорубов: дрова наколоты с расчетом на ближайшие три дня.

– Завтра будем рубить апельсиновые деревья, – напомнил старый главный лесоруб. – Команда приглашает добровольцев.

– А у кого есть время? – прошептал кто-то.

– Жаль, что Гарри умер, – сказала Вайолет, игнорируя шепот. – Он смог бы создать подобающий мемориал. Хотя не знаю… надо ли делать его из древесины апельсинов? Это похоже на злорадство.

– Злоба вполне уместна, – отозвался кто-то из Бусин.

– Это не по-мирянски, – откликнулся Зеленка.

– Давайте будем тактичнее, – укорила их Вайолет.

– А я думала, ты стремишься к нормальности! – вставила Хатор.

Кто-то захихикал.

Присутствующие начали тихо переговариваться. У Сосны были сторонники – такие же отвратительные, как она сама.

Фипп-мастер доложил: две команды котов завтра будут готовы. Одна команда сможет помочь с апельсиновыми деревьями, если там найдется кошачья задача, а она была: выкапывание ям.

Повара доложили: потребности в питании у стекловаров и людей достаточно схожи, так что проблемы будут минимальными.

– На завтра – тушеные трилобиты, потому что из-за разлива легко удалось набрать их в большом количестве, так что нагуливайте аппетит.

– И это нормально, – пошутила Хатор, потому что кому на самом деле нравятся трилобиты?

Опять бормотанье, но присутствующие шикнули на недовольных, потому что по крайней мере еды хватало. Кто-то сказал:

– Я все еще так переживаю, что ничего есть не могу.

Еще доклады: раны заживают, некоторые посадки возобновлены, срочный ремонт идет. Стекловары присоединяются к рабочим командам, неуверенные шаги к восстановлению… Но Стивленд хранил непривычное молчание, которое Вайолет игнорировала.

И Сосны все еще не было.

– А как дела у стекловаров? – спросила Вайолет со странной улыбкой.

Похоже, Видеть-Ты знала, что следует ожидать вопросов: не дожидаясь перевода Ная, она просвистела и прощелкала ответ, и что-то в сказанном напомнило мне о том, как той долгой ночью царицы спорили в Доме Собраний, но их голоса не могли заглушить вопли с улицы – тогда у меня на глаза навернулись слезы. От страха? Или от той ужасной вони, которая исходила от стекловаров, от запаха страха. Мы все были перепуганы, но я должен был делать вид, что не боюсь. Должен…

Я должен быть внимательнее. Я в Доме Собраний, но сейчас уже другая ночь, и я больше не перепуган. Но я устал, очень устал…

– Мы хотели бы возобновить уроки языка, – повторил Най за Видеть-Ты. – Мы хотим как можно скорее стать частью города.

Кое-кто закивал. Возможно, вскоре их голоса станут привычным звуком – и мне хотелось этого… наверное, даже больше, чем Вайолет.

И тут появилась хромая Сосна и уселась в переднем ряду, сжимая в руке лист бумаги. Она пошепталась с Хатор и Форрестом – близнецами Поколения 4. Я мог бы даже их подслушать, если бы все остальные не начали перешептываться – о ней.

– Какое у нее право?

– Пора уже!

– Смелее!

И еще:

– Она плохо выглядит.

Что было правдой. И:

– А как насчет Стивленда?

У Сосны было странное выражение лица: то ли гнев, то ли печаль, а может, даже страх. Или боль. Сироты напали на нее с терками из вискозной мастерской, превратив ее кожу в лохмотья. В качестве траурного наряда она надела просторное выношенное платье, сменившее ее привычные брюки и майки, обтрепанный шарф, прикрывавший повязки, и множество ниток бус: выщербленных, сломанных, выцветших и даже обугленных.

Вайолет постучала ногтями по столу и нахмурилась. Как это ни удивительно, но перешептывания прекратились.

– Еще есть доклады?

Они были: от охотников, пекарей, относительно детских занятий, оценка ущерба от весеннего разлива и прогноз погоды. Наконец наступило время новых вопросов. Вайолет дала слово Сосне, и та встала.

– Я предлагаю вывести Стивленда из ко-модераторов, – почти прошептала она.

Это была не та Сосна, что три дня назад, когда заявляла, что хороших стекловаров не существует, что она должна возглавить оборону и что нам надо контролировать Стивленда. «Мы умеем сражаться и должны сражаться!»

Я тряхнул головой, чтобы сосредоточиться.

– У меня официальная жалоба. Вайолет велела подготовить.

Она начала упрямо зачитывать: «Стивленда следует немедленно снять с поста. Он не следует духу Содружества. У него для Мира иные цели. Он не понимает человеческую культуру. Он на нас паразитирует, мутуализм – это ложь. Он способен управлять нами с помощью различных веществ, и он это делает, потому что считает себя выше нас и нам не доверяет. Он лжет, и у него есть тайны от нас. – Она помолчала, скрипнув зубами. – Он робок и терпелив, потому что укоренен на одном месте. В результате его ошибок у нас жертвы и разрушения. Он слишком силен, чтобы его можно было контролировать. Его следует снять с поста и лишить гражданства».

Она осмотрела зал, сузив глаза. На стволе Стивленда ничего не появилось. Никто ничего не сказал, но люди обменивались взглядами, безмолвно обсуждая услышанное. Для кого-то она была истинным воином. Для кого-то – нарушителем спокойствия или того хуже.

Я встал. Мне хотелось сказать, что Конституция не предусматривает лишения гражданства, что ее жалобы противоречат сами себе и заставляют нас тратить время, когда нас ждут важные дела, – и прежде всего, что она винит Стивленда в собственных проступках. Когда он горел, она сказала, что Стивленда еще очень много, словно причинение ему ущерба не имеет никакого значения, а уж что до Люсиль и Мари…

Заставив себя оставаться спокойным, я сказал:

– Я буду говорить от лица Стивленда. Он хочет иметь возможность официального опровержения и желал бы, чтобы и жалоба, и его ответ были оценены комитетом и жителями Мира. Эта жалоба заслуживает внимательнейшего рассмотрения. Это процесс небыстрый и непростой, и мы призываем комитет не

спешить.

Я вдруг заметил, что Видеть-Ты ушла. Когда? Почему?

– Он хочет потянуть время, – возмутилась Сосна. – Надо снять Стивленда немедленно. Он не годится на роль модератора. Он должен подать в отставку и избавить нас от лишних хлопот.

– Но он ничего не делает, – возразил старый охотник Орион, указывая на пустой ствол для разговоров. – Нет причин тревожиться из-за того, чего нет.

– Откуда тебе знать, что он делает? – парировала она. – И стекловары – им здесь не место. Они пытались нас убить и снова попытаются, и они едят наши лучшие продукты. Надо их изгнать!

Несколько Бусин зааплодировали. Это было позорно.

К счастью, тут Маргарита взорвалась.

– Изгнать? – Она встала и умоляюще вытянула руки. – Это было бы трагично. И после стольких трагедий, как нам вынести новые? Стивленд настолько вымотан случившимся, что еле может говорить. – Она начала плакать – как всегда, чтобы усилить театральный эффект. – Стекловаров не следует прогонять! Мы столько добивались мира – и теперь он у нас есть!

– Сосна была права насчет стекловаров, – заявил один из Бусин.

– Только насчет сирот, – возразил кто-то из Зеленок. – А они уже все мертвы.

Вайолет следовало бы призвать всех к порядку, но она продолжала сидеть, чего-то дожидаясь. Снаружи задул ветер, постепенно превратившийся в негромкое пение, полное свистков и жужжания. Звуков стекловаров. Что они делают? Там, на улице, суетясь, словно сироты, готовящиеся к нападению? Но ведь царицы хотят мира – они достаточно сообразительны, чтобы понять: без нас им не выжить. Мы можем доверять царицам. Но что они делают?

Казалось, Маргарита шума не замечает.

– Ах, как Сосна могла о таком даже подумать? Это наши друзья!

– Они не граждане, – сказала Сосна. – Так что мы можем делать, что захотим.

Орион склонил голову набок, а потом стукнул Карла по плечу и подал какие-то знаки пальцами (так охотники привыкли переговариваться). Най и Вайолет обменялись чуть заметными улыбками. К пению начали прислушиваться и остальные.

Сосна не слушала. Она воскликнула:

– Мир! Разговоры! Такие, как вы, будут тянуть и тянуть, пока снова не произойдет нечто ужасное. «Давайте их одомашним!» И видите, что случилось?

Звуки на улице стали громче, превратились в мелодию, распались на многоголосие.

– Стекловары! – объявил Орион.

Они пели – но не те ужасные песни, которыми нас донимали. Это оказалась милая колыбельная старого дядюшки Хиггинса. Она окружила Дом Собраний: часть певцов оказалась с западной стороны, часть – у северной пристройки, и они непрерывно двигались и менялись. Сосна начала дико озираться. Вайолет закрыла глаза и выгнула брови, словно задремав. Най нахмурился, сосредотачиваясь.

Мелодия распалась на новые голоса и стала громче – колыбельная о тихом снегопаде, которая убаюкивала всех нас в детстве, но она напомнила мне о барабанах и ночном пении, о безрезультатных попытках уснуть во время осады. Тогда шум, поднятый стекловарами, заставлял меня бодрствовать и часами тревожно думать о том, насколько хуже все может стать…

Но сейчас я не сплю, я в Доме Собраний. Я так сильно сжал стило, что тростниковый наконечник обломился.

Песня закончилась в обратном порядке: многоголосие сливалось и перестраивалось, а потом мелодия растаяла в шуме ветра.

– Это было прекрасно, – сказала Вайолет.

Сосна смотрела в пол. Хатор с Форрестом обменивались тычками, поджав губы. Орион сидел неподвижно и улыбался. Я рассматривал царапину, оставленную обломком.

Вошли стекловары: царицы провели свои семьи по центральному проходу.

– Это было прекрасно, – повторила Вайолет.

Все захлопали – кроме Сосны и ее сторонников, конечно. Ствол Стивленда оставался пустым. Царицы опустились на все четыре колена и опустили головы, и их семьи повторили их позу. В воздухе запахло розами.

Сосна спросила:

– И что это было?

– Полно, Сосна, – сказала Маргарита. Она уже осушила слезы.

– Стекловары поют в честь наших погибших, – объявил Най. – Голоса расходятся, обозначая уходящие жизни, а потом воссоединяются, показывая, что эти жизни становятся дорогими воспоминаниями. Они выражают свое соболезнование и благодарность за… за все, за возможность снова жить в городе.

– Это было прекрасно, – повторила Вайолет в третий раз. – От лица всех благодарю вас. И тебе спасибо, Най. – Она обвела всех взглядом. – Еще что-то? Похоже, нет.

– Моя жалоба! – напомнила Сосна. – Но вы не станете ее

рассматривать. Нам же надо быть милыми со Стивлендом, надо ему потакать, надо с ним считаться, потому что…

– Потому что без него наши шансы на выживание были бы такими же, как у стекловаров! – отрезала Маргарита. – Ну как ты этого не видишь?

Вайолет обвела взглядом членов комитета.

– Комитет принимает жалобу, верно?

Возражений не было. К сожалению, по техническим причинам их и не могло быть.

Она посмотрела на ствол Стивленда – все такой же пустой – и сказала что-то еще, но за шумом я не расслышал: у всех нашлось что сказать про заседание, музыку или Стивленда. Песня стекловаров мало кого заставила изменить свое мнение.

* * *

Я навестил Стивленда следующим утром, захватив с собой краснопсовый чай, хлеб и кусок его плода. Мне нездоровилось, несмотря на то, что спал я хорошо – или, точнее, мне показалось, что спал я хорошо. Он начал разговор еще до того, как я успел сесть.

«В последние несколько дней я провел немало времени за размышлениями – именно поэтому молчал. Я попытался подражать человеческому бытию, изолировав рощи для того, чтобы испытать вашу точку зрения, хотя изоляция моей точки зрения в корне юмора дало прозрения сомнительной пользы».

– Я рад, что тебе лучше.

Да уж, ему пора было заговорить.

«Мир преподносит немало сюрпризов мелким индивидам, потому что сконцентрированное самосознание в высокой степени чувственное. Вчерашнее пение стекловаров вызвало эмоциональные изменения в моей изолированной роще. Как отреагировал ты?»

– Я… вспомнил иную их музыку.

Психотерапевты сказали, что горе вызывает эмоциональную нестабильность.

«Красота объединяет стекловаров, людей и меня. Красота их архитектуры и музыки показывает, что в нашем восприятии мира сходства больше, чем различий. Это сходство делает наш мутуализм радостным и приносящим удовлетворение».

Я поискал взглядом стило и бумагу.

– Давай я запишу это для нашего ответа.

«Нам следует принимать участие в прекрасном друг друга. Я

выскажу комитету просьбу. Во время нападения сирот я выявил потребность в издавании предупреждающих звуков. Я бы хотел иметь голос – возможно, даже способность петь».

Поющее растение!

«Мой корень юмора подсказывает, что я становлюсь все более похожим на животное».

А если он снова загорится, то сможет орать. Я постарался о таком не думать.

«Ты был прав, не позволив мне подать в отставку. В жалобе говорится, что я терпелив и робок, потому что укоренен на одном месте, но я способен действовать агрессивно. Более того, я – доминантный вид, и в моей природе заложено доминирование. Каждому из нас требуется быть тем, кто мы есть, возможно – быть чем-то большим, чем мы есть. Если мы верны себе, то позволяем нашим лучшим качествам расцветать».

Пекарь похвастался, что утренний хлеб был приготовлен подмастерьем-стекловаром с начала до конца. Я откусил кусок – мягче не бывает.

– Значит, ты не уйдешь в отставку?

Это хорошо. Значительная перемена. На самом деле даже тревожно, что он изменился настолько быстро.

«Я был неправ, желая отказаться от своих полномочий, и жалоба Сосны помогла мне это яснее осознать. Ради жителей Мира я должен делать все, на что способен. У нее телесные и психические травмы, но скарлатины мозга нет. Я проверил, когда ее лечили в клинике. С Сосной можно установить дружеские отношения, если применить мутуализм достаточно жестко».

– По-моему, она не хочет дружбы с тобой. И я считаю, что она – серьезная проблема. У нее есть сторонники.

«Установление дружеских отношений не предполагает эмоциональной совместимости, а всего лишь устранение ее потребности сражаться. Она – ценный член Содружества, и нам следует направить ее агрессию в нужном направлении – например, на угрозу экологии. Она обеспечила командование в решающие моменты, несмотря на недавние промахи».

– Знаешь, со вчерашнего дня твой настрой резко поменялся.

«Я изолировал эмоциональный дисбаланс в определенных рощах, так что каждая будет стремиться к равновесию, а мои основные операционные корни смогут заниматься насущными проблемами. Один дисбаланс мечтает о том, чтобы атаки сирот вообще не было, так что я вывел его в корни той рощи, которую сироты сожгли, где реальность наиболее неоспорима. Это разумно?»

– Наверное.

Только вот я не способен распределять чувства туда или сюда. Я уже давно в этом убедился.

«Однако я по-прежнему печалюсь. Хиггинс пел песню о вечнозеленом горе. Это хорошая метафора. Когда коралл убил твою жену, это было похоже на потерю руки или глаза?»

Мне не хотелось об этом говорить, но Стивленду нужна моя помощь, а это – моя работа.

– Да. Больше, чем руки или ноги. Я лишился нескольких десятилетий, нашего общего будущего.

«Разве ты не отрастил другой… поправка… не исцелился: ведь животное не может отрастить потерянную часть тела».

Я стоял на вершине утеса, когда с коралловых долин вернулась лодка – та, на которой Бесс уплыла вверх по течению. Команда вынесла ее с лодки: окоченевшее тело-бревно, завернутое в ее одеяло. Я с первого взгляда понял, что случилось. Я повернулся и убежал в город: все стало пустым.

– Нет, я просто приспособился. Не могу ее заменить.

«Пожалуйста, подробнее про замену».

Мне казалось, я выразился ясно.

– Некоторые меняют партнеров, как… как летучие мыши – места ночлега: одно ничем не хуже другого. Но Бесс… я не могу ее заменить. Не хочу ее заменять. Никто не будет такой, как она. Я просто продолжаю ее любить, хотя ее нет рядом.

После небольшой паузы он написал:

«Мы, растения, не впускаем коралл-охотник в наш лес, защищая вас, но долины контролировать не можем. Мне жаль, что Бесс умерла. Ее доброту ценили, и, наблюдая за ней, я многое узнал об этом понятии. Возможно, Сосна хочет сохранить врага именно так, как ты хочешь сохранить Бесс. Но я считаю, что лучше поддерживать любовь, а не ненависть. Это проще?»

– Да.

Бесс поцеловала меня и отправилась в путь, а в следующий раз я увидел ее лицо в погребальной корзине, и какое-то время мне казалось, что я прожил на день дольше, чем следовало, не догадываясь, насколько сильнее я буду любить ее после того, как потерял. Во время похорон Люсиль я впервые порадовался тому, что не отправился с Бесс вверх по течению и не видел, как она умирает.

– Да, она была добрая. Спасибо.

Однако насчет Сосны он ошибался. Враг снимал вину с нее – вот почему он был ей необходим.

Я проверил, под каким углом свет проходит сквозь крышу.

– Мне надо бы пойти помогать с апельсиновыми деревьями. Воды и солнца.

«Эти деревья – враги. Я сожалею о новых убийствах, но надеюсь, это будет концом избиений. Кароб поможет. Тепла и пищи».

* * *

Старший лесоруб, Эразм, оценил рабочую команду добровольцев: около двадцати человек плюс дюжина котов, развлекающихся игрой в чехарду, – большая команда, если смотреть с точки зрения других необходимых дел, но маленькая, если учесть, насколько люди возненавидели апельсиновые деревья. Эразм был из Поколения 4, крепкий и квадратный, как кирпич, хотя жидкая бороденка и седой венчик волос заставляли его казаться слабым.

Он одобрительно кивнул и повернулся, чтобы оценить апельсиновую рощу – заросли тонких гибких стволов, не способных выдерживать большой вес. Из-за этого каждая ветка выпускала воздушный корень, который со временем превращался в очередной ствол. Крупные зеленые листья с черными прожилками создавали впечатление темноты и массивности, а стволы и ветки были усеяны колючками, похожими на наконечники стрел.

Деревья-уроды. Деревья-преступники. Еще одна возможность сразиться с сиротами и победить, используя обычную рабочую команду мирян. Эмоционально заряженную команду. Команду, готовую завершить те разрушения, которые начали сироты. Одна из женщин уже шмыгала носом.

– Дела вот какие, – сказал Эразм. – Предположим, мы начнем рубить с одной стороны и пройдем ствол до конца. Дерево накренится и рухнет на дровосека. Придется рубить не только стволы, но и ветки, что проще сказать, чем сделать, – из-за колючек. Нам понадобятся лестницы. Вот почему мы редко берем апельсины. Вот каробы рубить одно удовольствие. И к тому же они нам в этом помогают.

– Почему бы нам их не сжечь? – предложил отец Фабио, погрузившийся в свое горе. Он сжимал в руке топор и поглаживал его, мечтая об еще более жестоких вещах. Он повернулся ко мне. – Твоего сына тоже убили. Что скажешь?

– Я здесь ради справедливости, – ответил я.

Огонь… я старался не вспоминать про огонь.

– Огонь, – сказал Эразм. – Неплохая идея, и твое чувство мне нравится. Вот только пожар повредит и другим деревьям вроде того конскохвостого рядом с апельсинами, вон тех сосен – и даже

этих дружественных пальмочек. Нет, это было бы неправильно. Но мысль хорошая.

Люди закивали. Это было бы не по-мирянски.

Рядом со мной стоял Петр. За последний год пушок у него на верхней губе потемнел. Он любил Люсиль – и был бы слепцом, если бы не полюбил ее, единственную взрослую женщину из Поколения 7. Она была его будущим – и погибла у него на глазах. Сможет ли он исцелиться, сможет ли ее заменить? Если я заговорю с ним про Бесс, поймет ли он?

– Ты покрасил лицо в зеленый цвет, чтобы походить на Люсиль? – спросил я.

Он отвел взгляд, трогая что-то у себя в карманах.

– Нет. – Но тут же, громче, но не более твердо, почти пронзительно: – Да.

– Это – хороший жест, – сказал я.

Он кивнул и попытался улыбнуться – без всякого успеха.

Возможно, мы могли бы спасти Люсиль. Надо ли ему об этом знать? Сосна отказалась действовать, но потом прибежали миряне, бились, почти победили… Почти. Если бы бой начался на минуту раньше, то, может… Нет. У сирот уже был ацетон, они уже решили сжечь женщин, чтобы нас отвлечь.

Только вот Сосна об этом не знала. Могу ли я ее простить? Будет ли это на пользу Миру? Будет ли это справедливо?

Петр неожиданно меня обнял.

– Береги себя! – сказал он, словно это мне нужна была забота.

Он повернулся и ушел по тропе, просвистев нечто вроде стекловского, – и за ним пошли два основных стекловара. Они принесут саженцы каробов, чтобы посадить вместо апельсинов, и каробы станут выискивать и убивать остатки корней апельсинов.

Мы принесли лестницы и принялись за работу, срубая по одному дереву. Я удерживал лестницу для отца Фабио и старался, чтобы она не шаталась, но он работал одержимо, с широкими замахами, в которых силы было больше, чем точности, и чуть не слетал с лестницы, хотя, похоже, этого не замечал. Он и не мог это замечать. Он шел в атаку в своем личном сражении, и мог ли я не сочувствовать ему в потере сына? Морщинки у его глаз заполнялись то ли слезами, то ли потом. Я старался стоять твердо и следить за его замахами, чтобы знать, когда следует напрячься. Я слушал ритмичные удары других топоров и хруст и треск живого дерева, поддающегося неуклонному напору, и шмыганье, и рыдания, и безжалостную расчистку места для добрых деревьев.

Отец Фабио замахнулся топором на очередную ветку. Так рубил бы стекловар, поворачивая топор или дубинку в длинной жилистой руке. Вокруг меня топоры вспарывали яркую

апельсиновую древесину, чересчур похожую на кровавое мясо. Наутро после боя мы нашли тело Освальда: ему раскроили голову и бросили в чертополохи. В тот день было столько мертвых, что у нас не хватило погребальных корзин и мы закапывали их, положив прямо в землю.

– Ты как? Бартоломью, ты как?

Ко мне обращался отец Фабио.

– Нормально. Все хорошо.

– Не хочешь сам порубить?

– Нет. Спасибо. Я лучше тут буду.

Но нахожусь ли я там, где должен быть?

Сражение закончилось. Мы победили, сирот больше нет, а выжившие стекловары против нас не пойдут. А вот Сосна готова пойти против них – и тогда стекловары потеряют последний шанс выжить. У меня есть дела поважнее убийства деревьев.

* * *

Я заглянул на кухню и в несколько мастерских, а обнаружил Сосну в Доме Собраний. Все двери были зафиксированы в открытом состоянии.

«Я рад возможности с тобой поговорить», – уже объявил ствол Стивленда, когда я вошел.

Видимо, это было адресовано Сосне. Она оторвалась от свода законов.

– Не закрывай двери, – потребовала она у меня. – Я не желаю, чтобы Стивленд ввел в воздух что-то, чтобы мной управлять. Только комитет может проголосовать за отстранения модератора, так? Но модераторов выбирают голосованием. За них голосуем мы все. Почему нельзя его отстранить общим голосованием? Ведь в случае с Верой было именно так, правильно?

Я сел за стол напротив нее. Отнять у нее необходимость сражаться – так сказал Стивленд. Нет, отнять надо способность, вот так. Я не знал, с чего начать, но сейчас как раз подходящий момент – и не тот момент, когда можно поддаваться усталости или отвлекаться.

– Мы все способны считать, – ответил я ей. – Комитет поддерживает Стивленда и стекловаров. И большинство граждан также их поддерживает. Ты проиграла бы при голосовании.

– При небольшом перевесе голосов, – заявила она, после чего повернулась к Стивленду: – Ты ведь именно этого хочешь, да? Ты побеждаешь, мы все проигрываем. Ты остаешься властвовать.

«Я не хочу с тобой сражаться, – ответил он. – Я прощаю тебе

то, что ты позволила Люсиль умереть».

Она густо покраснела и открыла рот, ощерив зубы и готовясь бурно протестовать.

Я не дал ей такой возможности. Первое правило спора – это сделать спор своим.

– Нет, Стивленд, ты ее не простишь.

«Ты не можешь мне указывать».

– Я могу тебе указывать, что тебе следует делать. Во-первых, прощение – это не настолько просто. А во-вторых, она прощения не ищет.

– Оно мне не нужно! – бросила она.

В Дом Собраний заглянуло несколько человек, привлеченных громким спором. Они не были уверены, следует ли им слушать. Я адресовал им кивок, приглашая остаться. Мне понадобятся свидетели… если я придумаю, что делать.

«Я могу простить, – написал Стивленд, – потому что убийства мне понятны. Я не желал заставлять Сильвию убивать Веру – но я это сделал».

– Сильвия сделала это в старом поселке, – возразил я. – Ты в этом не участвовал.

Два человека уже сидели на скамьях ближе к нам. Еще несколько держались чуть дальше, а кто-то выглянул на улицу, жестами приглашая людей заходить.

«Реальные события – это секрет, передававшийся от модератора к модератору, – напомнил Стивленд. – Ты не модератор и потому не знаешь».

Я махнул на секретер с документами.

– Все факты в старых дневниках, и читать их может любой.

Тот журнал вела регистратор по имени Николетта.

«Нож, которым Сильвия убила Веру, у меня, – откликнулся Стивленд. – Люсиль сказала мне, что Сильвия ее убила, и Люсиль простила меня, потому что я не хотел заставлять ее убивать. Следовательно, я могу прощать других».

– О чем вы? – вопросила Сосна.

Разместившиеся на скамьях (а их стало уже намного больше) явно недоумевали.

Я попытался разобраться в его логике и эмоциях, но мне не удалось это сделать.

– Сейчас достану тот дневник. Где нож, Стивленд?

«Под плиткой пола рядом со шкатулкой Гарри с вальсом. Он стальной – и он с Земли. Его передавали от модератора модератору, но тайно».

Сосна быстро встала, прохромала к указанному месту и встала на колени, чтобы поднять камень. Я встал на стул и достал

второй журнал с кожаной обложкой, пропыленный. Я уже много месяцев в него не заглядывал. Сосна выпрямилась, держа нож вертикально, словно букет цветов, – блестящий серебристо-серый металлический клинок.

На скамьях сидели уже больше двадцати человек, и новые подтягивались очень быстро.

Я повернулся к Стивленду:

– Давай посмотрим, согласуется ли запись с той историей, которую передали тебе. Среди записей о рождениях, смертях и так далее есть абзац, написанный через пять лет после тех событий. Там говорится: «Родители знали про Радужный город, но считали, что радужный бамбук будет хуже снежной лианы. Сильвия и Джулиан… – По-моему, Джулиан был первым мужем Сильвии, – обнаружили город и захотели переселить колонию туда».

Пришел кое-кто из стекловаров. Сосна стояла рядом с перевернутой плиткой с ножом в руке, и с каждой минутой становилась все более похожей на себя прежнюю. Я продолжил, пытаясь одновременно говорить и думать:

– В записи сказано, что для того, чтобы подавить мысль о переселении, Вера, которая была модератором, подстроила убийства Джулиана и Октаво Законника, Сильвию схватили и изнасиловали, а нескольких человек избили. Завершается она так: «Сильвия убила Веру на похоронах Октаво и объявила себя модератором. Она была еще несовершеннолетней, всего лишь подростком. Это был бунт. Голосование было, но считали только голоса за Сильвию».

В помещении стояла такая тишина, словно оно было пустым.

– Стивленд, – спросил я, – ты знаешь эту историю именно в этом варианте?

«Я не знал, что Вера убивала других мирян. Это меняет виновность Сильвии».

– Вот именно. Сильвии пришлось защищаться. Однако у Сосны была возможность попытаться спасти Люсиль и Мари во время нападения сирот, а она этого не сделала.

– Это неправда! – воскликнула Сосна, размахивая ножом – возможно, не замечая этого. – Мы были в меньшинстве.

«Рассказ Бартоломью опять правдив, – сказал Стивленд. – Вы прятались в одной из моих рощ, так что я мог наблюдать. Как предложил в тот момент Бартоломью, тебе надо было просто создать отвлекающий момент, а ты ответила, что при этом тебя убьют. В тот момент я полагал, что ты испугалась».

– Я не боялась!

– Итак, – я снова взял инициативу и обратился к

слушателям, – чтобы простить, надо сначала понять, что произошло. Сильвия была в опасности и защищалась. Во время нападения сирот Люсиль и Мари нужна была помощь, а Сосна ничего не стала делать. Если она не испугалась, то что ею двигало?

– Я…

Она уставилась на нож у себя в руке.

Люди уже не просто перешептывались. Появилась Вайолет, и я посмотрел в ее сторону, надеясь, что она поймет: необходимо навести порядок. Она прошла вперед, повернулась ко всем и заявила:

– Мы тут подслушиваем. Давайте слушать молча.

Распоряжение противоречило фактам, потому что я напрямую обращался к слушателям, но оно почему-то сработало.

– Если ты не боялась, – надавил я, – то что это было? У нас две модели поведения. Сильвия действовала во благо Мира. Вера действовала, чтобы удержать власть. Допуская смерть Люсиль и Мари, ты не помогала Миру – но ты давно считала, что это ты должна быть модератором. Смерть Люсиль должна была стать для тебя ступенью к получению поста модератора, немного похоже на Сильвию, но…

– Нет! Я не хотела, чтобы она умерла. Я… я испугалась. Да. Я боялась стекловаров. И я была права. Смотрите, что они сделали. Люсиль не знала, как защитить город. Они ее поймали и убили. Мари делала ошибки с самого начала посольской миссии. Стивленд… он не знал, что делать.

«Я допустил много ошибок», – признал Стивленд.

Я не хотел, чтобы он начал их перечислять.

– Значит, ты испугалась. А все мы не испугались бы? Мы можем простить поступки, которые сами могли бы совершить. Многим в ту ночь было страшно, многие медлили, и мы все совершали ошибки: кто-то – серьезные, кто-то – мелкие. Некоторые роли не играли. Могли ли мы спасти Люсиль и Мари? У сирот уже был ацетон – и они намеревались его использовать. Сосна могла попытаться их спасти, но у нее не получилось бы.

Она быстро перевела взгляд на меня.

– Люсиль все равно погибла бы?

В ее голосе прозвучало облегчение… наверное. Это все меняло бы. Но мне следовало это уточнить.

– Ты считала, что она погибла потому, что ты бездействовала.

– Сирот было так много! Я не знала, чем они вооружены. Я… – Она замолчала и посмотрела на нож, на пол. – Я не знала, что делать. Притворялась храброй, делала вид, что мне все равно. Я… Но ты сказал, что я не смогла бы их спасти! Люсиль мне не

нравилась, но она была модератором! Я хотела ее спасти. Правда, хотела, я…

У нее закончились слова.

– Понимаю, – сказал я. – Ты промедлила из страха. Такую ошибку мог бы сделать любой из нас.

Она кивнула, так и не подняв глаз. Мои чувства медленно менялись, но я все это устроил не ради улучшения собственного настроя. Люди снова начали переговариваться, что было хорошим знаком.

– Ты испугалась и промедлила, – еще раз подвел я итог, чтобы все поняли. – Будь ситуация иной, Люсиль и Мари погибли бы из-за того, что ты бездействовала, но в данном случае их смерть была предопределена. – Я повернулся к Вайолет, сидевшей в первом ряду: – Что будем делать?

Она заморгала.

– Это – не настоящее собрание, так что мы ничего не можем делать. Надо будет все это обдумать.

– Давайте вернемся к работе, – предложила Хатор с отвращением.

Сможет ли она простить Сосну? Нет, они с Форрестом никогда никого не прощали. Люди встали и начали расходиться.

Сосна швырнула нож на стол и заковыляла к выходу, но потом оглянулась на меня, не такая самодовольная, как обычно, – может, даже пристыженная. Не рвущаяся убивать. Она не стала мне симпатичнее, но это уже не имеет значения. Страх я простить мог. Она ушла.

Я сел за стол и уставился на разговорный ствол Стивленда: сейчас он пустовал. Он сказал, что хочет обрести голос. Он хотел лишить Сосну способности воевать. Он захотел понять, что такое горе. Он хотел вернуть себе равновесие.

К столу подошли мои собратья-Зеленки.

– Спасибо тебе, – сказал один из них.

– Это очень поможет, – добавил другой.

Они не торжествовали. Ну и хорошо.

– Это надо было сделать, – сказал я.

– И ты никого не задел, – подхватил еще кто-то. – Так и надо.

Я смотрел на них, старых друзей, близких в радости и горе и в том, что было сейчас, – наверное, в неглубоком удовлетворении.

– Будем ужинать после заката Света. Увидимся?

Я кивнул. Один из них похлопал меня по плечу, и они ушли. Осталась одна только Вайолет. Она прошла к перевернутой плитке пола и стала возвращать ее на место.

– Стивленд, – спросил я, – что будем делать с этим ножом?

Он ответил не сразу, и на секунду я испугался, что из-за меня

он снова замкнется в молчании, но он все-таки ответил:

«Полагаю, ему место в музее. Ты был прав, не разрешив мне прощать. Это сложнее, чем мне казалось. Я пытался уравновесить эмоции фактами, однако у меня плохо получается взвешивать эмоции».

– У нас тоже, – утешил я его. – Даже наши собственные эмоции. Иногда со временем они обретают дополнительный вес или теряют его.

Мне внезапно вспомнился запах трюфеля в Доме Собраний, когда мы той долгой ночью успокаивали стекловаров – и Осберта, моего сына, не видно было нигде, но мы все без слов понимали, что случилось с часовыми на стене – и что может случиться с нами.

– Тебе надо бы отдохнуть. – Вайолет села и взяла меня за руку. – Знаешь, ты мог бы стать модератором.

Я попытался представить себе Сильвию девчонкой. Только что выбранным несовершеннолетним модератором. Той, кто хотела не просто выживать. Но ведь Родители явно хотели того же, судя по целям, записанным в Конституции: стремление к радости, любви, красоте и содружеству. Они решили, что для их достижения им надо покинуть Землю. Были ли они правы?

– Стивленд хочет петь, – сообщил я.

Вайолет выгнула свои внушительные брови.

Я попытался представить себе Землю – и не смог. Я попытался представить себе, что пишу историю Мира… но мне уже не удастся узнать очень многого. Слишком многого.

Тем не менее это необходимо было сделать. Я мог бы начать с того, что знаю и что смогу выяснить, чтобы наша история осталась жить, чтобы мы смогли понять, кто мы на самом деле. Наше будущее тоже станет открытием – или, если мы поймем, как пришли к этому моменту, оно станет выбором.

Я встал. Пора возвращаться к работе. К жизненным делам. К жизни, которая постепенно начнет казаться нормальной, хоть уже никогда и не станет прежней.

Вайолет тоже встала.

– Смотри, что я нашла.

Она протянула мне ячеистую корзиночку, а в ней парил кактус размером с ноготь большого пальца, небесно-голубой снизу и коричнево-зеленый сверху, щетинящийся длинными белыми колючками.

– Это Astrophytum echinocactus caeruleus. – Она тщательно выговаривала латинское название. – Их много, и они вырастают большими, метр в диаметре, но они маскируются и летают высоко, так что мы редко их видим. У этого ростка возникла течь,

и он упал. Протечки могут приводить к смерти, знаешь ли.

«Протечки опасны из-за уязвимости перед хищниками, – объявил Стивленд. – Под твоей защитой он поправится».

– О, я буду о нем хорошо заботиться. Как обо всех моих кактусах. – Она взяла меня за руку. – Пойдем. Воды и солнца, Стивленд.

«Тепла и пищи».

Под солнцем, почти поднявшимся в зенит, город казался иным. Или я сам стал иным. Не таким травмированным. Дом рядом с Домом Собраний не пострадал при нападении, и его крыша сверкала. Я приостановился полюбоваться, и Вайолет задержалась со мной, оставив теплую ладонь у меня в руке.

Этот дом построили стекловары – и он был одним из немногих, которые пережили столетия и катастрофы без всяких повреждений. Эти стеклянные кирпичи они изготавливали с внутренними воздушными полостями, которые играли роль граней, – мы эту технику освоить не смогли. И потому, как и задумано, крыша сияла разными цветами. Я видел ее каждый день всю мою жизнь и часто ею восхищался. Дивился на нее и изнутри, и со стен. А вот теперь – снова с земли.

– Стивленд сказал, что красота – это связующее звено для всех нас, – сказал я. – Любовь к красоте для нас, для него и для стекловаров. Хватит ли этого?

– Это – одно звено, но, наверное, понадобятся и другие. Что мы имеем? – Она потянула меня за руку. – Что нас поддерживает? – Она провела меня мимо палисадника, он тоже остался нетронутым и был усеян цветами, которые со временем дадут плоды и семена. – Мы родом из другого места и пришли сюда. Обе наши расы. Нам всем захотелось быть здесь.

Она увела меня в направлении, противоположном главным воротам, где огонь повредил камни и Стивленда. Выбранная ею дорога избегала и других разрушений. Я вскоре понял, что ей это несложно. Мы повредили друг другу гораздо больше, чем нашему окружению.

– Стекловары тоже вели сельское хозяйство, – добавила она.

– Они уже сейчас хорошо помогают на полях, эти стекловары. Они много всего делают. И технологии… у них были технологии! Они же собраны в музее, да? С этим они тоже могли бы нам помочь.

– Похоже, они мало что помнят, – сказал я. – Но у них тоже есть история.

Она есть – и ее не следует забывать. Я об этом позабочусь. У меня появился еще один проект. Или, вернее, проект был все тот же, но заметно увеличился – и он мог бы еще больше нас

объединить.

Мы свернули за угол и приостановились, пропуская людей, возвращающихся с работы, – они все еще были в старой одежде, но кое у кого уже можно было заметить новый шарф или нитку бус. Какой-то мужчина сказал что-то, нам не слышное, и все вокруг него засмеялись.

Вайолет приподняла свой пойманный кактус:

– Надо пойти и пристроить его рядом с остальными.

– Мне нужно изготовить кое-какие инструменты, – сказал я, внезапно кое-что поняв. – Нужны инструменты, рассчитанные именно на стекловаров. Более короткие ручки, и, может, вообще меньшего размера. Надо будет с ними это обсудить.

Я отпустил ее руку, собираясь идти в мастерскую за стеной, где было место для складирования бревен и досок. Мне надо будет идти через главные ворота… Я остановился. Нет. Туда я не пойду. Многие из нас так туда и не ходили. Пользовались западными воротами.

– Дойду с тобой до центральной площади, – решил я.

Оттуда я пройду через западные ворота и пойду по дуге вдоль стены. Но в конце дня я все-таки вернусь через главные ворота. Я увижу разрушения под другим ракурсом – а что-то уже будет отремонтировано. Новый ракурс и новая память.

Стивленд сказал, что в корнях у ворот его желание, чтобы этого вообще не было, боролось с реальностью. У меня такой проблемы не было.

Вокруг меня высились его яркие стволы с изящными листьями – изгибы ветвей повторяли линии крыш. У моих ног обнаружились черепки разбитой посуды. Мне предстоит написать длинную главу о встрече мирян и стекловаров. Однако это будет не последняя глава. И не самая длинная.

– Ты и правда считаешь, что я могу быть модератором? – спросил я у Вайолет.

Кто-то ведь должен этим заниматься, а я знал, что следует делать. Я видел, как другие это делали хорошо. А нож я оставлю в музее, и он больше не будет тайной.

Об авторе

Сью Берк много лет работала корреспондентом и редактором разных газет и журналов. Она окончила легендарные курсы писательского мастерства «Клэрион» и опубликовала более тридцати рассказов, а также перевела на английский язык целый ряд художественных произведений. Сейчас живет в Чикаго.